СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ

и

РЕВОЛЮЦІЯ.

335.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ

И

РЕВОЛЮЦІЯ.

801-15
791

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ ТОКВИЛЯ,

Члена Французской Академіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 4-ГО ИЗДАНІЯ, ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ИСПРАВЛЕННАГО,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **Н. Кондырева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

МУЗЕЙ * РУМЯНЦ. МУЗ. БИБЛІОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 31 марта 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

45319-0

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Книга, издаваемая мною теперь, не есть исторія Революціи, которая уже слишкомъ хорошо разработана, чтобы мнѣ, съ своей стороны, помышлять о новомъ трудѣ. Это изслѣдованіе внутреннихъ причинъ и хода революціи.

Французы сдѣлали въ 1789 году величайшее усиліе, чтобы разсѣчь, такъ сказать, на-двое свои судьбы, и положить цѣлую бездну между тѣмъ, чѣмъ они были до того времени и чѣмъ хотѣли быть впредь. Съ этой цѣлью они приняли всѣ возможныя предосторожности, чтобы ничего не внести изъ своего прошлаго въ свое новое положеніе; они подчинились всевозможнымъ стѣсненіямъ лишь-бы явиться отличными отъ своихъ отцевъ; словомъ ничего не упустили, что бы могло ихъ сдѣлать неузнанными.

Я всегда былъ того мнѣнія, что въ этомъ странномъ предпріятіи они успѣли гораздо менѣе, чѣмъ думали иностранцы и чѣмъ думали сперва сами французы. Я убѣдился, что сами того не подозрѣвая, они удержали отъ стараго порядка бо́льшую часть чувствованій, привычекъ и даже идей, при помощи которыхъ была ведена революція, разрушившая этотъ порядокъ и что, сами того не желая, они воспользовались его обломками, чтобы воздвигнуть зданіе новаго общества; такъ что, для истиннаго уразумѣнія Революціи и того, что она сдѣлала, необходимо забыть на время Францію, которую мы видимъ теперь, и обратиться съ разспросами къ той, которой уже нѣтъ.

Вотъ къ чему стремился я въ этомъ трудѣ; но достигнуть этого оказалось труднѣе нежели я могъ предполагать.

Первые вѣка монархіи, средніе вѣка, эпоха возрожденія повели къ громаднымъ работамъ и были предметомъ чрезвычайно подробныхъ изысканій, познакомившихъ насъ не только съ событіями тѣхъ временъ, но и съ законами, обычаями, духомъ правительства и народа въ эти различныя эпохи. Но до сихъ поръ никто не далъ себѣ труда такъ же подробно и близко разсмотрѣть восемнадцатое столѣтіе. Мы считаемъ себя очень хорошо знакомыми съ французскимъ обществомъ того времени потому, что ясно видимъ то, что блестѣло на его поверхности, потому что знаемъ до мелочей исторію знаменитыхъ дѣйствующихъ лицъ того времени, потому что остроумные и краснорѣчивые критики дали намъ возможность окончательно усвоить себѣ произведенія великихъ писателей, прославившихъ эту эпоху. Но что касается до самаго способа веденія дѣлъ; до истинной практики учрежденій; до отношеній сословій между собою; до положенія и чувствъ тѣхъ классовъ, которые еще не заявляли себя; до самой сущности мнѣній и нравовъ,—то наши понятія обо всемъ этомъ смутны и часто ошибочны.

Я имѣлъ цѣлью проникнуть до самаго сердца прежняго порядка, столь близкаго къ намъ по числу лѣтъ, но заслоненнаго отъ насъ Революціей.

Чтобы достичь этого, я не только перечиталъ знаменитыя произведенья XVIII вѣка, я захотѣлъ изслѣдовать многія сочиненія, менѣе извѣстныя, но которыя, будучи написаны съ меньшимъ искусствомъ, быть можетъ, еще лучше обнаруживаютъ истинные инстинкты времени. Я постарался изучить всѣ общественные акты, гдѣ французы, при приближеніи Революціи, могли заявить свои мнѣнія и симпатіи. Протоколы собраній сословій и провинціальныхъ собраній пролили мнѣ много свѣта въ этомъ отношеніи. Особенную пользу извлекъ я изъ записокъ составленныхъ тремя сословіями въ 1789 году. Эти записки, подлинники которыхъ составляютъ длинный рядъ рукописныхъ томовъ, останутся, какъ-бы, завѣщеніемъ прежняго французскаго

общества, послѣднимъ выраженьемъ его стремленій, самостоятельнымъ заявленіемъ его послѣдней воли. Это единственный документъ въ исторіи. Но и этого не было еще для меня достаточно.

Въ странахъ, гдѣ общественная администрація уже могущественна, тамъ мало возникаетъ идей, стремленій, страданій, мало встрѣчается интересовъ и страстей, которымъ не пришлось бы рано или поздно стать во всей своей наготѣ передъ нею. Разбирая архивы этой администраціи, пріобрѣтаешь не только весьма точное понятіе о ея дѣйствіяхъ, но и разоблачаешь тайны цѣлой страны. Иностранецъ, которому открыли бы всѣ конфиденціальныя переписки, наполняющія картоны министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуръ, узналъ бы насъ вѣрнѣе, чѣмъ мы знаемъ себя сами. Въ XVIII ст. общественная администрація была уже, какъ это можно увидѣть изъ предлагаемой книги, чрезвычайно централизована, чрезвычайно-сильна и чудовищно дѣятельна. На каждомъ шагу видѣли ее помогающею, мѣшающею и дозволяющею. Она могла многое обѣщать, и многое дать. Она уже имѣла вліяніе тысячью путями не только на общій ходъ дѣлъ, но и на судьбу семействъ и на частную жизнь всякаго человѣка. Тѣмъ болѣе что она была не публична, такъ что не боялись открываться предъ нею до самыхъ тайныхъ слабостей. Я очень долго изучалъ, что оставила намъ администрація, какъ въ Парижѣ, такъ и во многихъ провинціяхъ (*). Тамъ увидѣлъ я, согласно съ моими ожиданіями, всю жизнь прежняго порядка съ его

(*) **Особенно пользовался я архивами большихъ интендантствъ, преимущественно архивами Тура, чрезвычайно полными и относящимися къ весьма обширному округу, лежащему въ срединѣ Франціи и населенному милліономъ жителей. Я обязанъ выразить здѣсь мою благодарность молодому и знающему архиваріусу г. Граннэзону. Другіе округи, и въ числѣ прочихъ Иль-де-Франсъ, доказали мнѣ, что въ наибольшей части королевства дѣла шли однимъ и тѣмъ же порядкомъ.**

идеями, страстями, предразсудками, практикой. Здѣсь всякій свободно говорилъ своимъ языкомъ и дозволялъ проникнуть до своихъ задушевныхъ мыслей. Такимъ образомъ я успѣлъ собрать множество свѣдѣній о прежнемъ обществѣ, которыми не обладали современники; потому что я имѣлъ подъ руками то, чего они никогда не видали.

По мѣрѣ того, какъ я подвигался въ моихъ розысканіяхъ, я удивлялся встрѣчая на каждомъ шагу, во Франціи того времени, множество чертъ бросающихся въ глаза теперь; я открылъ тамъ множество чувствъ, которыя считалъ прежде порожденіемъ революціи; множество идей, которыя, какъ я думалъ до тѣхъ поръ, ей были обязаны своимъ происхожденіемъ; тысячи привычекъ, по общему мнѣнію данныхъ революціей; здѣсь я на каждомъ шагу видѣлъ корни нынѣшняго общества глубоко насажденными на этой старой почвѣ. Чѣмъ болѣе приближался я къ 1789 году, тѣмъ съ большею ясностью различалъ тотъ духъ, который приготовилъ, породилъ и возрастилъ революцію. Я видѣлъ, какъ мало по малу разоблачалась предъ моими глазами вся ея физіономія. Она уже открыла свой будущій характеръ, свой геній; это была она сама. Здѣсь я нашелъ не только причину того, что революція готова была сдѣлать въ своемъ первомъ порывѣ, но еще и указаніе на то, чему она должна была положить прочное основаніе; ибо у революціи было два фазиса, весьма различныхъ между собой: первый, въ продолженіи котораго французы являются съ желаніемъ вполнѣ уничтожать свое прошедшее; второй, когда они были готовы возвратить часть изъ брошеннаго. Есть множество законовъ и политическихъ привычекъ прежняго порядка, которыя такимъ образомъ, вдругъ исчезаютъ въ 1789 году и которыя, нѣсколько лѣтъ спустя, снова появляются, подобно тому, какъ нѣкоторыя рѣки скрываются въ глубь земли, чтобы потомъ не много далѣе снова показать тѣ же воды, но въ новыхъ берегахъ.

Ближайшая цѣль сочиненія, предлагаемаго публикѣ, заключается въ томъ, чтобы показать, по чему эта великая революція, приготовлявшаяся одновременно почти на всемъ материкѣ Европы, вспыхнула у насъ ранѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, по чему она вышла, какъ-бы сама собой, изъ общества, которое она готовилась разрушить и наконецъ, какимъ образомъ прежняя монархія могла пасть такъ всецѣло и такъ внезапно.

По моему мнѣнію, дѣло, которое я предпринялъ, не должно остановиться здѣсь. Я намѣренъ, если у меня достанетъ времени и симъ, преслѣдовать среди превратностей этой продолжительной революціи тѣхъ самыхъ французовъ, съ которыми я буду жить такъ близко при старомъ порядкѣ, и выросшихъ при немъ, показать какъ они будутъ измѣняться сообразно событіямъ, не противурѣча однакожъ своей природы; какъ они будутъ безпрестанно появляться передъ нами съ физіономіей нѣсколько отличной, но всегда знакомой.

Сначала я пройду съ ними эту первую эпоху 1789 года, когда ихъ сердца наполнены были любовью къ равенству и къ свободѣ; когда они хотятъ положить основаніе не только демократическимъ учрежденіямъ, но и учрежденіямъ свободнымъ; не только уничтожить привиллегіи, но признать и освятить права; время юности, энтузіазма, гордости, благородныхъ и чистыхъ страстей, воспоминаніе о которыхъ, несмотря на ихъ заблужденія, люди сохранятъ на вѣки, и которыя еще долго будутъ тревожить сонъ всякаго, кто захочетъ обольстить или поработить французовъ.

Шагъ за шагомъ слѣдя за ходомъ этой же самой революціи, я постараюсь показать, вслѣдствіе какихъ происшествій, какихъ ошибокъ, какихъ недочетовъ эти самые французы должны были оставить преслѣдованіе своей первой цѣли. Я остановлюсь тамъ, гдѣ по моему мнѣнію, революція выполнила до нѣкоторой степени свое дѣло и произвела новое общество. Тогда я разсмотрю это самое общество; я постараюсь раскрыть въ чемъ оно было сходно съ пред-

шествовавшимъ, въ чемъ отъ него отличалось, что мы потеряли въ этомъ грамадномъ волненіи, что мы пріобрѣли, и наконецъ я попытаюсь заглянуть въ наше будущее.

Часть этого втораго сочиненія набросана, но еще не достойна быть предложенною публикѣ. Будетъ-ли дана мнѣ возможность кончить его? Кто можетъ это сказать? судьбы недѣлимыхъ гораздо темнѣе, чѣмъ судьбы народовъ.

Надѣюсь, что я написалъ предлагаемую книгу безъ предразсудковъ; но у меня не было притязаній написать ее безстрастно. Едва-ли позволительно французу, говоря о своемъ отечествѣ и думая о своемъ времени оставаться равнодушнымъ. И я спѣшу сказать, что, изучая наше прежнее общество въ каждой его части, я никогда не терялъ совершенно изъ виду новаго. Я хотѣлъ не только видѣть, какому недугу подвергся больной, но и какъ онъ могъ бы не умереть. Я поступалъ подобно тѣмъ врачамъ, которые въ каждомъ безжизненномъ органѣ, пытаются уловить законы жизни. Моею цѣлью было представить картину, которая была бы строго точна и въ то же время могла бы быть поучительною. Всякій разъ, какъ я встрѣчалъ у нашихъ отцевъ нѣкоторыя изъ тѣхъ мужественныхъ добродѣтелей, которыя были бы намъ необходимѣе всего и которыхъ мы уже почти совсѣмъ не имѣемъ, истинный духъ независимости, готовности на великіе подвиги, вѣру въ насъ самихъ и въ наше дѣло, я выставлялъ ихъ какъ можно выпуклѣе, а также, встрѣтивъ въ законахъ, идеяхъ, нравахъ того времени слѣды нѣкоторыхъ пороковъ, которые, разрушивъ прежнее общество, еще въ силѣ у насъ, я старался пролить на нихъ по болѣе свѣта, чтобы хорошо видя зло, причиненное уже ими, можно было лучше понять то, которое они еще въ состояніи сдѣлать.

Чтобы достичь этой цѣли, я рѣшился, признаюсь въ этомъ, ничего не щадить: ни личностей, ни сословій, ни мнѣній, ни воспоминаній, какъ бы уважаемы они ни были. Я часто дѣлалъ это съ сожалѣніемъ, но всегда безъ угрызенія совѣсти. Пусть простятъ меня тѣ, кому я могъ такимъ образомъ не понравиться, принявъ во вниманіе безкорыстную и честную цѣль, преслѣдуемую мною.

Многіе, можетъ быть, будутъ обвинять меня, въ несвоевременности выраженія любви къ свободѣ въ этой книгѣ, такъ какъ меня увѣряютъ, что никто уже болѣе во Франціи и не заботится о ней.

Я только попрошу тѣхъ, кто обратится ко мнѣ съ этимъ упрекомъ, принять въ уваженье, что эта наклонность во мнѣ очень стара.

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, говоря о другомъ обществѣ, я писалъ почти слово въ слово то, что находится въ слѣдующихъ строкахъ.

Во мракѣ будущаго уже можно открыть три очень—ясныя истины.

Первая—та, что всѣ люди нашего времени, увлечены невѣдомою силой, которую можно надѣяться умѣрить, но непобѣдить, силой, то побуждающею ихъ исподволь, то стремительно подталкивающею къ ниспроверженію аристократіи; вторая,—что между всѣми обществами въ мірѣ, предстоитъ всегда болѣе труда, чтобы избѣжать безусловной власти, именно тѣмъ, гдѣ аристократіи уже нѣтъ и быть болѣе не можетъ; наконецъ третья, — что нигдѣ самоуправіе не должно произвести столь гибельныхъ послѣдствій, какъ именно въ этихъ обществахъ; ибо оно болѣе, чѣмъ какое либо другое правительство, благопріятствуетъ здѣсь развитію всѣхъ пороковъ, которымъ эти общества особенно подвержены, и съ своей стороны подталкиваетъ ихъ къ тому къ чему они склонны уже по самой своей природѣ. Люди, не бывъ связаны болѣе между собой никакими узами кастъ, сословій, корпорацій, родовъ, не чувствуютъ склонности заниматься чѣмъ нибудь другимъ кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ, и будучи слишкомъ падки видѣть всегда только самихъ себя и заключаются въ узкій индивидуализмъ, гдѣ гаснетъ всякая общественная доблесть.

Напротивъ, только одна свобода можетъ въ подобныхъ обществахъ успѣшно бороться съ пороками, имъ свойственными, и удерживать ихъ на покатости, по которой они скользятъ. Въ самомъ дѣлѣ только она одна, и въ состояніи вывести гражданъ изъ изолированнаго состоянія, въ которомъ уже самая независимость положенія, заставляетъ ихъ жить и заставить ихъ сблизиться между собою, только она удушевляетъ и соединяетъ ихъ ежедневно необходимостью высказаться другъ передъ другомъ, сообщить другъ другу свои убѣжденія и согласиться взаимно въ практикѣ общественныхъ дѣлъ. Только она способна оторвать ихъ отъ поклоненья деньгамъ и отъ мелкихъ обыденныхъ дрязговъ ихъ личныхъ дѣлъ, чтобы заставить видѣть и слышать на каждомъ шагу отечество выше и около себя;— только она отъ времени до времени замѣняетъ любовь къ благосостоянію, страстями болѣе энергическими и высокими, указываетъ честолюбію цѣли болѣе великія, чѣмъ скопленіе богатствъ, и даетъ свѣтъ, позволяющій видѣть и судить пороки и добродѣтели людей.

Общества демократическія, но несвободныя, могутъ отличаться богатствомъ, утонченностью нравовъ, славою, блескомъ, могуществомъ однородной массы; здѣсь можно встрѣтить личныя достоинства, хорошихъ отцевъ семейства, честныхъ торговцевъ и весьма почтенныхъ собственниковъ; можно увидѣть даже хорошихъ христіанъ, ибо отечество ихъ не отъ міра сего, и слава религіи—состоитъ въ томъ, чтобы являть ихъ среди величайшаго развращенья нравовъ и самаго сквернаго правительства: Римская имперія во времена крайняго упадка была полна ими; но чего никогда не увидимъ здѣсь, это, смѣло говорю, великихъ гражданъ, тѣмъ болѣе — великаго народа, и я не боюсь утверждать, что общій уровень нравственной и умственной жизни не перестанетъ понижаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока равенство и деспотизмъ будутъ соединены.

Вотъ, какъ я мыслилъ и что говорилъ двадцать лѣтъ тому

назадъ. Увѣряю, что съ тѣхъ поръ ничего еще не произошло въ мірѣ, чтобы побудило меня мыслить и говорить иначе. Высказывая благопріятное мнѣніе, которое я имѣлъ о свободѣ въ то время, когда она была въ милости, и я надѣюсь, что не найдутъ дурнымъ, что я остаюсь при немъ, когда ее забываютъ.

Да благоволятъ еще обратить вниманіе на то, что въ этомъ быть можетъ, я менѣе отличаюсь отъ моихъ противниковъ чѣмъ они сами предполагаютъ.

Мнѣ кажется, я могу сказать безъ большаго хвастовства, что книга, которую я теперь издаю, есть плодъ многотрудной работы, тутъ иная глава, довольно короткая, стоила мнѣ болѣе года розысканій. Я бы могъ концы этихъ страницъ наполнить примѣчаньями; но я счелъ за лучшее привести ихъ въ небольшомъ количествѣ и помѣстить въ концѣ книги съ указаніемъ на страницы текста, къ которымъ они относятся. Тамъ находятся примѣры и доказательства. Я бы могъ представить множество другихъ, если бы эта книга показалась кому нибудь стоящею труда спросить ихъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Противорѣчащія сужденія о революціи при самомъ ея началѣ.

Едва ли что другое въ такой мѣрѣ способно напомнить мыслителямъ и государственнымъ людямъ о скромности, какъ исторія нашей революціи; ибо никогда не было событій болѣе великихъ, такъ далеко получившихъ свое начало, лучше приготовленныхъ и менѣе предвидѣнныхъ.

Самъ Фридрихъ Великій, несмотря на свою геніальность, не подозрѣваетъ наступленія ея. Онъ ее осязаетъ, но не видитъ. Еще болѣе, онъ дѣйствуетъ въ ея духѣ; онъ—предтеча ея и уже, можно сказать, ея дѣятель; но не узнаетъ ея при приближеніи и, когда она наконецъ становится видимою, то новыя и необычайныя черты, охарактеризовавшія ея физіономію среди безчисленнаго множества революцій, ускользаютъ сначала отъ взоровъ.

Внѣ Франціи она становится предметомъ общаго любопытства, повсюду въ умахъ народовъ она вызываетъ къ жизни какое-то неясное предчувствіе наступленія новыхъ временъ, неопредѣленныя надежды перемѣнъ и преобразованій; но еще никто не подозрѣваетъ, чѣмъ она должна быть. Государи и ихъ министры чужды даже того смутнаго предчувствія, которое волнуетъ народъ при прибле-

женіи революціи. Они видятъ въ ней сперва неболѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ періодическихъ недуговъ, которымъ подвержено государственное устройство всякаго народа, и которые не имѣютъ другаго исхода кромѣ открытія новаго поприща политикѣ сосѣднихъ государствъ. Если случайно они и говорятъ правду о ней, то это безъ ихъ вѣдома. Важнѣйшіе государи Германіи, собравшись въ Пильницѣ въ 1791 году, провозглашаютъ, правда, что опасность, угрожающая королевской власти во Франціи,—общa всѣмъ стариннымъ властямъ Европы, и что она угрожаетъ всему; но, въ дѣйствительности, они сами ничему этому не вѣрятъ. Тайные документы того времени говорятъ, что все это для нихъ было ничѣмъ инымъ, какъ только благовиднымъ предлогомъ, скрывавшимъ ихъ намѣренія и маскировавшимъ ихъ въ глазахъ толпы. Что касается до нихъ, то они вполнѣ были убѣждены, что французская революція есть мѣстный и временный случай, изъ которой они хотѣли извлечь свою пользу. При этой мысли въ головѣ ихъ рождаются планы, они дѣлаютъ приготовленія, заключаютъ тайные союзы, спорятъ между собою о близкой добычѣ, расходятся, снова сближаются; трудно вообразить, къ чему бы они не приготовлялись, они не ожидали только того, что должно было случиться на самомъ дѣлѣ.

Англичане, которымъ воспоминанія изъ собственной исторіи и долгое пользованіе политической свободой дали болѣе опытности и пролили болѣе свѣта на событія, замѣчаютъ, какъ бы сквозь густое покрывало, образъ приближающейся великой революціи; но еще не могутъ различить ея вида; и дѣйствіе, какое она должна вскорѣ произвести на судьбы міра и на ихъ собственную, скрыто для нихъ. Артуръ Юнгъ, ѣздившій по Франціи въ ту минуту, когда революція готова была вспыхнуть, предвидѣлъ приближеніе этой грозы, но до такой степени мало зналъ ея характеръ, что спрашивалъ себя, не будетъ ли результатомъ революціи увеличеніе привиллегій. «Что касается до дворянства и духовенства», говоритъ онъ, «то, если эта революція увеличитъ еще ихъ преобладаніе, мнѣ кажется, что она сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра.»

Бэркъ (Burke) пылавшій ненавистью къ революціи, которую она внушила ему съ самаго рожденія, самъ Бэркъ остается нѣсколько времени въ нерѣшимости при ея видѣ. Сначала онъ предвѣщаетъ, что Франція будетъ обезсилена, и какъ бы уничтожена. «Можно думать», говоритъ онъ, «что надолго угасли воинственныя способности Франціи, даже можетъ быть навсегда и людямъ слѣдующаго поколѣнія можно будетъ сказать вмѣстѣ съ древнимъ писателемъ: *Gallos quoque in bellis floruisse audivimus*: мы слышали, что и Галлы нѣкогда славились въ бояхъ.»

Вблизи, не лучше судятъ объ этомъ событіи, чѣмъ вдали. Во Франціи, наканунѣ революціи, готовой разразиться, нѣтъ еще никакой опредѣленной идеи о томъ, что она должна сдѣлать. Изъ множества записокъ я нашелъ только двѣ, гдѣ проглядываетъ нѣкоторое опасеніе народа. Страшатся, что королевская власть и дворъ, какъ это говорили тогда, сохранятъ свое преобладаніе. Слабость и непродолжительность собраній государственныхъ чиновъ (états généraux) распространяютъ безпокойство. Боятся, чтобы въ отношеніи къ нимъ не употребили насилія, особенно мучится этою боязнію дворянство. «Швейцарскія войска, говорятъ многія изъ упомянутыхъ записокъ, должны дать присягу никогда неподнимать оружія противъ гражданъ, даже въ случаѣ волненія или возмущенія.»

Пусть только собраніе государственныхъ сословій будетъ свободно, и всѣ злоупотребленія легко будутъ искорены, конечно предстоятъ огромныя преобразованія, но ихъ легко исполнить.

Между тѣмъ революція идетъ своимъ путемъ: по мѣрѣ того, какъ появляется голова чудовища, и открывается страшная его фигура, какъ, разрушивъ политическія учрежденія, революція переходитъ къ гражданскимъ, и вслѣдъ за зако-

нами измѣняетъ нравы, обычаи и касается самаго языка, когда, разбивъ политическую машину она колеблетъ самыя основы общества, наконецъ по видимому, хочетъ приняться за самого Бога; когда неизвѣстными до нея путями выноситъ наружу новую тактику, идеи, дышащія разрушеніемъ, *вооруженныя* мнѣнія, какъ говоритъ Питтъ, неслыханную силу, ниспровергающую преграды имперій, сокрушающую вѣнцы, попирающую народы, и странная вещь!—въ то же время обращающую ихъ въ свою пользу; въ то время, какъ все это становится замѣтнымъ, точка зрѣнія вдругъ измѣняется.

То, что сначала государямъ и государственнымъ людямъ казалось обыкновеннымъ случаемъ въ жизни народовъ, является теперь событіемъ столь новымъ, даже столь противуположнымъ всему прошедшему, и однако фактомъ до того общимъ, изумительнымъ, непостижимымъ, что умъ человѣческій останавливается предъ нимъ совершенно растерявшись.

По мнѣнію однихъ, эта невѣдомая сила, ничѣмъ повидимому, неподдерживаемая, которую не знали какъ удержать и не могущая остановиться сама ведетъ общества къ ихъ полному и окончательному разложенію. Многіе видятъ въ ней явное дѣйствіе діавола на землѣ. «Французская революція имѣетъ сатанинскій характеръ» говоритъ де-Мэстръ въ 1797 году.

Другіе напротивъ, открываютъ въ ней благое намѣреніе Бога—обновить не только Францію, но и весь міръ, и создать, въ нѣкоторомъ отношеніи, новое человѣчество. У многихъ писателей этого времени находимъ родъ того религіознаго ужаса, какой испытывалъ Сальвіанъ при видѣ варваровъ. Беркъ, продолжая свою мысль, восклицаетъ: «казалось бы, что Франція, лишившись прежняго или, лучше сказать, всякаго правительства, будетъ скорѣе предметомъ оскорбленій и состраданія, чѣмъ бичемъ и грозой человѣческаго рода. Но изъ могилы ниспровергнутой монархіи, возникло существо нестройное, громадное, ужаснѣе котораго

не бывало среди подобныхъ явленій, подавлявшихъ и порабощавшихъ воображеніе людей. Это страшное и небывалое существо идетъ прямо и беззавѣтно къ своей цѣли, неостанавливаемое ни страхомъ опастностей ни угрызеніемъ совѣсти; презирая всѣ общепринятыя истины и обычные пріемы, оно приводитъ въ отчаяніе даже и того, кто не можетъ понять какъ оно существуетъ.»

Такъ ли, въ самомъ дѣлѣ, необычайно событіе, какимъ казалось оно современникамъ? до того ль оно неслыхано, такъ ли глубоко проникнуто духомъ разрушенья и возсозданья, какъ полагали? каковъ былъ истинный смыслъ, истинный характеръ, каковы послѣдствія этой невиданной, ужасной революціи? Что она именно разрушила? что она создала?

Кажется, наступило время отвѣчать на эти вопросы и мы теперь именно на той точкѣ, откуда можно лучше всего обозрѣть и обсудить этотъ великій предметъ. Будучи довольно далеки отъ революціи, чтобы только слабо сочувствовать страстямъ, омрачившимъ взоры ея дѣятелей, мы достаточно близки, чтобы войти въ мысль духа времени. Вскорѣ уже будетъ трудно сдѣлать это, ибо великія революціи, имѣющія успѣхъ, уничтожая свои побудительныя причины, становятся непонятными, вслѣдствіе самыхъ своихъ успѣховъ.

ГЛАВА II.

Разрушить власть религіозную и обезсилить политическую не было, какъ думали прежде, основною и конечною цѣлью революціи.

Однимъ изъ первыхъ движеній французской революціи было напасть на церковь, а изъ страстей, порожденныхъ этимъ переворотомъ, страсть антирелигіозная воспламенилась первою и погасла послѣдней. Даже тогда когда уже изчезъ энтузіазмъ къ свободѣ, послѣ того какъ принуждены были

купить спокойствіе цѣною рабства, еще продолжали возставать противъ религіознаго авторитета. Наполеонъ съумѣвшій одолѣть либеральный геній революціи, тщетно старался обуздать ея антихристіанское направленіе, да и на нашихъ глазахъ еще были люди, думавшіе выкупить свое подобострастіе предъ послѣдними агентами политической власти непокорностью въ отношеніи къ Богу, и оставивъ все, что только было самаго благороднаго и гордаго въ ученіи революціи, льстили себя надеждою быть вѣрными ей, оставаясь не вѣрующими.

И все-таки теперь легко убѣдиться, что война, объявленная религіямъ, въ этой великой революціи есть только случайность, яркая, но бѣглая черта въ ея физіономіи; мимолетное произведеніе идей, страстей, частныхъ событій, предшествовавшихъ и приготовившихъ ея, но не собственный ея геній.

Въ философіи XVIII столѣтія справедливо видятъ одну изъ главныхъ причинъ революціи и съ самомъ дѣлѣ эта философія глубоко антирелигіозна. Но въ ней должно тщательно отличать двѣ стороны, совершенно отличныя и отдѣльныя одна отъ другой.

Въ одной заключаются всѣ новыя или обновленныя мнѣнія относящіяся до условій общественной жизни и основныхъ началъ законовъ гражданскихъ и государственныхъ, какъ напримѣръ естественное равенство людей, уничтоженіе всѣхъ кастовыхъ, сословныхъ, промышленныхъ привиллегій, и какъ слѣдствіе предъидущаго, верховная власть народа, полномочіе общественной власти, однообразіе уставовъ... Въ этихъ ученіяхъ—заключаются не только причины революціи, но и самая ея сущность; они составляютъ все, что только есть самаго положительнаго, прочнаго, истиннаго, сообразнаго съ духомъ времени въ дѣлѣ революціи.

Въ другой части своихъ ученій философы XVIII столѣтія, съ нѣкотораго рода яростью, возстали противъ церкви, они напали на ея духовенство, іерархію, учрежденія, догматы

и, чтобы ускорить ихъ паденіе, захотѣли подорвать самыя основы христіанства. Но эта часть философіи XVIII вѣка, получивъ начало изъ тѣхъ основаній, которыя были разрушаемы самою же революціей, должна была мало-по-малу исчезнуть вмѣстѣ съ ними и въ торжествѣ революціи найти свою смерть. Еще прибавлю только одно слово, чтобы яснѣе поняли меня, ибо надѣюсь возвратиться въ послѣдствіи къ этому важному предмету. Христіанство, гораздо менѣе, какъ религіозное ученіе чѣмъ, какъ политическое учрежденіе возбудило противъ себя эту ненависть, не потому, чтобы духовныя лица имѣли притязаніе управлять дѣлами того свѣта, но потому, что въ этомъ свѣтѣ они были собственниками, владѣльцами, десятниками, администраторами; не потому, чтобы церкви не было мѣста въ будущемъ обществѣ, а потому, что она занимала самое привиллегированное и самое сильное положеніе въ этомъ вѣтхомъ обществѣ, для котораго наступало время смерти.

Посмотрите, какъ время разъ навсегда разоблачило эту истину: по мѣрѣ того, какъ упрочилось политическое значеніе революціи, ея антерелигіозная сторона рушилась; какъ скоро старыя государственныя учрежденія, предметъ ея нападеній, рушились, какъ власти, авторитеты, сословія, особенно ей ненавистныя, пали безъ возврата, и какъ послѣдній признакъ ихъ уничтоженія, самая ненависть къ нимъ ослабла; когда наконецъ духовенство отдалилось отъ всего, съ чѣмъ оно вмѣстѣ, приближалось къ паденію, могущество церкви начинаетъ постепенно возвышаться въ умахъ массъ и снова занимать прежнее мѣсто.

И не думайте, чтобы это было справедливо только для Франціи; въ Европѣ почти нѣтъ ни одной христіанской церкви, которая бы не ожила со времени французской революціи.

Думать, что демократическія общества по природѣ враждебны религіи, значитъ дѣлать большую ошибку: ни въ христіанствѣ, ни даже въ католичествѣ нѣтъ ничего безу-

словно противнаго духу этихъ обществъ, а многое для нихъ очень благопріятно. Сверхъ того опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ, что самый живучій корень религіознаго инстинкта всегда былъ насажденъ въ сердцѣ народа. Здѣсь было послѣднее прибѣжище всѣхъ отживавшихъ религій, и было бы очень странно, если бы учрежденія, стремящіяся дать преобладаніе идеямъ и страстямъ народа, имѣли бы необходимымъ и постояннымъ послѣдствіемъ вести умъ человѣческій къ невѣрію.

То что я сказалъ о религіозной власти еще съ большею справедливостью примѣняется къ общественной власти.

Видя, что революція разомъ ниспровергла всѣ установленія и обычаи, поддерживавшіе до тѣхъ поръ въ обществѣ іерархію и законъ, можно было бы вывести, что результатомъ ея будетъ разрушеніе не только частнаго общественнаго порядка, но и вообще всякаго; и нетолько извѣстнаго правительства, но и самой общественной силы; и слѣдовало бы заключить, что характеръ революціи былъ исключительно анархическій.

Но смѣю однакожъ сказать, что такое заключеніе было бы еще слишкомъ поверхностнымъ.

Менѣе года послѣ начала революціи, Мирабо тайно писалъ королю. «Сравните старый порядокъ вещей съ новымъ; вотъ откуда утѣшеніе и надежды. Часть актовъ національнаго собранья, и притомъ самая значительная, видимо въ пользу монархическаго правленія. Развѣ ничего незначитъ быть безъ парламента, безъ сеймовыхъ земель (pays d'etats), безъ сословія духовенства, безъ привиллегированныхъ лицъ, безъ дворянства? идея—образовать только одно сословіе гражданъ — понравилась бы Ришелье: эта ровная поверхность облегчаетъ дѣйствія власти. Многіе годы неограниченныхъ царствованій не сдѣлали бы столько для королевскаго авторитета, какъ этотъ одинъ годъ революціи.» Вотъ какъ понималъ революцію человѣкъ, способный руководить ею.

Такъ какъ цѣлью французской ревоволюціи было нетолько перемѣнить прежнее правительство, но и уничтожить старыя формы общества, то она должна была напасть разомъ на всѣ установившіяся власти, рушить всѣ признанные авторитеты, изгладить преданія, обновить нравы и обычаи, и такъ сказать, очистить человѣческій умъ отъ всѣхъ идей, составлявшихъ до толѣ основу уваженія и повиновенія. Отсюда странный анархическій характеръ революціи.

Но устраните эти обломки: передъ вами выступаетъ сильная центральная власть, протянувшая и поглотившая въ своемъ единствѣ всѣ частички авторитетовъ, которыя прежде были разсѣяны во множествѣ второстепенныхъ властей, сословій, цеховъ, родовъ и лицъ, и какъ бы разбрызганы по всему общественному тѣлу. Со времени паденія Римской имперіи, міръ невидалъ подобной власти.

Революція создала эту новую силу, или лучше сказать, она вышла сама собой изъ разрушенія произведеннаго революціей. Правда, правительства, основанныя ею, суть самыя не прочныя, но во сто разъ могущественнѣе всѣхъ ниспровергнутыхъ; не надежны и мощны они отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, о чемъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ та простая, правильная и величавая форма, которую различалъ уже Мирабо во прахѣ прежнихъ учрежденій, на половину сокрушенныхъ. Она, несмотря на свое значеніе, была еще не видима для толпы; но время, мало по малу, выставило ея на показъ всѣмъ.

Теперь ею даже заняты государи. Они силятся уничтожить въ своихъ владѣніяхъ льготы и привилегіи. Они смѣшиваютъ чины, уравниваютъ состоянія, замѣщаютъ аристократію чиновниками, мѣстныя вольности однообразіемъ правилъ, разнообразіе властей единствомъ правительства. Они безъ устали предаются этой революціонной работѣ; и встрѣчаясь иногда съ препятствіями, заимствуютъ у революціи ея пріемы и правила: при нуждѣ поднимаютъ бѣдняка на богача, простолюдина на дворянина, крестьянина

на своего господина. Французская революція была вмѣстѣ и ихъ бичемъ и наставницей.

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ французская революція была революціей политическою съ пріемами религіозной и почему.

Всѣ гражданскія и политическія революціи имѣли свое отечество, въ которомъ распространялось ихъ дѣйствіе; у французской революціи не было собственной территоріи; даже болѣе, она должна была, въ нѣкоторомъ отношеніи, уничтожить на картѣ всѣ прежніи границы. Она на зло законамъ, преданіямъ, характерамъ, языку сближаетъ или разъединяетъ людей, превращая по временамъ враговъ въ соотечественниковъ, а братьевъ въ чужеземцевъ или точнѣе она создала выше всѣхъ частныхъ народностей, представленіе объ духовномъ отечествѣ, общемъ для всѣхъ и въ которомъ люди всѣхъ народностей могли пріобретать права гражданства.

Пересмотрите всѣ историческіе памятники и вы не найдете ни одной политической революціи съ такимъ характеромъ, вы найдете его только въ нѣкоторыхъ религіозныхъ революціяхъ. И такъ съ этими послѣдними должно сравнивать французскую революцію тому, кто хочетъ понять ее при помощи аналогіи.

Справедливо замѣтилъ Шиллеръ, въ своей исторіи тридцатилѣтней войны, что великая реформа шеснадцатаго столѣтія имѣла цѣлью разомъ сблизить народы, едва знавшіе другъ друга, и тѣсно соединить ихъ новыми симпатіями; тутъ въ самомъ дѣлѣ французы сражались съ французами, между тѣмъ, какъ Англичане приходили къ нимъ на помощь; люди рожденные въ отдаленной Бальтикѣ проникли въ самое сердце Германіи, защищая Германцевъ, о которыхъ они до тѣхъ поръ и неслыхивали. Всѣ внѣшнія войны приняли

отчасти характеръ междуусобій; во всѣхъ междуусобныхъ войнахъ появились иноземцы. Старые интересы каждой націи были позабыты для новыхъ; вопросы территоріальные уступили мѣсто вопросамъ о началахъ.

Всѣ правила дипломатіи перемѣшались, къ великому удивленію и горю современныхъ политиковъ, рѣшительно тоже самое произошло въ Европѣ послѣ 1789 года.

И такъ, французская революція есть революція политическая, совершившаяся по образцу религіозной и принявшая отчасти ея видъ. Взгляните въ какихъ характеристическихъ, и только ей свойственныхъ чертахъ, заканчиваетъ она свое сходство съ революціями религіозными: она нетолько, подобно имъ, распространяется вдаль, но, какъ онѣ, дѣйствуетъ проповѣдью и пропагандою. Революція политическая, внушающая прозелетизмъ; Революція, которую проповѣдуютъ чужестранцамъ съ такою же страстью съ какой приводятъ ее въ исполненіе у себя; смотрите что за новое зрѣлище. Изъ всего показаннаго міру французской революціей, эта черта конечно самая новая. Но не будемъ останавливаться здѣсь, постараемся проникнуть нѣсколько далѣе и разсмотрѣть, не находится ли въ связи это сходство въ дѣйствіяхъ, съ какимъ-нибудь подобіемъ скрывающимся въ причинахъ.

Религіи, по своему обычному характеру, разсматриваютъ человѣка въ немъ самомъ, не обращая вниманія на тѣ частности, которыя могли присоединиться къ общему основанію, влѣдствіе мѣстныхъ законовъ, обычаевъ и преданья. Главная ихъ цѣль установить общія отношенія человѣка къ Богу, общія права и обязанности людей относительно другъ друга, независимо отъ формъ общества. Законы жизни установляемые религіями, относятся скорѣе къ сыну, отцу, слугѣ, господину, ближнему, чѣмъ къ человѣку извѣстнаго времени, извѣстной страны. Полагая, такимъ образомъ, въ основаніе самую человѣческую природу, онѣ могутъ быть принимаемы одинаково всѣми и прилагаемы по всюду. Вотъ

причина, по чему религіозныя революціи часто обнимали собой такія обширныя пространства и рѣдко ограничивались, подобно политическимъ, территоріей одного народа или даже одного плѣмени. А приглядываясь пристальнѣе замѣтимъ, что чѣмъ болѣе религія имѣла этотъ отвлеченный, общій характеръ, о которомъ я только что говорилъ, тѣмъ на большее пространство распространялись религіозныя революціи, вопреки различію законовъ, климатовъ и народовъ.

Языческія религіи древности, всѣ болѣе или менѣе связанныя съ политическимъ устройствомъ или общественнымъ состояніемъ каждаго народа и сохраненія даже въ своихъ догматахъ нѣкоторую національную, а часто и общинную физіономію, обыкновенно заключались въ предѣлахъ одной какой либо территоріи, откуда почти никогда невыходили. Онѣ порождали иногда нетерпимость и преслѣдованія; но прозелитизмъ имъ былъ почти вовсе неизвѣстенъ. Да не было ли великихъ религіозныхъ революцій до Рождества Христова и на нашемъ западѣ. Но христіанство, легко минуя всѣ преграды, останавливавшія языческія религіи, въ непродолжительное время завоевало значительную часть человѣческаго рода. Не думаю чтобы сочли недостаткомъ уваженія къ этой святой религіи, если я скажу, что своимъ торжествомъ она обязана отчасти тому обстоятельству, что она, болѣе чѣмъ какая либо другая религія, свободна отъ всего могущаго быть примѣнимымъ только къ одному народу, одной формѣ правительства, одному общественному состоянію, одной эпохѣ, одному плѣмени.

Французская революція поступала въ отношеніи къ этому міру также, какъ религіозныя революціи дѣйствуютъ для будущаго; она разсматривала гражданина въ отвлеченіи, внѣ всѣхъ частныхъ обществъ, совершенно какъ религіи разсматриваютъ человѣка вообще, независимо отъ мѣста и времени. Она не старалась опредѣлить права только француза, но политическія обязанности и права, общія всѣмъ людямъ.

Такимъ образомъ, постоянное стремленіе къ наименѣе частному и такъ сказать, наиболѣе *естественному* порядку въ соціальномъ устройствѣ и правительствѣ было причиною общепонятности и удобопримѣнимости и подражанія ей въ сотни мѣстахъ разомъ.

Клонясь повидимому еще болѣе къ возрожденію человѣческаго рода, чѣмъ къ преобразованію Франціи, она воспламенила страсть, которой до толѣ не могли произвести самыя сильныя политическія революціи. Она вдохнула прозелитизмъ и породила пропаганду;—отсюда, то могла она заимствовать эту наружность религіозной революціи, напугавшую современниковъ; или скорѣе—она сама сдѣлалась какою-то новой доктриной.

Впрочемъ, не должно думать, чтобы пріемы употребленные ей, всѣ идеи, обязанныя ей своимъ происхожденіемъ, были совершенно новы. Во всѣ времена, но особенно въ средніе вѣка, появлялись агитаторы которые желая измѣнить частные обычаи, обращались къ общимъ законамъ человѣческихъ обществъ, и старались противопоставить устройству своей страны естественныя права человѣка. Но всѣ эти попытки пали: пламя, охватившее Европу въ *восемнадцатомъ* столѣтіи, легко было бы потушено въ *пятнадцатомъ*. Въ самомъ дѣлѣ революціи вслѣдствіе такихъ аргументовъ возможно только тогда, когда умы приготовлены къ ихъ воспріятію извѣстными переменами, уже совершившимися въ условіяхъ жизни, обычаяхъ и нравахъ.

Бываютъ времена, когда люди такъ разнятся между собой, что идея одного и того же закона, примѣняемая повсюду, для нихъ, какъ будто непостижима. А въ иное время достаточно только показать имъ издали неясный образъ подобнаго закона, чтобы они тотчасъ поняли его и устремились къ достиженію.

Что французская революція воспользовалась пріемами ею же самой и приложенными къ дѣлу, и уразумѣла идеи, ей же одолженныя своимъ существованьемъ,—тутъ еще нече-

му удивляться; но вотъ что страннѣе всего: столько народовъ сошлось въ томъ, что подобные пріемы могутъ быть съ успѣхомъ употреблены и что подобныя начала легко допустить.

ГЛАВА IV.

О томъ, что почти вся Европа имѣла рѣшительно одни и тѣ же установленія, и какъ они разрушались по всюду.

Народы, разрушившіе Римскую имперію и окончившіе свое дѣло образованіемъ новыхъ государствъ, были различны по происхожденію, мѣсту жительства и языку; въ одномъ только они походили другъ на друга, въ варварствѣ. Утвердившись на почвѣ имперіи, они еще долго бродили и сталкивались въ страшномъ смѣшеніи и когда наконецъ перешли въ оседлость, то нашли себя отдѣленными другъ отъ друга, тѣмъ разрушеніемъ и развалинами, которыя сами же произвели.—При совершенномъ почти упадкѣ цивилизаціи и растройствѣ общественнаго порядка, взаимныя сношенія людей сдѣлались затруднимы и опасны и великое Европейское общество раздробилось на тысячи мелкихъ, отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ другу, жившихъ каждое только для себя. И вдругъ однакожъ изъ этой несвязной массы возникли однообразные законы.

Эти учрежденія не были подражаніемъ Римскому законодательству; они уже потому были противоположны Римскому праву, что это послѣднее послужило орудіемъ къ преобразованію и отмѣненію ихъ. Своеобразная физіономія этихъ учрежденій тотчасъ отличаетъ ихъ въ общей массѣ законовъ, развившихся въ человѣческихъ обществахъ.—Они симметрически соотвѣтствуютъ другъ другу и всѣ вмѣстѣ представляютъ сводъ, составленный изъ частей, до того тѣсно связанныхъ между собой, что статьи нашихъ новѣйшихъ кодексовъ не лучше соединены; это были ученые законы для полуневѣжественнаго общества.

Какъ подобное законодательство могло образоваться, распространиться, наконецъ обобщиться въ Европѣ,—этотъ вопросъ не входитъ въ кругъ моихъ изслѣдованій. Скажу только, что, какъ извѣстно, въ средніе вѣка оно, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, находится повсюду въ Европѣ, и что во многихъ странахъ оно господствуетъ исключительно предъ всѣми другими.

Я имѣлъ случай изучать средневѣковыя политическія учрежденія Франціи, Англіи и Германіи; углубляясь все болѣе и болѣе, я удивлялся поразительному сходству всѣхъ этихъ законовъ; меня изумляло, то, какимъ образомъ народы, столь отличные между собой и такъ мало знакомые другъ другу, могли удовлетворяться узаконеніями до такой степени сходными. Это незначитъ, что бы они не измѣнялись безпрестанно и почти безконечно въ подробностяхъ, сообразно мѣстности; но основаніе ихъ вездѣ одно и тоже. Открывая въ древнемъ Германскомъ законодательствѣ какое либо политическое учрежденіе, какакую-нибудь власть, я уже зналъ напередъ, что при тщательномъ изысканіи найду что-нибудь въ сущности совершенно подобное во Франціи и Англіи, и дѣйствительность необманывала меня въ этомъ, каждый изъ трехъ народовъ облегчалъ мнѣ уразумѣніе двухъ остальныхъ.

Всѣ три правительства руководятся одними и тѣми же началами, политическія ихъ собранія составляются изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ и облекаются одинаковою властью. Общество раздѣляется по одному и тому же способу, и таже іерархія установилась между сословіями; положеніе благородныхъ—тождественно; у нихъ одинаковыя привилегіи, одна физіономія, одна природа: это не разные люди, это вездѣ одни и тѣже люди.

Городское устройство сходно по всюду, деревни управляются одинаково. Въ положеніи крестьянъ разницы немного; одинаково владѣютъ землей, одинаково заселяютъ и обработываютъ ее, воздѣлыватель подчиненъ однимъ и тѣмъ

же повинностямъ. Отъ предѣловъ Польши до Ирландскаго моря, сеньорія, дворъ сеньоровъ, ленъ, подать, домашнее услуженье, феодальныя права, корпораціи, все одинаково. Иногда и названія одни и тѣже и что еще замѣчательнѣе, одно направленіе одушевляетъ всѣ эти однородныя учрежденія. Мнѣ кажется можно положительно сказать, что въ четырнадцатомъ столѣтіи установленія общественныя, политическія, административныя, судебныя, экономическія и литературныя были сходны между собой, быть можетъ, еще болѣе чѣмъ въ наше время, когда цивилизація позаботилась, кажется, проложить къ этому всѣ пути и уничтожить всѣ преграды.

Я не имѣю намѣренія излагать здѣсь постепеннаго разстройства этого древняго состоянія Европы, я ограничиваюсь только однимъ положеніемъ, что въ восемнадцатомъ столѣтіи оно всюду уже было полуразрушено. Вообще—упадокъ на востокѣ материка былъ менѣе замѣтенъ, на западѣ болѣе, но уже вездѣ чувствовалось ветхость, а часто и дряхлость.

Этотъ постепенный упадокъ собственно средневѣковыхъ учрежденій, можно прослѣдить въ архивахъ.—Извѣстно, что въ каждой сеньоріи были списки подъ названьемъ *terriers* (поземельныя книги), гдѣ, отъ одного столѣтія до другаго, означили объемъ леновъ и податей, недоимочныя поземельныя подати, служба при дворѣ сеньора мѣстные обычаи. Я видѣлъ поземельныя книги четырнадцатаго вѣка, образцы по методу, ясности, понятности и отчетливости. Чѣмъ онѣ новѣе, тѣмъ темнѣе, безпорядочнѣе, неудовлетворительнѣе, не смотря на общіе успѣхи просвѣщенія. Кажется, что въ то самое время, какъ гражданское общество окончательно просвѣщается, общество политическое возвращается къ варварству.

Въ самой Германіи, гдѣ древнее государственное устройство Европы лучше чѣмъ во Франціи, сохранило свои первообразныя черты, часть учрежденій уже по всюду рушилась. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о разрушительномъ дѣйствіи времени, скорѣе должно обратить вниманіе на то, въ какомъ состояніи находятся остатки стараго порядка вещей, чѣмъ на то, чего въ немъ недостаетъ.

Муниципальныя учрежденія, превратившія въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіи важнѣйшіе Германскіе города въ небольшія, богатыя и образованныя республики, существуютъ еще и въ восемнадцатомъ, но не представляютъ ничего кромѣ пустыхъ призраковъ.—По видимому начала ихъ еще въ силѣ; должности установленныя ими носятъ тѣже имѣна и кажется выполняютъ свое прежнее назначеніе, но уже нѣтъ ни дѣятельности, ни энергіи, ни общиннаго патріотизма, ни мужественныхъ благотворныхъ доблестей внушенныхъ ими. Эти старыя учрежденія одряхлѣли сами собой, неизмѣняясь въ формѣ.

Всѣ средневѣковыя власти, существовавшія до сихъ поръ, поражены тѣмъ же недугомъ; всѣ онѣ одинаково обнаруживаютъ упадокъ и безсиліе. Еще болѣе, все, что не принадлежало устройству собственно этого времени, примѣшалось къ нимъ и получило отъ нихъ хотя слабый отпечатокъ, теряетъ свою жизненность. Въ соприкосновеніи съ ними аристократія впадаетъ въ старческую немощь; даже политическая свобода, наполнившая средніе вѣка своими дѣлами, является безплодною вездѣ, гдѣ только она удерживаетъ свой особенный средневѣковой характеръ. Тамъ, гдѣ провинціальныя собранія сохранили безъ всякаго измѣненія свое древнее устройство, тамъ они скорѣе задерживаютъ успѣхи цивилизаціи, чѣмъ споспѣшествуютъ имъ; можно сказать, что они чужды духу новаго времени и неспособны проникнуться имъ. Также сердца народовъ отвращаются отъ нихъ и обращаются съ надеждой къ государямъ. Древность этихъ учрежденій невнушаетъ уваженія, довѣріе къ нимъ подрывается съ каждымъ днемъ; и странно! Чѣмъ менѣе, повидимому, могутъ они вредить, тѣмъ большую ненависть возбуждаютъ къ себѣ, «кажется, что существующій порядокъ вещей», говоритъ одинъ нѣ-

мецкій писатель, современникъ и приверженецъ стараго порядка, «сталъ вообще оскорбительнымъ для всѣхъ, а иногда и достойнымъ презрѣнія. Странно слышать нынѣшнія неблагосклонныя сужденія обо всемъ, что старо. Новыя впечатлѣнія пролагаютъ себѣ дорогу въ самыя нѣдра нашихъ семействъ и возмущаютъ ихъ порядокъ. Даже наши холяйки не хотятъ уже болѣе терпѣть свою старую утварь». Между тѣмъ въ Германіи въ тоже время, какъ и во Франціи, общество было весьма дѣятельно и наслаждалось постоянно возрастающимъ благоденствіемъ. Но обратите особенное вниманіе на слѣдующія слова, они дополняютъ картину: все, что живетъ, дѣйствуетъ и производитъ есть новаго происхожденія, и нетолько новаго, но и противоположнаго прежнему.

Такова королевская власть, не имѣющая ничего общаго съ средневѣковою, имѣющая другія прерогативы, занимающая другое мѣсто, имѣющая другой духъ, внушающая иныя чувства; такова государственная администрація, распространяющаяся во всѣ стороны надъ обломками мѣстныхъ властей; такова чиновническая іерархія, все болѣе и болѣе вытѣсняющая привительство дворянъ.

Всѣ эти новыя силы держатся пріемовъ и началъ, неизвѣстныхъ средневѣковымъ людямъ или отвергнутыхъ ими, и дѣйствительно соотвѣтствующихъ такому положенію общества, о какомъ они не имѣли даже и понятія.

Тоже самое и въ Англіи, гдѣ еще въ силѣ, какъ можно было бы сказать съ перваго взгляда, древнеевропейское государственное устройство. Если позабыть древнія названія и устранить старыя формы, то окажется что съ семнадцатаго столѣтія, въ сущности уничтожается феодальная система, смѣшиваются сословія, изчезаетъ дворянство, открыто является аристократія, богатство становится источникомъ могущества, является равенство предъ закономъ, равномѣрное распредѣленіе повинностей, свобода печати, публичность преній; это суть начала новыя, невѣдомыя

средневѣковому обществу. Именно эти то постепенныя, съ искусствамъ водворенныя нововведенія, придали ветхому тѣлу новую жизнь, не рискуя разрушить его, и наполнили его свѣжими силами, оставивъ древнія формы. Англія семнадцатаго столѣтія, представляя уже націю вполнѣ новую, есть единственная страна, гдѣ сохранились отъ окончательнаго разрушенія нѣкоторые обломки среднихъ вѣковъ.

Предпослать этотъ краткій, общій обзоръ происходившаго внѣ предѣловъ Франціи было необходимо, что бы облегчить уразумѣніе послѣдующаго; ибо кто изучалъ и имѣлъ въ виду только Францію, тотъ, говорю смѣло, ничего не поймeтъ во Французской революціи.

ГЛАВА V.

Что собственно сдѣлала французская революція?

Все сказанное прежде было сдѣлано съ цѣлью уяснить предметъ и облегчить рѣшеніе вопроса, поставленнаго мною въ началѣ главы: что было истинною цѣлью революціи? Въ чемъ же наконецъ выразился собственный ея характеръ? Для чего именно произошла она? Что она сдѣлала?

Революція явилась не для разрушенія религіозныхъ вѣрованій, какъ это думали, она была, несмотря на свою наружность, революціей общественною и политической; и въ кругу учрежденій этого рода она стремилась не къ продолженію безпорядка, не къ тому, чтобы такъ сказать, установить его, чтобы *методизировать* анархію, какъ говорилъ одинъ изъ ея главныхъ противниковъ, а скорѣе всего къ увеличенію могущества и правъ общественной власти. Ей не было нужды ни измѣнять прежній характеръ нашей цивилизаціи, какъ думали другіе, ни останавливать ея успѣха, ни даже перемѣнять сущность какихъ либо основныхъ законовъ, на которыхъ покоились общества нашего запада. Если отдѣлить ее отъ всѣхъ случайностей,

на мгновеніе измѣнявшихъ ея физіономію въ разныя эпохи и въ различныхъ мѣстностяхъ, и такимъ образомъ разсматривать ее только въ ней самой, тогда сдѣлается ясно, что эта революція имѣла въ виду только уничтоженіе политическихъ учрежденій, исключительно господствовавшихъ въ продолженіе многихъ вѣковъ у большинства европейскихъ народовъ и извѣстныхъ подъ именемъ феодальныхъ учрежденій, чтобы замѣнить ихъ болѣе однообразнымъ и простымъ общественнымъ и политическимъ порядкомъ, которому основаніемъ должно было служить равенство состояній.

Этого было достаточно для громадной революціи, ибо уже, независимо отъ того, что древнія учрежденія были перемѣшаны и какъ бы переплелись со всѣми почти религіозными и политическими законами Европы, они еще сверхъ того принесли съ собой множество идей, чувствъ, привычекъ и нравовъ, лучшихъ своихъ приверженцевъ. Ужасные судороги были неизбѣжны при отнятіи отъ общественнаго тѣла за-разъ такой части, которая была въ тѣсной связи со всѣми его органами. Это придало еще большіе размѣры раволюціи, какихъ у нея и не было въ дѣйствительности, она разрушила по видимому все, потому что разрушаемое ею, прикасалось ко всему и совсѣмъ составляло какъ бы одно тѣло.

Какъ ни была радикальна революція, всетаки она внесла въ жизнь гораздо менѣе новаго чѣмъ обыкновенно думаютъ: я докажу это впослѣдствіи. Все, что можно сказать о ней справедливаго заключается въ томъ, что революція совершенно разрушила или готова разрушить (ибо она еще продолжается) все, вытекавшее въ прежнемъ обществѣ изъ аристократическихъ и феодальныхъ учрежденій, все, какимъ либо образомъ, соприкасавшееся съ ними, все, носившее, въ какой бы то ни было степени, малѣйшій ихъ отпечатокъ.

Отъ прежняго она сохранила только то, что всегда было

чуждо этимъ учрежденіямъ или могло существовать и безъ нихъ. Менѣе всего можно считать революцію событіемъ случайнымъ. Правда, она застигла міръ въ расплохъ, но всетаки была только дополненіемъ болѣе продолжительной работы, была внезапнымъ и насильственнымъ окончаніемъ дѣла, надъ которымъ трудилось десять человѣческихъ поколеній. Если бы ея и не было, то тѣмъ не менѣе вѣтхое общественное зданіе пало бы повсюду, тутъ раньше, тамъ позже; только вмѣсто того, чтобы рушиться разомъ, оно разрушалось бы по частямъ, революція въ судорожномъ болѣзненномъ порывѣ, безъ перехода, безъ предосторожности, безъ оглядки, однимъ ударомъ покончила то, что исподволь кончилось бы само собой: таково было ея дѣло.

Къ удивленію то, что теперь такъ легко кажется намъ распознать, оставалось тогда туманнымъ и не проницаемымъ даже для людей самыхъ дальновидныхъ.

«Вы хотите искоренить злоупотребленія своего правительства», говоритъ тотъ же самый Бэркъ французамъ: «но для чего начинать снова? Отчего вамъ необратиться къ своимъ старымъ преданьямъ? Отчего не ограничиться возвращеніемъ старинныхъ вольностей? Или если вамъ было невозможно найти изгладившіяся черты государственнаго устройства вашихъ отцевъ, то отъ чего бы не заглянуть къ намъ? Здѣсь бы вы нашли древніе обще европейскіе законы.» Бэркъ не замѣчаетъ что у него передъ глазами революція долженствующая уничтожить именно этотъ старый обще-европейскій законъ; онъ незнаетъ, что именно объ этомъ, а не о чемъ другомъ, идетъ дѣло. Но почему эта революція, уже вездѣ созрѣвшая, по всюду угрожающая именно во Франціи вспыхнула скорѣе, чѣмъ гдѣ либо? По чему у насъ она приняла характеръ, котораго ни гдѣ болѣе не встрѣчаемъ, или если и видимъ, то только въ половину? Эти послѣдніе вопросы конечно стоятъ того, чтобы ихъ задать себѣ; отвѣтомъ на нихъ будутъ слѣдующія книги.

———

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Почему феодальныя права стали ненавистнѣе для народа во Франціи, чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ.

Вещь, поражающая съ перваго разу: революція, собственною цѣлію которой было повсемѣстное уничтоженіе остатковъ средневѣковыхъ учрежденій, вспыхнула не въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти учрежденія, лучше сохранившись, сильнѣе заставляли чувствовать народу свой стѣснительный гнетъ, а напротивъ тамъ, гдѣ они были всего менѣе чувствительны; такъ что это иго казалось наиболѣе несноснымъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ дѣйствительности оно было менѣе тяжкимъ.

Къ концу восемнадцатаго столѣтія рабство въ Германіи почти нигдѣ еще не было уничтожено, вполнѣ, а по большей части, народъ, какъ въ средніе вѣка, оставался положительно закрѣпленнымъ за землей. Почти всѣ солдаты, наполнявшіе арміи Фридриха II и Маріи-Терезіи, были настоящими рабами.

Въ 1788 г., въ большей части германскихъ государствъ крестьянинъ не могъ покинуть сеньоріи, а если оставлялъ ее, то его можно было отъискивать повсюду и силою возвращать на прежнее мѣсто. Крестьянинъ былъ подчиненъ господскому суду, наблюдавшему за его частною жизнью

и наказывавшему нетрезвость и лѣность. Онъ не могъ ни возвыситься въ своемъ положеніи, ни перемѣнить ремесла, ни жениться безъ согласія господина. Большую часть своего времени крестьянинъ принужденъ былъ посвящать на услуженіе владѣльцу. Многіе годы юности онъ проводилъ въ господской дворнѣ. Барщина существовала во всей силѣ и могла простираться, въ нѣкоторыхъ странахъ, до трехъ дней въ недѣлю. Крестьянинъ же возобновлялъ и поддерживалъ господскія строенія, возилъ на рынокъ съѣстные припасы владѣльца, сопровождалъ его самаго и былъ обязанъ ходить по его порученіямъ. Рабъ впрочемъ могъ сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ, но его собственность всегда оставалась весьма не полною. Онъ былъ обязанъ воздѣлывать свое поле такъ, а не иначе, подъ присмотромъ владѣльца; не могъ по своему произволу ни продать земли, ни отдать ее подъ залогъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его заставляли продавать произведенія земли, въ другихъ препятствовали этому; воздѣлыванье ея для крестьянина всегда было обязательно. Самое наслѣдство не переходило вполнѣ къ дѣтямъ; обыкновенно часть удерживалась за сеньоромъ.

Я нахожу эти распоряженія не въ старыхъ законахъ, я ихъ встрѣчаю даже въ кодексѣ, приготовленномъ Фридрихомъ Великимъ и обнародованномъ его наслѣдникомъ, уже въ то время, когда французская революція вспыхнула.

Во Франціи ничего подобнаго не существовало уже съ давнихъ поръ: селянинъ приходилъ, уходилъ, покупалъ, продавалъ, договаривался, работалъ по своему произволу. Послѣдніе остатки рабства замѣчались только въ одной, въ двухъ восточныхъ провинціяхъ, провинціяхъ завоеванныхъ; во всѣхъ прочихъ оно исчезло совершенно и даже его уничтоженіе восходитъ къ такой отдаленной эпохѣ, что это время уже совсѣмъ забылось. Ученыя изысканія нашего времени доказали, что въ Нормандіи уже съ тринадцатаго вѣка не было рабства.

Но въ положеніи народа во Франціи произошелъ сверхъ того совершенно иной переворотъ: крестьянинъ не только пересталъ быть рабомъ; онъ сдѣлался *поземельнымъ собственникомъ*. Этотъ фактъ еще и теперь мало разъясненъ, а между тѣмъ онъ имѣлъ, какъ увидимъ, столько послѣдствій, что мнѣ позволятъ нѣсколько остановиться здѣсь и разсмотрѣть его.

Долго думали, что эпохой и началомъ раздѣленія поземельной собственности была революція; всевозможныя свидѣтельства доказываютъ противное.

За двадцать лѣтъ, по крайней мѣрѣ, до этой революціи, слышались уже жалобы земледѣльческихъ обществъ, что почва дробится на участки сверхъ всякой мѣры. «Раздѣлъ наслѣдствъ», говоритъ Тюрго около того же времени, «доходитъ до того, что то, что было достаточно для одной семьи, раздѣляется между пятью, шестьми дѣтьми. Эти дѣти съ своими семействами не могутъ уже болѣе существовать единственно землей». Нѣсколько лѣтъ спустя, Неккеръ говорилъ, что во Франціи существуетъ *несмѣтное число (immensité)* мелкихъ деревенскихъ помѣстій.

Въ секретномъ отношеніи къ одному интенданту, за нѣсколько лѣтъ до революціи, я прочиталъ: «Наслѣдства дробятся равномѣрно и неудобно и такъ какъ всякій, во что бы то ни стало, хочетъ владѣть землею, то участки являются раздѣленными до безконечности и подраздѣляются безпрестанно.» Нельзя ли подумать, что это написано въ наше время.

Я самъ брался за громадный трудъ возсоздать отчасти кадастръ прежняго правительства, и иногда мнѣ это удавалось. Въ силу закона отъ 1790 года, установлявшаго поземельный налогъ, каждый приходъ долженъ былъ составить списки имѣній, существовавшихъ въ данное время на его территоріи. Эти списки большею частью пропали; однакожъ я находилъ ихъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и, сличая съ нашими реэстрами (rôles), видѣлъ, что въ этихъ

деревняхъ численность поземельныхъ собственниковъ доходила до половины, а часто и до двухъ третей нынѣшняго числа; это становится еще замѣчательнѣе, если вспомнитъ, что все населеніе Франціи увеличилось съ тѣхъ поръ только на четверть.

Уже тогда, какъ и въ наше время, любовь крестьянина къ поземельной собственности была неограниченна, и страсти, возраждающіяся въ немъ вслѣдствіи обладанія землею, уже появились. «Земли продаются постоянно выше ихъ стоимости», говоритъ превосходный современный наблюдатель; «что происходитъ отъ общей жажды сдѣлаться собственникомъ. Всѣ сбереженныя деньги низшихъ сословій, которыя въ другихъ странахъ помѣщаются на проценты у частныхъ лицъ и въ государственныхъ фондахъ, во Франціи предназначаются для покупки земель.»

Между всѣми новизнами замѣченными Артуромъ Юнгомъ, когда онъ посѣтилъ насъ въ первый разъ, болѣе всего поразило его большое раздробленіе почвы между крестьянами; онъ утверждаетъ, что половина земли во Франціи составляетъ ихъ собственность. «Я не имѣлъ никакого понятія», говоритъ онъ часто, «о существованіи подобнаго порядка вещей»; и въ самомъ дѣлѣ такой порядокъ нигдѣ не существовалъ тогда кромѣ Франціи, да развѣ еще въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ.

Въ Англіи были крестьяне-собственники, но уже гораздо въ меньшемъ числѣ. Въ Германіи всегда и вездѣ можно было видѣть свободныхъ поселянъ, владѣвшихъ участками земли, какъ полною собственностью. Частные и часто странные законы о крестьянской собственности встрѣчаются въ самыхъ древнихъ германскихъ обычаяхъ; но такого рода собственность всегда составляла исключеніе и число этихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ было очень невелико.

Германскія земли, гдѣ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія крестьянинъ былъ собственникомъ и почти столько же свободнымъ, какъ и во Франціи, большею частью лежатъ вдоль

по Рейну; здѣсь же скорѣе всего распространились и постоянно оставались наиболѣе живучими французскія революціонныя страсти. Напротивъ, части Германіи, бывшія долѣе всего недоступными этимъ страстямъ, были тѣ, гдѣ ничего подобнаго еще не замѣчалось. Это обстоятельство достойно замѣчанія.

И такъ думать, что раздѣленіе поземельной собственности во Франціи ведетъ свое начало отъ революціи, значитъ слѣдовать общему заблужденію. Это событіе гораздо древнѣе ея. Во время революціи, правда, были проданы всѣ земли духовенства и большая часть земель дворянства; но если заглянуть въ самые протоколы этихъ продажъ, для чего у меня доставало терпѣнія неоднократно, то узнаемъ что большая часть этихъ земель была куплена людьми, уже имѣвшими другіе поземельные участки; такъ, что хотя собственность и перешла въ другія руки, число собственниковъ увеличилось гораздо менѣе, чѣмъ думаютъ. Во Франціи, по изысканному, но справедливому на этотъ разъ, выраженію Неккера, ихъ было уже *несмѣтное число*.

Дѣло революціи состояло не въ раздробленіи земли, но въ временномъ освобожденіи ея. Всѣ эти мелкіе собственники были, дѣйствительно, чрезвычайно стѣснены въ пользованіи своими землями и несли множество повинностей, отъ которыхъ не позволялось освободиться.

Эти повинности, безъ сомнѣнія, были обременительны; но невыносимыми они казались для крестьянъ именно вслѣдствіе того обстоятельства, которое, повидимому, должно было бы облегчить ихъ тяжесть: тѣ же самые крестьяне, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ Европы, высвободились изъ-подъ господскаго управленія; вотъ другая революція не менѣе великая, чѣмъ сдѣлавшая ихъ собственниками.

Хотя старый порядокъ еще очень близокъ къ намъ, ибо мы постоянно встрѣчаемся съ людьми, родившимися подъ его законами, но уже кажется, что и онъ теряется

во мракѣ временъ. Радикальная революція, отдѣляющая насъ отъ него, имѣла силу вѣковъ: она подернула мракомъ все, чего не успѣла разрушить. И мало найдется теперь людей, которые бы могли съ точностію отвѣчать на слѣдующій простой вопросъ: какъ управлялись деревни до 1789 года? И въ самомъ дѣлѣ трудно было бы дать отвѣтъ рѣшительный и подробный, не изучивъ, не скажу книгъ, но административныхъ архивовъ этого времени.

Мнѣ часто приходилось слышать мнѣніе, что дворянство, съ давнихъ поръ переставшее принимать участіе въ управленіи государствомъ, сохранило до конца свое значеніе въ управленіи деревнями; будто бы господинъ управлялъ тамъ крестьянами. Это очень похоже на ошибку.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи всѣ приходскія дѣла велись извѣстнымъ числомъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ уже къ числу агентовъ сеньоріи и избиравшихся не сеньоромъ; одни изъ нихъ назначались интендантомъ провинціи, другіе выбирались самими крестьянами. На этихъ-то властяхъ лежала обязанность распредѣлять налоги, поправлять церкви, строить школы, созывать приходскія собранія и предсѣдательствовать въ нихъ. Онѣ блюли общинное имущество и распоряжались пользованіемъ ихъ, отъ имени общины зачинали и вели тяжбы.

Сеньоръ не только не завѣдывалъ администраціей этихъ мелкихъ мѣстныхъ дѣлъ, но и не наблюдалъ за ней. Всѣ чиновники прихода были подчинены центральной власти и обязаны отвѣтственностью предъ ней, какъ это будетъ показано въ слѣдующей главѣ. Еще болѣе, уже почти не видно, чтобы сеньоръ дѣйствовалъ, какъ представитель короля въ приходѣ, какъ посредникъ между королемъ и обывателями. Не ему поручаютъ примѣнять здѣсь общіе законы государства, созывать милицію, собирать подати, обнародывать указы Государя, раздавать вспомоществованія. Всѣ эти обязанности, всѣ эти права принадлежатъ другимъ лицамъ. Въ сущности сеньоръ былъ не болѣе какъ обы-

ватель, отличающійся отъ всѣхъ другихъ льготами и привиллегіями; онъ отличается своимъ положеніемъ, но не властью. *Сеньоръ есть только первый обыватель,* не упускаютъ случая сказать интенданты въ письмахъ къ своимъ субделегатамъ.

Оставивъ деревню и обратясь къ кантону, вы увидите тоже самое. Нигдѣ дворяне не управляютъ даже сообща, тѣмъ болѣе по одиначкѣ; но такъ было только во Франціи. Въ другихъ земляхъ вездѣ сохранилась отчасти отличительная черта древне-феодальнаго общества: права владѣнія землей и управленіе населеніемъ оставались еще смѣшанными.

Въ Англіи администрація, равно какъ и управленіе, находились въ рукахъ важнѣйшихъ поземельныхъ собственниковъ. Даже въ тѣхъ странахъ Германіи, гдѣ государи успѣли высвободиться изъ-подъ опеки дворянъ въ общихъ государственныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи и Австріи, и тамъ они оставляли этимъ послѣднимъ администрацію деревень и, если въ извѣстныхъ мѣстностяхъ начали контролировать ихъ дѣйствія, то всетаки еще нигдѣ не вытѣсняли ихъ совсѣмъ.

Говоря правду, французское дворянство, уже съ давнихъ поръ, только въ одномъ пунктѣ соприкасалось съ общественною администраціей,—это въ правосудіи. Важнѣйшіе между дворянами сохранили право имѣть судей, рѣшавшихъ извѣстныя тяжбы ихъ именемъ и установлявшихъ еще, отъ времени до времени, полицейскія мѣры въ предѣлахъ сеньоріи; но королевская власть постепенно обрѣзывала, ограничивала, подчиняла сеньоріальный судъ въ видахъ того, что владѣвшіе имъ смотрѣли на него скорѣе, какъ на источникъ доходовъ, чѣмъ какъ на власть.

То же самое было со всѣми частными правами дворянства. Политическая сторона ихъ исчезла; осталась одна денежная и иногда она значительно возвышалась.

Я хочу говорить теперь только о той части полезныхъ

привиллегій, которая носила по преимуществу названіе феодальныхъ налоговъ, потому что именно они имѣли прямое отношеніе къ народу.

Въ настоящее время трудно сказать, въ чемъ состояли эти права въ 1789 г., ибо число ихъ было необъятно, разнообразіе изумительно и многіе изъ нихъ уже исчезли или приняли иной видъ, такъ что смыслъ словъ, обозначавшихъ ихъ, сталъ не совсѣмъ понятенъ уже для современниковъ, а для насъ очень теменъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, познакомившись съ книгами феодистовъ восемнадцатаго вѣка и тщательно изучивъ мѣстные обычаи, можно видѣть, что всѣ существующія еще права могли быть сведены къ небольшому числу главныхъ видовъ: всѣ же прочія, хотя и существовали, но уже только въ видѣ несвязныхъ отрывковъ.

Слѣды сеньоріальной барщины почти вездѣ являются полуизглаженными. Большинство правъ на дорожныя пошлины ограничено или уничтожено; однакожъ мало провинцій, гдѣ бы не встрѣчалось многихъ изъ нихъ. Вездѣ сеньоры предъявляютъ свои права на ярморки и рынки. Извѣстно, что во всей Франціи имъ принадлежало исключительное право охоты. Вообще, они одни имѣли право держать голубятни и голубей; почти всѣ они обязываютъ крестьянина молоть на своей мельницѣ и жать виноградъ подъ своимъ прессомъ. Общій и чрезвычайно отяготительный сборъ представляютъ *lods et ventes* (пошлины съ продажи имѣнья); такъ назывался налогъ, платимый землевладѣльцу при каждой покупкѣ или продажѣ земель въ предѣлахъ его владѣній. Наконецъ на всемъ протяженіи территоріи земля обложена цензомъ, т. е. поземельными рентами и оброками, которыя собственникъ платилъ сеньору деньгами или натурой и отъ которыхъ нельзя было откупиться. Среди этого разнообразія является общая черта: всѣ права болѣе или менѣе были связаны съ почвой или ея произведеніями; всѣ прямо относятся къ земледѣльцу.

Извѣстно, что церковные сеньоры пользовались тѣми же

сборами, ибо церковь, не смотря на то, что имѣла иное начало, иное назначеніе и иную природу, чѣмъ феодализмъ, кончила тѣмъ, что тѣсно примкнула къ нему и, хотя никогда не воплотилась вполнѣ въ это чуждое ей тѣло, но всетаки такъ глубоко проникла въ него, что была со всѣхъ сторонъ окружена имъ.

Епископы, каноники, аббаты владѣли ленами и оброчными землями въ вознагражденіе за свои церковныя обязанности; монастырю обыкновенно принадлежала сеньорія той деревни, на территоріи которой онъ находился. У него были рабы въ той части Франціи, гдѣ они еще существовали; онъ пользовался барщиной, собиралъ пошлины съ ярморокъ и рынковъ, имѣлъ свою тюрьму, свою мельницу, свою прессовальню, своего быка. Для духовенства во Франціи, какъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ, былъ особенно выгоденъ сборъ десятины.

Для меня важно замѣтить здѣсь, что въ это время во всей Европѣ были тѣ же феодальные налоги, *рѣшительно одни и тѣ же* и что въ большинствѣ земель материка они были гораздо отяготительнѣе. Возмемъ напримѣръ хоть только барщину. Во Франціи она являлась рѣдко и въ смягченномъ видѣ; въ Германіи она была повсемѣстна и сурова.

Еще болѣе, многіе налоги феодальнаго происхожденія, всего болѣе возмущавшіе нашихъ отцевъ, казавшіеся имъ не только противными справедливости, но и цивилизаціи, какъ то: десятина, не отчуждаемыя и поземельныя ренты, постоянныя подати, пошлины съ продажи помѣстья, что на немного высокопарномъ языкѣ восемнадцатаго столѣтія называлось *рабствомъ земли*, все это существовало тогда отчасти у англичанъ, а многое даже и теперь существуетъ. И это однакожъ не препятствовало англійскому земледѣлію быть самымъ усовершенствованнымъ и богатымъ въ мірѣ, а народъ едва замѣчалъ эти остатки феодальныхъ правъ.

Но почему же эти самыя феодальныя права возбудили въ

сердцѣ французскаго народа ненависть столь сильную, что она пережила самую причину воспламенившую ее и такимъ образомъ кажется не угасимой? Причины этого явленія заключаются съ одной стороны въ пріобрѣтеніи французскимъ крестьяниномъ поземельной собственности, съ другой—въ полномъ его освобожденіи отъ господскаго управленія. Безъ сомнѣнія, есть еще много и другихъ причинъ, но эти, по моему,—главныя.

Если бы крестьянинъ не владѣлъ землей, то ему почти совсѣмъ, не было бы никакого дѣла до многихъ повинностей, которыми феодальная система отягощала поземельную собственность. Что значитъ десятина для того, кто фермеръ и не болѣе? Онъ ее предварительно зачисляетъ въ счетъ выручки съ аренды. Какое имѣютъ значеніе поземельныя подати для того, у кого нѣтъ земли? Существуютъ ли самыя невыгоды пользованія для эксплуатирующаго въ пользу другаго?

Съ другой стороны, если бы французскій крестьянинъ былъ еще подчиненъ господскому управленію, то феодальные налоги не были бы для него такъ несносны, потому что онъ видѣлъ бы въ нихъ только прямое слѣдствіе государственнаго устройства страны.

Когда дворянство не только обладаетъ привиллегіями, но и несетъ обязанности, когда въ его рукахъ сосредоточивается управленіе и администрація, то его частныя права могутъ быть сравнительно шире и въ то же время менѣе замѣтны. Во времена феодальныя, значеніе дворянства было почти одинаково съ значеніемъ, которое теперь имѣетъ правительство: переносились тяжести, возлагаемыя имъ за обезпеченіе, которое ожидали отъ него. Дворяне имѣли стѣснительныя привиллегіи и владѣли отяготительными поборами, но они были порукой за общественный порядокъ, они творили судъ, блюли законъ, являлись на защиту слабаго, вели общественныя дѣла. По мѣрѣ того, какъ дворянство покидало свою дѣятельность, бремя его привиллегій стано-

вилось все тягостнѣе и наконецъ самое существованіе ихъ потеряло смыслъ.

Представьте себѣ, пожалуйста, французскаго крестьянина восемнадцатаго столѣтія, или, что еще легче, того, котораго знаете вы теперь; ибо онъ всегда одинъ и тотъ же: измѣнилось его положеніе, но не характеръ. Вообразите его себѣ такимъ, какимъ его описываютъ документы, приведенные мной; смотрите: онъ такъ страстно влюбленъ въ землю, что на покупку ея тратитъ всѣ остатки своей бережливости и не останавливается передъ цѣной. Чтобы пріобрѣсти землю, ему нужно сперва уплатить пошлину не правительству, а сосѣдственнымъ собственникамъ, столь же чуждымъ, какъ и онъ, общественной администраціи, почти столько же безсильнымъ, какъ и онъ. Наконецъ онъ владѣтель земли; кажется, вмѣстѣ съ зерномъ онъ ввѣряетъ ей и свое сердце. Этотъ небольшой уголокъ почвы, принадлежащій ему, какъ собственность, въ пространномъ мірѣ, наполняетъ его чувствомъ гордости и независимости. Но вотъ, ни съ того ни съ сего, являются тѣ же самые сосѣди, отрываютъ его отъ роднаго поля и принуждаютъ идти работать на чужое, безъ вознагражденія. Если онъ захочетъ защищать свои посѣвы отъ ихъ дичи, они же мѣшаютъ ему въ этомъ; они же поджидаютъ его у переправы чрезъ рѣку, съ требованіемъ пошлины за проѣздъ. Встрѣчаясь на рынкѣ, они продаютъ ему право торговать его же припасами; и когда, возвратясь домой, захочетъ онъ употребить на свои нужды остатокъ хлѣба, того хлѣба, который выросъ на его глазахъ, при его уходѣ, то онъ можетъ сдѣлать это не иначе, какъ отославъ его предварительно на мельницу и потомъ въ пекарню этихъ людей. Такимъ образомъ въ ихъ пользу идетъ часть дохода съ его маленькаго владѣнія, и эти повинности не прекращаются за давностью и не могутъ быть выкуплены.

Что бы ни дѣлалъ крестьянинъ, вездѣ на своемъ пути встрѣтитъ онъ этихъ невыгодныхъ сосѣдей, смущающихъ

его веселье, стѣсняющихъ трудъ, поѣдающихъ его произведенія; а когда онъ покончитъ съ ними, то являются другіе, въ черномъ платьѣ, и забираютъ что ни есть лучшаго въ его сборѣ. Вообразите же себѣ положеніе, потребности, характеръ, страсти этого человѣка, и сочтите, если можете, сколько ненависти и зависти накипѣло у него въ сердцѣ.

Феодализмъ еще оставался самымъ важнымъ изъ всѣхъ нашихъ гражданскихъ учрежденій, потерявъ значеніе политическое. Въ такомъ положеніи, онъ возбуждалъ еще гораздо болѣе ненависти, и можно сказать по справедливости, что, уничтожая часть средневѣковыхъ установленій, дѣлали во сто разъ ненавистнѣе то, что еще оставляли.

ГЛАВА II.

О томъ, что административная централизація есть установленіе стараго порядка вещей, а не дѣло революціи или имперіи, какъ это думаютъ.

Мнѣ пришлось однажды слышать оратора, еще въ тѣ времена, когда у насъ были политическія собранія, который, говоря объ административной централизаціи, выразился такъ: «Это прекрасное завоеваніе нашей революціи, которому завидуетъ Европа.» Я согласенъ, что централизація есть прекрасное завоеваніе, я также согласенъ, что Европа намъ завидуетъ въ этомъ отношеніи, но я утверждаю, что централизація вовсе не есть завоеваніе революціи. Напротивъ, это произведеніе стараго порядка и, прибавлю, единственный обломокъ политическаго устройства прежней правительственной системы, пережившій революцію, потому, что онъ одинъ могъ приладиться къ новому общественному положенію, созданному этой революціей. Читатель, у котораго достанетъ терпѣнія внимательно прочесть предлагаемую главу, найдетъ, быть можетъ, что я доказалъ свое положеніе слишкомъ достаточно.

Да будетъ мнѣ позволено оставить пока въ сторонѣ то, что называлось *сеймовыми землями (pays d'etats)*, т. е. провинціи управлявшіяся сами собой, или, лучше сказать, сохранившія еще видъ самоуправленія. Сеймовыя земли, находясь на краяхъ королевства, содержали не болѣе четверти всего населенія Франціи, и въ числѣ ихъ было не болѣе двухъ, гдѣ провинціальная свобода была дѣйствительно оживлена. Впослѣдствіи я еще возвращусь къ сеймовымъ землямъ и покажу, до какой степени центральная власть подчинила и ихъ общимъ правиламъ (*).

Здѣсь я преимущественно займусь тѣмъ, что на административномъ языкѣ того времени называлось *избирательными землями (pays d'election)*, — хотя въ этихъ частяхъ королевства избирательство было развито въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Онѣ окружали со всѣхъ сторонъ Парижъ, были тѣсно соединены между собой и составляли сердце и лучшую часть тѣла Франціи.

При первомъ взглядѣ на старую администрацію королевства, взорамъ наблюдателя является только разнообразіе законовъ, путаница властей. Франція кажется какъ будто бы покрыта административными корпораціями или отдѣльными чиновниками, которые не зависѣли другъ отъ друга и принимали участіе въ управленіи въ силу права, купленнаго ими безвозвратно. Часто ихъ атрибуціи до того были перемѣшаны и смѣжны, что сталкивались въ кругу однихъ и тѣхъ же дѣлъ.

Судамъ предоставлялось косвенное участіе въ законодательной власти; они имѣли право давать административные уставы, обязательные въ предѣлахъ области, подлежащей ихъ власти; иногда они шли противъ администраціи въ собственномъ смыслѣ, шумно порицали ея мѣры и назначали себѣ чиновниковъ. Простые судьи дѣлали полицейскія распоряженія въ городахъ и бургахъ своего вѣдомства.

(*) См. прибавленіе.

Устройство городовъ было весьма различно. Ихъ магистраты носили разныя названія или черпали свою власть изъ разныхъ источниковъ: здѣсь меръ, тамъ консулы, въ другомъ мѣстѣ синдики. Одни изъ нихъ избирались королемъ, другіе прежнимъ сеньоромъ и удѣльнымъ принцемъ; здѣсь есть избранные на годъ согражданами, есть и другіе, купившіе право постоянно занимать извѣстное мѣсто.

Таковы были обломки прежнихъ властей; но среди ихъ мало по малу устанавливается вещь сравнительно новая, или передѣланная изъ старой; ее мнѣ остается еще описать.

Въ центрѣ королевства, вокругъ трона, образовался административный корпусъ съ чрезвычайною силою въ своихъ рукахъ, вокругъ котораго всѣ власти соединяются новымъ образомъ, это *королевскій совѣтъ*.

Происхожденіе его древне, но большую часть своихъ обязанностей онъ получилъ уже въ новыя времена. Въ немъ сосредочивалось все: и верховный судъ, ибо онъ имѣлъ право уничтожать рѣшенія всѣхъ судовъ; и высшій административный трибуналъ: потому что ему, какъ послѣдней инстанціи, были подвѣдомственны всѣ частныя юрисдикціи. Сверхъ того, въ качествѣ правительственнаго совѣта, онъ получилъ по волѣ короля и законодательную власть, разсматривалъ и проэктировалъ большую часть законовъ, назначалъ и распредѣлялъ налоги. Какъ высшему административному совѣту, ему присвоено было право установленія общихъ законовъ, которыя должны были служить руководствомъ для агентовъ правительства. Онъ же рѣшалъ и всѣ важныя дѣла и наблюдалъ за второстепенными властями. Все, достигая его, оканчивается и отъ него исходитъ движеніе, сообщающееся всему. Но у него, однакожъ, нѣтъ собственной юрисдикціи; одинъ только король рѣшаетъ все, даже и тогда, когда по видимому произноситъ рѣшеніе совѣтъ. И даже несмотря на свое видимое судебное назначеніе, онъ состоитъ не болѣе, какъ изъ простыхъ *подава-*

телей мнѣній (donneurs d'avis), какъ говоритъ парламентъ въ одной изъ своихъ бумагъ.

Этотъ совѣтъ былъ составленъ не изъ знати, а изъ лицъ средняго или низшаго сословія, бывшихъ интендантовъ и другихъ людей, испытанныхъ въ дѣловой практикѣ. Всѣ они могли быть отрѣшенными отъ мѣста.

Обыкновенно дѣйствовалъ онъ очень скромно и безъ шума, всегда обнаруживая больше власти, чѣмъ притязаній. Самъ по себѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго блеска; или, точнѣе, терялся въ блескѣ близкаго къ нему престола; сильный своимъ повсемѣстнымъ вліяніемъ, онъ почти не замѣтенъ для исторіи своею не видною ролью.

Подобно тому, какъ всею администраціей страны управляло одно учрежденіе, почти все вѣденіе внутреннихъ дѣлъ ввѣрено было попеченію одного чиновника — *генеральнаго контролера.*

Открывъ адресъ-календарь стараго правительства, найдете, что въ каждой провинціи былъ свой особенный министръ; но, при изученіи администраціи въ ея бумагахъ, тотчасъ оказывается, что дѣйствіямъ провинціальнаго министра подлежатъ только немногіе маловажные случаи. Обычнымъ ходомъ дѣлъ руководилъ генеральный контролеръ, мало-по-малу подчинившій своему вѣденію всѣ дѣла, дающія мѣсто денежнымъ вопросамъ, т. е. почти всю общественную администрацію. Онъ поперемѣнно дѣйствовалъ то въ качествѣ министра финансовъ, то министра внутреннихъ дѣлъ, то министра публичныхъ работъ, то министра торговли.

Какъ въ Парижѣ у центральной администраціи въ сущности былъ только одинъ агентъ, такъ и въ каждой провинціи было у ней по одному. Еще встрѣчаются въ восемнадцатомъ столѣтіи вельможи, которые носятъ имя *провинціальныхъ губернаторовъ.* Это старые, часто наслѣдственные, представители феодальнаго королевства. Имъ воздаютъ еще почести, но уже нѣтъ у нихъ никакой власти. Вся

сущность управленія сосредоточилась въ рукахъ интенданта.

Это—человѣкъ незнатнаго происхожденья, постоянно чужой для провинціи; человѣкъ молодой, желающій составить себѣ карьеру. Онъ отправляетъ свои обязанности не по праву избранія, рожденія или купленной должности; онъ назначается правительствомъ изъ среды младшихъ членовъ государственнаго совѣта и всегда можетъ быть отрѣшенъ. Выдѣлившись изъ этого учрежденія, онъ есть его представитель въ провинціи и вотъ почему на дѣловомъ языкѣ того времени называютъ его *commissaire departi.* Въ его рукахъ сосредоточены почти всѣ права самаго совѣта; но только въ первой инстанціи. Подобно этому совѣту, онъ въ одно время былъ и администраторомъ и судьей. Интендантъ сносился со всѣми министрами; онъ былъ единственнымъ агентомъ въ провинціи всякой воли правительства.

Стоитъ ниже его и назначается имъ въ каждомъ кантонѣ чиновникъ, котораго можно по произволу отрѣшить, это—*субделегатъ.* Интендантъ обыкновенно бываетъ новопожалованнымъ дворяниномъ; субделегатъ всегда простолюдинъ. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ собой все правительство, въ тѣсныхъ предѣлахъ ввѣреннаго ему кантона, какъ интендантъ въ цѣломъ округѣ. Онъ подчиненъ интенданту, какъ этотъ послѣдній министру.

Маркизъ д'Аржансонъ (d'Argenson) разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что сказалъ ему однажды Ло (Law): «Никогда не повѣрилъ бы я тому, что я видѣлъ, будучи контролеромъ финансовъ. Знайте, что Франція управляется тридцатью интендантами. У васъ нѣтъ ни парламента, ни собраній, ни правителей; это тридцать провинціальныхъ докладчиковъ, отъ которыхъ зависитъ счастіе и несчастіе этихъ провинцій, ихъ довольство или скудность».

Эти столь сильные чиновники затмѣвались однакожъ остатками старой феодальной аристократіи и какъ бы терялись среди того блеска, который она еще бросала отъ себя;

это обстоятельство было причиной того, что они даже и въ свое время едва были замѣтны, хотя ихъ рука чувствовалась уже повсюду. Въ обществѣ, дворянство брало надъ ними верхъ званіемъ, богатствомъ и уваженіемъ, всегда питаемымъ къ старинѣ. Въ управленіи, дворяне окружали государя и составляли его дворъ; они начальствовали флотами, предводительствовали арміями, словомъ, роль ихъ была самою яркою въ глазахъ современниковъ и весьма часто останавливающею взоры потомства. Предложить знатному человѣку интендатство было бы насмѣшкою надъ нимъ; бѣднѣйшій родовой дворянинъ въ большей части случаевъ пренебрегъ бы этимъ званіамъ. Интенданты были въ его глазахъ представителями новой втершейся силы, людями новыми, поставленными управлять буржуазіей и крестьянами, и сверхъ того они были представителями весьма малаго числа людей. Однакожъ эти люди управляли Франціей, какъ сказалъ Ло, и какъ мы это увидимъ далѣе.

Начнемъ сперва съ права налоговъ, содержащаго, въ нѣкоторомъ отношеніи, всѣ прочія.

Извѣстно, что часть налоговъ была на откупу: относительно ихъ, съ финансовыми компаніями, договаривался королевскій совѣтъ; онъ опредѣлялъ условія договора и установлялъ способъ взиманія. Всѣ же прочіе налоги, какъ постоянная подать, подушное и двадцатыя части устанавливались и взимались прямо агентами центральной администраціи или подъ ихъ всемогущимъ контролемъ.

Совѣтъ ежегодно назначалъ секретнымъ предписаніемъ сумму постоянной подати и ея многочисленныхъ спутниковъ, равно какъ и распредѣленіе ихъ по провинціямъ. Такимъ образомъ постоянная подать возрастала съ году на годъ, не предваряя никого объ этомъ ни малѣйшимъ слухомъ.

Такъ какъ постоянная подать была старымъ налогомъ, то наложеніе и взиманіе ея ввѣрялось нѣкогда мѣстнымъ агентомъ, болѣе или мѣнѣе независимымъ отъ правительства потому, что они отправляли свои должности по праву рожденія, избранія или въ силу покупки. Таковы были *кенъоръ, приходской сборщикъ* (*le collecteur paroissiale*), *казначей* (*les trésoriers de France*), *выборные* (*les élus*). Эти званія существовали еще въ восемнадцатомъ столѣтіи; но одни изъ нихъ совершенно перестали заботиться о постоянной подати, другія занимали при этомъ уже второстепенныя мѣста и находились въ полной зависимости отъ другихъ. Вотъ поэтому-то вся власть была въ рукахъ интенданта и его агентовъ; на самомъ дѣлѣ онъ одинъ распредѣлялъ постоянную подать по приходамъ, руководилъ сборами и наблюдалъ за ними, соглашался на отсрочки и облегченія.

Въ другихъ налогахъ позднѣйшаго происхожденія, какъ напримѣръ въ подушномъ, правительство не стѣснялось вліяніемъ остатковъ отжившихъ властей; оно дѣйствовало одно, безъ всякаго вмѣшательства управляемыхъ. Генеральный контролеръ, интендантъ и совѣтъ назначали объемъ каждой части.

Перейдемъ отъ денегъ къ людямъ; иногда удивляются, что французы такъ терпѣливо сносили тяжесть военной конскрипціи въ эпоху революціи и послѣ нея; но должно принять во вниманіе ихъ давнишнюю привычку къ этому. Конскрипціи предшествовала милиція, повинности еще болѣе тяжкой, хотя число потребныхъ контингентовъ было менѣе. Отъ времени до времени заставляли деревенскую молодежь вынимать жребій; изъ нея брали опредѣленное число солдатъ, составлявшихъ милиціонные полки, въ которыхъ служба продолжалась шесть лѣтъ.

Такъ какъ милиція была установленіемъ сравнительно новымъ, то ею не занималась ни одна изъ старыхъ феодальныхъ властей; всѣ распоряженія по ней были возложены на однихъ агентовъ центральнаго правительства. Совѣтъ опредѣлялъ общій контингентъ и долю каждой провинціи. Интендантъ означалъ число конскриптовъ въ каж-

домъ приходѣ; его субделегатъ предсѣдательствовалъ при тиражѣ, опредѣлялъ случаи изъятія, отмѣчалъ милиціонеровъ, могшихъ проживать у себя дома, тѣхъ, которые должны были отправляться, и передавалъ ихъ наконецъ военному начальству. Обращаться съ просьбами можно было только къ интенданту и совѣту.

Равно можно сказать, что, за исключеніемъ сеймовыхъ земель, вездѣ публичныя работы, имѣвшія въ виду даже самыя спеціальныя цѣли, опредѣлялись и велись только агентами центральной власти.

Существовало еще много другихъ мѣстныхъ и независимыхъ властей, которыя, какъ *сеньоры, финансовыя бюро (bureaux de finances), главные надсмотрщики (les grands voyers)* могли соперничать съ общественною администраціею. Но почти повсюду эти старыя власти дѣйствовали уже слабо или и вовсе не дѣйствовали: это видно изъ самаго поверхностнаго обзора административной машины того времени. Всѣ большія дороги и даже пути, ведшіе отъ одного города къ другому, открывались и поддерживались на счетъ общихъ взносовъ. Совѣтъ утверждалъ проэкты и отдавалъ на подрядъ ихъ выполненіе. Интендантъ управлялъ инженерными работами, субделегатъ приводилъ людей, обязанныхъ ихъ исполнять. Старымъ мѣстнымъ властямъ оставлена только была забота о проселочныхъ дорогахъ, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались не проходимыми.

Главнымъ учрежденіемъ центральнаго правительства въ дѣлѣ публичныхъ работъ было *вѣдомство путей сообщенія (le Corps des ponts et chaussées).* Здѣсь все, несмотря на разность временъ, страннымъ образомъ перемѣшалось. Администрація путей сообщеній имѣетъ совѣтъ и школу: инспекторовъ, ежегодно объѣзжающихъ всю Францію; инженеровъ, обязанныхъ на мѣстѣ управлять всѣми работами и подчиненныхъ интенданту. Установленія стараго порядка вещей, перенесенныя въ новое общество въ гораздо большомъ числѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ, обыкновенно теряли при этомъ переходѣ свои названія, удерживая прежнія формы; но учрежденіе корпуса путей сообщеній удержало то и другое: фактъ рѣдкій.

Центральное правительство одно заботилось, при посредствѣ своихъ агентовъ, о поддержаніи въ провинціяхъ общественнаго порядка. Мѣстныя команды (la maréchaussée) были разбросаны по всему королевству не большими бригадами и вездѣ состояли подъ управленіемъ интендантовъ. При помощи этихъ солдатъ, а въ случаѣ нужды и арміи, интендантъ являлся среди всѣхъ непредвидѣнныхъ опасностей, задерживалъ бродягъ, преслѣдовалъ нищенство и подавлялъ волненія, безпрестанно возникавшія вслѣдствіе высокой цѣны на хлѣбъ. Уже никогда не случалось, какъ бывало прежде, чтобы управляемые призывались на помощь правительству по этой части его заботъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ обыкновенно существовала городовая стража, офицеры и солдаты которой избирались и назначались интендантомъ.

Судебныя сословія сохранили право установлять полицейскія правила и часто пользовались имъ; эти правила имѣли приложеніе только въ одной части территоріи, а всего чаще въ одномъ мѣстѣ. Совѣтъ всегда могъ уничтожать ихъ, и уничтожалъ безпрерывно, когда шло дѣло о низшихъ юрисдикціяхъ. Съ своей стороны онъ постоянно дѣлалъ общія постановленія, одинаково относящіяся до всего королевства, отличныя по содержанію отъ тѣхъ, для которыхъ существовала регламентація трибуналовъ, или однородныя, но регламентированныя въ нихъ иначе. Число этихъ постановленій или, какъ тогда говорили, этихъ *указовъ совѣта (arrets du conseil)*, громадно и оно постоянно возрастало съ приближеніемъ революціи. Почти нѣтъ ни одной части общественной экономіи или политическаго органа, которые не были бы передѣланы указами совѣта въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, предшествовавшіе революціи.

Въ древнемъ феодальномъ обществѣ, если сеньору предо-

ставлялись большія права, то онъ несъ за то и большія повинности. Онъ былъ обязанъ помогать не имущимъ внутри своихъ доменовъ. Послѣднюю черту этого древне Европейскаго законодательства мы находимъ въ Прусскомъ кодексѣ 1795 года, гдѣ сказано: «Сеньоръ долженъ заботиться о томъ, чтобы бѣдные крестьяне получали вспомоществованіе. Онъ долженъ, на сколько это возможно, доставлять средства къ жизни тѣмъ изъ его вассаловъ, у которыхъ нѣтъ земли. Если иные изъ нихъ впадутъ въ нищету, онъ обязанъ подавать имъ помощь.»

Во Франціи уже съ давняго времени не существовало ни одного подобнаго закона. Сеньоръ, вмѣстѣ съ лишеніемъ своихъ древнихъ правъ, освободился и отъ прежнихъ обязанностей. Никакая мѣстная власть, никакой совѣтъ, никакое провинціальное или приходное сословіе не заняли его мѣста. Никто не былъ обязанъ закономъ заботиться о бѣдныхъ въ деревняхъ; центральное правительство слишкомъ смѣло взяло на себя заботу о ихъ нуждахъ.

Ежегодно были ассигнованы совѣтомъ для каждой провинціи, изъ общихъ доходовъ отъ податей, извѣстныя суммы, которыя интендантъ раздавалъ по приходамъ, въ видѣ вспомоществованія. Къ нему долженъ былъ обращаться нуждавшійся земледѣлецъ. Во время голода интендантъ приказывалъ раздавать народу хлѣбъ или рисъ. Совѣтъ издавалъ ежегодно указы объ учрежденіи, въ мѣстахъ имъ самимъ назначенныхъ, пріютовъ (ateliers de charité), гдѣ бѣднѣйшіе крестьяне могли трудиться за небольшую плату. Легко понять, что подобная благотворительность, идущая издалека, часто была слѣпа и всегда весьма недостаточна.

Центральное правительство не ограничивалось простымъ вспомоществованіемъ крестьянамъ въ ихъ бѣдствіяхъ; у него были притязанія научить ихъ искусству обогащенія, оно хотѣло помочь имъ въ этомъ, а при нуждѣ и приневолить. Съ этою цѣлію оно раздавало, время отъ времени, посредствомъ интендантовъ и ихъ субделегатовъ, небольшія сочиненія о земледѣльческомъ искусствѣ, основывало земледѣльческія общества, обѣщала преміи, поддерживало, съ большими издержками, разсадники, произведенія которыхъ потомъ раздавало. Казалось бы ближе къ цѣли облегчить тяжесть и уменьшить неравенство налоговъ, обременявшихъ тогда земледѣліе, но этого кажется, никогда и не приходило имъ въ голову.

Иногда совѣтъ хотѣлъ развитіе благосостояніе сдѣлать обязательнымъ для частныхъ людей, каковы бы они ни были. Указы принуждавшіе ремесленниковъ пользоваться извѣстными методами и обработывать опредѣленные продукты, были безчисленны, и такъ какъ для наблюденія за примѣненіемъ всѣхъ этихъ правилъ однихъ интендантовъ было недостаточно, то существовали генеральные инспектора промышленности, объѣзжавшіе съ этой цѣлью провинціи.

Есть опредѣленія совѣта, запрещавшія извѣстные способы воздѣлыванія тамъ, гдѣ совѣтъ считаетъ ихъ невыгодными. Встрѣчаются и такія, гдѣ онъ приказываетъ пересадить виноградныя лозы, насажденныя на дурной, по его мнѣнію, почвѣ. До такой уже степени отъ роли повелителя снизошло правительство до роли опекуна.

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ то, что теперь называется административною опекой, есть установленіе стараго порядка вещей.

Во Франціи муниципальная свобода пережила феодализмъ. Въ то время, когда уже землевладѣльцы не управляли болѣе деревнями, города сохранили еще право самоуправленія. До самаго конца семнадцатаго столѣтія встрѣчаются еще города, продолжавшіе свое развитіе въ видѣ небольшихъ демократическихъ республикъ, гдѣ магистраты свободно избирались всѣмъ народомъ и были отвѣтственны

предъ нимъ, гдѣ муниципальная жизнь является публичною и дѣятельною, гдѣ въ городѣ видна еще гордость своими правами и великая ревность къ своей независимости.

Избирательство было вообще, уничтожено впервые только въ 1692 году; муниципальныя должности были тогда сдѣланы оффиціальными, т. е. это значитъ, что король продалъ въ каждомъ городѣ нѣсколькимъ обитателямъ право управлять всѣми другими гражданами.

Это было принесеніемъ въ жертву, вмѣстѣ со свободою городовъ, ихъ благосостояніе; ибо если превращеніе общественныхъ должностей въ службу, часто производили полезныя слѣдствія въ судебномъ отношеніи, потому что первое условіе правосудія есть полная независимость судьи, то съ другой стороны оно было гибелью, когда дѣло шло объ администраціи въ собственномъ смыслѣ, необходимо предполагающей отвѣтственность, подчиненность и усердіе. Правительство старой монархіи не ошибалось въ этомъ: оно тщательно избѣгало для самаго себя того порядка, который учредило въ городахъ и остерегалось превращенія въ службу должностей интендантовъ и субделегатовъ.

И, что особенно достойно порицанія исторіи, этотъ великій переворотъ не имѣлъ политической цѣли. Людовикъ XI ограничилъ муниципальныя вольности, потому что ихъ демократическій характеръ внушалъ ему опасеніе. Людовикъ XIV разрушилъ ихъ, не питая къ нимъ даже страха. Это доказывается тѣмъ, что онъ возвратилъ ихъ всѣмъ городамъ, могшимъ ихъ выкупить. Въ сущности ему не столько хотѣлось уничтожить муниципальныя вольности, какъ сдѣлать выгодный оборотъ, и если онъ разрушилъ ихъ въ самомъ дѣлѣ, то это было сдѣлано, такъ сказать, безъ всякой затаенной мысли, просто вызвано было финансовыми потребностями; и, странное дѣло, таже игра продолжается восемьдесятъ лѣтъ. Семь разъ, въ продолженіе этого времени, продаютъ городамъ право избирать своихъ магистратовъ; и, лишь только они снова отвѣдали пріятность этого

права, какъ у нихъ уже его отнимаютъ, что бы снова его перепродать. Причина этой мѣры постоянно одна и таже и ее часто даже высказываютъ, «потребности нашихъ финансовъ», говорится во ступленіи къ эдикту 1722 года, «обязываютъ насъ изыскать самыя надежныя средства помочь имъ». Средство было вѣрно, но разорительно для тѣхъ, на кого падалъ этотъ странный налогъ. «Я пораженъ не объятностью суммъ, затраченныхъ для выкупа муниципальныхъ должностей», пишетъ одинъ интендантъ къ генеральному контролеру въ 1764 году. «Эти суммы, употребленныя на полезныя предпріятія, обратились бы въ пользу города, который, на противъ того, чувствовалъ только тяжесть власти и привилегій этихъ должностей». Я не знаю черты болѣе постыдной во всей старой монархіи.

Нынѣ, кажется, трудно дать точный отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ управлялись города въ восемнадцатомъ столѣтіи; ибо, уже независимо отъ того, что видъ муниципальныхъ властей безпрерывно мѣняется, какъ это было сказано, каждый городъ сохраняетъ еще кое какія лохмотья своего прежняго устройства и особенныхъ обычаевъ. Можетъ быть нѣтъ двухъ городовъ во Франціи совершенно сходныхъ между собой, но это только обманчивое различіе, подъ которымъ скрывается сходство.

Въ 1764 году правительство предприняло изданіе общихъ законовъ о городовой администраціи. Оно потребовало, черезъ своихъ индендантовъ, описанія современнаго хода дѣлъ въ каждомъ городѣ. Я нашелъ часть этихъ справокъ и, читая ихъ, окончательно убѣдился, что муниципальныя дѣла почти вездѣ велись одинаково. Различія были только наружныя и кажущіяся; сущность вездѣ одна и таже.

Чаще всего управленіе городомъ ввѣрялось двумъ собраніямъ. Такъ было во всѣхъ большихъ городахъ и въ большинствѣ менѣе значительныхъ.

Первое собраніе составлено было изъ муниципальныхъ чиновниковъ, число которыхъ различно въ разныхъ мѣстахъ.

Собраніе представляло исполнительную власть общины, *le corps de ville*, (городское правленіе), какъ его тогда называли. Члены его были облечены временною властью по выборамъ, когда король утвердилъ эти выборы или если городъ могъ выкупить свои должности. Они отправляли свои обязанности пожизненно за деньги, если король возстановлялъ муниципальныя должности, успѣвъ продать ихъ, что не всегда случалось; ибо этотъ родъ торговли становился все отвратительнѣе и отвратительнѣе по мѣрѣ того, какъ муниципальная власть подчинялась центральной. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, муниципальные чиновники не получали жалованья, но они всегда были изъяты отъ податей и имѣли привилегіи. Между ними нѣтъ ни какаго іерархическаго порядка, администрація существовала коллективная. Нѣтъ учрежденія, которое руководило бы ею особенно и несло отвѣтственность. Меръ есть предсѣдатель городскаго управленія, но не администраторъ города.

Другое собранье, называвшееся *генеральнымъ собраньемъ*; оно избираетъ членовъ городскаго правленія тамъ, гдѣ еще существуетъ избраніе, и вездѣ принимаетъ участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи генеральное собраніе часто состояло изъ всего народа; этотъ обычай, говоритъ одна отвѣтная записка, *согласовался съ народнымъ геніемъ нашихъ отцевъ*. Въ это время весь народъ избиралъ муниципальныхъ чиновниковъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣтовались съ самимъ народомъ, ему же отдавали и отчетъ. Это еще встрѣчается иногда и въ семнадцатомъ столѣтіи.

Въ восемнадцатомъ народъ уже не имѣетъ вліянія самъ на генеральное собраніе. Оно почти всегда представительное. Но всего замѣчательнѣе, что уже нигдѣ члены его не избираются массою народа и не проникнуты народнымъ духомъ. Вездѣ оно составляется изъ *нотаблей*, изъ которыхъ иные вступаютъ въ должность по праву присвоенному рожденіемъ; другіе присылаются корпораціями и обществами и каждый исполняетъ приказаніе, данное ему этимъ частнымъ маленькимъ обществомъ.

Съ годами число нотаблей, по праву, увеличилось въ генеральномъ собраніи, депутаты промышленныхъ корпорацій встрѣчаются рѣже и даже перестаютъ совсѣмъ появляться. Остаются одни представители *сословій*, т. е. собраніе состоитъ только изъ буржуазіи и почти совсѣмъ не встрѣчаются ремесленники. Народъ, котораго нетакъ—то легко, какъ воображали, обмануть пустыми призраками свободы, вездѣ перестаетъ заботиться о дѣлахъ общины и не выходитъ изъ четырехъ своихъ стѣнъ, какъ человѣкъ чужой. Тщетно магистраты пытаются отъ времени до времени расшевелить въ немъ тотъ муниципальный патріотизмъ, который въ средніе вѣка произвелъ столько чудесъ; народъ остается глухъ. Его не трогаютъ уже болѣе, повидимому, самые важные интересы города. Хотѣли было чтобы онъ подавалъ голоса, что должно было сохранить пустой призракъ свободнаго избранія; но онъ упорно отказывается. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе этого явленія въ исторіи. Почти всѣ государи, гнавшіе свободу, пытались сперва удержать ея формы: это явленіе міръ видѣлъ со временъ Августа до нашихъ дней; такимъ образомъ они льстили себя надеждой съ нравственной силой, постояннымъ слѣдствіемъ общественнаго сочувствія, совмѣстить выгоды, предоставляемыя одною только безграничною властью. Почти всѣ они обманулись въ своемъ намѣреніи и вскорѣ увидѣли невозможность продлить существованіе формы тамъ, гдѣ нѣтъ уже болѣе содержанія.

И такъ въ восемнадцатомъ столѣтіи городовое муниципальное правительство выродилось повсюду въ мелкую алигархію. Нѣсколько семействъ вели всѣ дѣла безъ общественнаго контроля и отвѣтственности предъ нимъ: таковъ недугъ, которому подвержена была во всей Франціи эта администрація. Всѣ интенданты сознаютъ его; но единственное средство противъ него, по ихъ мнѣнію, есть большее и

большее подчиненье мѣстныхъ властей центральному правительству.

Однакожъ трудно было что нибудь сдѣлать лучше того, что уже существовало; независимо отъ эдиктовъ, время отъ времени видоизмѣнявшихъ администрацію всѣхъ городовъ, частные законы каждой изъ нихъ нерѣдко ниспровергались постановленіями совѣта, не внесенными въ списки, данными какъ отвѣты на представленія интендантовъ, безъ предварительныхъ справокъ, такъ что иногда самые горожане ничего не подозрѣвали объ этомъ.

«Эта мѣра», говорятъ жители одного города получившаго подобный указъ совѣта, «изумила всѣ городскія сословія, не ожидавшія ничего подобнаго».

Города не могутъ ни установить пошлины за въѣздъ (octroi), ни собрать налоговъ, ни заложить или продать или отдать своихъ земель на аредну, ни заводить о нихъ тяжбы, ни управлять ими, ни сдѣлать употребленія изъ остатковъ своихъ доходовъ, ничего подобнаго безъ того, чтобы не вмѣшался указъ совѣта въ отвѣтѣ на отношеніе интенданта. Всѣ городскія работы выполняются по планамъ и смѣтамъ, утвержденнымъ указомъ совѣта. Въ присутствіи интенданта или его субделегатовъ отдаются онѣ на подрядъ и руководитъ ими обыкновенно инженеръ или государственный архитекторъ. Вотъ что изумитъ каждаго, кто думалъ найти во всемъ, что видитъ во Франціи, явленіе новое.

Но разширеніе значенія центральнаго правительства въ городской администраціи идетъ еще гораздо далѣе, чѣмъ можетъ дать понятіе объ этомъ даже и приведенный примѣръ; власть его въ городѣ гораздо шире чѣмъ право.

Въ одномъ циркулярѣ, адрессованномъ около половины столѣтія генеральнымъ контролеромъ ко всѣмъ интендантамъ, читаемъ слѣдующія строки. «Вы приложите особенное вниманіе ко всему тому, что происходитъ въ муниципальныхъ собраніяхъ. Вы прикажите дать себѣ самый точный отчетъ о нихъ и представить всѣ разсужденія, какія

будутъ сдѣланы, для немедленной отсылки ихъ ко мнѣ съ вашими мнѣніями.

Дѣйствительно, изъ переписки интенданта съ его субделегатами видно, что у правительства была рука во всѣхъ городскихъ дѣлахъ, одинаково какъ въ самыхъ ничтожныхъ, такъ и въ самыхъ важныхъ. Съ нимъ совѣтовались обо всемъ и у него уже есть готовое мнѣніе; оно всѣмъ управляетъ, даже и праздниками. Оно въ извѣстныхъ случаяхъ заказываетъ изъявленіе общественнаго веселья, заставляетъ зажигать фейерверки и иллюминовать дома. Я нашелъ одного интенданта, который присудилъ къ уплатѣ 20 ливровъ пени членовъ городской стражи, не присутствовавшихъ при *Te Deum*.

Да и самыя чувства муниципальныхъ чиновниковъ соотвѣтствовали ихъ ничтожеству. «Всепокорнѣйше просимъ васъ, Монсеньоръ» пишутъ нѣкоторые изъ нихъ интенданту, «удостоить насъ своею благосклонностію и покровительствомъ. Мы постараемся показать себя заслуживающими ихъ нашею покорностью всѣмъ приказаніямъ вашего величія.» «Мы никогда не противились вашей волѣ, Монсеньоръ» пишутъ другіе, придавая еще себѣ великолѣпный титулъ *пэровъ города*.

Вотъ какимъ образомъ сословіе буржуазіи готовилось къ управленію, а народъ къ свободѣ.

Если бы, покрайней мѣрѣ, эта тѣсная зависимость городовъ сберегала ихъ финансы, но и того нѣтъ. Утверждаютъ, что безъ централизаціи города тотчасъ бы разрушились; не знаю; но извѣстно, что въ восемнадцатомъ столѣтіи централизація не помѣшала имъ разрушиться. Вся административная исторія этого времени наполнена описаніемъ безпорядковъ въ дѣлахъ городовъ.

Если перейдемъ отъ городовъ къ деревнямъ, то встрѣтимъ другія власти, другія формы, но ту же зависимость.

Изъ многихъ указаній видно, что въ средніе вѣка жители всякой деревни составляли общину, отдѣльную отъ сеньора.

Этотъ послѣдній извлекалъ изъ нея свою выгоду, наблюдалъ надъ общиной и управлялъ ею; но она сообща владѣла извѣстными имуществами, составлявшими ея собственность; она избирала своихъ старшинъ и управлялась сама собой демократически.

Это древнее устройство прихода встрѣчается у всѣхъ народовъ, гдѣ развился феодализмъ, и во всѣхъ земляхъ, куда эти народы занесли остатки своихъ законовъ. Слѣдъ его на каждомъ шагу видѣнъ въ Англіи, а въ Германіи оно было еще совершенно живо, лѣтъ шестдесятъ тому назадъ, въ чемъ можно убѣдиться, читая кодексъ Фридриха Великаго. Также и во Франціи въ восемнадцатомъ столѣтіи еще остаются отъ него нѣкоторые слѣды.

Помню, какъ, занимаясь въ архивахъ одного интендантства, рѣшеніемъ вопроса объ общинѣ въ старомъ правительствѣ, былъ я изумленъ сходствомъ чертъ этой столь бѣдной и порабощальной общины со многими чертами, когда то поражавшими меня въ сельскихъ общинахъ Америки и которыя я ошибочно считалъ тогда частною особенностію новаго свѣта. Ни въ той, ни въ другой нѣтъ постояннаго представительства, муниципальнаго сословія въ собственномъ смыслѣ; та и другая управляются чиновниками, дѣйствующими отдѣльно, подъ руководствомъ цѣлой общины. Въ обѣихъ отъ времени до времени бываютъ генеральныя собранія, гдѣ всѣ жители, соединившись въ одну семью избираютъ своихъ магистратовъ и рѣшаютъ важнѣйшія дѣла. Однимъ словомъ онѣ сходны между собой на столько, на сколько живой можетъ походить на мертвеца.

Эти общины, столь различныя въ своихъ судьбахъ, на самомъ дѣлѣ были одного происхожденія.

Однимъ ударомъ оторванный и унесенный вдаль отъ феодализма средневѣковой сельскій приходъ, полновластный надъ самимъ собой, превратился въ *township* новой Англіи. Мы сей часъ увидимъ, чѣмъ онъ сталъ во Франціи, отдѣлившись отъ сеньора, но сжатый мощною рукою государства.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи число и названія приходскихъ чиновниковъ измѣняются смотря по мѣстности. Изъ древнихъ документовъ видно, что эти чиновники были многочисленнѣе, когда мѣстная жизнь была дѣятельнѣе; ихъ число уменьшалось вмѣстѣ съ постепеннымъ оцѣпененіемъ ея. Въ большей части приходовъ число это въ восемнадцатомъ столѣтіи сводилось къ двумъ чиновникамъ, одинъ называется *сборщикомъ (collecteur)*, другой чаще всего ситъ имя *синдика*. Обыкновенно эти муниципальные чиновники еще избираются или предлагаются кандидатами; но они повсюду сдѣлались скорѣе орудіями государства, чѣмъ представителями общины. Сборщикъ взимаетъ подать по непосредственному приказанію интенданта. Синдикъ, получая ежедневныя приказанія отъ субделегата, интенданта есть представитель ихъ власти во всѣхъ операціяхъ, относящихся къ общественному порядку и управленію. Онъ является главнымъ агентомъ, когда идетъ дѣло о милиціи, о государственныхъ работахъ, объ исполненіи всѣхъ общихъ законовъ.

Сеньоръ, какъ мы уже видѣли, остается чуждъ всѣхъ правительственныхъ мелочей; онъ не наблюдаетъ за ними и не содѣйствуетъ правильному теченію дѣлъ; даже болѣе тѣ заботы, которыми нѣкогда поддерживалась его сила, теперь онъ считаетъ недостойными себя по мѣрѣ того, какъ власть его рушится. Просить его принять на себя прежніе обязанности значитъ оскорбить его. Онъ болѣе не управляетъ; но его присутствіе въ приходѣ и привиллегіи препятствуютъ водвориться на его мѣстѣ хорошему приходскому управленіи. Частное лицо, столь отличное отъ всѣхъ прочихъ, столь независимое, имѣющее столько привиллегій, разрушаетъ или ослабляетъ силу всѣхъ законовъ.

Такъ какъ столкновенія съ нимъ заставили, мало-по-малу, удалиться въ города, что я покажу далѣе, — почти всѣхъ смѣтливыхъ и дальновидныхъ жителей, то за исключеніемъ его, осталось только одно стадо грубыхъ, невѣжественныхъ

крестьянъ, неспособныхъ управлять общими дѣлами. Справедливо сказалъ Тюрго, что «приходъ есть собраніе хижинъ съ обитателями, не менѣе пассивными чѣмъ ихъ жилища.» Административные документы восемнадцатаго столѣтія полны жалобъ, порожденныхъ неопытностію, недѣятельностію и невѣжествомъ приходскихъ сборщиковъ и синдиковъ. Министры, интенданты, субделегаты, самые дворяне всѣ соболѣзнуютъ объ этомъ, но никто не хочетъ обратиться къ уразумѣнію причинъ печальнаго явленія.

До французской революціи сельскій приходъ сохранялъ отчасти въ своемъ управленіи демократическій средневѣковой видъ. Идетъ ли дѣло объ избраніи муниципальныхъ чиновниковъ или объ осужденіи какого либо общественнаго вопроса: деревенскій колоколъ созываетъ крестьянъ къ церковной паперти; съ равнымъ правомъ могъ явиться и бѣдный, и богатый. Правда, здѣсь не могло быть и рѣчи о преніяхъ въ собственномъ смыслѣ или о подачѣ голосовъ; но каждому дозволялось высказать свое мнѣніе, а нотаріусъ опредѣленный для этого, составляя акты подъ открытымъ небомъ, собиралъ различныя показанія и вносилъ ихъ въ протоколъ.

Если сравнить эти пустые призраки свободы, съ тѣмъ внутреннимъ безсиліемъ, которое ихъ сопровождало, то отчасти становится понятнымъ какимъ образомъ самое неограниченное правительство можетъ усвоить нѣкоторыя формы крайнѣй демократіи. Это приходское демократическое собраніе конечно могло выражать свои желанія, но оно уже не имѣло болѣе права приводить въ исполненіе свою волю, подобно городскому муниципальному совѣту. Оно даже могло говорить только тогда, какъ ему дозволяли открыть ротъ, ибо ему можно было собраться не иначе, какъ по предварительномъ исходатайствованіи у интенданта нарочнаго дозволенія, или какъ тогда говорили, употребляя выраженіе приличное дѣлу, *по его доброй волѣ (sous son bon plaisir)*. При полномъ единодушіи, но безъ дозволенія королевскаго совѣта, собраніе не могло ни назначать податей,

ни продать, ни купить, ни отдать въ займы, ни вести тяжбу. Чтобы починить церковную крышу, поврежденную вѣтромъ, или вывести обрушившуюся стѣну священническаго дома, должно было сперва получить позволеніе совѣта. Сельскій приходъ, самый отдаленный отъ Парижа, подчинялся этому правилу на равнѣ съ самыми близкими. Мнѣ случалось читать, какъ приходы испрашивали у совѣта права издержать 25 ливровъ.

Правда, жители обыкновенно удерживали право избранія своихъ магистратовъ всеобщею подачею голосовъ; но часто случалось, что интендантъ указывалъ этому маленькому избирательному сословію кандидата, который почти всегда и назначался единогласно. Въ другихъ случаяхъ онъ непризнавалъ избраніе сдѣланное произвольно, самъ назначалъ сборщика податей и синдика или откладывалъ на не опредѣленное время новое избраніе. Я видѣлъ тому тысячу примѣровъ.

Трудно представить себѣ болѣе злую судьбу, чѣмъ участь общинныхъ чиновниковъ. Послѣдній агентъ центральнаго правительства, субделегатъ, заставлялъ ихъ повиноваться малѣйшимъ своимъ капризамъ. Часто присуждалъ ихъ къ платежу пени; иногда заключалъ въ тюрьму; ибо здѣсь уже не существовало обезпеченій защищавшихъ еще въ другихъ мѣстахъ гражданъ противъ самовластія. «Я приказалъ посадить въ тюрьму роптавшихъ общинныхъ старшинъ», говоритъ одинъ интендантъ въ 1750 году, «а общинамъ велѣлъ заплатить за проѣздъ мѣстной команды. Это скорѣе всего смирило ихъ.» Такимъ образомъ въ приходскихъ должностяхъ видѣли скорѣе обремѣненіе, отъ котораго каждый старался отдѣлаться всѣми мѣрами, а не почетъ.

И всетаки эти послѣдніе обломки прежняго приходскаго управленія были еще дороги крестьянамъ; и нынѣ даже приходская свобода для нихъ понятнѣе другихъ общественныхъ вольностей. Она была единственнымъ общественнымъ дѣломъ еще интересовавшимъ ихъ.

То, что я сказалъ о городахъ и приходахъ, должно распространить на всѣ почти корпораціи, имѣвшія отдѣльное существованіе и общую собственность.

При старомъ порядкѣ вещей также, какъ и въ наше время, не было во Франціи города, бурга, деревни, ни одной столь малой деревушки, больницы, фабрики, монастыря или коллегіи, которыя въ своихъ частныхъ дѣлахъ могли бы имѣть независимую волю или по произволу распоряжаться своимъ собственнымъ имуществомъ. Тогда, какъ и въ наше время, администрація держала всѣхъ французовъ подъ опекой, и если еще это смѣшное названіе не было произнесено, то покрайней мѣрѣ существовало уже самое дѣло.

ГЛАВА IV.

Что административное правосудіе и обезпеченіе чиновничества, суть установленія стараго порядка.

Не было въ Европѣ страны, гдѣ бы обыкновенные суды менѣе зависѣли отъ правительства, чѣмъ во Франціи; но почти также мало было земель, гдѣ бы исключительные суды были въ большемъ употребленіи. Эти два обстоятельства связаны между собой тѣснѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Такъ какъ король не имѣлъ почти никакого вліянія на судьбу судей, не могъ ни отзывать ихъ, ни перемѣщать въ другое мѣсто, ни даже, что чаще всего бываетъ, повышать; однимъ словомъ не могъ склонить ихъ на свою сторону ни обѣщаніями, ни угрозами, то вскорѣ онъ почувствовалъ себя стѣсненнымъ этой независимостью суда. Это понудило его, болѣе чѣмъ гдѣ либо, отнять у нихъ вѣденіе дѣлъ, прямо относившихся къ его власти, и установить помимо ихъ, для своего частнаго управленія, родъ болѣе зависимаго суда, который бы, имѣя въ глазахъ подданныхъ нѣкоторый видъ справедливости, въ дѣйствительности не былъ бы опасенъ для королевской власти. Въ тѣхъ

странахъ, гдѣ обыкновенные суды никогда не походили на современные французскіе своею независимостію отъ правительства, напримѣръ суды въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, тамъ не принимали подобной предосторожности и административное правосудіе никогда не существовало. Тамъ судьи были въ такой зависимости отъ Государя, что были его коммисарами.

Если перечитать королевскіе эдикты и декларації, обнародованные въ послѣдній вѣкъ монархіи, также какъ и указы совѣта относящіеся къ этому время, то мало найдется такихъ, гдѣ бы правительство принявъ какую либо мѣру, преминуло сказать, что споры, которымъ она можетъ подать поводъ, и тяжбы, могущія отъ нея возникнуть, будутъ исключительно препровождаемы въ руки интендантовъ и совѣтъ. «Сверхъ того Его Величество повелѣваетъ, чтобы всѣ споры, могущіе произойти на счетъ исполненія настоящаго указа, его подробностей и слѣдствій, были препровождаемы на судъ интендантовъ безъ апеляціи въ совѣтъ. Запрещаемъ нашимъ судамъ и трибуналамъ принимать на себя ихъ вѣденіе». Вотъ обычная формула.

Въ случаяхъ, указанныхъ законами и древними обычаями, гдѣ не было принято этой предосторожности, совѣтъ безпрестанно вмѣшивался путемъ *перенесенія дѣла (evocation)*, отбиралъ у обыкновенныхъ судей дѣло, въ которомъ была заинтересована администрація, и передавалъ его ей самой. Протоколы совѣта полны указовъ о перенесеніяхъ такого рода. Мало по малу исключеніе обобщается, фактъ превращается въ теорію. Не въ законахъ, но въ умѣ людей прилагавшихъ ихъ, сложилось мнѣніе, какъ государственное начало, что всѣ процессы, касающіеся публичныхъ интересовъ и происходящіе отъ сбивчивости административнаго акта, не подлежатъ юрисдикціи обыкновенныхъ судей, которымъ предоставляется рѣшать только тяжбы по частнымъ дѣламъ. Въ этомъ случаѣ мы только формулировали идею, принадлежащую старому порядку.

Съ этого времени, въ большей части спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ по поводу сбора налоговъ, исключительная компетентность признается за интендантами и совѣтомъ. То же самое замѣчаемъ и во всемъ, относящемся къ надзору за транспортами и общественными каретами, къ главному вѣдомству дорогъ, къ рѣчному судоходству и проч., вообще, всѣ процессы, гдѣ заинтересованъ публичный авторитетъ, рѣшаются въ административныхъ трибуналахъ.

Съ особенной заботливостію слѣдятъ интенданты за постояннымъ расширеніемъ этой исключительной юрисдикціи; направляютъ къ своей цѣли генеральнаго контролера, подстрекаютъ совѣтъ. Доводъ приводимый однимъ изъ этихъ чиновниковъ, съ цѣлью добиться перенесенія дѣла, стоитъ сохранить въ памяти: «Обыкновенный судья, говоритъ онъ, подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ, обязывающимъ его подавлять фактъ противный закону; а совѣтъ всегда можетъ отступить отъ правилъ, имѣя въ виду полезную цѣль.» Вслѣдствіе такого начала, часто можно видѣть, что интендантъ или совѣтъ переносятъ къ себѣ процессы, имѣющіе какую либо непримѣтную связь съ публичной администраціей и даже видимо вовсе не относящіеся къ ней. Дворянинъ, поссорившійся съ сосѣдомъ и не довольный дѣйствіями судей, проситъ совѣтъ перенести дѣло; интендантъ такъ отвѣчаетъ на запросъ: «Хотя здѣсь идетъ рѣчь только о частныхъ правахъ, вѣданіе которыхъ принадлежитъ трибуналамъ, тѣмъ не менѣе Его Величество можетъ всегда, когда захочетъ, предоставить себѣ вѣданіе всякаго рода дѣлъ, не обязываясь отдавать отчетъ въ побудительныхъ причинахъ.»

Такъ обыкновенно отсылаются, вслѣдствіе перенесенія дѣла, къ интенданту или начальнику мѣстной команды, всѣ люди, которымъ случилось нарушить порядокъ какимъ нибудь насиліемъ. Большая часть волненій, происходившихъ отъ дороговизны хлѣба, даютъ мѣсто подобнымъ перенесеніямъ. Интендантъ беретъ къ себѣ въ помощники извѣстное число *юристовъ*, нѣчто въ родѣ импровизованнаго совѣта префектуры, выбраннаго имъ самимъ, и судитъ уголовнымъ судомъ. Я видѣлъ приговоры, составленные такимъ образомъ, присуждающіе къ галерамъ и къ самой смерти. Уголовные процессы, судимые интендантомъ, еще часто встрѣчаются въ концѣ семнадцатаго вѣка.

Новѣйшіе легисты увѣряютъ, что со временъ революціи въ дѣлѣ административнаго права сдѣланъ большой шагъ впередъ: «Прежде власть судейская и административная смѣшивались, говорятъ они; съ тѣхъ поръ ихъ различили и каждой указали свое мѣсто.» Чтобы вѣрно оцѣнить прогрессъ, о которомъ здѣсь говорится, никогда не должно забывать, что если съ одной стороны, судебная власть въ старой монархіи безпрестанно распространялась за предѣлы естественнаго круга своего авторитета, то съ другой—она никогда не исчерпывала его вполнѣ. Кто видитъ одно изъ этихъ обстоятельствъ безъ другаго, представленіе того о предметѣ будетъ не полно и ложно. То трибуналамъ позволялось составлять уставы публичной администраціи, что было рѣшительно внѣ предѣловъ его юрисдикціи, то ему запрещали судить настоящіе процессы, что значило лишить его собственной власти. Мы изгнали, правда, судъ изъ административной сферы, куда онъ былъ весьма не справедливо допущенъ старой монархіей; но въ то же время, какъ видно, правительство безпрестанно вмѣшивалось въ естественную сферу суда, а мы дозволяли ему это.

Въ одной изъ девяти или десяти конституцій установлявшихся во Франціи на-вѣки, въ послѣднія шестдесятъ лѣтъ, съ намѣреніемъ сказано, что никакой агентъ администраціи не можетъ быть преслѣдуемъ обыкновенными судами безъ предварительнаго на то дозволенія. Эта статья казалась такъ искусно составленною, что, разрушая конституцію, въ составъ которой она входила, позаботились извлечь эту статью изъ развалинъ и съ тѣхъ поръ во всѣхъ революціяхъ заботливо удерживала ее. У администраторовъ

есть еще привычка называть привиллегію, данную имъ этою статьей, однимъ изъ великихъ завоеваній 1789 года; но они также ошибаются, ибо правительство старой монархіи не менѣе, чѣмъ въ наше время заботилось объ освобожденіи чиновниковъ отъ непріятности исповѣдываться, подобно простымъ гражданамъ, передъ юстиціей. Единственная существенная разница между двумя эпохами такова: передъ революціей, правительство не могло защитить своихъ агентовъ иначе, какъ прибѣгая къ мѣрамъ чрезвычайнымъ и произвольнымъ, между тѣмъ, какъ послѣ нея оно получило возможность, законно предоставить имъ право нарушать законы страны.

Когда трибуналы, стараго времени, хотѣли преслѣдовать какого нибудь представителя центральной власти, то обыкновенно являлся указъ совѣта, избавлявшій подсудимаго отъ судей и отсылавшій его предъ коммисаровъ, назначенныхъ совѣтомъ; ибо, какъ пишетъ одинъ современный государственный совѣтникъ, противъ администратора, такимъ образомъ преслѣдуемаго, нашлось бы у обыкновенныхъ судей предубѣжденіе и королевскій авторитетъ былъ бы уничтоженъ. Подобнаго рода перенесенія случались не изрѣдка, а постоянно, не только для важнѣйшихъ агентовъ, но и для низшихъ. Было достаточно ничтожнѣйшей связи съ администраціей, чтобы ничего не бояться, кромѣ нея самой. Надсмотрщикъ вѣдомства путей сообщенія, которому поручено было управлять барщиной, терпитъ преслѣдованіе отъ крестьянъ, имъ обиженыхъ. Совѣтъ переноситъ дѣло и главный инженеръ пишетъ, частнымъ образомъ интенданту, по этому поводу: «Говоря правду, надсмотрщикъ заслуживаетъ большихъ порицаній; но это не есть причина, чтобы предоставить дѣло обыкновенному теченію; потому что для управленія путями сообщеній, чрезвычайно важно, чтобы обыкновенные суды не внимали жалобамъ, не получали ихъ на надсмотрщиковъ работъ отъ людей обязанныхъ нести барщину. Если бы этотъ примѣръ

нашелъ себѣ подражателей, то работы были бы прерываемы безконечными процессами, которые породила бы общественная ненависть преслѣдующая этихъ чиновниковъ.»

При другихъ обстоятельствахъ, самъ интендантъ пишетъ генеральному контролеру, по поводу одного государственнаго подрядчика, взявшаго нужные ему матеріалы съ поля сосѣда: «Не могу довольно представить вамъ, какъ было бы предосудительно, въ интересахъ администраціи, предоставлять этихъ подрядчиковъ суду обыкновенныхъ трибуналовъ, принципы которыхъ никогда не могутъ примириться съ принципами администраціи.»

Уже прошло столѣтіе, какъ написаны эти строки, а кажется, что администраторы, писавшіе ихъ, были нашими современниками.

ГЛАВА V.

Какъ централизація могла установиться въ средѣ старыхъ властей и не разрушая вытѣснить ихъ.

Теперь перечислимъ вкратцѣ, что мы сказали въ трехъ предъидущихъ главахъ: въ центрѣ королевства стоитъ единственное учрежденіе, дающее правила общественной администраціи во всей странѣ; тотъ же министръ, управляющій почти всѣми внутренними дѣлами, имѣетъ въ каждой провинціи по одному агенту, занимающемуся всѣми подробностями; не существуетъ вовсе второстепенныхъ административныхъ вѣдомствъ, которые могли бы дѣйствовать безъ предварительнаго разрѣшенія; встрѣчаются исключительные трибуналы, судящіе дѣла, гдѣ заинтересована администрація, и покрывающая ея агентовъ. Что это такое, какъ не знакомая намъ централизація? Формы не такъ ясно обозначены, какъ нынѣ, ея дѣйствія менѣе правильны, ея существованіе болѣе шатко; но это одинъ и тотъ же фактъ. Съ тѣхъ поръ въ сущности нечего ни прибавить,

ни отнять у нея; было достаточно сокрушить все возвышавшееся вокругъ нея, чтобы ей явиться, въ теперешнемъ положеніи.

Большая часть учрежденій, уже описанныхъ мною, находили себѣ впослѣдствіи подражателей во многихъ странахъ; но тогда они составляли только особенность Франціи и мы вскорѣ увидимъ, какое великое вліяніе имѣли они на французскую революцію и ея слѣдствія.

Но какъ могли эти установленія, новаго времени, сложиться во Франціи среди обломковъ феодальнаго общества?

Это было дѣломъ терпѣнія, умѣнія воспользоваться удобнымъ случаемъ и продолжительности времени болѣе, чѣмъ дѣломъ силы и полнаго могущества. Въ минуту появленія революціи, въ ветхомъ административномъ зданіи Франціи почти ничего еще не было разрушено; къ нему только, такъ сказать, сдѣлали пристройку.

Нѣтъ никакого указанія, чтобы правительство старой монархіи, при совершеніи этой трудной работы, слѣдовало заранѣе зрѣло обдуманному плану; оно было предоставлено одному инстинкту, возбуждающему во всякомъ правительствѣ желаніе самому вести всѣ дѣла, постоянному инстинкту, живущему неизмѣнно въ разнообразіи дѣятелей. Правительство оставило старымъ властямъ ихъ древнія названія и почетъ, но лишало ихъ, мало-по-малу, прежняго вліянія. Оно ихъ не выгнало, но осторожно удалило изъ ихъ владѣній. Пользуясь инерціей, эгоизмомъ, чтобы занять мѣсто; находя облегченіе своему дѣлу въ ихъ недостаткахъ, правительство никогда не пыталось исправить ихъ, а только вытѣснить, оно кончило замѣненіемъ, дѣйствительно, почти всѣхъ властей однимъ агентомъ—интендантомъ, котораго не знали даже и имени при первоначальномъ появленіи.

Одна судебная власть стѣсняла правительство въ этомъ предпріятіи; но и здѣсь оно кончило тѣмъ, что захватило сущность власти, оставивъ только тѣнь ея для своихъ противниковъ. Оно не исключало изъ административной сферы

парламентовъ; но мало по малу разширила свое вліяніе на нихъ до такой степени, что готово было почти совсѣмъ замѣнить ихъ. Въ нѣкоторыхъ, необыкновенныхъ и временныхъ случаяхъ, напримѣръ въ неурожайные годы, когда народныя страсти представляли точку опоры честолюбію магистратовъ, центральное правительство предоставляло временно управленіе парламентамъ и позволяло имъ подымать шумъ, часто переходившій въ исторіи; но тотчасъ же оно втихомолку занимало свое прежнее мѣсто и опять, налагало свою руку безъ шуму на всѣхъ людей и на всѣ дѣла.

Если внимательно прослѣдить за борьбой парламентовъ съ королевской властію, то будетъ ясно, что встрѣчи и столкновенія между ними, почти всегда, случались на политической, а не на административной почвѣ. Споры раждались обыкновенно вслѣдствіе новаго налога; т. е. два противника оспаривали другъ у друга не административную, но законодательную власть, овладѣть которою также мало было правъ, какъ у одного, такъ и у другаго.

Съ приближеніемъ революціи это становится все яснѣе и яснѣе. По мѣрѣ того, какъ начинаютъ воспламеняться народныя страсти, парламентъ начинаетъ чаще вмѣшиваться въ политику; но такъ какъ, въ то же самое время, центральная власть и ея агенты становятся все опытнѣе и искуснѣе, то этотъ же самый парламентъ менѣе и менѣе занимается администраціей въ собственномъ смыслѣ; съ каждымъ днемъ, онъ дѣлается менѣе администраторомъ, чѣмъ трибуналомъ.

Сверхъ того и время безпрестанно открываетъ центральному правительству новыя стороны дѣятельности, куда не могутъ поспѣвать за нимъ трибуналы; ибо рѣчь идетъ о новыхъ дѣлахъ, для которыхъ въ прошломъ нѣтъ примѣровъ и которыя чужды рутинѣ. Общество, быстро движущееся впередъ, ежеминутно раждаетъ новыя потребности, а каждая изъ нихъ для правительства есть новый источникъ власти; ибо оно одно въ состояніи удовлетворить

имъ. Между тѣмъ, какъ административная сфера трибуналовъ остается не подвижною, кругъ дѣйствій правительства безпрестанно движется и распространяется вмѣстѣ съ самою цивилизаціей.

Революція, приближаясь и начиная волновать умы французовъ, принесла съ собой тысячи новыхъ идей, которыя осуществить могло только одно правительство; прежде, чѣмъ разрушить центральную власть, революція начала развивать ее. Само правительство совершенствуется, какъ и все остальное. Это странно поражаетъ, когда изучаешь архивы. Генеральный контролеръ и интендантъ 1780 г., не были похожи на интенданта и генеральнаго контролера 1740 г.; администрація преобразовалась. Ея агенты—тѣ же, но другое направленіе руководитъ ихъ. Разширивъ свою сферу на частности, она стала также и правильнѣе, и свѣдущее. Окончательно завладѣвая всѣмъ, она стала умѣреннѣе; она менѣе притѣсняетъ, болѣе руководитъ.

Первыя усилія революціи рушили это великое учрежденіе монархіи; оно было возстановлено въ 1800 году. Ни начала 1789 года торжествовали тогда и послѣ въ сферѣ общественной администраціи, какъ это часто думаютъ, но совершенно напротивъ, воскресли принципы стараго порядка и получили тогда силу.

Если меня спросили бы, какъ могла быть перенесена всецѣло въ новое общество и войти въ его плоть и кровь эта часть стараго правительства, то отвѣчаю, что, если централизація вовсе не погибла въ революціи, то это значитъ, что она сама была началомъ и признакомъ этой революціи; и прибавлю, что если народъ, изгонитъ изъ своей среды аристократію, то стремится къ централизаціи какъ бы самъ собою. Тогда нужно гораздо менѣе усилій, чтобы направить его къ этой крутизнѣ, чѣмъ для удержанія на ней. Всѣ власти въ основаніи своимъ естественно стремлятся къ единству, и, только владѣя большимъ искусствомъ, можно успѣть удержать ихъ въ раздѣленіи.

Демократическая революція, разрушившая столько установленій стараго правительства, необходимо должна была упрочить это, и централизація такъ естественно нашла себѣ мѣсто въ обществѣ, созданномъ этою революціей, что ее легко можно было принять за одно изъ произведеній революціи.

ГЛАВА VI.

Административные обычаи старой монархіи.

Невозможно читать переписки интенданта старой монархіи съ своими начальниками и подчиненными, не удивляясь тому, на сколько сходство установленій дѣлало тогдашнихъ администраторовъ похожими на нашихъ. Они, кажется, подаютъ другъ другу руки надъ пучиной революціи, ихъ раздѣляющей. Тоже скажу я и объ управляемыхъ. Никогда еще не выражалось лучше вліяніе законодательства на умы.

Въ министрѣ уже родилось желаніе своими глазами проникать во всѣ подробности дѣлъ и взять на себя все управленіе, оставаясь постоянно въ Парижѣ. Съ теченіемъ времени и съ усовершенствованіемъ администраціи, эта страсть усиливается. Къ концу восемнадцатаго вѣка, не учреждалось во глубинѣ отдаленныхъ провинцій ни одного богоугоднаго заведенія безъ того, чтобы генеральный контролеръ не пожелалъ самъ наблюдать за издержками, составленіемъ устава и назначеніемъ мѣста. Устраиваютъ ли богадѣльни: ему нужно представить имена являющихся нищихъ, въ точности означить время ихъ выхода и поступленія. Въ половинѣ столѣтія (въ 1733 г.) д'Аржансонъ писалъ: «Подробности, лежащія на министрахъ, безчисленны. Ничего не дѣлается безъ нихъ, все проходитъ чрезъ ихъ руки, и такъ, какъ ихъ свѣдѣнія не настолько обширны, какъ власть, то они вынуждены предоставить дѣлать все повѣреннымъ, которые чрезъ то становятся господами.»

Генеральный контролеръ требуетъ не только отчетовъ по дѣламъ, но и мелкихъ извѣстій о лицахъ. Интендантъ въ свою очередь обращается къ своимъ субделегатамъ, и почти всегда повторяетъ слово въ слово то, что они ему скажутъ, совершенно такъ, какъ будто бы онъ самъ основательно зналъ все.

Чтобы получить возможность всѣмъ управлять изъ Парижа и все знать въ немъ, нужно было изобрѣсти тысячи средствъ контроля. Масса бумагъ уже была громадна, а медленность административной процедуры такъ велика, что я никогда не могъ замѣтить, чтобы протекло менѣе года прежде, чѣмъ приходъ могъ получить дозволеніе выстроить колокольню или поправить священническій домъ; всего чаще приходитъ два, три года, пока придетъ разрѣшеніе на просьбу.

Самъ совѣтъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ указовъ (29 марта 1773 г.) «что административныя формальности поглощаютъ множество времени въ дѣлахъ и весьма часто служатъ только поводомъ къ самымъ справедливымъ жалобамъ, впрочемъ это формальности все необходимыя», прибавляетъ онъ.

Я думалъ, что склонность къ статистикѣ свойственна только современнымъ администраторамъ, но я ошибся. Въ концѣ существованія старой монархіи, часто посылаютъ интенданту печатныя таблички, а онъ долженъ былъ только приказать своимъ субделегатамъ и приходскимъ синдикамъ наполнить ихъ отвѣтами. Генеральный контролеръ приказывалъ доставлять себѣ извѣстія о свойствѣ земель, объ ихъ обработкѣ, о родѣ и количествѣ произведеній, числѣ скота, о промышленности и правахъ жителей. Получаемыя такимъ образомъ сообщенія не менѣе обстоятельны и не болѣе надежны, какъ доставляемыя и въ наше время въ подобныхъ случаяхъ супрефектами и мерами. Сужденіе субделегатовъ по этому случаю о характерѣ управляемыхъ вообще не слишкомъ для нихъ благопріятно. Субделегаты часто

возвращаются къ тому мнѣнію, что «крестьянинъ по природѣ лѣнивъ и не работалъ бы, если бы работа не была необходима для поддержанія его существованія.» Вотъ экономическая доктрина, которая, кажется сильно была распространена между этими администраторами.

Поразительное сходство двухъ эпохъ распространяется на самый административный языкъ. Съ обѣихъ сторонъ слогъ одинаково отличается безцвѣтностію, распущенностію, неопредѣленностію и слабостію; тутъ сглаживается всякая личная физіономія и теряется въ общей посредственности. Кто читалъ профекта, читалъ и интенданта.

Только къ концу столѣтія, когда языкъ Дидро и Руссо имѣлъ время распространиться и раствориться въ обыкновенномъ языкѣ, ложная чувствительность, которой переполнены книги этихъ писателей, увлекла администраторовъ и проникла даже въ языкъ финансовыхъ людей. Дѣловой слогъ, строй котораго обыкновенно чрезвычайно сухъ, въ это время становится мѣстами умиленнымъ и почти нѣжнымъ. Одинъ субделегатъ жалуется парижскому интенданту, «что онъ, въ отправленіи своихъ обязанностей, часто испытываетъ горесть весьма мучительную для чувствительной души.»

Правительство раздавало приходамъ, какъ и въ наше время, кой какія вспоможенія съ условіемъ, чтобы жители съ своей стороны дѣлали извѣстныя приношенія. Если сумма, собранная такимъ образомъ, была значительна, то генеральный контролеръ писалъ на поляхъ подписочнаго листа: «*Хорошо; свидѣтельствовать удовольствіе*»; но когда она была очень велика, онъ писалъ: «*Хорошо, свидѣтельствовать удовольствіе и признательность.*»

Административные чиновники, большею частью изъ буржуазіи, составляли уже сословіе имѣвшее собственное направленіе, свои преданія, доблести, свою честь, свою собственную гордость. Вотъ аристократія новаго общества, уже сформировавшаяся и живущая; она только ждетъ, чтобы революція очистила ей мѣсто.

Французская администрація уже характеризуется неодолимой ненавистью, которую внушаютъ ей безразлично всѣ тѣ, будутъ ли то дворяне или буржуа, которые хотятъ заняться общественными дѣлами по мимо нея. Малѣйшая независимая корпорація, которая, повидимому, хочетъ образоваться, внушаетъ ей страхъ, даже не думая о соперничествѣ съ нею; ее безпокоитъ малѣйшая свободная ассоціація, какова бы ни была ея цѣль; она допускаетъ существованіе только тѣхъ обществъ, которыя образуются подъ ея вліяніемъ и гдѣ она есть представитель. Даже большія промышленныя общества мало нравятся ей; однимъ словомъ, для нея не мыслимо какое бы то ни было вмѣшательство гражданъ съ цѣлью повѣрять ея дѣла; она предпочитаетъ непроизводительность соперничеству. Но, такъ какъ французамъ всегда должно оставлять сладость мелкой вольности для утѣшенія въ рабствѣ, то правительство дозволяло, весьма свободно, обсуждать всякаго рода общія и отвлеченныя теоріи въ религіи, философіи, нравственности и даже политикѣ. Оно довольно охотно допускало нападенія на основныя начала, на которыхъ покоилось тогда общество, и даже разсужденія о самомъ Богѣ, лишь бы только не порицали малѣйшихъ правительственныхъ агентовъ. Оно воображало, что это до него не касается.

Хотя журналы восемнадцатаго вѣка, или, какъ тогда ихъ называли, газеты, заключали болѣе четырестопій, чѣмъ полемики, тѣмъ не менѣе администрація глядитъ уже весьма завистливо на эту не большую силу. Она еще милостива къ книгамъ, но уже сильно придирается къ журналамъ; не будучи въ состояніи совсѣмъ уничтожать ихъ, — она старается овладѣть ими исключительно для своихъ цѣлей. Подъ 1761 годомъ я нахожу циркуляръ, ко всѣмъ интендантамъ королевства, гдѣ извѣщаютъ, что король (Людовикъ XV) рѣшилъ, чтобы съ этихъ поръ *Gazette de France* составлялась на глазахъ у самаго правительства: «по желанію Его Величества», говоритъ циркуляръ, «сдѣлать этотъ листокъ занимательнымъ и упрочить за нимъ первенство предъ всѣми другими. Вслѣдствіе этого», прибавляетъ министръ, «вы благоволите присылать мнѣ отчетъ обо всемъ, что случится въ вашемъ округѣ могущаго занять общественное любопытство, въ особенности обо всемъ относящемся къ физикѣ, естественной исторіи, о необыкновенныхъ и занимательныхъ явленіяхъ.» Къ циркуляру приложено объявленіе, которымъ извѣщаютъ, что новая газета, выходя чаще и будучи богаче содержаніемъ, чѣмъ журналъ, замѣненный ею, будетъ гораздо дешевле стоить подписчикамъ.

Вооружившись этими бумагами, интендантъ пишетъ къ своимъ субделегатамъ и сажаетъ ихъ за работу; но они отговариваются незнаніемъ. Приходитъ новое письмо отъ министра, горько жалующагося на пустоту провинцій. «Его Величество повелѣваетъ мнѣ передать вамъ его желаніе, чтобы вы серьозно занимались этимъ дѣломъ и отдали самыя строгія приказанія своимъ агентамъ.» Тутъ субделегаты повинуются: одинъ изъ нихъ увѣдомляетъ, что контрабандистъ торговли солью былъ повѣшенъ и выказалъ большое мужество; другой, что въ ввѣренномъ ему участкѣ одна женщина разрѣшилась отъ бремени за разъ тремя дочерьми; третій, что разразилась ужасная буря, которая, правда, не причинила никакого вреда. Между прочимъ, одинъ объявляетъ, что не смотря на всѣ свои старанія, онъ не могъ открыть ничего достопримѣчательнаго, но что онъ самъ подписывается на столь полезную газету и приглашаетъ всѣхъ честныхъ людей послѣдовать его примѣру. Кажется однакожъ, что такія усилія мало достигаютъ цѣли; ибо мы видимъ изъ новаго письма, что «король, благосклонно», какъ говоритъ министръ, «удостоивая входить лично въ подробности мѣръ, относящихся къ усовершенствованію газеты, и желая дать этому журналу превосходство и славу, которыхъ онъ заслуживаетъ, выразилъ большее неудовольствіе, видя, что его намѣренія такъ дурно выполняются.»

Видно исторія таже картинная галлерея, гдѣ мало оригиналовъ и много копій.

Должно впрочемъ сознаться, что центральное правительство во Франціи, никогда не подражало тѣмъ правительствамъ южной Европы, которыя повидимому, для того только и прибираютъ все къ рукамъ, чтобы все сдѣлать безплоднымъ. Оно часто выказывало большое пониманіе своей задачи и всегда необычайную дѣятельность. Но его дѣятельность часто бывала не производительна и даже вредна, потому, что иногда принималась за то, что сверхъ его силъ, или дѣлало то, чего никто не можетъ контролировать.

Правительство Франціи почти совсѣмъ не принималось или скоро бросало самыя необходимыя преобразованія, требующія для своего успѣха не утомимой дѣятельности; но безпрерывно измѣняло кой какія уставы и законы. Никому нѣтъ ни минуты покоя, въ его кругу. Постановленія смѣняются постановленіями съ такою не постижимою быстротой, что агенты, получая множество приказаній, часто съ трудомъ могутъ узнать, что должно исполнять. Муниципальные чиновники жалуются самому генеральному контролеру на крайнюю подвижность второстепеннаго законодательства. «Измѣненія въ однихъ только финансовыхъ узаконеніяхъ», говорятъ они, «таковы, что не позволяютъ муниципальному чиновнику, будь онъ безсмѣненъ, никакихъ другихъ занятій, кромѣ изученія новыхъ уставовъ, по мѣрѣ ихъ появленія, такъ что онъ долженъ оставлять собственныя свои дѣла.»

Даже безъ перемѣны въ законѣ, способъ его приложенія постоянно измѣнялся. Не перенесшись при чтеніи тайныхъ бумагъ, оставленныхъ старою администраціей, во времена ея дѣятельности, не возможно представить себѣ того презрѣнія, въ которое окончательно палъ законъ, даже въ умахъ тѣхъ, которые его прилагали къ дѣлу.

Почти нѣтъ такихъ указовъ совѣта, въ которыхъ не упоминалось бы о предъидущихъ законахъ, часто очень недавняго числа, но не вошедшихъ въ силу. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ эдикта, нѣтъ королевской декларацiи, нѣтъ жалованныхъ грамотъ, торжественно занесенныхъ въ списокъ, которые бы въ практикѣ не подвергались тысячѣ измѣненій. Изъ писемъ генеральныхъ контролеровъ и интендантовъ видно, что правительство постоянно допускаетъ отступленія въ видѣ исключеній. Оно рѣдко уничтожаетъ законъ, но ежедневно заставляетъ его гнуться по немногу, принаравливаясь къ обстоятельствамъ, сообразуясь съ частными случаями и облегчая вѣденіе дѣлъ.

Интендантъ пишетъ къ министру, по поводу пошлины за право въѣзда въ городъ, отъ которой хотѣлъ избавиться подрядчикъ государственныхъ работъ: «Извѣстно, что по строгому смыслу эдиктовъ и опредѣленій, приведенныхъ мною, въ королевствѣ не существуетъ изъятія изъ этихъ сборовъ; но опытные въ дѣлахъ знаютъ, что есть исключенія изъ этихъ недопускающихъ уклоненій распоряженій, равно какъ и изъ штрафовъ полагаемыхъ за нихъ, и что, хотя эти правила находимъ почти во всѣхъ эдиктахъ, декларацiяхъ и указахъ содержащихъ установленіе налоговъ, но все таки ничто не мѣшаетъ дѣлать исключенія.»

Тутъ отразился весь прежній порядокъ вещей: строгій законъ, слабая практика; таковъ его характеръ.

Кто захотѣлъ бы судить о тогдашнемъ правительствѣ по его законамъ, тотъ впалъ бы въ самыя забавныя ошибки. Подъ 1757 годомъ есть королевская декларація, приговаривающая къ смерти каждаго, кто напишетъ, или напечатаетъ сочиненія противныя религіи, или установившемуся порядку. Книгопродавецъ, продающій ихъ, букинистъ, разносящій книги, подлежали тому же наказанію. Можно подумать, что мы перенеслись въ вѣкъ святаго Доминика? Нѣтъ, это именно то время, когда царствовалъ Вольтеръ.

Часто жалуются на то, что французы пренебрегаютъ закономъ, увы! когда же могли они научиться уважать его? Можно сказать, что у людей стараго порядка мѣсто, кото-

рое должно занимать въ человѣческомъ умѣ идея закона, было совсѣмъ не занято. Каждый проситель требовалъ отступленія отъ установленнаго правила въ свою пользу съ такой настойчивостію и увѣренностію, *какъ будто бы это было дѣломъ обыкновеннымъ*, и дѣйствительно законъ только тогда ему противопоставляется, когда старались, всевозможными средствами отдѣлаться отъ просителя. Подчиненіе народа власти еще было въ полной силѣ, но его повиновеніе есть скорѣе слѣдствіе привычки, чѣмъ свободной воли; ибо, если случайно приходится ему сопротивляться, то малѣйшее движеніе тотчасъ приводитъ его къ насилію, и движеніе это почти всегда также подавляется насиліемъ и произволомъ, а не закономъ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи, центральная власть во Франціи еще не пріобрѣла того здороваго, полнаго силы устройства, которое мы видимъ въ ней впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе, такъ какъ она уже пришла къ разрушенію всѣхъ посредствующихъ властей и такъ какъ между ней и частными лицами осталось только одно громадное пустое пространство, то она каждому изъ нихъ казалась уже издали единственною пружиной общественной машины, единственнымъ и необходимымъ дѣятелемъ публичной жизни.

Нигдѣ это не высказываетъ такъ ясно какъ въ сочиненіяхъ самихъ ея противниковъ. Когда стало чувствоваться продолжительное безпокойство, предшествовавшее революціи, на сцену явились, всякаго рода, новыя общественныя и правительственныя системы. Цѣли, поставленныя реформаторами были различны, но средства всегда одни и тѣ же. Они хотятъ воспользоваться центральной властью все разбить при помощи ее, и возсоздать все по новому, ими самими задуманному, плану; только одна, центральная власть, казалась имъ въ состояніи выполнить подобную задачу. Могущество государства должно быть безпредѣльно, какъ и его права, говорятъ они; слѣдуетъ только убѣдить его употребить свое могущество на пользу общества. Мирабо

отецъ, этотъ дворянинъ, до того проникнутый сознаніемъ правъ своего сословія, что необинуясь, называлъ интендантовъ *втершимися* и объявлялъ, что если бы предоставить выборъ магистратовъ одному правительству, то судьи вскорѣ стали бы только *шайками коммисаровъ*, этотъ самый Мирабо вѣрилъ, что его химеры осуществимы лишь силой центральной власти.

Идеи эти не оставались лишь въ книгахъ; онѣ переходили во всѣ умы, прививались къ правамъ, обращались въ привычку и проникали всюду, даже въ самый обыденный бытъ.

Никто не понимаетъ возможности хорошо вести важное дѣло безъ вмѣшательства со стороны государства. Самые земледѣльцы, люди обыкновенно сильно возмущающіеся наставленіями, готовы думать, что если земледѣліе не усовершенствуется, то вина въ этомъ, главнымъ образомъ, падаетъ на правительство, не дающее совѣтовъ и помощи. Одинъ изъ нихъ пишетъ интенданту разраженнымъ тономъ, гдѣ уже слышится революція: «Почему правительство не назначитъ инспекторовъ, которые, объѣзжая провинціи разъ въ годъ, осматривали бы способъ обработки, учили бы земледѣльцевъ полезнымъ нововведеніемъ, разсказывали бы какъ обращаться со скотомъ, о способѣ его откармливанія, воспитанія, о торговлѣ и о мѣстахъ куда слѣдуетъ отводить его на продажу? Конечно этихъ инспекторовъ слѣдовало бы вознаграждать. Земледѣлецъ, давшій доказательства лучшей обработки, получалъ бы знаки отличія.»

Инспекторы и кресты! вотъ способъ, какого никогда бы не придумалъ фермеръ графства Суффолькскаго.

Въ глазахъ большинства только одно правительство можетъ поручиться за общественный порядокъ; народъ боится только мѣстной полиціи; собственники только и довѣряютъ ей. Для тѣхъ и другихъ полицейскій не только блюститель порядка, это самъ порядокъ. «Нѣтъ никого», говоритъ провинціальное Гіэньское собраніе, «кто не замѣтилъ бы, что видъ полицейскаго способенъ удержать людей самыхъ

враждебныхъ подчиненію.» Какъ же теперь не пожелать каждому имѣть у своихъ дверей цѣлую роту. Архивы одного интендантства наполнены подобнаго рода просьбами; кажется никто не подозрѣваетъ, что подъ видомъ покровителя можетъ скрываться повелитель.

Эмигрантовъ, прибывавшихъ въ Англію, болѣе всего поражало отсутствіе такой милиціи. Это заставляло ихъ удивляться, а иногда и презирать англичанъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ почтенный, но не приготовленный воспитаніемъ къ новой средѣ, пишетъ: «Совершенно справедливо, что иной англичанинъ доволенъ, когда его обкрадываютъ, говоря, что въ его землѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мѣстной полиціи. Тотъ, кто раздражается всѣмъ нарушающимъ тишину, глядитъ однакожъ спокойно, какъ въ нѣдрахъ общества появляются люди мятежные, думая, что текстъ закона сильнѣе всякихъ соображеній. Нельзя сказать», прибавляетъ онъ, «чтобы эти ложныя идеи были рѣшительно всеобщи; есть люди мудрые съ другими, противоположными идеями и эта мудрость должна впослѣдствіи явиться преобладающею.»

Что эти странности Англичанъ могутъ быть въ какомъ нибудь соотношеніи съ ихъ вольностями, этого ему и въ голову не приходитъ. Онъ скорѣе объясняетъ явленіе причинами болѣе научными. «Странѣ, гдѣ влажность климата и недостатокъ подвижности въ теченіи воздуха, говоритъ онъ, напечатлѣваютъ мрачный оттѣнокъ темперамента, тамъ народъ расположенъ къ занятіямъ по преимуществу важными дѣлами. Такъ англійскій народъ по своей природѣ любитъ заниматься правительственными дѣлами, французскій народъ далекъ отъ нихъ.»

Когда, такимъ образомъ, правительство займетъ мѣсто провидѣнія, то каждому естественно обращаться къ нему въ своихъ частныхъ нуждахъ. Отсюда это громадное число просьбъ, которыя, всегда имѣя въ виду выгоды общества, тѣмъ не менѣе касались только мелкихъ частныхъ интересовъ. Картоны, содержащіе ихъ, быть можетъ были единственнымъ мѣстомъ, гдѣ смѣшивались всѣ сословія, составлявшія старое общество. Чтеніе ихъ наводитъ грусть: крестьяне просятъ вознаградить ихъ въ потерѣ скота или дома; зажиточные собственники, чтобы имъ помогли сдѣлать свои земли болѣе производительными; промышленники ходатайствуютъ у интенданта о привиллегіяхъ, которыя бы обезпечивали ихъ отъ непріятнаго соперничества. Можно весьма часто видѣть мануфактуристовъ, ввѣряющихъ интенданту тайну дурнаго положенія своихъ дѣлъ и просящихъ у него позволенія получить отъ генеральнаго контролера вспомоществованіе или ссуду. Какъ кажется, былъ открытъ фондъ для этой цѣли.

Самые дворяне являются иногда большими попрошайками; въ такомъ случаѣ ихъ сословіе можно отличить отъ другихъ тѣмъ, что они просятъ милостыню слишкомъ высокимъ тономъ. Налогъ двадцатой части, для многихъ изъ нихъ, есть главное звено зависимости. Такъ какъ ихъ участіе въ этомъ налогѣ, ежегодно, опредѣлялось совѣтомъ, вслѣдствіи отношенія интенданта, то обыкновенно къ этому послѣднему обращались они, чтобы получить отсрочки и облегченія. Я прочелъ кучу просьбъ подобнаго рода, поданныхъ дворянами, почти все титулованными особами и часто вельможами, вслѣдствіе, какъ говорили они, недостаточности ихъ доходовъ или плохаго положенія дѣлъ. Вообще, дворяне никогда не называли интенданта иначе, какъ *Monsieur*, но я замѣтилъ, что въ этихъ обстоятельствахъ они, подобно буржуазіи, называютъ его *monseigneur*.

Иногда бѣдность и гордость смѣшнымъ образомъ смѣшиваются въ этихъ просьбахъ. Въ одной изъ нихъ было написано на имя интенданта: «Ваше чувствительное сердце никогда не станетъ сочувствовать тому, чтобы отецъ моего сословія былъ обложенъ строгой податью двадцатой части, какъ могло бы это быть съ отцемъ простаго человѣка.

*

Въ неурожайные годы, столько частые въ восемнадцатомъ вѣкѣ, населеніе каждаго округа обращалось цѣлою массой къ интенданту и, кажется, отъ него только одного ожидало пищи. Въ самомъ дѣлѣ, каждый гражданинъ, во всѣхъ своихъ бѣдахъ, обращался къ протекціи правительства. Самыя неизбѣжныя бѣдствія исходятъ отъ него; его упрекаютъ даже въ неблагорастворенности временъ года.

Не станемъ же болѣе удивляться, видя, съ какою необычайною легкостью воскресла централизація во Франціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Люди 1789 года ниспровергли зданіе, но его основаніе глубоко залегло въ сердца самихъ разрушителей, а на этомъ основаніи можно было мгновенно возвести старое зданіе и дать ему прочность, какой до тѣхъ поръ оно не имѣло.

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ, изъ всѣхъ европейскихъ земель, Франція была уже тою, гдѣ столица пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ провинціями и поглатила лучшіе соки всего государства.

Причиной политическаго перевѣса столицъ надъ остальнымъ государствомъ бываетъ не географическое ихъ положеніе, не величіе, не богатство ихъ, но духъ правительства.

Лондонъ, населенный, какъ цѣлое королевство, до сихъ поръ еще не имѣлъ рѣшительнаго вліянія на судьбы Великобританіи.

Ни одному гражданину соединенныхъ штатовъ не придетъ въ голову, чтобы Нью-Іоркское населеніе могло рѣшать участь американскаго союза. Еще болѣе, никто въ самомъ Нью-Іоркскомъ Штатѣ не воображаетъ, чтобы частная воля города того же названія, одна могла управлять дѣлами. Между тѣмъ Нью-Іоркъ заключаетъ въ себѣ нынѣ столь же жителей, сколько содержалъ ихъ Парижъ во время взрыва революціи.

Самый Парижъ, въ эпоху религіозныхъ войнъ, былъ, сравнительно съ остальнымъ королевствомъ, также населенъ, какъ могъ онъ быть въ 1789 г. Тѣмъ не менѣе онъ ничего не могъ рѣшить положительно. Во время Фронды, Парижъ былъ только самымъ большимъ городомъ во Франціи. Въ 1789 году, онъ уже замѣнилъ собой Францію.

Въ 1740 году Монтескьё писалъ къ одному изъ своихъ друзей: во Франціи есть только Парижъ и отдаленныя провинціи, потому что Парижъ не имѣлъ еще времени поглотить ихъ. Въ 1750 году маркизъ де-Мирабо, человѣкъ съ химерическимъ направленіемъ ума, но иногда глубокомысленный, говоритъ о Парижѣ, не называя его: «Столицы необходимы; но если голова выростаетъ непомѣрно, то тѣло страдаетъ апоплексіей и совсѣмъ погибаетъ. Итакъ что же наконецъ будетъ, если, оставляя провинціи въ прямой зависимости и видя въ ихъ обитателяхъ только, такъ сказать, людей втораго порядка, если, не давая имъ никакихъ средствъ возвыситься, никакого поприща честолюбію, все, что только носитъ на себѣ печать какого либо таланта, увлекаютъ въ эту столицу!» Онъ называетъ это глухой революціей, лишающей провинціи ихъ нотаблей, дѣловыхъ людей, и всѣхъ, кого называютъ умными людьми.

Читатель, внимательно прочитавшій предъидущія главы, знаетъ уже причины этого явленія: указывать ихъ здѣсь снова значило бы злоупотреблять его терпѣніемъ.

Эта революція не ускользнула отъ правительства, но оно замѣтило его только въ самой матеріальной формѣ, въ приращеніи города. Оно видѣло, какъ Парижъ ежедневно распространялся, и уже начало опасаться, чтобы не сдѣлалось слишкомъ трудно хорошо управить такимъ большимъ городомъ. Есть множество королевскихъ повелѣній, преимущественно въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, имѣющихъ цѣлью остановить это разширеніе столицы. Государи, все болѣе и болѣе, сосредоточивали

въ Парижѣ или у его воротъ публичную жизнь Франціи, и хотѣли, чтобы Парижъ остался не большимъ городомъ. Запрещали строить новые дома или обязывали возводить ихъ съ самыми большими издержками и въ мало привлекательныхъ мѣстахъ, заблаговременно указанныхъ. Впрочемъ, каждое повелѣніе подтверждало, что, несмотря на предъидущія распоряженія, Парижъ не переставалъ разширяться. Людовикъ XIV шесть разъ въ продолженіе своего царствованія, во всемъ своемъ всемогуществѣ, пытался остановить разширеніе Парижа и все-таки усилія его обращались въ ничто: городъ, на зло всѣмъ эдиктамъ, принималъ огромные размѣры. Но преобладаніе его увеличивалось еще быстрѣе, чѣмъ разпространялись стѣны; доказательствомъ преобладанія служитъ скорѣе происходящее внѣ города, чѣмъ совершающееся въ его стѣнахъ.

Дѣйствительно, въ тоже самое время, повсюду замѣчалось постепенное исчезновеніе мѣстныхъ вольностей. Повсюду пропадаютъ симптомы независимой жизни; самыя черты физіономій различныхъ провинцій становились неопредѣленными; старался послѣдній слѣдъ старинной публичной жизни. Однакожъ это не значило, чтобы вся нація погрузилась въ апатію, напротивъ повсюду было движеніе; только двигатель заключался въ стѣнахъ лишь одного Парижа. Я приведу одинъ примѣръ, подтверждающій это изъ тысячи подобныхъ. Въ отчетахъ, адресованныхъ министру о состояніи книжной торговли, я нашелъ, что въ шестьнадцатомъ и въ началѣ семнадцатаго столѣтія въ провинціальныхъ городахъ были значительныя типографіи, но уже не находили достаточно типографщиковъ, а если и есть, то имъ нечего было дѣлать. Однакожъ невозможно сомнѣваться, чтобы въ концѣ восемнадцатаго столѣтія не выходило въ свѣтъ безконечно болѣе всякаго рода сочиненій, чѣмъ въ шестьнадцатомъ; но движеніе исходило уже только изъ центра. Парижъ окончательно поглотилъ всѣ провинціи.

Въ ту минуту, когда вспыхнула французская революція, эта первая революція вполнѣ окончилась.

Знаменитый путешественникъ Артуръ Юнгъ оставилъ Парижъ вскорѣ послѣ соединенія государственныхъ сословій и незадолго до взятія Бастиліи, его поражаетъ контрастъ между тѣмъ, что онъ видѣлъ въ городѣ, и тѣмъ, что нашелъ за его чертою. Въ Парижѣ была страшная дѣятельность и шумъ; каждое мгновеніе рождался политическій памфлетъ: въ недѣлю ихъ выходило въ свѣтъ до девяноста-двухъ. Никогда, говоритъ онъ, не видѣлъ я подобнаго движенія публичности даже въ Лондонѣ. Внѣ Парижа все является неподвижнымъ и безмолвнымъ; брошюръ печатается мало, журналовъ нѣтъ вовсе. Провинціи, между тѣмъ, взволнованы и готовы прійти въ броженіе и всетаки остаются неподвижны; если горожане и собираются иногда, но это для узнанія новостей, ожидаемыхъ изъ Парижа. Во всякомъ городѣ Юнгъ спрашиваетъ у жителей, что они намѣрены дѣлать. «Отвѣтъ вездѣ одинъ и тотъ же», говоритъ онъ. «Мы не болѣе какъ провинціальный городъ, нужно смотрѣть, что станутъ дѣлать въ Парижѣ.» «Эти люди не смѣютъ даже имѣть своего мнѣнія», прибавляетъ онъ, «до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что думаютъ въ Парижѣ.»

Удивляются изумительной легкости, съ какою учредительное собраніе могло, однимъ ударомъ, рушить всѣ старыя французскія провинціи, изъ которыхъ многія были древнѣе самой монархіи, и методически раздѣлить королевство на восемьдесятъ три отдѣльныя части, какъ будто бы дѣло шло о дѣвственной почвѣ новаго свѣта. Ничто такъ не изумило, ни даже перепугало Европу, вовсе неприготовленную къ подобному зрѣлищу. «Въ первый разъ, говоритъ Бэркъ, видѣлъ міръ, что люди такъ варварски дробили свое отечество.» Дѣйствительно казалось, что раздирали живое тѣло: на самомъ же дѣлѣ только разсѣкали на части мертвое.

Въ то самое время, какъ Парижъ окончательно пріобрѣлъ,

такимъ образомъ, за предѣлами своими всемогущество, можно было замѣтить, что въ его предѣлахъ совершалось другое измѣненіе, которое не менѣе можетъ приковать къ себѣ вниманіе исторіи. Вмѣсто того, чтобы быть, по прежнему, городомъ размѣна, дѣлъ, потребленія и удовольствій, Парижъ окончательно сталъ фабричнымъ и мануфактурнымъ центромъ; второй фактъ придававшій первому характеръ новый и болѣе грозный.

Событіе шло очень издалека; кажется, что въ средніе вѣка Парижъ былъ уже самымъ промышленнымъ городомъ въ королевствѣ, также какъ былъ и самымъ большимъ. Съ приближеніемъ новѣйшихъ временъ, это становится очевиднымъ. По мѣрѣ того, какъ всѣ дѣла административныя сосредоточились въ Парижѣ, туда же перешли и промышленныя дѣла. Такъ какъ Парижъ все болѣе и болѣе становится образцомъ и основателемъ вкуса, единственнымъ центромъ власти и искусствъ, главнымъ сѣдалищемъ національной дѣятельности, то и промышленная дѣятельность народа направляется сюда и сосредоточивается въ немъ.

Хотя статистическіе документы стараго правительства обыкновенно мало заслуживаютъ довѣрія, но я думаю можно безбоязненно утверждать, что въ шестьдесятъ лѣтъ, предшествовавшихъ французской революціи, число ремесленниковъ въ Парижѣ болѣе, чѣмъ удвоилось, между тѣмъ, какъ въ тотъ же періодъ времени общее населеніе города увеличилось едва на одну треть.

Независимо отъ общихъ причинъ, только что изложенныхъ мною, было много и весьма частныхъ, привлекавшихъ ремесленниковъ въ Парижъ со всѣхъ сторонъ Франціи и соединявшихъ ихъ, мало по малу, въ извѣстные кварталы, которые наконецъ были заняты почти исключительно ими одними. Препятствія, налагаемыя фискальнымъ законодательствомъ того времени на промышленность, для Парижа были менѣе стѣснительны, чѣмъ для всей остальной Франціи; нигдѣ нельзя было такъ легко избавиться отъ ярма цеховъ.

Нѣкоторыя предмѣстья, какъ напримѣръ предмѣстья св. Антонія и Тампльское, въ этомъ отношеніи особенно пользовались весьма большими привиллегіями. Людовикъ XVI распространилъ еще болѣе эти преимущества предмѣстія св. Антонія и всѣми силами старался сосредоточить тамъ какъ можно большее число ремесленнаго населенія, «желая», говоритъ этотъ несчастный государь въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ, «дать, ремесленникамъ предмѣстья св. Антонія, новое доказательство нашего покровительства, мы хотимъ освободить ихъ отъ стѣсненій равно невыгодныхъ какъ для ихъ интересовъ, такъ и для свободы торговли.»

Число заводовъ, мануфактуръ, горновъ возросло въ Парижѣ до такой значительной цифры при наступленіи революціи, что правительство наконецъ стало этимъ тревожиться. Успѣхи внушали ему весьма преувеличенныя опасенія. Между указами совѣта за 1782 годъ встрѣчается одинъ гдѣ говорится, что «король, опасаясь, чтобы быстрое размноженіе мануфактуръ не повлекло за собой истребленіе лѣса, что было бы вредно для продовольствія города, запрещаетъ, съ этихъ поръ, постройку подобнаго рода зданій на пятнадцать миль въ окружности.» Что касается до истинной опасности, которую могло породить такое накопленіе населенія, то никто и не думалъ о ней.

Такимъ образомъ Парижъ сталъ главою Франціи и уже собиралась армія, долженствовавшая сдѣлаться повелительницей Парижа.

Нынѣ, какъ мнѣ кажется, почти всѣ согласны въ томъ, что административная централизація и всемогущество Парижа имѣли важное значеніе въ паденіи всѣхъ правительствъ чередовавшихся на нашихъ глазахъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Мнѣ нетрудно будетъ показать, что тому же обстоятельству слѣдуетъ приписать значительную роль во внезапномъ, бурномъ разрушеніи старой монархіи и что ему должно дать мѣсто среди главныхъ причинъ этой первой революціи, вызвавшей всѣ другія.

ГЛАВА VIII.

Франція была страной, гдѣ люди сдѣлались болѣе чѣмъ гдѣ либо похожи другъ на друга.

Предъ внимательнымъ изслѣдователемъ Франціи въ эпоху стараго порядка открываются два весьма противоположныхъ зрѣлища.

Кажется, что всѣ люди, которые живутъ въ этой странѣ, преимущественно же занимающіе среднія и высшія мѣста въ обществѣ, и единственно обращающіе на себя вниманіе, всѣ совершенно похожи одинъ на другаго.

Между тѣмъ, среди этой однообразной толпы, возвышается чрезвычайное множество мелкихъ преградъ раздѣляющихъ ее на большое число частей; каждое изъ этихъ небольшихъ партій является какъ бы особенное общество, которое занимается только своими собственными интересами, не принимая участія въ общей жизни.

Вдумываясь въ это почти безконечное раздѣленіе, я понимаю, что нигдѣ общество не было менѣе приготовлено дѣйствовать сообща и подать взаимную помощь въ эпоху кризиса; и что великая революція, въ продолженіи одной минуты, не оставитъ камня на камнѣ въ такомъ обществѣ. Я воображаю какъ эти мелкія преграды рушились, вслѣдствіе этого потрясенія и въ тоже время вижу предъ собою соціальное тѣло, болѣе связное и болѣе однородное чѣмъ какое другое когда либо виданное на свѣтѣ.

Я показалъ, какимъ образомъ почти во всемъ королевствѣ, уже съ давнихъ поръ, исчезла самобытная жизнь провинцій; это сильно способствовало тому, чтобы всѣ французы стали чрезвычайно похожи другъ на друга. Среди разнообразія, еще существующаго, уже просвѣчиваетъ единство народа. Оно обнаруживается въ однообразіи законодательства. Слѣдя за теченіемъ дѣлъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, видимъ какъ увеличивается число эдиктовъ, королевскихъ

декларацій, указовъ совѣта, дающихъ, для всѣхъ частей государства, тѣ же самыя правила и однимъ и тѣмъ же способомъ. Не одни правящіе, но и управляемые составили себѣ идею о такомъ общемъ, однообразномъ законодательствѣ, одномъ повсюду, одномъ для всѣхъ; эта идея проглядываетъ во всѣхъ проектахъ преобразованій, смѣняющихся одинъ за другимъ въ продолженіе тридцати лѣтъ до начала революціи. Два вѣка тому назадъ не было, если такъ можно выразиться, даже причинъ для подобныхъ идей.

Не только между провинціями безпрерывно возрастаетъ сходство, но въ каждой провинціи люди различныхъ сословій, по крайней мѣрѣ всѣ стоящіе выше народа, несмотря на особенности условій жизни, получаютъ все болѣе и болѣе взаимнаго сходства.

Ничто такъ не выясняетъ этого явленія какъ чтеніе записокъ, представленныхъ различными сословіями въ 1789 году. Тутъ видно, что люди завѣдовавшіе ихъ составленіемъ глубоко отличаются своими интересами, но во всемъ остальномъ они сходны.

Если вы станете изучать ходъ дѣлъ въ первыхъ собраніяхъ сословій, то увидите совершенно противное: здѣсь у буржуа болѣе общихъ интересовъ съ дворяниномъ, болѣе общихъ дѣлъ, въ нихъ гораздо менѣе высказывается взаимной вражды; но еще замѣтно, что они принадлежатъ къ разнымъ породамъ.

Время, сохранившее и во многихъ отношеніяхъ увеличившее привиллегіи, которыя раздѣляли этихъ двухъ людей, страннымъ образомъ выработало ихъ сходство во всемъ остальномъ.

Уже нѣсколько вѣковъ не переставали бѣднѣть французскіе дворяне. «Несмотря на свои привиллегіи дворянство разоряется и уничтожается съ каждымъ днемъ, а богатствами овладѣваетъ среднее сословіе», пишетъ печально одинъ дворянинъ въ 1750 году. Между тѣмъ законы покровительствовавшіе собственности дворянъ, оставались все

тѣ же; ничего не измѣнилось въ ихъ экономическомъ бытѣ. Несмотря на это, повсюду они бѣднѣли въ прямомъ отношеніи съ тѣмъ какъ теряли свою власть.

Можно сказать, что въ человѣческихъ учрежденіяхъ, также какъ въ самомъ человѣкѣ, независимо отъ органовъ для разныхъ отправленій существованія, находится центральная и невидимая сила, составляющая самый принципъ жизни. Напрасно бы стали органы дѣйствовать попрежнему, все останавливается и умираетъ, какъ только погаснетъ это живительное пламя. Французскіе дворяне имѣли еще субституціи, Бэркъ даже замѣчаетъ, что въ его время онѣ были чаще и обязательнѣе во Франціи, чѣмъ въ Англіи; существовало право первородства, поземельный и постоянный оброкъ, и все, что называли полезными правами; дворянъ освободили отъ тягостной обязанности вести войну на свои издержки и притомъ сохранили имъ изъятіе отъ налоговъ, еще болѣе распространивъ его; это значило, что они освобождаясь отъ повинности, удерживали вознагражденіе за нее. Сверхъ того они пользовались многими другими денежными выгодами, какихъ не было у ихъ отцевъ; и несмотря на то они бѣднѣли постепенно по мѣрѣ того, какъ становились чужды практикѣ и духу правительства. Этому же постепенному обѣдненію должно отчасти приписать то великое раздѣленіе поземельной собственности, которое мы уже прежде замѣтили. Дворянинъ уступалъ крестьянамъ свою землю часть за частью, сохраняя себѣ только сеньоріальныя ренты, оставлявшія ему отъ древняго его положенія скорѣе внѣшность, чѣмъ сущность. Многія французскія провинціи, какъ Лимузэнъ, о которомъ говоритъ Тюрго, были наполнены мелкими бѣдными дворянами, уже почти не владѣвшими землей и жившими только сеньоріяльными сборами и поземельными рентами.

«Въ этомъ округѣ», говоритъ одинъ интендантъ, «въ на-«чалѣ столѣтія, число дворянскихъ семействъ восходитъ «до многихъ тысячъ, но изъ нихъ найдется, можетъ быть,

«только пятнадцать съ двадцатью тысячами ливровъ годо-«ваго дохода.» Въ одной инструкціи, оставленной интендантомъ (Франшъ-Контэ) для своего пріемника, въ 1750 году, я читаю: «Здѣшнее дворянство довольно хорошо, но слишкомъ бѣдно, и столько же гордо, сколько бѣдно. Въ немъ много убыло спѣси въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ оно было прежде. Недурно держаться политикѣ удерживающей его въ этомъ состояніи бѣдности, чтобы довести его до необходимости служить намъ и нуждаться въ насъ. Оно образовало», прибавляетъ онъ, «братство, куда допускаются только лица, могущія дать доказательство своего дворянства въ четвертомъ колѣнѣ. Это общество не освящено правительствомъ, но терпимо, собирается разъ въ годъ и то въ присутсвіи интенданта. Откушавъ и выслушавъ мэссу, всѣ эти дворяне возвращаются отсюда каждый восвояси, кто на своихъ клячахъ, кто пѣшкомъ. Вы увидите комичность этого собранія.»

Это постепенное обѣдненіе дворянства замѣчалось не только во Франціи, но, болѣе или менѣе, во всѣхъ частяхъ материка, гдѣ только окончательно, какъ и во Франціи, исчезала феодальная система, не замѣняясь никакою новой аристократіей. У германскихъ народовъ, прилежащихъ къ Рейну, этотъ упадокъ былъ особенно очевиденъ и весьма замѣчателенъ. Противное этому представляла одна Англія. Тутъ существовали еще древнія благородныя фамиліи; онѣ не только сохранили, но и значительно увеличили свое состояніе, и остались первыми по богатству, также какъ и по власти. Новымъ фамиліямъ, возникшимъ подлѣ нихъ, оставалось только подражать старымъ, не думая превозойти ихъ.

Во Франціи одни промышленники, казалось, наслѣдовали бага, потерянныя дворянствомъ; можно было бы сказать, что она, въ своемъ возрастаніи, питались жизненными сками дворянства. Между тѣмъ ни одинъ законъ не защищалъ буржуазію отъ разоренія, не помогалъ обогащенію; тѣмъ не менѣе она обогащалась безпрестанно; во многихъ слу-

чаяхъ буржуа становился также богатъ, какъ и дворянинъ, а иногда и превосходилъ его. Еще болѣе, его богатство часто состояло въ томъ же: хотя онъ жилъ обыкновенно въ городѣ, но часто былъ собственникомъ въ деревнѣ; иногда онъ пріобрѣталъ даже сеньоріи.

Воспитаніе и образъ жизни дали еще этимъ двумъ людямъ тысячи сходныхъ сторонъ. У буржуа было столько же свѣдѣній, какъ и у дворянина и, что особенно замѣчательно, эти свѣдѣнія были почерпнуты рѣшительно изъ одного и того же источника. Оба были проникнуты однимъ свѣтомъ. Какъ тотъ такъ и другой были образованы теоретически и литературно. Парижъ, все болѣе и болѣе становясь единственнымъ наставникомъ Франціи, давалъ уже всѣмъ умамъ одну форму, одно направленіе.

Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія можно было; безъ сомнѣнія, замѣтить разницу между манерами дворянства и буржуазіи; но въ сущности всѣ люди, стоявшіе выше народа, походили другъ на друга; у нихъ были однѣ идеи, однѣ привычки; слѣдовали они однимъ и тѣмъ же вкусамъ, предавались однимъ удовольствіямъ, читали одни книги, говорили однимъ языкомъ. Различіе между ними было только въ правахъ.

Сомнѣваюсь чтобы подобное явленіе можно было бы встрѣтить въ то время, гдѣ либо въ другой странѣ, даже въ Англіи, гдѣ различныя сословія, хотя тѣсно связаны между собой общими выгодами, часто различались направленіемъ и правами; ибо политическая свобода, обладающая этой удивительною силой установлять между всѣми гражданами необходимыя отношенія и законныя связи зависимости, не производитъ въ нихъ постояннаго равнодушія ко всему этому; но таково уже свойство управленія одного лица, что всѣ люди неизбѣжно становятся сходны между собой и равнодушны къ своей участи.

ГЛАВА IX.

Какъ эти, до того сходные между собой люди, болѣе, чѣмъ когда либо, раздѣлились на мелкія группы, чуждыя и равнодушныя другъ къ другу.

Взглянемъ теперь на другую сторону картины и посмотримъ, какъ тѣ же самые французы, между которыми было столько сходныхъ чертъ, были однакожъ такъ разъединены, какъ можетъ быть нигдѣ, ибо нельзя было этого видѣть прежде и въ самой Франціи.

Многое даетъ поводъ думать, что въ эпоху образованія феодальной системы то, что впослѣдствіи назвали дворянствомъ, не образовало тотчасъ *касты*, но составилось въ началѣ изъ важнѣйшихъ лицъ въ народѣ и такимъ образомъ было ничѣмъ инымъ какъ аристократіей. Я не намѣренъ входить здѣсь въ подробности рѣшенія этого вопроса; достаточно будетъ замѣтить, что въ средніе вѣка дворянство стало кастой, т. е. отличительнымъ ея признакомъ было рожденіе.

Она вполнѣ сохраняетъ характеръ свойственный аристократіи, какъ сословію гражданъ стоящему въ главѣ правленія, но только одно происхожденіе рѣшало, кому быть въ главѣ этого сословія. Всякому кто не рожденъ благороднымъ, нѣтъ мѣста въ этомъ особенномъ, замкнутомъ классѣ; въ государствѣ же онъ стоитъ болѣе или менѣе высоко, но всегда находится въ зависимости.

Вездѣ гдѣ на материкѣ развилась феодальная система, дворянство замкнулось въ касту, только лишь въ Англіи оно превратилось въ аристократію.

Я всегда удивлялся, что фактъ такъ ярко отличающій въ этомъ отношеніи Англію отъ другихъ новѣйшихъ народностей, и единственно могущій объяснить особенности ея законовъ, направленія и исторіи, не обративъ на себя вниманія философовъ и государственныхъ людей, былъ оставленъ совсѣмъ не тронутымъ, а привычка окончательно сдѣ-

лала его какъ бы незамѣтнымъ и для самихъ англичанъ. Часто въ половину только постигали его значеніе; но на него, какъ мнѣ кажется, никогда не глядѣли многосторонимъ и яснымъ взглядомъ. Правда Монтескье, посѣщая Великобританію, пишетъ: «Я здѣсь въ странѣ, гдѣ нѣтъ почти ничего похожаго на остальную Европу»; но ничего болѣе не прибавляетъ.

Конечно, не столько парламентъ, свобода, публичность, присяжные были дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, причиной такого несходства Англіи съ остальною Европой, а нѣчто другое, еще болѣе особенное и дѣйствительное. Англія была единственною страной гдѣ кастовая система не измѣнилась, а рѣшительно рушилась. Здѣсь дворяне съ простолюдинами занимались одними и тѣми же дѣлами, предавались однимъ трудамъ и, что еще гораздо знаменательнѣе, вступали въ брачные союзы. Дочь знатнѣйшаго вельможи могла выйти не стыдясь за человѣка новаго.

Если вы хотите знать, окончательно ли уничтожилась въ народѣ каста, съ идеями, привычками, преградами, созданными ею, взгляните на браки. Только тутъ найдете вы рѣшительную черту, которой вы ищите. Во Франціи, даже и въ наши дни, послѣ шестидесяти лѣтъ демократіи, часто всѣ ваши усилія отыскать ее будутъ безполезны. Древнія и новыя фамиліи, по видимому перемѣшавшись во всѣхъ отношеніяхъ, избѣгаютъ, на сколько это возможно, случаевъ смѣшаться въ бракахъ.

Часто замѣчали, что англійское дворянство было благоразумно, смѣтливо, открыто, какъ ни одно другое. Слѣдовало бы сказать, что въ Англіи уже съ давнихъ поръ не существуетъ болѣе, собственно говоря, дворянства, если принимать слово въ его древнемъ ограниченномъ смыслѣ, который оно удержало повсюду въ другихъ мѣстахъ.

Этотъ странный переворотъ теряется во мракѣ временъ, но отъ него еще остается живой свидѣтель: это языкъ. Много вѣковъ тому назадъ, слово *gentilhomme* совершенно

измѣнило свой смыслъ въ Англіи, а слова *roturier* и вовсе уже не существуетъ. Уже нельзя было бы перевести буквально по англійски этотъ стихъ Тартюфа, написанный Мольеромъ въ 1664 году.

Et, tel que l'on le voit, il est bon gentilhomme.

Хотите ли вы сдѣлать еще другое приложеніе знанія языковъ къ изученію исторіи: прослѣдите во времени и пространствѣ судьбу этого слова *gentleman*, первообразомъ котораго было наше слово *gentilhomme*. Вы увидите, что его значеніе въ Англіи становится обширнѣе, по мѣрѣ того, какъ сближаются и смѣшиваются состоянія. Съ каждымъ вѣкомъ его прилагаютъ къ людямъ, стоящимъ нѣсколько ниже на общественной лѣстницѣ. Наконецъ съ англичанами оно переходитъ въ Америку. Тутъ оно служитъ для обозначенія безразлично всѣхъ гражданъ. Его исторія есть исторія самой демократіи.

Во Франціи слово *gentilhomme* всегда оставалось тѣсно заключеннымъ въ свой первоначальный смыслъ; со временъ революціи, оно почти вышло изъ употребленія, но нисколько не измѣнилось въ смыслѣ. Слово, употреблявшееся для означенія членовъ касты, сохранилось неприкосновеннымъ, потому что удержалась самая каста, также отдѣлено отъ всѣхъ прочихъ сословій, какъ и прежде.

Но я иду еще далѣе, я утверждаю, что дворянство замкнулось въ касту гораздо прежде, чѣмъ образовалось слово и что у насъ движеніе его смысла было обратное тому-какое мы видѣли у англичанъ.

Чѣмъ болѣе было сходства у буржуа съ дворяниномъ, тѣмъ, въ то же время, болѣе и болѣе они разъединялись; два обстоятельства, такъ мало имѣющія между собой общаго, вмѣсто того, чтобы ослаблять другъ друга, часто помогаютъ взаимно.

Въ средніе вѣка и вовсе время пока феодализмъ сохранялъ свою силу, всѣ владѣвшіе землями сеньоры (которы, на феодальномъ языкѣ назывались собственно вассалами)

сказаться взаимно; съ каждымъ днемъ они становятся независимѣе одинъ отъ другаго, но въ то же время дѣлаются болѣе чуждыми другъ другу. Въ восемнадцатомъ столѣтіи эта революція уже закончилась: эти два человѣка только случайно встрѣчались въ жизни частной. Два сословія мало того, что соперничаютъ, они враждебны.

И что, кажется, составляетъ особенность одной Франціи, это то, что въ то же самое время, какъ сословіе дворянства теряетъ, такимъ образомъ, свою политическую силу, дворянинъ лично пріобрѣтаетъ многія привиллегіи, какихъ у него не было, или увеличиваетъ тѣ, которыми онъ уже обладалъ. Можно сказать, что отдѣльные члены обогащаются на счетъ остатковъ правъ сословныхъ. Дворянству все въ меньшей и меньшей степени предоставляется право управленія, но дворяне часъ отъ часу пріобрѣтаютъ исключительное преимущество быть первыми слугами властелина; простолюдину при Людовикѣ XIV легче было стать чиновникомъ, чѣмъ при Людовикѣ XVI. Это часто встрѣчалось въ Пруссіи, между тѣмъ какъ во Франціи почти не было примѣра. Каждая изъ этихъ привиллегій разъ пріобрѣтенная становится принадлежностію крови; она не прекращалась по закону. Чѣмъ болѣе переставало дворянство быть аристократіей, тѣмъ болѣе становилось кастой.

Возьмемъ самую ненавистную изъ всѣхъ этихъ привиллегій, изъятіе отъ налоговъ; легко видѣть, что съ пятнадцатаго столѣтія до французской революціи оно не переставало увеличиваться. Оно возрастало вмѣстѣ съ быстрымъ разширеніемъ общественныхъ повинностей. Когда при Карлѣ VII сборъ подати не превышалъ 1,200,000 ливровъ, то привиллегія, быть отъ нея изъятымъ, была невелика; но когда при Людовикѣ XVI сборъ составлялъ 80 милліоновъ, то это значило много. Когда подать была простымъ налогомъ на простолюдиновъ, то изъятіе отъ нея дворянина было мало незамѣтно; но когда подобнаго рода налоги размножились подъ тысячами названій и формъ, когда подъ податью стали разумѣть еще четыре другихъ налога, когда повинности, неизвѣстныя среднимъ вѣкамъ, какъ напримѣръ королевская барщина во всѣхъ публичныхъ работахъ, милиція и проч. были присоединены къ подати и ея принадлежностямъ, и также неравномѣрно распредѣлены, то изъятіе дворянина сдѣлалось чрезвычайно значительнымъ. Правда, неравномѣрность, хотя и большая, часто всетаки оставалась скорѣе только кажущеюся, чѣмъ дѣйствительною, ибо избавляясь отъ подати лично дворянинъ часто былъ обложенъ ею въ лицѣ своего фермера; но въ этомъ отношеніи видимая неравномѣрность вредитъ гораздо болѣе, чѣмъ скрытая.

Людовикъ XIV, побуждаемый финансовыми нуждами, обременившими конецъ его царствованія, учредилъ двѣ общія подати, подушное и двадцатыя части доходовъ. Но при этомъ позаботился установить различное взиманіе подати тамъ, гдѣ она была общею, какъ будто бы изъятіе отъ налога было уже само по себѣ столь уважительною привиллегій, что ее должно было освятить въ самомъ фактѣ, предназначенномъ нанести ей ударъ. Для однихъ эта подать оставалась унизительною и суровой для другихъ— привиллегіей и почестью.

Хотя неравномѣрность въ налогахъ установилась на всемъ европейскомъ материкѣ, но мало было странъ, гдѣ бы она дошла до такой степени очевидности какъ во Франціи. Въ большей части Германіи, большинство податей собиралось въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Даже въ прямомъ налогѣ привиллегія дворянина состояла часто лишь въ сравнительно меньшемъ участіи въ общей повинности. Сверхъ того, нѣкоторыя подати падали исключительно на дворянство и назначались въ замѣну даровой военной службы, которой уже болѣе не требовали отъ него.

Но изъ всѣхъ способовъ различать людей и разъединять сословія — неравномѣрность налоговъ есть самый гибельный и наиболѣе способный къ неравенству присоеди-

нить еще и отчужденность, и разъединенныхъ сдѣлать почти непримиримыми. Ибо, взгляните на его послѣдствія: когда буржуа и дворянинъ не подвержены болѣе платежу одной и той же подати, то распредѣленіе и взиманіе налога съ каждымъ годомъ проводитъ межь ними новую сословную границу обозначенную ясною и опредѣленною чертой. Всякій годъ, каждый изъ привиллегированныхъ чувствуетъ свою существенную и настоятельную выгоду въ томъ, чтобы не смѣшиваться съ массой и дѣлаетъ новое усиліе стать отъ нея поодаль.

Такъ какъ почти нѣтъ общественныхъ дѣлъ, которыя бы не имѣли связи съ налогами, то съ тѣхъ поръ, какъ два сословія неравномѣрно подвержены ему, они почти не находятъ болѣе причинъ совѣщаться когда либо вмѣстѣ или сочувствовать общимъ нуждамъ и желаніямъ; не нужно болѣе стараться держать ихъ въ разъединеніи: ибо у нихъ уже отняли въ нѣкоторомъ смыслѣ случай и охоту дѣйствовать вмѣстѣ.

Бэркъ въ описаніи древняго устройства Франціи, впрочемъ очень льстивомъ, выставляетъ въ пользу нашего дворянства легкость съ какою буржуазія могла достигать этого званія, занявъ какую нибудь должность: это, по его мнѣнію, имѣетъ аналогію съ открытою аристократіей Англіи. Людовикъ XI, дѣйствительно увеличилъ число случаевъ дающихъ званіе дворянина: это служило средствомъ унизить сословіе; преемники Людовика XI слѣдовали по его пути ради денегъ. Неккеръ свидѣтельствуетъ, что въ его время число должностей, доставлявшихъ дворянство, простиралось до четырехъ тысячъ. Во всей остальной Европѣ не было ничего подобнаго; а аналогія, которую Бэркъ хотѣлъ провести между Франціей и Англіей, была болѣе, чѣмъ ложна.

Если средніе классы Англіи, далекіе отъ вражды съ аристократіей, остались съ такой тѣсной связи съ нею, то главною причиною этого была не открытость аристократіи, а скорѣе, какъ уже было сказано, отсутствіе опредѣленной

для нея формы и видимой границы; болѣе отъ незнанія, когда начинаешь принадлежать къ ней, чѣмъ отъ легкости вступить въ ея кругъ; такъ что все приближавшееся къ дворянству могло считать себя ея сочленами, соединяться съ нею въ управленіи и отъ ея могущества пріобрѣтать нѣкоторой блескъ или пользоваться выгодами.

А преграда, отдѣлявшая французское дворянство отъ прочихъ сословій, хотя и весьма легко переступаемая, была всегда постоянною и замѣтною, всегда она кидалась въ глаза своими признаками, яркими и ненавистными оставшемуся внѣ ея. Разъ переступитъ эту грань значило на всегда увидѣть себя отдѣленнымъ привиллегіями отъ всѣхъ тѣхъ, кому онѣ были тягостны и унизительны.

Система пожалованій въ дворянство, ни мало не уменьшала ненависти простолюдина къ дворянину, напротивъ увеличивала ее безъ мѣры; она раздражалась всею завистью, которую внушалъ новый дворянинъ своимъ прежнимъ собраніямъ. Вотъ причина того, что среднее сословіе, въ своихъ жалобахъ, постоянно выражаетъ болѣе раздраженія противъ облагороженныхъ, чѣмъ противъ благородныхъ, и что, вовсе не думая просить о расширеніи путей, могущихъ вывести его за предѣлы настоящаго его положенія, оно безпрерывно проситъ, чтобы они были съужены.

Ни въ одну эпоху нашей исторіи нельзя было такъ легко пріобрѣсти дворянство, какъ въ 1789 году, и никогда дворянинъ и буржуа не были такъ разъединены. Не только дворяне не хотятъ въ своихъ избирательныхъ коллегіяхъ терпѣть ничего отзывающагося буржуазіей, но и послѣдніе, съ такою же заботливостью, устраняютъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ видъ дворянина. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ новопожалованные дворяне отвергаются съ одной стороны потому, что ихъ не считаютъ довольно благородными, съ другой потому, что ихъ находятъ уже слишкомъ благородными. Такъ говорятъ, случилось съ знаменитымъ Лавуазье.

Если-жъ теперь, оставивъ въ сторонѣ дворянство, ста-

немъ разсматривать эту буржуазію, то увидимъ то же самое, именно, что буржуазія стоитъ также далеко отъ народа, какъ дворянинъ отъ буржуазіи.

Почти все среднее сословіе, стараго порядка жило въ городахъ. Этому способствовали особенно двѣ причины: привиллегіи дворянъ и постоянная подать. Сеньоръ, проживавшій въ своихъ земляхъ, выражалъ обыкновенно нѣкоторую фамильярную доброту къ крестьянамъ; но его надменность въ отношеніи къ буржуазіи, его сосѣдей, почти не имѣла границъ. Она не переставала возрастать по мѣрѣ того, какъ уменьшалась его политическая власть и именно по этой самой причинѣ; ибо, переставая, съ одной стороны, управлять, онъ не находилъ болѣе причинъ щадить того, кто могъ бы ему помочь въ этомъ дѣлѣ, а съ другой, какъ часто мы замѣчали, онъ любилъ утѣшаться въ потерѣ своей дѣйствительной силы неумѣреннымъ пользованіемъ призрачными правами. Самое его отсутствіе въ земляхъ, вмѣсто того, чтобы дать свободно вздохнуть сосѣдямъ, еще затрудняло ихъ стѣснительное положеніе. Даже частыя его отлучки не приносили никакой пользы; ибо привиллегіи въ рукахъ повѣреннаго были еще невыносимѣе.

Не знаю однакожъ, не была-ль еще болѣе дѣйствительною причиною постоянная подать со всѣми подведенными подъ нее налогами.

Я могъ бы, мнѣ кажется, объяснить, и въ очень не многихъ словахъ, почему постоянная подать съ ея побочными налогами была гораздо тяжеле для селъ, чѣмъ для городовъ; но это, можетъ быть, покажется читателю безполезнымъ. И такъ для меня будетъ достаточно сказать, что буржуазія, сосредоточившись въ городѣ, получила тысячи средствъ уменьшить тяжесть постоянной подати, а часто и совсѣмъ освободиться отъ нея, чего бы никто изъ нихъ не могъ достичь въ отдѣльности, если бы оставался въ своемъ участкѣ. Особенно такимъ образомъ избѣгали они обязанности собирать постоянную подать, чего боялись еще

гораздо болѣе, чѣмъ обязанности платить ее, и не безъ причины; ибо никогда не было въ старомъ нашемъ правительствѣ, да и въ какомъ бы то ни было, я думаю, правительствѣ, худшаго состоянія, чѣмъ положеніе приходскаго сборщика податей. У меня еще будетъ впереди случай доказать это. Между тѣмъ въ деревнѣ никто, исключая дворянъ, не могъ уклониться отъ этой повинности: богатый простолюдинъ, вмѣсто того, чтобы подчиниться ей, скорѣе отдавалъ свое имѣніе въ аренду и удалялся въ ближайшій городъ. Тюрго, говоря, «что сборъ постоянной подати превращаетъ почти всѣхъ простолюдиновъ—деревенскихъ собственниковъ—въ городскихъ буржуа», не разногласитъ со всѣми секретными документами, съ которыми мнѣ приходилось справляться. Вотъ, сказать мимоходомъ, одна изъ причинъ того, что Франція была наполнена городами, и особенно небольшими городами, болѣе, чѣмъ большинство другихъ европейскихъ земель.

Такъ, живя въ стѣнахъ города, богатый простолюдинъ вскорѣ терялъ наклонность къ сельской жизни; онъ становился совершенно чуждъ трудовъ и дѣлъ тѣхъ изъ своихъ собратій, которые остались въ деревнѣ. Жизнь его уже имѣла передъ собой, такъ сказать, одну цѣль: онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы въ городѣ, котораго онъ сталъ гражданинъ, сдѣлаться общественнымъ чиновникомъ.

Весьма ошибочно думать, что общая почти всѣмъ современнымъ французамъ, и въ особенности среднимъ классамъ, страсть къ служебнымъ мѣстамъ возникла со времени революціи; эта страсть получила свое начало много вѣковъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ не переставала возрастать, благодаря той заботливости, въ какой ее постоянно поддерживали новою пищей.

Служебные должности въ эпоху стараго порядка не всегда соотвѣтствовали нашимъ, но ихъ, я думаю, было еще больше; числу же мелкихъ не было, кажется, и счета. Въ одинъ только промежутокъ времени отъ 1693 до 1709

года, насчитываютъ, что ихъ было основано до сорока тысячъ, и почти всѣ были заняты самой мелкой буржуазіей. Я насчиталъ въ 1750 году въ одномъ провинціальномъ городѣ средней величины до ста-девяти лицъ, занятыхъ правосудіемъ, до ста-двадцати-шести исполнителей приговоровъ первыхъ, все изъ городскихъ жителей. Ревность, съ какою буржуазія бросалась на эти мѣста, была дѣйствительно, безпримѣрна. Лишь только кто либо изъ нихъ чувствовалъ себя обладателемъ маленькаго капитала, какъ уже тотчасъ, вмѣсто того, чтобы употребить его на торговые обороты, пользовался имъ для покупки мѣста. Это жалкое самолюбіе болѣе повредило успѣхамъ земледѣлія и торговли во Франціи, чѣмъ цехи и самая подать. Когда мѣстъ не доставало, то воображеніе просителей, принимаясь за работу, тотчасъ изобрѣтало новыя. Нѣкто Ламбервилль издаетъ записку, чтобы доказать, что совершенно сообразно съ общественными интересами учредить инспекторовъ для каждаго рода промышленности, и оканчиваетъ рекомендаціей самаго себя въ эту должность. Кому изъ насъ незнакомы Ламбервилли? Словомъ, всякій человѣкъ, не лишенный кой-какихъ знаній и смѣтливости, не считалъ уже приличнымъ умереть, не бывъ общественнымъ чиновникомъ. «Каждый сообразно своему состоянію», говоритъ одинъ современникъ, «хочетъ быть чѣмъ нибудь въ родѣ короля.»

Самая большая разница, замѣчаемая въ этомъ отношеніи, между тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю здѣсь, и нашимъ, заключается въ томъ, что тогда правительство продавало мѣста, тогда какъ теперь оно ихъ раздаетъ даромъ; для полученія ихъ уже не вносятъ денегъ; но за то, дѣлаютъ еще лучше, предлагаютъ къ услугамъ самихъ себя.

Отдѣленный отъ крестьянъ различіемъ мѣста жительства, а еще болѣе образомъ жизни, буржуа, чаще всего, отдѣлялся отъ нихъ также и интересами. Съ большою справедливостью жалуются на привиллегіи дворянъ по отношенію

къ налогу; но что сказать о привиллегіяхъ буржуа? Тысячами считается число служебныхъ должностей, освобождающихъ вовсе или отчасти отъ общественныхъ повинностей; одного отъ милиціи, другаго отъ барщины, третьяго отъ подати. Какой приходъ, говорится въ одномъ современномъ сочиненіи, не считаетъ въ своей средѣ, кромѣ дворянъ и духовныхъ, многихъ жителей, добывшихъ себѣ, при помощи служебныхъ должностей или порученій, нѣкоторыя изъятія изъ налога? Одною изъ причинъ, заставлявшихъ отъ времени до времени уничтожать извѣстное число должностей, предназначавшихся для буржуазіи, состояла въ томъ, что сборъ значительно уменьшался вслѣдствіи столь большаго количества людей, освобожденныхъ отъ постоянной подати. Я ни мало не сомнѣваюсь, что число изъятыхъ отъ повинностей изъ буржуазіи было также велико, какъ и изъ дворянъ, а часто и больше.

Эти жалкія преимущества наполняли завистью тѣхъ, кто былъ ихъ лишенъ и самою эгоистическою гордостью, обладавшихъ ими. Ничто не высказывается такъ ярко на всемъ протяженіи восемнадцатаго столѣтія, какъ враждебность городской буржуазіи противъ крестьянъ ихъ околотка и завистливость этихъ послѣднихъ къ городу. «Каждый городъ», говоритъ Тюрго, «занятой своими частными интересами, готовъ жертвовать для нихъ селами и деревнями своего округа.» «Вы часто были обязаны», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ своимъ субделегатамъ, «подавлять постоянно-злоупотребляющее, хищническое стремленіе, которое характеризуетъ поведеніе городовъ въ отношеніи селъ и деревень ихъ округа.»

Даже народъ, живущій съ буржуазіей въ чертѣ одного и того же города, становится чуждъ, почти враждебенъ ей. Большая часть мѣстныхъ повинностей устанавливается ими такъ, чтобъ они падали преимущественно на низшіе классы. Я неоднократно имѣлъ случаи повѣрить слова того же Тюрго, находящіяся въ другомъ мѣстѣ его сочиненій,

что будто бы городская буржуазія отыскала способъ взимать пошлину за въѣздъ, не подвергая ей самою себя.

Но что особенно проглядываетъ во всѣхъ актахъ буржуазіи, такъ это боязнь увидѣть себя смѣшанной съ народомъ и страстное желаніе избавиться, всѣми мѣрами, отъ его контроля.

«Если бы королю было угодно», говоритъ буржуазія одного города въ запискѣ адресованной на имя генеральнаго контролера, «чтобы мѣсто мэра вновь стало избирательнымъ, то слѣдовало бы обязать избирателей дѣлать выборъ только изъ важнѣйшихъ нотаблей и даже изъ членовъ мѣстнаго суда.»

Мы видѣли, что въ политикѣ нашихъ королей было стремленіе постепенно отнимать у городскаго населенія пользованіе политическими правами. Съ Людовика XI до Людовика XV, все ихъ законодательство обнаруживаетъ эту мысль. Часто городская буржуазія раздѣляетъ ее, а иногда и внушаетъ королямъ.

Во время муниципальной реформы 1764 года, одинъ интендантъ спрашиваетъ совѣта у муниципальныхъ чиновниковъ небольшаго городка въ рѣшеніи вопроса, должно ли оставить ремесленникамъ и *остальному черному народу* право избирать магистратовъ. Эти чиновники отвѣчаютъ, что, говоря по истинѣ, «народъ никогда не злоупотреблялъ этимъ правомъ и что безъ сомнѣнія было бы милостію сохранить ему утѣшеніе въ избраніи тѣхъ, которые должны распоряжаться имъ; но что еще лучше, для поддержанія порядка и общественной тишины, возложить это дѣло на собраніе нотаблей.» Субделегатъ извѣщаетъ съ своей стороны, что онъ собралъ у себя въ тайной конференціи «шесть лучшихъ гражданъ горда.» Эти шесть лучшихъ гражданъ согласились единодушно, что всего лучше было бы ввѣрить избраніе, даже не собранію нотаблей, какъ это предлагали муниципальные чиновники, но извѣстному числу депутатовъ отъ разныхъ корпорацій, входящихъ въ составъ этого собранія. Субделегатъ, болѣе благосклонный къ вольностямъ народа чѣмъ буржуазія, сообщая ихъ мнѣнія, однакожъ прибавляетъ, «что всетаки весьма жестоко заставлять ремесленниковъ платить деньги, не давая возможности контролировать употребленіе суммъ, налагаемыхъ тѣми изъ ихъ согражданъ, которые по причинѣ своихъ привиллегій, можетъ быть, всего менѣе заинтересованы въ вопросѣ о налогахъ.»

Но закончимъ картину; разсмотримъ теперь буржуазію въ ней самой, отдѣльно отъ народа, какъ мы разсматривали дворянство отдѣльно отъ буржуазіи. Мы замѣчаемъ въ этой небольшой части народа, стоящей поодаль отъ всѣхъ прочихъ, безконечныя подраздѣленія. Кажется, французскій народъ подобенъ тѣмъ мнимо простымъ тѣламъ, въ которыхъ новѣйшая химія встрѣчаетъ вновь открывающіяся разложимыя части по мѣрѣ того, какъ она ближе изслѣдуетъ ихъ. Я не находилъ менѣе тридцати-шести различныхъ корпорацій между нотаблями маленькаго городка. Эти различныя корпораціи, и безъ того уже чрезвычайно мелкія, неутомимо стремятся еще болѣе съузиться; онѣ постоянно очищаются отъ инородныхъ частицъ, могущихъ въ нихъ содержаться, чтобы придти къ простымъ элементамъ. Въ числѣ корпорацій есть такія, которыя вслѣдствіе этой прекрасной работы дошли до числа трехъ или четырехъ членовъ. Чрезъ это они становятся только оригинальнѣе и сварливѣе по характеру. Всѣ они отдѣлены другъ отъ друга кой-какими привиллегіями и наименѣе честныя изъ этихъ привиллегій считаются почетными отличіями. Между ними вѣчные споры о первенствѣ. Интендантъ и трибуналы оглушены шумомъ ихъ дрязговъ. «Наконецъ хотѣли рѣшить, чтобы святую воду давать мѣстному суду прежде, чѣмъ городскому вѣдомству. Парламентъ колебался; но король перенесъ дѣло въ свой совѣтъ и рѣшилъ его самъ. Да и уже пора было; это дѣло возволновало весь городъ.» Если въ общемъ собраніи нотаблей, одной корпораціи позволить шагъ на счетъ другой, то эта послѣдняя переставала туда

являться; она скорѣе отказывалась отъ общественныхъ дѣлъ, чѣмъ соглашалась видѣть, какъ говорила она, униженіе своего достоинства. Корпорація парикмахеровъ г. Флеша рѣшаетъ, «что она такимъ образомъ заявитъ справедливую скорбь, причиняемую ей предоставленіемъ первенства булочникамъ.» Въ одномъ городѣ часть нотаблей упорно отказывается отъ исполненія своей обязанности «потому объясняетъ интендантъ, что въ собраніи находилось нѣсколько ремесленниковъ, съ которыми быть въ обществѣ важнѣйшіе буржуа считаютъ для себя унизительнымъ.» «Если обязанность *головы (échevin)*, говоритъ интендантъ другой провинціи, поручить нотаріусу, то это оскорбитъ другихъ нотаблей, такъ какъ здѣсь нотаріусы люди низкаго происхожденія, не принадлежащіе къ фамиліямъ нотаблей, и всѣ они ничто иное какъ бывшіе маклера.» Шесть лучшихъ гражданъ, о которыхъ я уже говорилъ и которые такъ легко рѣшаютъ, что народъ долженъ быть лишенъ своихъ политическихъ правъ, находятся въ странномъ недоумѣніи, когда заходитъ рѣчь о томъ, кого считать нотаблемъ и какой порядокъ первенства прилично установить между ними. Въ подобныхъ случаяхъ они скромно выражаютъ только сомнѣніе; они боятся, какъ сами говорятъ, «причинить кому нибудь изъ своихъ согражданъ слишкомъ чувствительную скорбь.»

Суетность, естественная во французѣ, укрѣпляется и изощряется въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ себялюбія этихъ мелкихъ корпорацій, а законная гордость гражданина забывается. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, большая часть корпорацій, о которыхъ я говорилъ, уже существовала; но ихъ члены, устроивъ между собой дѣла своего частнаго общества, безпрестанно присоединялись ко всѣмъ остальнымъ жителямъ для занятія общими интересами города. Въ восемнадцатомъ столѣтіи они почти совсѣмъ погружены въ самихъ себя, ибо акты жизни муниципальной стали рѣдки, да и тѣ всѣ исполняются повѣренными. И такъ

каждое изъ этихъ маленькихъ обществъ живетъ только для себя, занимается только собою, имѣетъ дѣла, только касающіяся до него.

У нашихъ отцевъ не было слова *индивидуализмъ*, которое выковали мы для своего употребленія, потому что въ ихъ времена, дѣйствительно не было недѣлимаго, которое бы не принадлежало къ извѣстной группѣ и которое можно было бы разсматривать совершенно отдѣльно; но каждая изъ множества мелкихъ группъ, составлявшихъ французское общество, думала только о самой себѣ. Это, если я могу такъ выразиться, былъ родъ собирательнаго индивидуализма, приготовившаго умы къ истинному индивидуализму, понятному для насъ.

А что всего страннѣе, такъ это то, что всѣ эти люди, державшіеся въ такомъ отдаленіи между собой, стали до такой степени похожи другъ на друга, что стоило только заставить перемѣнить мѣста, чтобы не распознать ихъ. Еще болѣе, кому можно было проникнуть въ глубь ихъ духа, тотъ открывалъ, что всѣ эти маленькія преграды, раздѣлявшія людей столь сходныхъ между собой, казались имъ самимъ столько же противными общественному благу, сколько и здравому смыслу, и что въ теоріи они уже боготворили единство. Каждый изъ нихъ держался своего частнаго положенія только потому, что прочіе также обособлялись; но они всѣ были готовы смѣшаться въ одну безразличную массу съ тѣмъ, чтобы никто не имѣлъ ничего отдѣльно и не возвышался надъ общимъ уровнемъ.

ГЛАВА X.

Какимъ образомъ паденіе политической свободы и раздѣленіе на классы породили почти всѣ недуги, причинившіе смерть старого порядка.

Изъ всѣхъ болѣзней, поразившихъ конституцію стараго порядка и осудившихъ его на погибель, я приступаю къ

изображенію самой главной. Я хочу еще разъ возвратиться къ источнику этого опаснаго и необычайнаго зла и показать сколько еще другихъ золъ вышло съ нимъ оттуда.

Если англичане, начиная съ среднихъ вѣковъ, подобно намъ, совершенно утратили политическую свободу и всѣ мѣстныя вольности, которыя не могутъ долго просуществовать безъ нея, то очень вѣроятно, что различные классы изъ которыхъ слагалась ихъ аристократія, стояли каждый отдѣльно, подобно тому, какъ это было во Франціи и болѣе или менѣе на остальномъ материкѣ, и что всѣ они вмѣстѣ отдѣлялись отъ народа. Но свобода принуждала ихъ постоянно держаться близко другъ къ другу, чтобы въ случаѣ необходимости соединяться для общихъ интересовъ.

Любопытно видѣть, какъ англійское дворянство, ради самаго честолюбія, умѣло, когда это казалось ему необходимымъ, фамильярно смѣшиваться съ низшими классами и смотрѣть на нихъ, какъ на равныхъ себѣ. Артуръ Юнгъ, слова котораго я уже приводилъ, и книга котораго есть одно изъ самыхъ поучительныхъ сочиненій, какія только существуютъ о старой Франціи, разсказываетъ, что находясь однажды въ помѣстьи у герцога де-Ліанкура, онъ изъявилъ желаніе побесѣдовать съ нѣкоторыми изъ самыхъ зажиточныхъ и богатыхъ окрестныхъ земледѣльцевъ. Герцогъ поручилъ своему управляющему привести ихъ. На что англичанинъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Если-бъ это было у англійскаго землевладѣльца, то пригласили бы трехъ, четырехъ земледѣльцевъ (farmers), которые отобѣдали бы въ его семействѣ, среди дамъ высшаго круга. По крайней мѣрѣ я былъ свидѣтелемъ этому сотни разъ на нашихъ островахъ. Напрасно бы стали искать этого во Франціи отъ Кале до Байонны.»

Конечно, англійская аристократія была спесивѣе французской и менѣе расположена брататься со всякимъ, кто жилъ ниже ея; но необходимость, вытекающая изъ самаго

положенія, поневолѣ свела два сословія. Она готова была на все, лишь бы только повелѣвать. У англичанъ уже нѣсколько вѣковъ не было другаго неравенства въ налогахъ, кромѣ постепенно вводимыхъ въ пользу нуждающихся классовъ. Какимъ образомъ, спрашиваю я васъ, двумя сосѣдними странами могутъ руководить болѣе различныя политическія начала! Въ восемнадцатомъ столѣтіи, если кто пользуется въ Англіи привиллегіями въ налогахъ, такъ это бѣднякъ; во Франціи—богачъ. Тамъ аристократія приняла на себя самыя тяжкія общественныя повинности съ тѣмъ, чтобъ ей отдали управленіе страны; здѣсь она до конца удержала льготы въ налогахъ, чтобы имѣть чѣмъ утѣшаться утративъ это управленіе.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи правило: *N'impose qui ne veut* (не облагай податью того, кто не хочетъ), было одинаково распространеннымъ во Франціи, какъ въ самой Англіи. Часто напоминалось, что: нарушеніе его всегда кажется тираническимъ поступкомъ; сообразоваться съ нимъ значитъ возстановлять право. Въ эту эпоху, какъ я сказалъ, встрѣчается множество аналогій между нашими политическими учрежденіями и англійскими; но отсюда судьбы обоихъ народовъ раздѣляются и расходятся, теряя съ теченіемъ времени взаимное сходство все болѣе и болѣе. Онѣ подобны тѣмъ двумъ линіямъ, которыя, исходя изъ сосѣднихъ точекъ, подъ нѣсколько неравнымъ наклоненіемъ, отдаляются безконечно по мѣрѣ своего удлиненія.

Смѣю утверждать, что съ тѣхъ поръ, какъ народъ, утомленный продолжительными неурядицами, сопровождавшими плѣнъ короля Іоанна и помѣшательство Карла VI, позволилъ королямъ установлять общій налогъ безъ своего содѣйствія, и когда дворянство имѣло низость попустить обложить податью среднее сословіе, лишь бы только самому быть изъятымъ отъ нея, съ того дня былъ посѣянъ зародышъ почти всѣхъ недостатковъ, почти всѣхъ злоупо-

требленій, удручавшихъ старый порядокъ при концѣ его существованія и въ заключеніе насильственно причинившихъ ему смерть; и я удивляюсь необыкновенной проницательности Комминя (Commines), когда онъ говоритъ: «Карлъ VII, добывшій себѣ право налагать подать по своему произволу, безъ согласія чиновъ, сильно обременилъ душу свою и своихъ пріемниковъ и нанесъ своему королевству рану, которая еще долго будетъ истекать кровью.»

Смотрите, какъ она дѣйствительно растравлялась съ теченіемъ лѣтъ; прослѣдите фактъ шагъ за шагомъ въ его послѣдствіяхъ.

Фарбоннэ (Farbonnais) справедливо говоритъ въ своихъ ученыхъ *Розысканіяхъ о финансахъ Франціи (Prechercches sur les Finances de la France)*, что въ средніе вѣка короли жили вообще доходами съ своихъ имѣній; «и такъ какъ на случай чрезвычайныхъ нуждъ, прибавляетъ онъ, были установлены чрезвычайныя контрибуціи, то онѣ одинаково падали на духовенство, дворянство и народъ.»

Большинство общихъ налоговъ, утвержденныхъ тремя сословіями въ продолженіе четырнадцатаго столѣтія, имѣетъ, дѣйствительно, этотъ характеръ. Всѣ почти налоги, установленные въ эту эпоху, суть *косвенные*, т. е. они уплачиваютъ всѣми потребителями безразлично. Иногда налогъ бываетъ прямымъ; тогда онъ падаетъ не на собственность, а на доходъ. Дворяне, духовные, буржуазія напримѣръ, обязаны вносить королю въ продолженіе года, десятину всѣхъ своихъ доходовъ. То, что я сказалъ прежде о налогахъ, утвержденныхъ собраніями государственныхъ чиновъ, должно въ одинаковой мѣрѣ распространить на тѣ, которые утверждались, въ ту же эпоху, различными провинціальными собраніями на ихъ территоріяхъ.

Правда, что съ этого времени прямой налогъ, извѣстный подъ именемъ *постоянной подати, (taile)*, никогда не лежалъ на дворянинѣ. Обязанность даровой военной службы замѣняла его; но постоянная подать, какъ общій налогъ,

была въ ограниченномъ употребленіи, была приложима скорѣе къ сеньоріи, чѣмъ къ королевству.

Когда король рѣшился въ первый разъ взимать налоги своею собственною властью, онъ понималъ, что слѣдовало выбрать сперва такой, который бы не падалъ прямо на благородныхъ; ибо эти послѣдніе, образуя тогда для королевства соперничающій, опасный классъ, никогда бы не потерпѣли нововведенія, столь невыгоднаго для нихъ; и вслѣдствіе этого онъ избралъ налогъ, отъ котораго дворянство было изъято; онъ выбралъ постоянную подать.

Такъ ко всѣмъ уже существовавшимъ частнымъ неравенствамъ присоединилось еще болѣе общее, усилившее и поддержавшее всѣ прочія. Съ этого времени, по мѣрѣ того, какъ потребность въ общественныхъ деньгахъ возрастаетъ съ расширеніемъ центральной власти, постоянная подать увеличивается и является въ разнообразныхъ видахъ; вскорѣ она удесятерилась и всѣ новые налоги становятся постоянными податями. Такъ съ каждымъ годомъ неравномѣрность налога раздѣляетъ классы и разъединяетъ людей болѣе, чѣмъ когда либо прежде. Съ той минуты, какъ налогъ долженъ былъ падать не на людей, вполнѣ способныхъ заплатить его, а на наиболѣе неспособныхъ защититься, вытекло, какъ необходимое слѣдствіе, чудовищное явленіе,— именно избавленіе отъ подати богача и обремененіе бѣднаго. Увѣряютъ, что Мазарини, страдая недостаткомъ денегъ, выдумалъ установить налогъ на важнѣйшіе дома въ Парижѣ, но, встрѣтивъ въ заинтересованныхъ лицахъ нѣкоторое сопротивленіе, ограничился прибавкою къ общей смѣтѣ постоянной подати нужные ему пять милліоновъ. Онъ хотѣлъ обложить податью самыхъ зажиточныхъ гражданъ, а принужденъ былъ обложить самыхъ несчастныхъ; но казна ничего не потеряла отъ этого.

Сборы налоговъ, столь дурно распредѣленныхъ, были довольно ограничены; а нужды государей не знали предѣловъ. Между тѣмъ они не хотѣли ни созвать сословій,

чтобы получить отъ нихъ вспомоществованія, ни побудить дворянство, наложивъ на него подать, потребовать сознанія этихъ собраній.

Отсюда произошла та невѣроятная и зловредная дѣятельность финансоваго ума, которая такъ странно характеризуетъ управленіе денежными сборами въ три послѣдніе вѣка монархіи.

Нужно углубиться въ изученіе этихъ подробностей административной и финансовой исторіи старой монархіи, чтобы понять, къ какой насильственной и безчестной практикѣ можетъ довести нужда въ деньгахъ правительство кроткое, но безъ гласности и контроля, когда время разъ освятило его власть и освободило отъ страха революціи, этого послѣдняго защитника народа.

На каждомъ шагу встрѣчаешь въ лѣтописяхъ указанія, что королевскія имущества продаются и потомъ снова отнимаются, какъ не могущія быть проданными; нарушенные договоры, непризнанныя права; государственнаго кредитора, приносимаго въ жертву при каждомъ кризисѣ, общественное довѣріе безпрерывно обманываемое.

Привиллегіи, данныя на-вѣки, безпрестанно отмѣняются. Если бы можно было соболѣзновать непріятностямъ, причиняемымъ глупой суетностью, то слѣдовало бы пожалѣть объ участи этихъ несчастныхъ новопожалованныхъ дворянъ, которые, во все продолженіе семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія, были принуждены отъ времени до времени выкупать эти пустыя почести или несправедливыя привиллегіи, купленные ими уже много разъ. Такъ Людовикъ XIV уничтожилъ всѣ дворянскіе титулы, пріобрѣтенные за девяностодва года, титулы, большая часть которыхъ была дана имъ же самимъ; сохранить ихъ можно было, только заплативъ новыя деньги, *такъ какъ всѣ эти титла были получены хитростью,* говоритъ эдиктъ. Это примѣръ, котораго не преминулъ повторить Людовикъ XV, восемьюдесятью годами позже.

Милиціонеру запрещаютъ давать за себя подставнаго изъ опасенія, какъ говорятъ, возвысить для государства цѣну рекрутовъ.

Города, общины, госпитали принуждены нарушать обязательства, чтобы быть въ состояніи ссужать короля. Приходамъ препятствуютъ предпринимать полезныя работы изъ опасенія, чтобы, раздѣляя такимъ образомъ свои средства, они будутъ платить менѣе исправно подать.

Разсказываютъ, что Орри и де-Трюдень, первый—генеральный контролеръ, а послѣдній—главный директоръ путей сообщеній, составили проэктъ замѣнить дорожную барщину денежнымъ взносомъ жителей каждаго кантона для поправки своихъ дорогъ. Поучительна причина, заставившая этихъ искусныхъ администраторовъ отказаться отъ своего намѣренія: они боялись, какъ говорятъ, что установивъ такимъ образомъ фонды, нельзя будетъ помѣшать казнѣ отвлечь ихъ отъ надлежащаго употребленія, чтобы самой воспользоваться ими для своихъ нуждъ, такъ, что обложенные повинностью вскорѣ должны были бы нести и новый налогъ и барщину. Скажу смѣло, что нѣтъ частнаго лица, которое не подверглось бы судебному преслѣдованію, если бы оно такъ поступало со своимъ собственнымъ состояніемъ, какъ великій король во всей своей славѣ распоряжался общественнымъ.

Если вы встрѣчаете какое-либо древнее средневѣковоучрежденіе, которое вопреки потребностямъ времени существуетъ увеличивая свои недостатки, или если вы увидите какое нибудь гибельное нововведеніе, попробуйте дойти до корня зла: тамъ вы найдете временную финансовую мѣру, обратившуюся въ учрежденіе. Вы увидите, какъ для уплаты долговъ одного дня основываются новыя власти, которыя существуютъ цѣлые вѣка.

Частный налогъ, извѣстный подъ названіемъ пошлины съ свободнаго лена, былъ установленъ въ весьма отдаленную эпоху для простолюдиновъ, владѣвшихъ дворянскими

помѣстьями. Эта пошлина производила тоже раздѣленіе между землями, какое существовало между людьми, и увеличивала безпрерывно одно посредствомъ другаго. Я не знаю не способствовала ли пошлина съ вольныхъ помѣстій болѣе, чѣмъ все остальное, къ поддержанію разъединенія между простолюдиномъ и дворяниномъ, потому что она препятствовала имъ быть сходными въ томъ, что скорѣе и лучше всего сближаетъ людей между собой, въ поземельной собственности. Такимъ образомъ, отъ времени до времени, открывалась бездна между собственникомъ-дворяниномъ и собственникомъ-простолюдиномъ, его сосѣдомъ. Напротивъ, ничто такъ не ускорило сліянія этихъ двухъ классовъ въ Англіи, какъ уничтоженіе съ семнадцатаго столѣтія всѣхъ признаковъ, различавшихъ ленъ отъ земли находящейся во владѣніи простолюдина.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи феодальный сборъ съ свободнаго лена былъ легокъ и взымался только изрѣдка; но въ восемнадцатомъ, когда феодализмъ почти совершенно рушился, на него смотрятъ со всей строгостью и собираютъ аккуратно чрезъ каждые двадцать лѣтъ, и онъ равняется цѣлому годовому доходу съ имѣнія. Сынъ платитъ его наслѣдовавъ отцу. «Эта пошлина», говоритъ Турское земледѣльческое общество въ 1761 году, «безконечно вредитъ земледѣльческому искусству. Изъ всѣхъ налоговъ на подданныхъ короля безспорно нѣтъ ни одного, который былъ бы такимъ мучительнымъ обремененіемъ въ деревняхъ.» «Эти деньги, говоритъ другой современникъ, взимавшіяся первоначально только разъ въ жизни, постепенно сдѣлались весьма жестокимъ налогомъ.» Само дворянство хотѣло, чтобы его уничтожили, ибо онъ мѣшалъ простолюдинамъ покупать земли. Но нужды казны требовали удержанія и увеличенія его.

Напрасно сваливаютъ на средніе вѣка всѣ бѣды, какія могли причинить промышленныя корпораціи. По всему видно, что въ началѣ цѣхи были ничѣмъ инымъ, какъ только средствомъ взаимнаго соединенія членовъ одного и того же ремесла, и установленія въ каждой отрасли промышленности своего небольшаго свободнаго управленія, назначеніемъ котораго было въ одно и тоже время и защищать ремесленниковъ, и сдерживать ихъ своеволіе. Кажется, только того и хотѣлъ святой Людовикъ.

Только въ началѣ шеснадцатаго столѣтія, въ эпоху полнаго развитія возрожденія, выдумали впервые смотрѣть на право труда, какъ на привилегію, которую могъ продавать король. Лишъ тогда каждая сословная корпорація стала небольшою замкнутой аристократіей и появились наконецъ эти монополіи, столь вредныя успѣхамъ ремеслъ и такъ возмущавшія нашихъ отцевъ. Можно сказать, что съ Генриха III, обобщившаго, если не произведшаго зло, до Людовика XVI, искоренившаго его, злоупотребленія системы присяжничествъ ни на минуту не переставали усиливаться и распространяться въ то самое время, когда успѣхи общества дѣлали ихъ невыносимѣе и какъ они болѣе выяснялись въ смыслѣ народа. Съ каждымъ годомъ исчезала свобода новыхъ ремеслъ; съ каждымъ годомъ возрастали привиллегіи старыхъ. Никогда зло не заходило такъ далеко, какъ въ то время, которое привыкли называть блестящими годами царствованія Людовика XIV, потому что никогда еще не было большой нужды въ деньгахъ и болѣе твердой рѣшимости не обращаться къ народу.

Совершенно основательно говорилъ Летронь въ 1775 году: «Государство учредило промышленныя общины только для того, чтобы находить въ нихъ источникъ доходовъ, то при помощи патентовъ, продаваемыхъ имъ, то посредствомъ новыхъ должностей, которыя оно создаетъ и которыя общины принуждены вновь покупать. Эдиктъ 1673 года довелъ до послѣдней крайности начала Генриха III, обязавъ всѣ общины покупать утвердительныя грамоты и всѣхъ ремесленниковъ, еще не принадлежавшихъ ни къ какой общинѣ, принудили присоединиться къ ней. Этотъ жалкій оборотъ дѣлъ доставилъ триста тысячъ ливровъ».

Мы видѣли, какъ было ниспровергнуто все городовое устройство не изъ видовъ политическихъ, а въ надеждѣ добыть какіе-нибудь источники для казны.

Этой же самой потребности въ деньгахъ, соединенной съ желаніемъ не просить ихъ у сословій, обязана своимъ происхожденіемъ должностей, ставшая мало-по-малу такимъ страннымъ явленіемъ, подобнаго которому ничего не видѣли на свѣтѣ. Благодаря тому учрежденію, порожденному фискальнымъ направленіемъ, суетность средняго сословія работала неутомимо, стремясь единственно къ пріобрѣтенію общественныхъ должностей, а въ самыя нѣдра народа проникла эта всеобщая страсть къ должностямъ, ставшая общимъ источникомъ и революціи и рабства.

Съ возрастаніемъ финансовыхъ затрудненій появлялись новыя должности, все съ изъятіями отъ налоговъ, да съ привиллегіями въ видѣ премій; и такъ какъ должности эти вызывались денежными, а не административными нуждами, то поэтому пришлось установить почти невѣроятное число безполезныхъ и даже вредныхъ должностей. Въ 1664 году, по справкамъ Кольбера оказалось, что капиталъ, затраченный на покупку этой жалкой собственности, простирался до пяти-сотъ милліоновъ ливровъ. Ришелье, говорятъ, уничтожилъ сто тысячъ должностей. Но онѣ тотчасъ возраждались подъ другими именами. За нѣкоторую сумму денегъ правительство отнимало у себя право управлять, контролировать и повѣрять своихъ собственныхъ агентовъ. Такимъ образомъ мало-по-малу создалась до того обширная; сложная и непроизводительная административная машина, что слѣдовало оставить ее ходъ на произволъ такъ сказать, порожнякомъ и построить помимо нея правительственное орудіе, которое было бы проще, больше по рукѣ, и при помощи его начать дѣлать въ дѣйствительности то, что всѣ эти чиновники дѣлали только повидимому.

Можно сказать утвердительно, что ни одно изъ этихъ ненавистныхъ учрежденій не просуществовало бы и двадцати лѣтъ, если бы было позволено гласно разсуждать о нихъ. Ни одно изъ нихъ не установилось бы и не усилилось, если бы спросили совѣта у сословій или выслушали жалобы, когда еще случайно эти сословія собирались. Рѣдкія собранія государственныхъ сословій послѣднихъ вѣковъ не протестовали противъ нихъ. Не одинъ разъ можно встрѣтить, какъ эти собранія указываютъ на власть, присвоенную королемъ произвольно взимать подати, какъ на источникъ всѣхъ злоупотребленій, или воспроизводя самыя выраженія, энергическаго языка пятнадцатаго столѣтія, на «право обогащаться на счетъ народа безъ согласія и обсужденія сословій». Они не занимаются только своими собственными правами; они требуютъ настойчиво и часто добиваются уваженія къ правамъ провинцій и городовъ. Въ каждомъ новомъ засѣданіи изъ среды ихъ возвышаются голоса противъ неравномѣрности повинностей. Сословія неоднократно требуютъ отмѣненія системы присяжничествъ; они съ живостію, возрастающею съ каждымъ вѣкомъ, нападаютъ на продажность должностей. «Кто продаетъ должность, продаетъ правосудіе, а это безчестно», говорятъ они. Когда установилась продажность должностей, они продолжаютъ жаловаться на злоупотребленія чиновниковъ. Они возстаютъ противъ такого множества безполезныхъ мѣстъ и опасныхъ привиллегій, но всегда напрасно. Эти учрежденія были установлены именно противъ нихъ; они порождены именно желаніемъ избавиться отъ этихъ собраній и потребностью замаскировать въ глазахъ французовъ налогъ, который не осмѣливались выставить въ его истинныхъ чертахъ.

И замѣтьте, лучшіе короли прибѣгали къ подобной практикѣ наравнѣ съ самыми не популярными. Людовикъ XII окончательно установилъ продажность должностей; Генрихъ IV продалъ ихъ наслѣдственность: настолько недостатки системы сильнѣе доблестей людей, ей слѣдующихъ!

Тоже самое желаніе избѣгнуть опеки сословій заставило ввѣрить парламентамъ большую часть ихъ политиче-

скихъ правъ; что впутало судебную власть въ управленіе, весьма невыгоднымъ образомъ для надлежащаго порядка дѣлъ. Нужно было сдѣлать наружное замѣненіе отнятыхъ гарантій новыми; ибо французы, довольно терпѣливо снося неограниченную власть, пока она не слишкомъ угнетаетъ ихъ, никогда не любили видѣть ее предъ собою; а она, съ своей стороны, всегда догадывалась возвести противъ себя какія либо кажущіяся преграды, которыя не будучи препятствіемъ для ее дѣйствій, покрайней мѣрѣ не много скрывали бы ее отъ взоровъ толпы.

Наконецъ желаніе воспрепятствовать народу, у котораго отнимали деньги, потребовать возвращенія своей свободы, заставляло безпрестанно наблюдать за сохраненіемъ разъединенія сословій такъ, чтобы они немогли ни сблизиться, ни взаимно условиться въ общемъ сопротивленіи, и чтобы правительству всегда имѣть дѣло за-разъ только съ весьма небольшимъ числомъ людей, отрѣзанныхъ отъ всѣхъ прочихъ. Во все теченіе этой продолжительной исторіи, гдѣ послѣдовательно проходило столько государей замѣчательныхъ, по уму, иногда по генію и почти всѣхъ по смѣлости, не встрѣчается ни одного, который бы сдѣлалъ усиліе сблизить сословія и соединить ихъ иначе чѣмъ подчиняя всѣ одинакой зависимости. Впрочемъ: одинъ захотѣлъ было этого и даже примѣнился къ этой мысли всѣмъ сердцемъ своимъ; это былъ,—судьбы Божіи неисповѣдимы! Людовикъ XVI.

Раздѣленіе классовъ было преступленіемъ стараго королевства, а позже оно стало его оправданіемъ; ибо когда всѣ, составляющіе богатую и просвѣщенную часть народа, не могутъ уже согласоваться и взаимно помогать другъ другу въ управленіи, то самоуправленіе страны становится невозможнымъ и тогда ощущается потребность во вмѣшательствѣ властелина.

«Нація» говоритъ съ печалью Тюрго въ одномъ секретномъ письмѣ къ королю, «представляетъ общество состоящее изъ различныхъ, дурно соединенныхъ сословій и народа, котораго члены имѣютъ весьма мало между собой связей, и въ которомъ вслѣдствіе этого всякій занятъ только своими частными выгодами. Нигдѣ непримѣтно общаго интереса. Между деревнями и городами только и есть взаимныхъ сношеній, что округи, къ которымъ они причислены. Они даже не могутъ согласиться между собой вѣсти общественныя работы, которыя имъ необходимы. Въ этой вѣчной войнѣ притязаній и соперничества Ваше Величество обязаны рѣшать всѣ дѣла сами или посредствомъ своихъ повѣренныхъ. Вашихъ особенныхъ приказаній ожидаютъ, чтобы содѣйствовать общественному благу, чтобы заставить уважать права другаго, иногда чтобы пользоваться своими собственными».

Не маловажнымъ бы предпріятіемъ было сблизить сограждан, жившихъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ чуждыми другъ другу или враждебныхъ между собой и научить ихъ сообща вести свои собственныя дѣла, гораздо легче было тогда разъединять ихъ, чѣмъ соединять. Мы дали міру памятный примѣръ этому. Когда различные классы, раздѣлявшіе старое французское общество, пришли въ столкновеніе шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, они, бывъ долго разъединены столькими преградами, прежде всего коснулись своихъ наболѣвшихъ мѣстъ, и увидѣли одинъ только исходъ для себя, растерзать взаимно другъ друга. Ихъ зависть и ненависть пережили ихъ самихъ и существуютъ еще до сихъ поръ.

ГЛАВА XI.

Особенный родъ свободы, встрѣчающійся при старомъ порядкѣ вещей, и вліяніе его на революцію.

Если мы остановимся здѣсь при чтеніи этой книги, мы получимъ только весьма несовершенное понятіе о прежнемъ порядкѣ и худо поймемъ общество, произведшее революцію.

Видя гражданъ на столько раздѣленными и заключенными въ самихъ себя, видя королевскую власть, получившую такіе размѣры и такое могущество, можно подумать, что мысль о независимости исчезла вмѣстѣ съ общественною свободою и что всѣ французы одинаково склонились подъ ярмо. Но это было не такъ: правительство уже одно неограниченно управляло всѣми общими дѣлами, хотя оно еще далеко не было властелиномъ всѣхъ недѣлимыхъ. Свобода жила посреди многочисленныхъ учрежденій, уже готовыхъ для неограниченной власти, но это былъ особенный родъ свободы, о которомъ въ нынѣшнее время трудно составить себѣ понятіе, и которую необходимо разсмотрѣть какъ можно ближе, чтобы понять добро и зло, которое они могли принести. Когда центральное правительство замѣнило собою всѣ мѣстныя власти и все болѣе и болѣе наполняло сферу публичнаго авторитета, учрежденія, которыя оно не тронуло или которыя само создало, старые обычаи, древніе нравы, злоупотребленія стѣсняли его движенія, поддерживая во многихъ духъ сопротивленія и сохраняя во многихъ характерахъ твердость и постоянство.

Централизація имѣла туже самую природу, тѣже пріемы и намѣренія, какъ и въ наше время, но не имѣла еще той силы. Правительство, желая изъ всего извлекать деньги и потому сдѣлавъ большую часть общественныхъ должностей продажными, отняло у себя право раздавать и отбирать ихъ по своему произволу. Одна изъ его страстей такимъ образомъ сильно повредила успѣху другой; его личность стала противовѣсомъ честолюбію.

Такъ оно безпрестанно принуждено было употреблять для своихъ дѣйствій тѣ орудія, которыя не само оно выработало и которыхъ сокрушить не было въ состояніи. Часто приходилось видѣть, какъ самая безусловная ея воля обезсиливалась въ исполненіи. Это странное и полное недостатковъ устройство общественныхъ должностей составляли родъ политическаго обезпеченія противъ всемогущества центральной власти. Это было что-то въ родѣ неправильнаго и дурно построеннаго оплота, раздѣлявшаго ея силы и уменьшавшаго дѣйствія ея ударовъ.

Правительство не располагало еще тѣмъ безконечнымъ множествомъ милостей, вспомоществованій почестей и денегъ, какъ теперь, и вслѣдствіе того оно имѣло гораздо менѣе средствъ, какъ для обольщенія, такъ и для приневоливанія.

Сверхъ того оно само плохо знало точные предѣлы своей власти. Ни одно изъ ея правъ не было ни законно признано, ни прочно основано; сфера его дѣятельности была уже необъятна, но оно еще шло невѣрнымъ шагомъ, въ темномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ. Эта опасная тьма, скрывавшая тогда границы всѣхъ властей и затемнявшая всѣ права, способствовала покушеніямъ государей противъ свободы подданныхъ, и въ тоже время часто становилась въ ряды ихъ защитниковъ.

Администрація, сознавая за собою недавнее и не видное происхожденія, была постоянно робка въ своихъ поступкахъ, лишь только она встрѣчала хотя незначительное препятствіе на своемъ пути. При чтеніи переписки министровъ съ интендантами восемнадцатаго столѣтія, представляется зрѣлище поразительное: правительство, столь неограниченное и надменное, когда ему повинуются безпрекословно, совершенно теряется при видѣ малѣйшаго сопротивленія; самая легкая критика его смущаетъ, самый маленькій шумъ его раздражаетъ; тогда оно останавливается, колеблется, вступаетъ въ переговоры, принимаетъ посредничество и часто далеко отпускаетъ за естественныя границы своего могущества. Вялый эгоизмъ Людовика XV и доброта его преемника способствовали этому. Сверхъ того эти государи никогда и не думали о возможности лишиться трона. Они не испытывали того безпокойнаго и тяжкаго чувства, которое страхъ часто вселялъ потомъ въ правителяхъ. Они только топтали тѣхъ людей, которыхъ сами не видали.

Многія изъ привиллегій, предразсудковъ, ложныхъ идей, наиболѣе препятствовавшихъ установленію правильной и благотворной свободы, поддерживали въ большинствѣ подданныхъ духъ независимости и располагали этихъ послѣднихъ сопротивляться злоупотребленіямъ авторитета.

Дворяне очень презирали администрацію въ собственномъ смыслѣ, хотя отъ времени до времени и обращались къ ней. Даже потерявъ прежнюю власть, они сохраняли еще въ себѣ остатокъ гордости своихъ отцевъ, гордости столь же враждебной рабству, какъ и закону. Они почти не заботились о всеобщей свободѣ гражданъ, и охотно дозволяли власти тяготѣть надъ всѣмъ ихъ окружавшемъ; но они не ожидали, чтобы эта власть распространилась на нихъ самихъ. Въ то самое время когда началась революція, знать, которая пала вмѣстѣ съ тропомъ передъ лицомъ короля и въ особенности передъ его агентами, держала голову безконечно выше и говорила языкомъ болѣе свободнымъ, чѣмъ среднее сословіе, которое вскорѣ опрокинуло королевское достоинство. Почти всѣ обезпеченія, которыми мы пользовались, противъ злоупотребленія власти, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ представительнаго правленія надменно отняты ею. Читая его записки, чувствуешь среди предразсудковъ и вздоровъ, проблески ума и нѣкоторыя изъ великихъ достоинствъ аристократіи. Должно всегда съ сожалѣніемъ вспоминать, что, вмѣсто того, чтобы подчинить знать власти закона, ее истребили и вырвали съ корнемъ. Поступая такимъ образомъ, у націи отняли необходимую часть ея существованія и нанесли свободѣ неисцѣлимую рану. Сословіе, которое всегда шло впереди, усвоило себѣ, долго пользуясь неоспоримымъ величіемъ, твердость характера, естественную увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе, что оно есть примѣръ для другихъ; это сознаніе дало аристократіи болѣе устойчивости сравнительно съ прочими классами общества. Оно не только воспитало въ себѣ мужественные нравы, но и увлекло своимъ примѣромъ другихъ. Искоренивъ аристократію враги, ея обезсили себя самихъ. Ничто не въ состояніи вполнѣ замѣнить ее; оно само никогда не можетъ возродиться; оно можетъ снова получить титулы и имущества, но не духъ одушевлявшій ея отцевъ!

Духовенство, которое потомъ такъ часто рабски подчинялось, въ дѣлахъ гражданскихъ, временнымъ владыкамъ и болѣе всѣхъ льстило имъ, лишь только у нихъ появлялось намѣреніе покровительствовать церкви, составляло въ то время одну изъ самыхъ независимыхъ корпорацій народа и единственную, гдѣ уваженіе къ частной свободѣ еще сохранилось.

Провинціи потеряли свои льготы, города только призрачно пользовались ими. Десять дворянъ не могли сойтись вмѣстѣ, чтобы разсуждать о какомъ либо дѣлѣ, безъ нарочнаго королевскаго разрѣшенія. Французская церковь сохранила до конца свои періодическія собранія. Въ нѣдрахъ ея сама духовная власть имѣла свои свято соблюдаемыя границы. Низшее духовенство имѣло дѣйствительныя обезпеченія противъ тиранніи высшаго и не было приготовляемо безграничнымъ произволомъ епископовъ къ слѣпому повиновенію предъ государемъ. Я не думаю разбирать этого древняго устройства церкви, а говорю только, что оно не приготовляло священниковъ къ политическому раболѣпству.

Кромѣ того многія изъ духовныхъ лицъ въ то время были природные дворяне; они перенесли въ свое новое званіе твердость и неуступчивость людей ихъ сословія. Еще болѣе, всѣ они занимали почетное мѣсто въ государствѣ и пользовались привиллегіями. Пользованіе этими феодальными правами, столь гибельное для нравственнаго могущества церкви, вселяло въ ея членовъ личный духъ независимости предъ лицемъ гражданской власти.

Но, что наиболѣе возбуждало въ священникахъ идеи, нужды, чувства, а иногда и страсти гражданина, это поземельная собственность. Я имѣлъ терпѣніе прочесть боль-

шую часть отчетовъ и преній, которые намъ оставили прежнія собранія провинціальныхъ чиновъ и въ особенности собранія Лангедока, гдѣ духовенство болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, вмѣшивалось въ подробности общественной администраціи, также какъ и протоколы провинціальныхъ собраній 1779 и 1787 годовъ; приступая къ чтенію этихъ документовъ съ идеями нашего времени, я удивлялся, что епископы и аббаты, между которыми находились люди замѣчательные, какъ по святости жизни, такъ и по своимъ познаніямъ, писали проекты о проложеніи дороги или канала съ глубокимъ знаніемъ дѣла, разсуждали съ большимъ смысломъ и искусствомъ о лучшихъ средствахъ къ умноженію земледѣльческихъ произведеній, къ обезпеченію благосостоянія жителей и къ преуспѣнію промышленности, всегда равняясь съ мірянами, занимавшимися такими же дѣлами, а иногда и превосходя ихъ.

Я думаю, противно мнѣнію всеобщему и сильно укоренившемуся, что народы, лишающіе католическое духовенство всякаго участія въ поземельной собственности и замѣняющіе всѣ доходы съ нея жалованьемъ, служатъ только папскому престолу и временнымъ властямъ, самихъ же себя лишаютъ большой части свободы.

Человѣкъ, лучшей своей частью подчиненный постороннему вліянію и не могущій имѣть семейства въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, только однимъ прочно связанъ съ нею—поземельной собственностью. Прервите эту связь, и онъ не принадлежитъ болѣе ни къ какой странѣ въ частности. Въ странѣ, гдѣ случай привелъ ему родиться, онъ живетъ совершенно отчужденнымъ, посреди гражданскаго общества, съ которымъ прямо не связанъ почти ни однимъ интересомъ. Относительно совѣсти онъ въ зависимости у папы; относительно своего существованія отъ государя. Его единственное отечество—церковь. Въ каждомъ политическомъ событіи онъ видитъ только то, что вредитъ или приноситъ пользу ей. Если она свободна и благоденствуетъ, тогда что ему до остальнаго? Его самое естественное положеніе въ политикѣ—есть равнодушіе.

Если кто хочетъ составить себѣ истинное понятіе о переворотахъ, которымъ можетъ подвергаться умъ человѣческій, вслѣдствіе перемѣнъ, наступившихъ въ положеніе общества, для этого онъ долженъ перечитать записки духовнаго сословія 1789 года.

Духовенство часто является въ нихъ съ религіозной нетерпимостію и иногда упорно стоитъ за многія свои древнія привиллегіи; но во всемъ другомъ, оно такой же врагъ деспотизма, также благоволитъ къ гражданской и общественной свободѣ, какъ и среднее и высшее сословія; оно проповѣдуетъ, что личная свобода должна быть обезпечена не одними обѣщаніями, но такимъ актомъ, какъ *Habeas corpus*. Оно требуетъ уничтоженія государственныхъ темницъ, отмѣненія исключительныхъ судовъ и перенесенія дѣлъ; требуетъ гласности всѣхъ преній, неотрѣшимости судей, допускаемости гражданъ къ занятію всѣхъ должностей, которыя должны быть открыты только личнымъ достоинствамъ; набора рекрутовъ, не столь тягостнаго и унизительнаго для гражданъ и гдѣ ни для кого не было бы исключенія; выкупа сеньоріальныхъ податей, которыя, какъ остатокъ феодализма, говоритъ оно, противны свободѣ; полной свободы труда, уничтоженія внутреннихъ таможень; умноженія частныхъ школъ, такъ что бы въ каждомъ приходѣ было хотя по одной школѣ, и то даровой; учрежденія мірскихъ богадѣлень въ каждой деревнѣ, на подобіе бюро и домовъ благотворительности, и наконецъ всякаго рода поощреній въ земледѣліи.

Что касается до политики въ собственномъ смыслѣ, то оно утверждаетъ громче, чѣмъ кто либо, что нація имѣетъ неотъемлемое право собираться для составленія законовъ и свободнаго вотированія налога. Ни одинъ французъ, говоритъ оно, не можетъ быть принуждаемъ къ уплатѣ подати, которую вотировалъ не онъ самъ или не его представитель.

Духовенство требуетъ еще, чтобы государственные чины, избранные свободно, собирались каждый годъ; чтобы они разсуждали всенародно о всѣхъ важныхъ дѣлахъ; чтобы они составляли общіе законы, которымъ нельзя было бы противопоставить никакого обычая, никакой частной привиллегіи; чтобы они составляли бюджетъ и контроль даже въ дѣлахъ двора; чтобы ихъ депутаты были неприкосновенны и чтобы министры были постоянно обязаны отвѣтственностію предъ ними. Оно хочетъ, чтобы во всѣхъ провинціяхъ были основаны собранія чиновъ и во всѣхъ городахъ муниципалитеты.

Я не знаю, было ли когда въ свѣтѣ духовенство болѣе замѣчательное, если его взять въ цѣломъ составѣ, не обращая вниманія на яркіе пороки нѣкоторыхъ изъ его членовъ, чѣмъ французское въ то время, какъ его застала революція, болѣе просвѣщенное и національное, менѣе заботившееся о частныхъ добродѣтеляхъ, выказавшее столько общественныхъ доблестей, и въ тоже время болѣе правовѣрное; гоненіе на него очень хорошо показало это. Я началъ изученіе стараго общества, полный предубежденій противъ него, а кончилъ съ полнымъ уваженіемъ къ нему. На самомъ дѣлѣ въ немъ были только ошибки, присущія всѣмъ корпораціямъ, хорошо устроеннымъ и тѣсно звязаннымъ между собою, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ, т. е. стремленіе выйти изъ предѣловъ своей власти, духъ нетерпимости и привязанность инстинктивная, а иногда и слѣпая, къ частнымъ сословнымъ правамъ.

Буржуазія стараго порядка, была гораздо лучше приготовлена, чѣмъ нынѣ, къ проявленію духа независимости. Этому способствовали даже многіе недостатки ея развитія. Мы видѣли, что мѣста, которыя она занимала, были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ наше время, и съ какимъ жаромъ средніе классы стремились пріобрѣть ихъ. Но замѣтьте разницу временъ. Большая часть этихъ мѣстъ, ни даваемыхъ и ни отнимаемыхъ правительствомъ, увеличивала значеніе получавшихъ ихъ, не подчиняя ихъ зависимости отъ власти, такъ что то обстоятельство, которое нынѣ приводитъ къ подчиненію столькихъ людей, служило тогда самымъ могущественнымъ орудіемъ, чтобы заставить уважать себя. Всевозможныя льготы, отдѣлявшія, къ несчастію, буржуазію отъ народа, составляли изъ нея сверхъ того нѣчто въ родѣ аристократіи, которая часто выказывала гордость и духъ противудѣйствія настоящей аристократіи. Въ каждой изъ этихъ небольшихъ частныхъ ассоціяцій, раздѣлявшихъ ее на столько частей, охотно забывалось общественное благо, но за то постоянно были заняты интересами и правами корпораціи. Тутъ слѣдовало защищать общее достоинство, общія привиллегіи. Никто не могъ тамъ потеряться въ толпѣ и никто не могъ скрыть въ ней низкихъ сдѣлокъ. Каждый человѣкъ находился тамъ на сценѣ, правда очень небольшой, но за то весьма освѣщенной, и передъ нимъ была публика все таже, всегда готовая или рукоплескать ему, или освистать.

Искусство заглушать шумъ всякаго сопротивленія было тогда гораздо менѣе усовершенствовано, чѣмъ въ настоящее время; Франція не была еще тогда тѣмъ безотвѣтнымъ мѣстомъ, гдѣ мы живемъ теперь; напротивъ того она очень хорошо отражала звуки, хотя еще политическая свобода здѣсь не выказывалась, и достаточно было возвысить голосъ, чтобы быть услышану повсюду.

То, что въ особенности обезпечивало для угнетенныхъ правъ быть выслушанными, это устройство суда. У насъ образовалось неограниченное правительство въ слѣдствіе политическихъ и административныхъ установленій, но по судебнымъ мы остались народомъ свободнымъ. При старомъ порядкѣ, судопроизводство было многосложно, затруднительно, медленно и дорого стоило; конечно, это были важные недостатки, но за то тамъ никогда не встрѣчалось раболѣпства передъ властью, что составляетъ одинъ изъ видовъ продажности, и самый дурной.

*

Этотъ главный недостатокъ, который не только совращаетъ съ пути судью, но и заражаетъ весь народъ, былъ ему совершенно чуждъ. Магистратъ былъ безсмѣненъ и не искалъ случая возвыситься; два обстоятельства равно необходимыя для независимости; ибо, какая въ томъ польза, что его не заставятъ сдѣлать насильно, если есть тысячи средствъ обольстить. Правда, что королевская власть успѣла отнять у обыкновенныхъ судовъ вѣданіе почти всѣхъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ была заинтересована общественная власть, но, и лишая ихъ этихъ дѣлъ, она все еще боялась судовъ. Если эта власть препятствовала имъ судить, то она не всегда смѣла мѣшать принимать жалобы и высказывать свои мнѣнія; и такъ какъ тогдашній судейскій языкъ сохранялъ обороты стараго французскаго языка, который каждую вещь называлъ его собственнымъ именемъ, то часто случалось магистратамъ называть дѣйствія правительства безъ обиняковъ дѣйствіями деспотизма и произвола. Неправильное вмѣшательство суда въ управленіе, вмѣшательство, которое часто вредило хорошей администраціи дѣлъ, служило иногда такимъ образомъ стражемъ свободы: это было большое зло, которое ограничивало еще большее. Внутри этихъ судебныхъ корпорацій и вокругъ ихъ сохранялись древніе нравы посреди новыхъ идей. Парламенты конечно болѣе были заняты собою, чѣмъ общественными дѣлами; но должно сознаться, что они неустрашимо защищались, если дѣло шло о ихъ собственной независимости и ихъ чести, умѣли сообщать свой духъ всему, что съ ними соприкасалось.

Когда въ 1770 году былъ уничтоженъ Парижскій парламентъ, магистраты, участвовавшіе въ немъ, подверглись потери своихъ мѣстъ и своей власти, но ни одинъ изъ нихъ лично не уступилъ волѣ короля. Еще болѣе, нѣкоторые суды другаго вѣдомства, какъ напримѣръ вѣдомства сбора податей, которымъ не умѣли сдѣлать вреда, даже не угрожали, добровольно подчинились тѣмъ же самымъ притѣсненіямъ, которые были сдѣланы для парламента. Но вотъ

еще того лучше: главные адвокаты, защищавшіе дѣла предъ парламентомъ, захотѣли добровольно раздѣлить съ нимъ судьбу; они отказались отъ того, что доставляло имъ славу и богатство, и осуждали себя скорѣе на молчаніе, лишъ бы не явиться предъ обезчещенными магистрами. Я не знаю ничего болѣе великаго въ исторіи свободныхъ народовъ, а вѣдь все это происходило въ восемнадцатомъ столѣтіи, подлѣ двора Людовика XV.

Судебные обычаи во многихъ случаяхъ сдѣлались обычаями національными. Повсюду въ судахъ принята была мысль, что всякое дѣло подвержено пренію и всякое рѣшеніе аппеляціи; гласность, привязанность къ формамъ—суть обстоятельства непримиримыя съ рабствомъ; это единственная часть образованія свободнаго народа, которую намъ дало старое правительство. Самая администрація много заимствовала изъ судебнаго языка и обычаевъ. Король считалъ обязанностію всегда приводить причины своихъ эдиктовъ и излагать свои доводы прежде заключеній; совѣтъ издавалъ постановленія, которымъ предшествовали длинныя введенія, интендантъ объявлялъ чрезъ экзекуторовъ свои приказанія. Среди каждаго административнаго вѣдомства древняго происхожденія, каково, напримѣръ, сословіе казначеевъ Франціи или выборныхъ, дѣла обсуживались публично и рѣшались послѣ преній. Всѣ эти обычаи, всѣ эти формы были также преградами произволу государя.

Только народъ и въ особенности сельское населеніе почти никогда не были въ состояніи сопротивляться притѣсненіямъ иначе, какъ силою.

И въ самомъ дѣлѣ, большая часть средствъ къ защитѣ, которыя я привелъ, не были въ его распоряженіи; чтобы ими воспользоваться нужно было занимать видное мѣсто въ обществѣ, и имѣть голосъ. Но внѣ народа во Франціи не было ни одного человѣка съ душою, который бы могъ не презирать свою подчиненность и не сопротивляться еще подъ гнетомъ.

Король говорилъ народу, не какъ господинъ, а скорѣе, какъ глава. «Мы считаемъ своею славою», говорилъ Людовикъ XVI, въ началѣ царствованія въ своемъ предисловіи къ одному эдикту, «управлять народомъ свободнымъ и благороднымъ». Одинъ изъ его предковъ выразилъ туже мысль, болѣе древнимъ языкомъ, когда онъ благодарилъ государственные чины за смѣлость ихъ предостереженій. «Мы любимъ болѣе говорить съ людьми свободными, нежели съ рабами», сказалъ онъ.

Люди осьмнадцатаго столѣтія почти не были знакомы съ тою страстью къ благосостоянію, которая, какъ мать рабства, есть страсть обезсиливающая, но при томъ упорная и неизмѣняемая; она легко уживается, такъ сказать, переплетается со многими частными добродѣтелями, съ любовію къ семейству, съ чистотою нравовъ, съ уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ и даже съ постоянной практикой установленнаго культа, что допускаетъ честность, защищаетъ героизмъ и бываетъ причиною появленія людей чиновныхъ и жалкихъ гражданъ. Они были и лучше и хуже такихъ людей.

Тогдашніе французы любили веселость и обожали удовольствія; можетъ быть, они были безпорядочнѣе въ своихъ привычкахъ, страстяхъ и идеяхъ, чѣмъ французы нашего вѣка; но за то они не знали этого размѣреннаго и приличнаго сенсуализма, который знакомъ намъ. Люди высшихъ сословій старались болѣе украсить жизнь, чѣмъ сдѣлать ее удобною для себя, жаждали славы, а не богатства. Даже въ среднихъ сословіяхъ стремленіе къ благосостоянію не овладѣвало человѣкомъ совершенно, часто они старались достигнуть его для того, чтобы потомъ стремиться къ наслажденію болѣе нѣжному и возвышенному, вездѣ ставили выше денегъ какое то другое благо. «Я знаю мою націю», говоритъ одинъ изъ современниковъ языкомъ страннымъ, но не лишеннымъ гордости, «она такъ же способна плавить металлы, какъ и расточать ихъ, но никогда

не способна постоянно чтить ихъ и всегда готова вернуться къ своимъ древнимъ идоламъ, къ доблести, славѣ и, смѣю сказать, великодушію».

Но не должно заключать объ униженіи людей стараго правительства по степени подчиненности ихъ власти короля; это значило бы употребить невѣрную мѣрку. Какъ бы ни были подчинены люди, въ эпоху стараго порядка, волѣ короля, всетаки тутъ еще не было особеннаго рода повиновенія, который имъ былъ неизвѣстенъ; они не знали, что такое преклоняться предъ властью незаконной или оспариваемой, которую мало уважаютъ, часто ненавидятъ, но которой легко подчиняются потому только, что она можетъ покровительствовать или вредить. Эта унизительная форма рабства была имъ всегда чужда. Король внушалъ французамъ чувства, какія ни одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ государей, являвшихся послѣ того на свѣтѣ, не могъ возродить и которыя стали даже для насъ почти непонятными, до такой степени революція искоренила ихъ въ нашихъ сердцахъ. Тутъ была и нѣжность, испытываемая къ отцу, и почтеніе, которое оказывается только Богу. Подчиняясь его самымъ произвольнымъ приказаніямъ, они поступали скорѣе изъ любви, чѣмъ по принужденію, и имъ удавалось такимъ образомъ сохранять душу свою свободною, не смотря на крайнюю зависимость. Для нихъ самое ужасное зло въ повиновеніи было принужденіе: для насъ это меньшее. Самое дурное въ рабскомъ чувствѣ то, что заставляетъ повиноваться. Не будемъ презирать нашихъ отцевъ, мы не имѣемъ на это никакого права. Дай Богъ, чтобы мы могли возвратить себѣ при ихъ предразсудкахъ и ошибкахъ также нѣкоторую часть и ихъ величія!

И такъ, ошибочно было бы заключить, что старое правительство было временемъ рабства и зависимости. Тогда было больше свободы, нежели въ нынѣшнее время; но это былъ особенный родъ свободы неправильной и непостоянной, всегда заключенной въ границахъ сословій;

всегда связанной съ идею объ исключеніяхъ и привилегіяхъ, свободы, которая столько же почти позволяла презирать законъ, какъ и произволъ, и почти никогда не доставляла всѣмъ гражданамъ естественныхъ и самыхъ необходимыхъ обезпеченій. Даже и въ такомъ обезображенномъ видѣ свобода все еще была плодотворна. Въ то время, когда централизація старалась все болѣе и болѣе сравнять, смягчить и проникнуть всѣ характеры, она сохранила во многихъ людяхъ ихъ природную оригинальность, ихъ колоритъ и ихъ рельефность, питала въ сердцахъ ихъ сознаніе своего достоинства и часто способствовали къ преобладанію въ нихъ, предъ всѣми другими стремленіями, стремленія къ славѣ. Ею выработались тѣ сильныя души, тѣ гордые и отважные геніи, которые дѣлаютъ изъ Французской революціи предметъ удивленія и вмѣстѣ страха для послѣдующихъ поколѣній. Было бы очень странно, если бы подобныя мужественныя добродѣтели выросли на почвѣ, гдѣ уже не было свободы.

ГЛАВА XII.

Какимъ образомъ положеніе французскаго крестьянина въ восьмнадцатомъ столѣтіи, несмотря на значительный прогрессъ цивилизаціи было иногда хуже, чѣмъ въ тринадцатомъ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи французскій крестьянинъ не могъ уже быть добычею мелкихъ феодальныхъ деспотовъ и только рѣдко былъ подверженъ насиліямъ правительства; онъ пользовался гражданскою свободою и владѣлъ частью земли; но люди другихъ классовъ удалялись отъ него и онъ жилъ совершенно одинокимъ, что едва ли было гдѣнибудь въ другомъ государствѣ. Новый и странный родъ угнетенія, послѣдствія котораго заслуживаютъ внимательнаго и серьезнаго наблюденія.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, Генрихъ IV жаловался, по свидѣтельству Перефикса, что дворяне оставляютъ деревни. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія это бѣгство дворянъ уже сдѣлалось почти всеобщимъ явленіемъ; всѣ документы того времени съ сожалѣніемъ говорятъ объ этомъ, экономисты въ своихъ книгахъ, интенданты въ своей перепискѣ, земледѣльческія общества въ своихъ мемуарахъ. Неоспоримые доказательства тому мы находимъ также въ спискахъ подушной подати. Подушная подать взималась на самомъ мѣстѣ жительства; сборъ же со всей знати и части средняго дворянства былъ производимъ въ Парижѣ.

Въ деревняхъ оставался только тотъ дворянинъ, кому средства къ жизни не дозволяли оставлять помѣстья. Онъ находился въ такомъ положеніи къ своимъ сосѣдямъ, — крестьянамъ, въ какомъ, я думаю, не былъ никогда ни одинъ богатый помѣщикъ. Не будучи уже ихъ главою, онъ не находилъ пользы для себя щадить, помогать и руководить ими, какъ прежде; а съ другой стороны, не будучи самъ подчиненъ одинаковымъ съ ними повинностямъ, не могъ принимать живаго участія къ ихъ бѣдности, которой не раздѣлялъ, ни къ ихъ обидамъ, которымъ былъ чуждъ. Эти люди не были болѣе его подданными, а онъ не былъ ихъ согражданиномъ: фактъ единственный въ исторіи. Отсюда проистекало отсутствіе связи между ними, что встрѣчалось еще чаще и было еще хуже, чѣмъ отсутствіе въ собственномъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого дворянинъ, живя въ своихъ помѣстьяхъ, часто выражалъ желанія и чувства, какія бы выразилъ въ его отсутствіе управитель; подобно ему, онъ смотрѣлъ уже на своихъ ленниковъ, какъ на должниковъ, и требовалъ отъ всей строгости того, что составляло его доходъ по закону или по обычаю. Это дѣлало иногда взиманіе феодальныхъ сборовъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ во времена самаго феодализма.

За частую обремененный долгами и всегда нуждающійся въ деньгахъ, онъ обыкновенно очень скупо жилъ въ своемъ

помѣстьѣ, не думая болѣе ни о чемъ, какъ только о томъ чтобы собрать поболѣе денегъ и провести зиму въ городѣ. Народъ, который однимъ словомъ часто выражаетъ цѣлую мысль, далъ подобнаго рода дворянчикамъ имя самой маленькой изъ хищныхъ птицъ: онъ его назвалъ перепелятникомъ *(hobereau)*. Безъ сомнѣнія мнѣ могутъ указать на отдѣльныя личности; но я говорю о цѣлыхъ сословіяхъ, имъ однимъ открыта исторія. Что въ это время было много богатыхъ собственниковъ, которые безъ принужденія съ внѣшней стороны заботились о благосостояніи крестьянъ, этого никто не отрицаетъ. Но эти люди счастливо боролись противъ закона своего новаго положенія, которое, наперекоръ имъ самимъ, побуждало ихъ къ равнодушію, какъ ихъ прежнихъ вассаловъ къ ненависти.

Часто приписывали это оставленіе деревень дворянами частному вліянію нѣкоторыхъ министровъ и королей: одни Ришельё, другіе Людовику XIV. Дѣйствительно, постоянною заботою государей послѣднихъ трехъ вѣковъ монархіи было разъединить дворянъ отъ народа и привлечь ихъ ко двору и къ должностямъ. Это видно въ особенности въ семнадцатомъ столѣтіи, когда знать была еще страшна для королевской власти. Между запросами интендантамъ попадаются еще такіе: любятъ ли дворяне вашей провинціи оставаться въ своихъ помѣстьяхъ или предпочитаютъ удаляться оттуда?

Есть отвѣтное письмо одного интенданта; онъ жалуется на то, что дворяне его провинціи желаютъ лучше: оставаться съ своими крестьянами, чѣмъ служить около короля. И замѣтьте, провинція, о которой такъ отзываются, была Анжу, впослѣдствіи Вандея. Эти дворяне, отказывавшіеся, какъ говорили, исполнить свой долгъ въ отношеніи къ королю, были единственные люди, защищавшіе съ оружіемъ въ рукахъ монархію во Франціи и могшіе еще умирать, сражаясь за нее; и они обязаны этимъ славнымъ отличіемъ своему умѣнію ужиться съ крестьянами, за что

ихъ такъ жестоко упрекали. Но все-таки нельзя совершенно приписывать оставленіе деревень дворянствомъ вліянію нѣкоторыхъ королей. Самая главная причина тому, была не во власти одного лица, но въ медленномъ и безпрерывномъ дѣйствіи постановленій; это доказываетъ то, что, когда правительство, въ восьмнадцатомъ столѣтіи, захотѣло пресѣчь зло, оно уже не могло имѣть успѣха. По мѣрѣ того, какъ дворянство окончательно теряетъ политическія права и какъ исчезаетъ мѣстная свобода, переселеніе дворянъ увеличивается: уже болѣе не нужно ихъ вытаскивать изъ помѣстій, они сами удаляются оттуда охотно, имъ уже опротивѣла деревенская жизнь.

То, что я говорю здѣсь о дворянствѣ, тоже самое можно сказать и о всѣхъ богатыхъ собственникахъ. Страна централизаціи, деревни безъ населенія, принадлежащія богатымъ и просвѣщеннымъ собственникамъ; я могъ бы прибавить: страна централизаціи, страна рутиннаго хозяйства, и комментировать глубокомысленные слова Монтескье, что «производительность земель менѣе зависитъ отъ ихъ плодородности чѣмъ отъ свободы жителей.» Но я не хочу отступать отъ своего предмета. Мы въ другомъ мѣстѣ видѣли, какъ буржуазія, оставивъ въ свою очередь деревню, искала убѣжища въ городахъ. Нѣтъ ни одного событія, гдѣ бы древніе документы согласовались болѣе, нежели въ этомъ случаѣ. Въ деревняхъ, почти не видно, говорятъ они, богатыхъ крестьянскихъ родовъ. Если земледѣлецъ успѣвалъ, чрезъ свое ремесло, скопить немного денегъ, онъ тотчасъ заставлялъ сына покинутъ соху, отправлялъ его въ городъ и покупалъ небольшую должность. Съ этой атохи начинается родъ страха, питаемаго крестьяниномъ, даже въ наше время, къ ремеслу, которое его обогатило: слѣдствіе пережило свою причину.

Единственный образованный человѣкъ, или какъ говорятъ англичане, единственный *джентельменъ*, который постоянно оставался между крестьянами и находился съ ними въ соприкосновеніи, былъ сельскій священникъ. Онъ сдѣ-

лался бы главою деревенскаго народонаселенія, на зло Вольтеру, если бы не былъ такъ тѣсно связанъ съ политической іерархіей; обладая нѣкоторыми изъ ея преимуществъ, онъ частію внушалъ къ себѣ также и ненависть, неразлучную съ ней.

И вотъ крестьянинъ является совершенно отдѣленнымъ отъ другихъ сословій; онъ даже удаленъ отъ равныхъ себѣ, которые могли бы руководить имъ и помогать. Чѣмъ болѣе они просвѣщаются или богатѣютъ, тѣмъ болѣе убѣгаютъ его.

Это едва ли было гдѣ нибудь развито въ такой степени у другаго великаго цивилизованнаго народа Европы, да и во Франціи оно было совершенно ново. Крестьянинъ въ четырнадцатомъ столѣтіи, былъ въ одно и то же время и болѣе угнетенъ, и болѣе получалъ помощи. Аристократія иногда терзала его, но никогда не оставляла безъ пособія.

Въ восьмнадцатомъ столѣтіи деревня представляетъ общество, члены котораго, невѣжественны и грубы: ея магистраты также необразованы и презираемы, какъ и она сама; ея синдикъ не умѣетъ читать; сборщикъ податей не можетъ написать своею рукою отчетъ, отъ котораго зависятъ его собственное благосостояніе и благосостояніе его сосѣдей. Ея прежній сеньоръ не только не имѣетъ права управлять ею, но онъ почелъ бы униженіемъ для себя вмѣшаться въ ея управленіе. Назначать подати, собирать милицію, править барщиною, подавать ревизскія сказки *(actes serviles)*, все это стало дѣломъ синдика. Деревня управляется только центральною властью, которая заботится о своихъ выгодахъ.

Посмотрите теперь, что дѣлается съ сословіемъ совершенно отчужденнымъ отъ другихъ; никто не откажется притѣснить его, но никто не пожелаетъ просвѣтить и помочь ему.

Самыя тяжелыя обязанности, которыми угнетала крестьянъ феодальная система, конечно были отмѣнены или облегчены; но вслѣдъ за ними были выдуманы новыя, еще болѣе обременительныя. Крестьянинъ не испытывалъ всѣхъ

тѣхъ золъ, которыя испытывали его отцы, но за то онъ подвергался большимъ лишеніямъ.

Извѣстно, что единственно на счетъ крестьянъ удесятерилась подать въ продолженіи двухъ вѣковъ. Нужно здѣсь замѣтить, какимъ образомъ взималась эта подать, чтобы показать, какіе варварскіе законы могутъ установиться и удержаться въ просвѣщенные вѣка, когда самые просвѣщенные люди въ государствѣ не находятъ личныхъ побужденій отмѣнить ихъ.

Я нашелъ въ частномъ письмѣ одного генеральнаго контролера къ интендантамъ, отъ 1772 года, слѣдующее описаніе сбора податей, совершенство въ своемъ родѣ по точности краткости: «Подать, говоритъ онъ, произвольная при своемъ распредѣленіи, личная, но не поземельная въ большой части Франціи, подчинена безпрестаннымъ измѣненіямъ, слѣдуя за ежегоднымъ измѣненіемъ благосостоянія обложенныхъ податью»; вотъ и все въ трехъ фразахъ; съ бо́льшимъ искусствомъ не возможно описать зло, которое существовали. Сумма, которую каждый приходъ долженъ былъ представить, назначалось ежегодно. Она безпрестанно измѣнялась, какъ говоритъ министръ, такъ что ни одинъ земледѣлецъ не могъ расчитывать заранѣе на то, что ему придется внести за слѣдующій годъ. Въ каждомъ приходѣ, ежегодно выбирался на угадъ одинъ крестьянинъ; его называли сборщикомъ подати, и онъ долженъ былъ распредѣлять налогъ на другихъ.

Я обѣщалъ сказать о положеніи этого сборщика податей. Пусть разсказываетъ Беррійское провинціальное собраніе 1779 года; это собраніе не можетъ быть за подозрѣно въ пристрастіи; оно почти все состояло изъ привиллегированныхъ, не платящихъ подати и избранныхъ самимъ королемъ. «Такъ какъ всѣ желаютъ избѣжать должности сборщика податей», говоритъ оно въ 1779 г., «то нужно, чтобы крестьяне чередовались. И такъ сбираніе подати каждый годъ будетъ довѣряемо новому сборщику, не принимая во

вниманіе его способностей или честности. Здѣсь сборщикъ выказываетъ свои слабости и пороки. Но какимъ образомъ можетъ онъ хорошо дѣйствовать. Онъ дѣйствуетъ во тмѣ. Ибо, кто знаетъ навѣрное богатство сосѣда въ отношеніе къ богатству другаго? Между тѣмъ мнѣніе сборщика податей скрѣпляетъ рѣшеніе и онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ и даже личностью за полученіе сбора. Обыкновенно въ продолженіи двухъ лѣтъ ему приходится употребить половину своего времени на бѣганіе къ лицамъ, обложеннымъ налогомъ. Сборщики не умѣющіе читать должны найти по сосѣдству такого человѣка, который бы ихъ замѣнилъ.»

Тюрго уже нѣсколько раньше сказалъ по поводу другой провинціи: «Эта должность причиняетъ отчаяніе и почти всегда разореніе тѣхъ, кто облеченъ ею; такимъ образомъ постепенно бѣднѣютъ самые зажиточные семейства въ деревнѣ.»

Но этотъ несчастный крестьянинъ пользовался огромнымъ самовластіемъ; онъ былъ столько же тиранъ, сколько мученикъ. Во время сборовъ онъ разорялся самъ и могъ разорить своихъ сосѣдей. «Предпочтеніе своимъ родителямъ, говоритъ провинціальное собраніе, своимъ друзьямъ и сосѣдямъ, ненависть, мщеніе врагамъ, боязнь не понравиться зажиточному гражданину, у котораго много работы, заглушаютъ въ его думѣ голосъ справедливости.» Боязнь часто дѣлаетъ сборщика неумолимымъ; въ нѣкоторыхъ приходахъ сборщики не иначе ходятъ, какъ въ сопровожденіи экзекуціонныхъ сыщиковъ.

«Если онъ идетъ безъ этихъ сыщиковъ», говоритъ одинъ интендантъ министру въ 1764 году, «то податные не захотятъ платить.» «Въ одномъ Вильфранкѣ, говоритъ провинціальное собраніе Гьени, считается сто шесть сыщиковъ постоянно въ дѣйствіи.»

Чтобы избѣгнуть этого насильственнаго и произвольнаго обложенія податью, французскій крестьянинъ, въ продолженіе всего восемнадцатаго столѣтія, поступалъ, какъ жидъ

среднихъ вѣковъ. Онъ показываетъ себя бѣднякомъ съ виду; его зажиточность пугаетъ его самаго, и не безъ причины: я нахожу ясное доказательство этому уже не въ документахъ Гіени, но за сто лье отсюда. Земледѣльческое общество Мена разсказываетъ въ своемъ отчетѣ отъ 1761 года, что оно вознамѣрилось было раздать, крестьянамъ, скотъ въ награду и для поощренія.

«Но было удержано, говоритъ оно, опасными послѣдствіями низкой зависти, могшей возникнуть противъ получившихъ эти награды и, благодаря произвольному распредѣленію налоговъ, навлечь на нихъ въ сдѣдующемъ году притѣсненія.»

При такой системѣ сбора податей каждый оброчный дѣйствительно находилъ для себя прямую пользу подсматривать за сосѣдомъ и доносить сборщику объ увеличеніи его богатства, конечно не малую роль играли тутъ зависть и ненависть. Какъ не подумать, что это происходитъ во владѣніяхъ Индостанскаго раджи?

Но въ то же время были во Франціи и такія земли, гдѣ сборъ этотъ производился правильно и не съ такою жестокостію: это были извѣстныя сеймовыя земли. Имъ позволялось самимъ собирать подать. Въ Лангедокѣ, напримѣръ, подать была поземельная и не измѣнялась слѣдуя зажиточности собственниковъ. Прочнымъ и видимымъ основаніемъ для себя она имѣла кадастръ, составленный съ большимъ тщаніемъ и черезъ каждыя тридцать лѣтъ возобновляемый, по которому всѣ земли раздѣлялись на три сорта по ихъ производительности. Каждый податной заранѣе точно зналъ, сколько ему слѣдуетъ платить, а если не платилъ, то онъ одинъ, или лучше сказать, только его земля отвѣчала за это. Такъ что всякій могъ быть спокоенъ: онъ всегда имѣлъ право требовать, чтобы сравняли его часть съ частью любаго приходскаго жителя. Это то, что мы теперь называемъ требованіемъ пропорціональнаго равенства.

Именно тѣмъ же самымъ началамъ мы слѣдуемъ и те-

перь; ихъ съ того времени почти не измѣнили, а только обобщили; ибо, достойно замѣчанія, что, хотя мы и заимствовали отъ старой правительственной системы самую форму нашей общественной администраціи, но остерегались подражать ей во всемъ остальномъ. Не отъ старой правительственной системы, а отъ провинціальныхъ собраній заимствовали мы наилучшія административныя методы. Приспособляя къ себѣ машину, мы отвергли ея продуктъ. Обыкновенная бѣдность крестьянъ порадила много странныхъ положеній. Такъ, напримѣръ, Ришелье въ своемъ политическомъ завѣщаніи говорилъ: «Если бы народъ жилъ въ довольствѣ, то едва ли бы придерживался онъ законовъ.»

Въ восемнадцатомъ столѣтіи не пошли дальше этого указанія, но еще думали, что крестьянинъ совсѣмъ не станетъ работать, если не будетъ безпрестанно побуждаемъ необходимостью: бѣдность считалась тогда единственнымъ обезпеченіемъ противъ лѣности. Это та же теорія, которую я такъ часто слышалъ по поводу негровъ въ нашихъ колоніяхъ. Это мнѣніе до такой степени распространено между правителями, что почти всѣ экономисты считаютъ своею обязанностію формально сражаться противъ него. Извѣстно, что первоначальною цѣлію постоянной подати было дать возможность королю покупать солдатъ, которые замѣняли дворянъ и ихъ вассаловъ въ военной службѣ; но въ семнадцатомъ столѣтіи обязанность военной службы была возобновлена подъ именемъ милиціи и на этотъ разъ эта обязанность пала только на народъ, и преимущественно на крестьянъ.

Довольно вспомнить множество протоколовъ мѣстныхъ командъ, наполнившихъ картоны интенданствъ и относившихся къ преслѣдованію ослушниковъ и бѣглецовъ—милиціонеровъ, чтобы судить, что наборъ милиціи необходился безъ препятствій. И дѣйствительно, ни одна государственная повинность не была для крестьянъ болѣе несносна, какъ военная служба; чтобы избавиться отъ нея крестьяне

часто спасались въ лѣсахъ, откуда ихъ брали вооруженною рукою. Это удивляетъ, если подумаешь, съ какою легкостію теперь производится вербованіе рекрутъ.

Причины такой ненависти крестьянъ стараго порядка къ военной службѣ должно искать не столько въ принципѣ самаго закона, сколько въ томъ, какъ онъ прилагался къ практикѣ; въ особенности устрашала ихъ продолжительная неизвѣстность, въ которой они находились (въ рекруты могли потребовать до сорока лѣтъ, по крайней мѣрѣ холостаго человѣка); при произволѣ осмотра были почти безполезны достоинства хорошаго рекрута; запретъ замѣнять себя другимъ, отвращеніе къ службѣ грубой и исполненной опасностей, гдѣ не было мѣста надеждѣ на повышеніе, досада на то, что такая огромная тяжесть лежитъ только на нихъ одинхъ, и въ особенности на бѣднѣйшихъ изъ нихъ; такимъ образомъ униженіе дѣлало еще горче тяжести службы.

У меня въ рукахъ было много протоколовъ приходскихъ наборовъ 1769 года; въ каждомъ изъ этихъ протоколовъ встрѣчается по нѣсколько изъятыхъ отъ повинности: одинъ потому, что онъ былъ лакей дворянина, другой былъ сторожемъ въ аббатствѣ, третій, хотя, правда, служилъ у буржуа, но этотъ послѣдній жилъ на благородную ногу. Одна зажиточность была причиною увольненія. Если крестьянинъ ежегодно находится въ числѣ податныхъ, обложенныхъ самою большою податью, то его сыновья пользовались привиллегіей изъятія отъ милиціи; это называлось поощрять земледѣліе. Экономисты, большіе любители равенства во всемъ остальномъ, не порицаютъ этой привиллегіи; они только желаютъ, чтобы ее распространили и на другіе случаи, т. е. чтобы повинности самыхъ бѣдныхъ и наименѣе покровительствуемыхъ сдѣлались еще отяготительнѣе. «Неудовлетворительность положенія солдата, говоритъ одинъ изъ нихъ, неудобство при отдыхѣ, жилищѣ, пища, его полная зависимость дѣлаютъ слишкомъ жестокимъ принимать въ ихъ ряды людей изъ другихъ сословій кромѣ низшаго.»

До конца царствованія Людовика XIV большія дороги содержались на иждивеніе тѣхъ кто пользовался ими, т. е. на иждивеніе государства и пограничныхъ собственниковъ; но около этого времени ихъ начали исправлять единственно, посредствомъ барщины, то есть на счетъ крестьянъ. Безплатное исправленіе дорогъ такъ понравилось, что въ 1737 году циркуляръ генеральнаго контролера Орри примѣнилъ этотъ опытъ ко всей Франціи. Интендантовъ уполномочили въ случаѣ ослушанія крестьянъ запирать ихъ въ тюрьмы или принуждать посредствомъ экзекуціонныхъ сыщиковъ.

Съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ промышленность возрастаетъ, какъ распространяется потребность хорошихъ дорогъ, барщина усиливается, распространяется на новыя дороги и повинность увеличивается. Изъ отчета Беррійскаго провинціальнаго собранія въ 1779 году, видно, что годовая оцѣнка работъ, произведенныхъ барщиной, въ этой бѣдной провинціи должна простираться до 700,000 ливровъ. Въ нижней Нормандіи въ 1787 году оцѣнка работъ простиралась почти до той же цифры. Лучше не можетъ высказаться печальная участь сельскаго населенія, прогрессъ обогащающій другихъ, приводитъ его въ отчаяніе, противъ него одного идетъ цивилизація.

Въ современной перепискѣ интендантовъ встрѣчается мысль, что крестьянъ слѣдуетъ избавить отъ барщины для содержанія проселочныхъ деревенскихъ дорогъ, принимая во вниманіе, что она должна быть приберегаема для однихъ только большихъ дорогъ, или какъ тогда говорили, для королевскихъ дорогъ *(aux chemins du Roi)*.

Странная идея заставлять платить за дороги бѣднѣйшихъ людей, которымъ кажется наименѣе предстояло надобности ѣздить по нимъ; эта идея, несмотря на свою новизну, такъ естественно укореняется въ головѣ у тѣхъ кому приноситъ пользу, что они и не думаютъ о возможности иного положенія дѣлъ. Въ 1776 году эту барщину попытались сдѣлать мѣстнымъ налогомъ, неравномѣрность сопутствуетъ ей и сопровождаетъ ее въ новомъ видѣ налога.

Барщина сдѣлалась изъ сеньоріальной королевскою; распространилась мало по малу на всѣ публичныя работы. Такъ въ 1719 году барщину употребляли для постройки казармъ! *Всѣ приходы должны высылать своихъ лучшихъ ремесленниковъ, говорится въ приказѣ, и всѣ другія работы должны уступить этимъ.* Обложенные барщиной сопровождали арестантовъ въ остроги и нищихъ въ богадѣльни. Они же были обязаны перевозить обозъ войска, при всякомъ переходѣ его съ мѣста на мѣсто; это была обременительная повинность потому, что при войскахъ въ это время находилось всегда огромное количество багажа. Для его перевозки нужно было набирать съ окрестностей множество телѣгъ и воловъ, иногда очень издалека. Этотъ родъ барщины, первоначально незначительный, сталъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ съ увеличеніемъ объема постоянныхъ армій. Иные изъ государственныхъ подрядчиковъ громко требовали, чтобы имъ дали барщинниковъ для перевозки кораблестроительнаго лѣса съ мѣста къ морскимъ арсеналамъ. Барщина обыкновенно получила плату, но она всегда была произвольна и незначительна. Столь дурно распредѣленная подать иногда становится до того тяжкою, что возбуждаетъ опасенія въ сборщикахъ податей. «Издержки крестьянъ на поправку дорогъ», пишетъ одинъ изъ нихъ въ 1751 году, «вскорѣ отнимутъ у нихъ всякую возможность платить свою постоянную подать.»

Могли ли бы существовать всѣ эти угнетенія, если бы со стороны крестьянина нашлись люди богатые и умные, которые если не могли защититься, то покрайней мѣрѣ могли бы ходатайствовать предъ тѣмъ общимъ властелиномъ, въ рукахъ котораго были уже судьбы и бѣднаго и богатаго.

Я читалъ письмо одного богатаго собственника отъ 1774 года къ интенданту своей провинціи. Онъ предлагалъ послѣднему проложить дорогу которая по его словамъ должна была облагодѣтельствовать деревню, что онъ подтверждалъ

и доводами; потомъ онъ переходилъ къ учрежденію ярмарки, отъ которой удвоилась бы, увѣрялъ онъ, цѣнность съѣстныхъ припасовъ.

Этотъ добрый гражданинъ прибавлялъ, что при небольшомъ пособіи можно бы было учредить школу, которая приготовила бы королю болѣе смышленныхъ подданныхъ. До тѣхъ поръ ему и на мысль не приходили эти необходимыя улучшенія; онъ убѣдился въ этомъ только года два тому назадъ когда именной королевскій указъ задержалъ его въ замкѣ: «Два года тому назадъ мое изгнаніе въ своихъ же собственныхъ земляхъ», говоритъ онъ чистосердечно, «убѣдило меня въ чрезвычайной пользѣ всѣхъ этихъ предположеній.»

Но въ особенности разрывъ связей между покровителями и покровительствуемымъ, соединявшій богатыхъ сельскихъ собственниковъ съ крестьянами, замѣтенъ въ неурожайные годы. Въ эти минуты кризиса центральное правительство ужасается своего одиночества и своей слабости; оно желало бы призвать къ жизни на этотъ случай личныя вліянія или политическія общества разрушенныя имъ; оно зоветъ ихъ къ себѣ на помощь: никто не является, и оно по обыкновенію удивлено, находя мертвыми людей, имъ же самимъ лишенныхъ жизни. Въ этой крайности нѣкоторые интенданты самыхъ бѣдныхъ провинцій, какъ Тюрго, вооружаются незаконно приказаніями, чтобы заставить богатыхъ собственниковъ содержать своихъ арендаторовъ до будущей уборки хлѣба. Я нашелъ письма, отъ 1770 года, многихъ сельскихъ священниковъ, которые предлагали интендантамъ обложить налогомъ богатыхъ собственниковъ, какъ духовныхъ такъ и мірянъ, «которые владѣютъ обширными землями, гдѣ они не живутъ, а получаютъ огромные доходы, расточаемые ими на сторонѣ.»

Даже въ обыкновенное время деревни были наполнены нищими; въ городахъ говоритъ Летронь, живутъ бѣдняки, а въ деревнѣ зимою нищенство составляетъ безусловную необходимость.

Отъ времени до времени противъ этихъ несчастныхъ принимаютъ весьма крутыя мѣры. Такъ въ 1767 году, герцогъ Шуазель захотѣлъ однимъ разомъ истребить нищенство во Франціи. Изъ переписокъ интендантовъ можно видѣть съ какою жестокостію онъ принялся за исполненіе этаго намѣренія. Мѣстныя команды получили приказанія захватить всѣхъ нищихъ въ королевствѣ; увѣряютъ, что такимъ образомъ было ихъ схвачено свыше пятидесяти тысячъ. Здоровые бродяги были сосланы на галеры, для остальныхъ было открыто до сорока домовъ призрѣнія нищихъ: лучше было бы прибѣгнуть къ благотворительности богатыхъ.

Вообще дѣйствія стараго правительства столь краткія, какъ я уже сказалъ, а иногда робкія, любившія формы, медленность и осторожность, когда дѣло шло о людяхъ стоявшихъ выше народа, были часто суровы и всегда рѣшительны относительно людей, низшихъ сословій и въ особенности крестьянъ. Въ попадавшихся мнѣ документахъ, я не видѣлъ ни одного, который намекнулъ бы объ арестѣ буржуа, по приказу интенданта; между тѣмъ какъ крестьянина сплошъ да рядомъ за-арестовывали, то по поводу барщины, то за милицію, то за нищенство, то за полицейскіе проступки и въ тысячи другихъ случаевъ. Для однихъ, существовали независимые суды, продолжительныя пренія, спасительная гласность; для другихъ, право судиться сокращеннымъ порядкомъ и безъ апелляціи. «Огромное разстояніе, существующее между народомъ и всѣми другими классами», пишетъ Неккеръ въ 1785 году, «помогаетъ отвергнуться отъ того образа дѣйствій, какимъ руководится власть въ отношеніи всѣхъ людей, невыходящихъ изъ толпы. Безъ кротости и человѣколюбія, характеризующихъ французовъ и направленіе вѣка, это было бы вѣчнымъ предметомъ печали для тѣхъ, кто умѣетъ сострадать игу, отъ котораго самъ свободенъ.»

Угнетеніе крестьянъ не столько выражалось въ злѣ, причиняемомъ этимъ несчастнымъ, сколько въ помѣхѣ самимъ

заботиться о своемъ собственномъ благѣ. Они были свободными собственниками, а оставались почти столько же невѣжественны, какъ рабы ихъ прадѣды и часто были еще жалче. Они жили безъ всякаго понятія объ искусствахъ и ремеслахъ среди чудесъ произведенныхъ ими; были необразованны въ мірѣ сіявшемъ свѣтомъ знанія. Сохраняя умъ и смѣтливость, свойственныя племени, они не знали какъ приложить эти способности къ дѣлу; они не могли успѣть даже въ земледѣліи единственномъ ихъ занятіи. «Предо мной земледѣліе десятаго столѣтія», сказалъ одинъ знаменитый англійскій агрономъ. Отличались они только въ военномъ ремеслѣ; тамъ, по крайней мѣрѣ, соприкосновеніе съ другими сословіями являлось естественною необходимостію. Вотъ въ какой безднѣ отчужденія и бѣдности жилъ крестьянинъ. Онъ былъ тамъ какъ бы запертъ и не доступенъ. Я удивился и почти испугался узнавъ, что, менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ до того времени, когда католическая вѣра была уничтожена безъ сопротивленія и церкви поруганы, способъ узнавать народонаселеніе въ какомъ нибудь кантонѣ состоялъ въ слѣдующемъ: священникъ показывалъ число причащавшихся у него, къ этому числу прибавлялось наугадъ число малолѣтнихъ дѣтей и больныхъ, итогъ составлялъ цифру всего народонаселенія. Между тѣмъ современныя идеи, со всѣхъ сторонъ, уже проникали въ эти грубые умы; онѣ проходили въ нихъ путями проселочными и подземными и въ этихъ тѣсныхъ и мрачныхъ мѣстахъ принимали странныя формы. Но изъ внѣ ничто не измѣнилось. Нравы, привычки, вѣрованія крестьянина были, казалось, тѣ же; онъ былъ подчиненъ и въ тоже время веселъ. Не нужно довѣрять веселости часто обнаруживаемой французомъ въ самыхъ большихъ несчастіяхъ; она показываетъ только, что считая свою злую судьбу безвыходной, онъ старается развлечься, не думая о ней, а не значитъ, чтобы онъ не чувствовалъ ея. Но попробуйте показать ему исходъ изъ этого горя, которое по видимому такъ мало тро-

гаетъ его, и онъ тотчасъ же бросится туда такъ стремительно, что перейдетъ черезъ васъ самъ того не замѣчая, если вы будете заграждать ему дорогу.

Все это ясно для насъ съ той точки, гдѣ мы теперь находимся; но современники не замѣчали этого. Людямъ высшихъ сословій стоитъ большаго труда выяснить себѣ то, что происходитъ въ душѣ народа, и преимущественно крестьянъ. Воспитаніе и образъ жизни проливаютъ имъ свой свѣтъ на человѣческія дѣла, свѣтъ, для всѣхъ другихъ, недоступный. Но когда богачь и бѣднякъ неимѣютъ ни общихъ интересовъ, ни общихъ неудачъ то темнота, скрывающая мысли одного отъ ума другаго, становится непроницаемою, и они могутъ жить цѣлые вѣка одинъ подлѣ другаго, не понимая другъ друга. Любопытно видѣть съ какою непонятною безпечностію жили люди, занимавшіе верхніе и средніе ярусы общественнаго зданія, съ какимъ остроуміемъ разсуждали они о добродѣтеляхъ народа, о его кротости и преданности, о его невинныхъ забавахъ, тогда какъ 93 годъ былъ уже у нихъ подъ ногами: и смѣшно и страшно!

Остановимся здѣсь немного, и прежде чѣмъ идти дальше, разберемъ, среди всѣхъ мелкихъ фактовъ, только что указанныхъ мной, одинъ изъ самыхъ великихъ законовъ обществъ. Французское дворянство упорно продолжало жить отдѣльно отъ другихъ сословій; дворяне окончательно освобождались отъ большей части общественныхъ повинностей, всею тяжестью теперь падающихъ на остальныя сословія; они воображали, что не занимая никакихъ общественныхъ должностей сохранятъ свое величіе, и сначала, по видимому, не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Но вскорѣ внутренняя, невидимая болѣзнь явилась какъ бы неразлучною съ ихъ сословіемъ, ставшимъ мало по малу чуждымъ для всѣхъ; они бѣднѣютъ съ увеличеніемъ своихъ преимуществъ. Буржуазія, съ которой они такъ боялись смѣшаться, напротивъ того обогащается и просвѣщается безъ ихъ содѣй-

ствія и противъ ихъ воли. Они не хотѣли чтобы буржуа были ихъ согражданами и союзниками, и между тѣмъ узнаютъ въ нихъ сперва своихъ соперниковъ, вскорѣ потомъ враговъ и наконецъ повелителей. Сторонняя власть освободила ихъ отъ заботы руководить своими вассалами, покровительствовать и помогать имъ; но въ то же время они сохранили свои денежные поборы и почетныя привиллегіи, а потому и думали, что ничего не потеряли. Продолжая идти впереди всѣхъ, они думали, что ведутъ за собою остальныхъ и, въ самомъ дѣлѣ, постоянно были окружены людьми, которыхъ въ актахъ они называли своими подданными (*sujets*), другихъ вассалами, ленниками, фермерами.

Въ сущности же никто за ними не слѣдуетъ, они шли одни, и когда представился случай попрать ихъ, то имъ ничего не оставалось болѣе какъ только бѣжать; хотя судьбы дворянъ и буржуазіи были чрезвычайно различны, но они были сходны въ одномъ: буржуазія, какъ и само дворянство, кончило тоже отчужденіемъ отъ народа. Вовсе непомышляя о сближеніи съ крестьянами, она боялась соприкосновенія съ ихъ бѣдностію; вмѣсто того, чтобы сообща бороться противъ общаго неравенства, она старалась только создать въ свою пользу новыя злоупотребленія: она добывала себѣ изъятія съ такимъ же жаромъ, съ какимъ дворяне заботились о сохраненіи своихъ привиллегій.

Бунтъ крестьянскій, изъ котораго буржуазія вышла сама, сдѣлался для нее не только чуждымъ, но какъ бы неизвѣстнымъ, и не прежде узнала она крестьянина, какъ когда увидѣла въ его рукахъ оружіе, тогда узнала, что есть такія страсти, о которыхъ не имѣли прежде понятія, которыя какъ обуздать, такъ и направить, они были равно безсильны, но вызвавъ которыя, они сами стали ихъ жертвою.

Паденіе этого великаго французскаго дома, который по видимому долженъ былъ распространиться на всю Европу, будетъ служить предметомъ удивленія для всѣхъ временъ. Но тотъ кто внимательно прослѣдитъ его исторію безъ

труда пойметъ причины паденія. Почти всѣ пороки, почти всѣ заблужденія и гибельные предразсудки, обязаны или своимъ началомъ, или своимъ развитіемъ тому искусству, съ которымъ большая часть нашихъ государей раздѣляли людей, для того чтобы управлять ими неограниченнѣе.

Но когда буржуа былъ такимъ образомъ отдаленъ отъ дворянина, а крестьянинъ отъ мѣщанина и дворянина; когда аналогическая работа продолжалась внутри каждаго сословія, тогда образовались небольшія общества, почти также чуждыя другъ другу, какъ и самыя сословія; такъ что все вмѣстѣ составило однородную массу, но только члены ея были разъединены. Ни что такъ хорошо не было устроено для стѣсненія правительства и ничто такъ не помогало ему какъ это обстоятельство. Такъ что все зданіе величія государей могло въ одно мгновеніе обрушиться всѣмъ своимъ составомъ, какъ скоро взволновалось общество составлявшее его основаніе.

И наконецъ этотъ народъ, который одинъ казалось воспользовался ошибками и заблужденіями своихъ владыкъ, если онъ и избѣгъ господства послѣднихъ, то не могъ освободиться отъ тѣхъ ложныхъ идей, порочныхъ привычекъ и дурныхъ наклонностей, которыя они ему передали. И даже пользуясь свободой, онъ вносилъ въ нее робство и выказалъ такую же неспособность управлять самимъ собой, какую жестокость показалъ въ отношеніи своихъ наставниковъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Какимъ образомъ, около половины XVIII столѣтія, люди науки дѣлаются главными политическими дѣятелями въ государствѣ и каковы результаты этого явленія.

Теперь я оставляю коренныя и общія событія породившія революцію. Я перехожу къ частнымъ и болѣе близкимъ намъ фактамъ, опредѣлившимъ ея мѣсто, начало и характеръ.

Съ давнихъ поръ, Франція была наиболѣе литературною страною между европейскими государствами, но писатели ея никогда не высказывали того направленія, которое стало замѣтно съ половины XVIII вѣка и никогда не имѣли того значенія, какое получили тогда. Подобнаго явленія еще не было у насъ, да не было кажется, и въ другихъ государствахъ. Они не принимали прямаго участія въ текущихъ дѣлахъ, какъ въ Англіи, никогда, напротивъ, они не жили такъ далеко отъ нихъ; они не были облечены никакою властью и неотправляли никакихъ служебныхъ должностей, въ обществѣ уже и то переполненномъ должностными лицами.

Однако, удаляясь въ область чистой философіи и изящной литературы, французскіе писатели не оставались, подобно нѣмецкимъ, совершенно чуждыми политикѣ.—Они неутомимо занимались разрѣшеніемъ вопросовъ о сущности

правленія и даже, лучше сказать, это было ихъ главное занятіе. Каждый день слышались ихъ разсужденія о происхожденіи обществъ и первоначальныхъ его формахъ, о прирожденномъ правѣ гражданъ и о правѣ данномъ внѣшнею властью, о естественномъ и искусственномъ отношеніи людей между собою, о разумности или неразумности извѣстнаго обычая, и, даже, о принципахъ въ законѣ. Принимая, такимъ образомъ, до самыхъ основаній государственнаго устройства своего времени, они разбирали его составъ и критиковали главный планъ, не дѣлая впрочемъ изъ своихъ предположеній строгой науки;—напротивъ, они говорили обо всемъ мимоходомъ, какъ будто бы шутя. Этотъ родъ отвлеченной, изящно-литературной политики, отразился, въ большей или меньшей мѣрѣ, на всѣхъ произведеніяхъ того времени, начиная съ трудовъ серьезныхъ и до пѣсенъ.

Что касается до политическихъ системъ этихъ писателей; то они до такой степени разнообразны, что если кто пожелалъ бы свести ихъ въ одну теорію, едва ли дошелъ бы, когда нибудь, до конца своей работы.

Но оставляя въ сторонѣ подробности и принимая во вниманіе только основную идею, легко замѣтить, что авторы этихъ различныхъ системъ сходны между собой, покрайней мѣрѣ, въ главномъ направленіи—всѣ они одинаково понимаютъ одну мысль, весьма общую, которая въ ихъ умѣ стоитъ выше всѣхъ частныхъ идей и составляетъ общій источникъ. Какъ бы ни были различны они во всемъ остальномъ, они имѣли одну и туже точку отправленія: всѣ они думали, что гораздо лучше жить обществу слѣдуя простымъ, элементарнымъ правиламъ почерпнутымъ изъ разума и естественныхъ законовъ человѣческой природы, чѣмъ тяготиться перепутанными и основанными на преданіи обычаями времени.

Присматриваясь хорошенько къ этой мысли, замѣчаемъ, что все, что можно назвать политическою философіей восемнадцатаго вѣка, заключается, собственно говоря, въ ней одной.

Такой образъ мыслей не былъ однако же совершенно новымъ; въ продолженіи трехъ тысячилѣтій онъ часто появлялся и снова изчезалъ въ умахъ людей, не оставляя ни разу послѣ себя глубокихъ слѣдовъ. Почему же онъ теперь сдѣлался общимъ направленіемъ всѣхъ писателей? почему вмѣсто того, чтобы, по прежнему, оставаться достояніемъ только нѣсколькихъ философовъ, онъ перешелъ въ массы и заимствовалъ здѣсь устойчивость и пылъ политической страсти, такъ что общія отвлеченныя теоріи, о сущности обществъ, сдѣлались обыкновеннымъ предметомъ разговора, и воспламеняли даже воображеніе женщинъ и крестьянъ? Какимъ образомъ люди науки, не обладая ни чинами, ни почестями, ни богатствами, ни отвѣтственностію, ни могуществомъ, сдѣлались главными политическими дѣятелями своего времени, и даже единственными, ибо тогда какъ другіе управляли государствомъ, они одни пользовались властью? Я намѣренъ въ нѣсколькихъ словахъ обозначить то вліяніе, которое имѣли эти факты на революціи и наше время, хотя, собственно говоря, они относятся къ исторіи нашей литературы.

Философы восемнадцатаго вѣка не случайно приняли направленіе совершенно противуположное тѣмъ основаніямъ, на которыхъ покоилось ихъ общество, напротивъ ихъ идеи были внушены тѣмъ самымъ обществомъ, которое они имѣли передъ глазами. Бездна неправыхъ и безсмысленныхъ привиллегій, тяжесть которыхъ чувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе были понятны ихъ причины, невольно наталкивали умъ каждаго на идею о естественномъ равенствѣ состояній. При видѣ столькихъ неправильныхъ и странныхъ учрежденій, считая ихъ произведеніемъ другаго времени, видя что ни кто еще не успѣлъ согласить ихъ между собою и приладать къ новымъ нуждамъ, они думали, что все это должно пасть въ вѣчность, потерявъ свою силу, и потому легко вступили во вражду со старымъ порядкомъ и съ преданіемъ, и естественно были приведены къ желанію перестроить свое общество по плану совершенно новому, начертанному, каждымъ изъ нихъ, при помощи единственнаго источника: своего разума.

Самыя условія жизни писателей, располагали ихъ любить болѣе область общихъ отвлеченныхъ теорій въ вопросахъ государственнаго управленія, и они слѣпо предались этимъ теоріямъ. Живя почти въ безконечномъ удаленіи отъ практики, они не могли опытомъ умѣрить свою пылкость; въ ихъ положеніи ни что не напоминало о тѣхъ препятствіяхъ, которыя можетъ представить настоящій порядокъ вещей, реформамъ даже наиболѣе желательнымъ; они не имѣли никакой идеи о бѣдствіяхъ, сопровождающихъ самую необходимою революцію, они ничего и не предчувствовали этого; ибо полное отсутствіе политической свободы сдѣлало то, что міръ событій былъ имъ совершенно неизвѣстенъ. Въ немъ они не принимали никакого участія и не могли даже видѣть, что дѣлаютъ другіе. Ихъ поверхностному ученію не доставало того, что наблюденіе въ свободномъ обществѣ, и шумъ всего, что въ немъ говорится, сообщаетъ даже тѣмъ, которые менѣе всего участвуютъ въ управленіи. Писатели сдѣлались, такимъ образомъ, слишкомъ смѣлы въ своихъ нововведеніяхъ, слишкомъ преданы общимъ идеямъ и системамъ, слишкомъ увѣрены въ свой личный разумъ и слишкомъ мало давали цѣны мудрости прошедшаго, что только и случается съ авторами умозрительныхъ теорій о политикѣ. Тоже невѣденіе покорило имъ умы и сердца толпы. Если бы французы по прежнему участвовали въ управленіи страны, чрезъ посредство собраній государственныхъ сословій, еслибы они продолжали ежедневно заниматься ея администраціей въ провинціальныхъ собраніяхъ, то можно утвердительно сказать, что не увлекли бы ихъ идеи писателей и тогда, держась извѣстнаго хода дѣлъ, они были-бы противъ умозрительныхъ теорій.

Еслибъ, подобно англичанамъ, неразрушая своихъ старыхъ учрежденій, они могли бы практически произвести

коренное измѣненіе въ ихъ направленіи, то, быть можетъ, тогда не такъ охотно мечтали бы о всевозможныхъ нововведеніяхъ. Но каждый ежедневно чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ своей личности, состояніи, имѣніи, наконецъ, въ самолюбіи какимъ нибудь стариннымъ законамъ, политическимъ обычаемъ, или остаткомъ прежней силы; къ тому же никто не находилъ лекарства, которое каждый могъ бы самъ приложить къ данному случаю. Казалось, что, или нужно все перетерпѣть, или все разрушить въ государственномъ устройствѣ страны.

Теряя свободу, мы сохранили только одну ея черту: мы могли философствовать, почти безъ всякаго препятствія, о происхожденіи обществъ, о существенныхъ началахъ правительствъ и о естественномъ правѣ людей.

Всѣ тѣ, которыхъ угнетала ежедневная практика законодательства, скоро полюбили эту литературную политику. Она пришлась даже по вкусу тѣмъ, которые, по самой природѣ или по условіямъ жизни, были далеко отъ отвлеченныхъ умозрѣній. Податной, оскорбленный неравномѣрнымъ распредѣленіемъ податей, воспламенялся идеей, что всѣ люди должны быть равны между собой; маленькій собственникъ, поле котораго было опустошено кроликами его благороднаго сосѣда, не переставалъ кричать, что всѣ привиллегіи безъ разбору противны разсудку. Всякая общественная страсть находила себѣ убѣжищѣ въ философіи, скоро вся политическая жизнь сосредоточилась въ литературѣ, и писатели, принявъ на себя обязанность руководить общественнымъ мнѣніемъ, занимали, въ это время, то мѣсто, которое въ свободныхъ странахъ принадлежитъ предводителямъ партій.

Никто болѣе не могъ оспаривать ихъ роли. Аристократія, во время своей силы, занималась не только веденіемъ дѣлъ, но и управляла общественнымъ мнѣніемъ, придавала значеніе писателямъ и авторитетъ идеямъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи, французское дворянство совершенно потеряло эту

долю своей власти; довѣріе къ ней имѣло туже судьбу. Мѣсто которое занимала она въ области мысли, оставалось теперь пустымъ и писатели одни могли занять его.

Мало того, что аристократія уступила свое мѣсто, она даже сама помогла писателямъ занять его; она совершенно забыла, что общая теорія, разъ принятая, неуклонно стремится перейдти въ политическую страсть и въ дѣйствительность, такъ что ученіе совершенно противное ея частнымъ выгодамъ, даже ея существованію, казалось аристократіи удачною игрою остроумія; она сама охотно принимала участіе въ этой игрѣ, для препровожденія времени и спокойно играли своими льготами и привиллегіями, убѣдительно разсуждая о нелѣпости существующихъ обычаевъ.

Часто удивляются странному ослѣпленію, съ которымъ высшіе классы, того времени, сами способствовали своему паденію; но гдѣ было взять имъ истину? Свободныя учрежденія не менѣе нужны для высшихъ классовъ гражданъ, чтобъ указать опасности имъ угрожающія, какъ и для низшихъ, чтобъ спасти ихъ права. Спустя немного больше одного столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ исчезли между нами послѣднія черты общественной жизни, люди прямо заинтересованные сохраненіемъ стараго порядка, не были ни чѣмъ предупреждены въ паденіи этого древняго зданія. Такъ какъ во внѣшности ни что не измѣнилось, то они воображали, что все остается по прежнему; ихъ мысль остановилась на той точкѣ зрѣнія, которую занимали ихъ отцы. Изъ записокъ 1789 года видно, что дворянство того времени также было алчно до пріобрѣтенія власти, какъ и въ пятнадцатомъ столѣтіи.

Съ другой стороны, несчастный Людовикъ XVI, какъ справедливо замѣчаетъ Бэркъ (Burke), за минуту до погибели въ разливѣ демократіи, продолжалъ видѣть въ аристократіи главнаго соперника королевской власти; онъ подозрѣвалъ ее, какъ будто это было во времена фрондъ. Бур-

жуазія и народъ, на противъ, казались ему, какъ и его предкамъ, самой вѣрной опорой престола.

Но вотъ что кажется для насъ страннѣе всего, для насъ имѣющихъ передъ глазами остатки столькихъ революцій, что даже самая идея насильственной революціи, была чужда мысли нашихъ отцовъ. Они и не поднимали вопроса о революціи, мысль о ней не западала имъ въ голову.

Небольшія колебанія, въ обществахъ уже окрѣпшихъ, открываясь при посредствѣ общественной свободы взорамъ каждаго, постоянно напоминаютъ о возможности переворотовъ и призываютъ на стражу общественное благоразуміе, но во французскомъ обществѣ восемнадцатаго вѣка на пути къ пропасти ничто не могло предостеречь государство. Я внимательно читалъ записки, составленныя тремя сословіями: дворянствомъ, духовенствомъ и среднимъ сословіемъ, передъ тѣмъ какъ они собрались въ 1789 году. Въ нихъ я видѣлъ, что одни требовали измѣненія закона, другія обычая. Когда я пришелъ къ концу этой работы и свелъ въ одно, всѣ частныя желанія, то съ испугомъ замѣтилъ, что въ сущности просили единовременнаго, систематическаго избавленія отъ всѣхъ законовъ и обычаевъ бывшихъ въ странѣ; тогда я увидѣлъ, что настаетъ самая обширная и самая опасная революція, какая когда либо появлялась на свѣтъ.

Завтрашнія жертвы ея ничего не предвидѣли, они думали; что полное и внезапное преобразованіе такого сложнаго и стараго общества можетъ совершиться безъ потрясеній, при помощи одного разума и только подъ его вліяніемъ. Несчастные! Они забыли даже то правило, которое четыреста лѣтъ тому назадъ, такъ энергично, было высказано ихъ отцами; «*гонялись за слишкомъ большою свободой и вольностью, какъ разъ попадешь въ рабство*».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что дворянство и буржуазія, съ давнихъ поръ удаленныя отъ политической жизни, показали страшную неопытность; но гораздо удивительнѣе то, что

даже тѣ, которые управляли дѣлами, министры, чиновники, интенданты почти не были проницательнѣе ихъ. Было, между тѣмъ, много людей весьма свѣдующихъ въ своемъ дѣлѣ, они обладали свѣденіями до мелкихъ подробностей въ ходѣ администраціи своего времени; но что касается до великаго умѣнія управлять, до умѣнія понять главное направленіе общества, обсудить то, что занимаетъ умы массы и предвидѣть результатъ, это было для нихъ также ново, какъ и для самаго народа: только свободныя установленія могутъ вполнѣ преподать государственнымъ людямъ главную часть ихъ искусства.

Это очень хорошо видно изъ записки Тюрго, поднесенной королю въ 1775 году; гдѣ между прочимъ онъ совѣтуетъ ему каждый годъ, на шесть недѣль, собирать около себя представительное собраніе, члены котораго были бы избраны націей, но не давать никакой дѣйствительной силы этому собранію.

По мнѣнію Тюрго оно должно заниматься администраціей и никакъ не управленіемъ, имѣть право подавать мнѣніе, но не настаивать на исполненіи, однимъ словомъ, оно должно только разсуждать о законодательствѣ, не заботясь о приведеніи его въ дѣйствительность. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, власть королевская, ничего не теряя, сдѣлается болѣе просвѣщенною и общественное мнѣніе безъ труда будетъ удовлетворено. Ибо собраніе не будетъ имѣть силы противустоять необходимымъ распоряженіемъ и если, сверхъ ожиданія, оно могло бы стремиться къ этому, то все таки власть всегда останется въ рукахъ Вашего Величества». Нельзя было долѣе идти противъ подобной мѣры и пренебрегать духомъ времени. Правда, что въ концѣ революціи часто можно сдѣлать безнаказанно, то, что предлагалъ Тюрго, дать вмѣсто истинной свободы ея тѣнь. Попытка Августа въ этомъ случаѣ увенчалась успѣхомъ.

Нація изнуренная долгими распрями, легко поддается

обману, лишь бы достигнуть покоя, и исторія показываетъ намъ, что тогда достаточно собрать нѣсколько людей, хотя совершенно неизвѣстныхъ и подчиненныхъ чужому вліянію и заставить ихъ, за извѣстное жалованье, разыгрывать роль политическаго собранія. Примѣровъ этому много. Но въ началѣ революціи подобныя мѣры никогда не осуществляются и только раздражаютъ народъ, не удовлетворяя его. Великій администраторъ Тюрго не зналъ того, что знаетъ послѣдній гражданинъ свободной страны.

Теперь, если представимъ себѣ французское общество, чуждое своихъ собственныхъ дѣлъ, лишенное опытности, стѣсненное учрежденіями, безсильное избавиться отъ болѣзни и если вспомнимъ, что въ тоже время, оно между всѣми націями, славилось, какъ самое образованное, какъ самое неравнодушное къ умственнымъ наслажденіямъ, то становится понятнымъ почему писатели пріобрѣли такое значеніе въ политикѣ. И наконецъ сдѣлались первыми въ ней. Тогда какъ въ Англіи, писавшіе о управленіи и управлявшіе были тѣсно соединены между собой, когда одни вводили въ практику новыя идеи, а другіе строили теоріи на основаніи фактовъ, во Франціи политическій міръ оставался, какъ бы раздѣленнымъ на два лагеря, безъ всякаго сообщенія между ними. Въ одномъ управляли, въ другомъ проповѣдывали отвлеченныя начала, на которыхъ должна основываться всякая администрація; здѣсь прилагали частныя мѣры завѣщанныя рутиной, тамъ превозглашали общій законъ, не думая совершенно о его приложеніи. Словомъ, одни вели дѣла; другіе давали направленіе мысли.

Сверхъ дѣйствительнаго общества, съ конституціей основанной на преданіи, запутанной и безпорядочной, съ различными и противурѣчивыми законами, съ рѣзко раздѣленными сословіями и съ неравномѣрными податями, они создали другое общество воображаемое, въ которомъ все было просто, стройно, единообразно, и согласно съ здравымъ смысломъ.

Толпа бѣжала перваго, чтобы жить воображеніемъ въ послѣднемъ, она вовсе не интересовалась тѣмъ, что было въ дѣйствительности, думая только о томъ, что могло бы быть, и мысленно жила въ этомъ чистомъ идеалѣ построенномъ писателями.

Часто приписываютъ нашу революцію вліянію Американской; дѣйствительно Американская революція имѣла вліяніе на Французскую; но послѣдняя болѣе обязана тому, что думали въ это время въ самой Франціи, чѣмъ тому, что дѣлалось въ соединенныхъ-штатахъ. Для остальной Европы Американская революція была только новымъ, страннымъ фактомъ, для насъ она сдѣлала болѣе осязательнымъ то, что казалось мы уже и такъ сознавали. Тамъ она удивила, у насъ окончательно покорила умы. Казалось, что будто бы Американцы слушали нашихъ писателей и осуществляли наши мечты: это тоже, что если бы Фенелонъ вдругъ увидѣлъ себя въ своемъ Салентѣ.

Это обстоятельство, столь новое въ исторіи, изъ всего политическаго образованія, сообщеннаго великому народу писателями, быть можетъ имѣло самое сильное вліяніе на характеръ Французской революціи и на тѣ результаты, которые мы теперь видимъ.

Писатели не только передавали народу свои идеи, но сообщали ему свой характеръ и направленіе. При недостаткѣ другихъ путеводителей, при полномъ незнаніи практики, подъ продолжительнымъ руководствомъ однихъ писателей, вся нація, читая ихъ творенія, кончила тѣмъ, что усвоила ихъ инстинкты, образъ мыслей, симпатіи и даже ихъ природныя странности; и когда пришлось наконецъ дѣйствовать, она перенесла въ политику всѣ литературныя привычки.

Изучая исторію нашей революціи, видишь, что она была ведена какъ разъ въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ написано было такое количество отвлеченныхъ книгъ о правительствѣ. Таже склонность къ умозрительнымъ теоріямъ, систематическимъ законодательствамъ и строгой симметріи въ законахъ;

тоже презрѣніе къ существующему; таже любовь къ оригинальности, остроумію и новизнѣ въ учрежденіяхъ, таже страсть съ разу передѣлать все государственное устройство, слѣдуя указанію логики и по извѣстному плану, вмѣсто того чтобъ стараться исправить ее въ частяхъ. Странное дѣло! то что составляетъ достоинсто писателя, часто бываетъ большимъ недостаткомъ въ государственномъ человѣкѣ и то что дѣлаетъ книгу замѣчательною, можетъ вести къ революціи.

Даже самый языкъ политики заимствовалъ многое изъ языка сочинителей; онъ наполненъ общими выраженіями, отвлеченными терминами, высокопарными словами, литературными оборотами. Этотъ стиль, покровительствуемый политикой, распространился во всѣхъ классахъ общества и съ удивительною легкостью достихъ самыхъ низшихъ слоевъ. Указы короля Людовика XVI, гораздо прежде революціей, часто говорятъ о естественныхъ законахъ и о правахъ человѣка. Я видѣлъ просьбы крестьянъ, гдѣ они называли своихъ сосѣдей согражданами; интенданта—много уважаемымъ правителемъ; приходскаго священника — служителемъ олтарей и Бога-верховнымъ существамъ. Имъ недоставало только знанія орфографіи, чтобы сдѣлаться, довольно плохими писателями.

Эти новыя качества, такъ сроднились съ старымъ характеромъ французовъ, что часто приписываютъ нашей натурѣ многое, только привитое этимъ необыкновеннымъ воспитаніемъ. Часто утверждаютъ, что любовь, или скорѣе страсть, которую въ продолженіи шестидесяти лѣтъ мы выказывали къ общимъ идеямъ, къ системамъ и пышнымъ фразамъ въ политикѣ, принадлежитъ исключительно нашей рассѣ, тому, что довольно выразительно, называютъ *духомъ французовъ* (*esprit français*), какъ будто-бы эта особенность, скрываясь въ продолженіе всей нашей исторіи, вдругъ выступила на видъ, въ концѣ прошлаго вѣка.

Странно то, что сохраняя привычки заимствованныя изъ

литературы, мы почти совсѣмъ потеряли прежнюю любовь къ ней. Въ продолженіи моей публичной жизни, я часто удивлялся, что люди совсѣмъ не читавшіе книгъ восемнадцатаго вѣка, да и вообще мало читавшіе, люди которые горячо презирали всѣхъ авторовъ, въ тоже время строго держались нѣкоторыхъ ошибочныхъ основаній, указанныхъ, еще до ихъ рожденія, литературой.

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ невѣріе могло сдѣлаться общею и преобладающею страстію французовъ восемнадцатаго столѣтія, и какое вліяніе имѣло оно на характеръ революціи.

Со времени великой революціи шестнадцатаго столѣтія, когда духъ изслѣдованія обратился на разпознаніе истины и лжи въ христіанскихъ вѣрованіяхъ, не переставали появляться, болѣе или менѣе пытливые и смѣлые геніи, которые все оспаривали и все отвергали. Тоже направленіе, которое, во время Лютера, заставило сразу, цѣлые милліоны католиковъ, оставить католицизмъ, ежегодно выводило по нѣскольку христіанъ изъ христіанства; за ересью послѣдовало невѣріе.

Вообще можно сказать что въ восемнадцатомъ столѣтіи христіанство, на всемъ Европейскомъ континентѣ, утратило значительную долю своего могущества. Но въ большей части странъ, оно было просто оставлено, и ни гдѣ не потерпѣло быстраго пораженія. Даже тѣ, которые рѣшались оставить его, дѣлали это какъ бы съ сожалѣніемъ. Невѣріе было распространено въ высшемъ кругу, но оно еще почти совсѣмъ не проникло въ средній классъ и въ народъ; оно оставалось прихотью нѣкоторыхъ умовъ, а не общимъ убѣжденіемъ.

«Въ Германіи весьма распространенъ предразсудокъ, говоритъ въ 1787 году Мирабо, что будто бы Прусскія про-

винціи наполнены атеистами. Въ дѣйствительности же, если тамъ и встрѣчается нѣсколько свободныхъ мыслителей, то народъ одинаково преданъ религіи, какъ въ округахъ самыхъ набожныхъ, такъ и тамъ гдѣ насчитываютъ наиболѣе изувѣровъ». Очень жаль, прибавляетъ онъ, что Фридрихъ запретилъ вступать въ бракъ католическому духовенству, и въ особенности. что онъ не дозволилъ женатымъ пользоваться доходами отъ прихожанъ, «мѣра, говоритъ онъ, смѣемъ думать, достойная этого великаго человѣка.»

Нигдѣ невѣріе еще не сдѣлалось общею страстью, пылкою, исключительною, кромѣ Франціи.

Здѣсь случилось то, чего не было видно еще до сихъ поръ. Были и другія времена, когда съ яростію нападали на господствующую религію, но эта ярость порождалась ревностью къ другой, новой вѣрѣ. Даже ложныя и грубыя вѣрованія древности, при началѣ христіанства, имѣли множество страстныхъ противниковъ. До сихъ поръ всѣ онѣ угасали спокойно, безъ шуму, вслѣдствіе сомнѣній и индифферентизма: такова старческая смерть религій. Во Франціи съ неистовствомъ напали на христіанскую вѣру, даже не дѣлая попытки замѣнить ее другою. Долго и ревностно старались лишить людей вѣры и чрезъ то оставили сердца ихъ пустыми. Очень многіе увлеклись такимъ недостойнымъ предпріятіемъ. Полное невѣріе, не свойственное природѣ человѣка и оставляющее душу въ самомъ горестномъ положеніи, казалось привлекательнымъ толпѣ. То что дѣлалось до сихъ поръ, вслѣдствіе какой-то болѣзненной слабости, теперь облеклось духомъ фанатической пропаганды.

Объяснить это необыкновенное происшествіе нельзя только однимъ стремленіемъ многихъ даровитыхъ писателей, унизить истину христіанской вѣры; ибо по чему умы всѣхъ этихъ писателей скорѣе склонились въ ту сторону, чѣмъ въ другую? По чему не одинъ изъ нихъ не подумалъ принять противуположное направленіе? Наконецъ, по чему толпа охотнѣе слушала ихъ, чѣмъ предшественниковъ

и по чему такъ легко имъ вѣрила? Должны быть причины особенныя, отмѣченныя печатью времени и страны, которыя объяснили бы возможность этого событія и особенно его быстрый успѣхъ. Направленіе Вольтера давно уже существовало въ мірѣ; но и самый Вольтеръ едва ли могъ бы, въ другое время, стяжать ту славу, которою онъ пользовался въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Замѣтимъ прежде всего, что у насъ не было болѣе уважительныхъ причинъ нападать на церковь, чѣмъ гдѣ либо; напротивъ, пороки и злоупотребленія у насъ были менѣе распространены, чѣмъ въ другихъ католическихъ странахъ; наша церковь отличалась безконечно большею терпимостію, чѣмъ когда либо прежде и въ какой либо странѣ. И такъ въ области ли религіи или въ самомъ обществѣ должно искать эти особенныя причины?

Чтобы понять это явленіе, не нужно терять изъ виду то, что я сказалъ въ предъидущей главѣ: вся политическая оппозиція, порожденная недостатками правительства и не могшая имѣть вліяніе на дѣла, прибѣгала къ литературѣ и писатели сдѣлались предводителями огромныхъ партій, стремившихся перестроить все соціальное устройство и политику страны.

Теперь вопросъ измѣняется самъ собою. Мы уже не будемъ стараться открыть въ чемъ могла грѣшить церковь, того времени, какъ религіозное учрежденіе; но постараемся узнать въ чемъ она составляла препятствіе готовившейся политической революціи, и какъ она должна была сдѣлаться особенно тягостною для писателей, главныхъ ея двигателей.

Церковь въ самыхъ началахъ своего управленія составляла противоположность тѣмъ началамъ, которыя писатели хотѣли сдѣлать преобладающими въ гражданскомъ управленіи. Она преимущественно опиралась на преданія: писатели проповѣдывали презрѣніе ко всѣмъ учрежденіямъ, покоящимся на уваженіи къ прошедшему; церковь нашла

авторитетъ выше индивидуальнаго разума: писатели во всемъ полагались на этотъ разумъ; церковь основывалась на іерархіи; писатели стремились къ смѣшенію чиновъ. Чтобы жить въ согласіи нужно было, съ обоихъ сторонъ признать, что общества политическое и религіозное, разнясь между собою въ самой сущности, не могутъ управляться по одинаковымъ началамъ; но тогда были далеки отъ этого, напротивъ думали, что нападая на государственное устройство, нужно прежде всего разрушить церковное, какъ его основу и первообразъ.

Сама церковь была въ то время первою изъ политическихъ властію въ государствѣ, самою ненавистною, хотя не самоотяготительною. Ибо она смѣшивалась съ ними не бывъ къ тому призванною ни по своему назначенію, ни по характеру, часто старалась освятить тѣ недостатки, которые порицала въ другихъ, хотѣла защитить ихъ своею неприкосновенностію, сообщить имъ свое безсмертіе. По этому нападавшіе на церковь были увѣрены, что удовлетворяютъ общему желанію.

Но кромѣ этихъ главныхъ причинъ были еще другія, такъ сказать, личныя, вызвавшія писателей прежде всего противъ церкви. Церковь представляла собой, какъ разъ, ту часть правленія, которая была ближе всѣхъ и болѣе другихъ нерасположена къ нимъ. Всякая другая власть чувствовалась только по временамъ, а церковь взявшая на себя обязанность указывать путь мысли, цензуровать сочиненія, докучала имъ каждый день. Защищая противъ нее свободу человѣческой мысли писатели сражались за собственные интересы и прежде всего направили свои силы, чтобы разбить оковы стѣснявшіе ихъ.

Къ тому же изъ всего, того, на что они нападали, церковь казалась имъ самою беззащитною и наиболѣе открытою для ихъ ударовъ. Ея могущество ослабѣвало по мѣрѣ возвышенія власти земныхъ правителей. Бывъ сначала выше царей, потомъ равною, теперь они помѣнялись мѣстами,

церковь подчинилась земной власти. Между ними произошелъ обмѣнъ: съ одной стороны предлагалась матеріальная сила, съ другой нравственный авторитетъ; земные правители заставляли повиноваться ея заповѣдямъ, церковь требовла уваженія ихъ воли. Опасный торгъ наканунѣ революціи и всегда невыгодный для власти основанной не на принужденіи, а на вѣрѣ.

Хотя наши короли продолжали еще называться старшими сынами церкви, но они уже съ пренебреженіемъ смотрѣли на свои обязанности относительно нее; тѣмъ менѣе покровительствовали они церкви, чѣмъ болѣе заинтересовывались защитою собственной власти. Правда они не позволяли открыто поднимать руки на церковь, но за то терпѣли тысячи ранъ нанесенныхъ ей издали,

Это полупринужденіе, въ которомъ держали враговъ церкви, еще болѣе увеличило ихъ силу.

«Вы думаете, что наша нетерпимость, писалъ Дидеро въ 1768 году Юму, благопріятнѣе для прогресса мысли, чѣмъ ваша безграничная свобода. Гольбахъ, Гельвецій, Морелле и Сюаръ другаго мнѣнія.» Но шотландецъ былъ правъ, какъ гражданинъ свободной страны, онъ былъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ. Дидеро судилъ, какъ литераторъ, Юмъ какъ политикъ.

Я готовъ спросить перваго встрѣченнаго, у насъ, или гдѣ бы то ни было, американца считаетъ ли онъ религію полезною для прочности законовъ и для спокойствія страны; онъ не задумавшись отвѣтитъ, что общество цивилизованное и особенно общество свободное не можетъ существовать безъ религіи. Уваженіе къ религіи въ его глазахъ, есть самая надежная гарантія непоколебимости государства и частной безопасности. Люди наименѣе знакомые съ наукой управленія имѣютъ, по крайней мѣрѣ, это убѣжденіе! Между тѣмъ нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы самыя смѣлыя теоріи философовъ восемнадцатаго вѣка о политикѣ, получили такое обширное приложеніе, какъ въ Америкѣ; одни

только антирелигіозныя идеи никогда ни могли найти для себя тамъ мѣста, даже при безграничной свободѣ печати.

Тоже я скажу и объ Англичанахъ. Анти-религіозная философія была у нихъ извѣстна, когда еще большинство нашихъ философовъ не существовали на свѣтѣ: ихъ Болинброкъ приготовилъ нашего Вольтера. Въ продолженіе всего восемнадцатаго вѣка невѣріе имѣло въ Англіи славныхъ представителей. Замѣчательные писатели, глубокіе мыслители приняли его подъ свое покровительство; и между тѣмъ оно никогда не могло пріобрѣсти тамъ, такой популярности, какою пользовалось во Франціи, ибо кто имѣлъ причину, почему либо, бояться революціи, прибѣгали къ помощи твердой вѣры, и даже тѣ изъ Англичанъ, которые сильнѣе другихъ сочувствовали французскому обществу того времени и которые не считали доктрины нашихъ философовъ ложными, отвергли ихъ какъ вредныя.

Главныя политическія партіи, какъ это всегда бываетъ въ свободныхъ странахъ, старались быть въ союзѣ съ церковію. Даже самаго Болинброка видѣли союзникомъ епископа. Духовенство ободренное такими примѣрами и нечувствуя себя одинокимъ, энергически защищало свое дѣло. Англиканская церковь, несмотря на всѣ недостатки своего устройства и на всѣ злоупотребленія, вышла побѣдоносною изъ этого спора; писатели, ораторы оставили прежнія мѣста и сдѣлались ревностными защитниками христіанства. Теоріи враждебныя церкви, послѣ разбора и опроверженія, были отвергнуты самимъ обществомъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства.

Но зачѣмъ такъ далеко ходить за примѣрами, когда они есть и во Франціи? Кто изъ Французовъ вздумаетъ писать теперь книги подобныя Дидеро и Гельвецію? Кто захочетъ ихъ читать? Я готовъ сказать, кто полюбопытствуетъ узнать ихъ названіе? Незначительной опытности пріобрѣтенной во время нашей шестидесятилѣтней публичной жизни, достаточно было, чтобы потерять привязанность къ этой

опасной литературѣ; и посмотрите, какъ уваженіе къ религіи постепенно проникаетъ во всѣ классы общества, по мѣрѣ того, какъ сильнѣе чувствуется опытъ суровой школы революцій. Старинное дворянство бывшее передъ 89 годомъ самымъ невѣрующимъ классомъ, послѣ 93 сдѣлалось самымъ религіознымъ; при первомъ толчкѣ, оно обратилось первое. Буржуазія почувствовавъ пораженіе, тоже поспѣшила приблизиться къ вѣрѣ. Мало по малу уваженіе къ религіи проникаетъ всюду, гдѣ человѣку есть за что бояться во время народныхъ возстаній, невѣріе уничтожается или, по крайней мѣрѣ, прячется, по мѣрѣ того какъ болѣе и болѣе чувствуется страхъ революціи.

Этого не было передъ паденіемъ стараго порядка. Мы до такой степени отвыкли отъ великихъ человѣческихъ дѣлъ, такъ мало знали о томъ, что значитъ религія въ дѣлѣ государственнаго управленія, что невѣріе прежде всего утвердилось именно въ тѣхъ, кто имѣлъ личный, настоятельный интересъ поддержать государство въ порядкѣ, народъ въ послушаніи. Мало того, что сами не вѣрили, они въ слѣпотѣ своей распространяли невѣріе и въ низшихъ слояхъ общества; изъ нечестія они сдѣлали забаву для препровожденія празднаго времени.

Французская церковь, столь плодородная до сихъ поръ на такихъ великихъ ораторовъ, теперь оставалась безъ защитниковъ и была нѣма. Можно было подумать, что она готова допустить осужденіе своей вѣры, лишь бы оставили ей богатства и значеніе.

Въ то время, какъ одни громко унижали христіанство, а другіе молчали, произошло то, что часто случается между нами, не только въ дѣлѣ религіи, но и во всемъ другомъ: люди, сохранившіе прежнюю вѣру, боялись остаться одни ей преданными; страшась одиночества больше, чѣмъ ошибки, они присоединились къ толпѣ, не раздѣляя ее убѣжденій. Чрезъ это, то что было чувствомъ только одной части націи, казалось сдѣлалось обще принятымъ мнѣніемъ

и такъ казалось даже тѣмъ, которые сами же сообщили ей столь ложный характеръ.

Всеобщее недовѣріе къ религіознымъ вѣрованіямъ, распространившееся въ концѣ прошлаго столѣтія, безъ всякаго сомнѣнія, имѣло самое сильное вліяніе на всю революцію; оно опредѣлило ее характеръ; ничто кромѣ невѣрія не могло сообщить революціи того ужасающаго вида, который поражаетъ насъ.

Стараясь открыть различныя послѣдствія, произведенныя тогда невѣріемъ, я замѣтилъ, что, разслабляя умы, развращая сердца и даже разлагая нравы, оно располагало людей, того времени, къ крайностямъ столь страннымъ.

Но покидая религію, они не оставляли, какъ это часто бываетъ, сердца свои пустыми и разбитыми; они наполнили ихъ чувствами и мыслями, замѣнившими на время религіи и препятствовавшими имъ быстро одряхлѣть.

Если французы двигавшіе революціею, въ дѣлѣ религіи были болѣе невѣрующими чѣмъ мы, то у нихъ оставалось по крайней мѣрѣ одно удивительное вѣрованіе; это вѣрованіе въ себя, чего не достаетъ намъ. Они ни на минуту не усумнились въ усовершаемости и въ могуществѣ человѣка; они страстно сочувствовали своей славѣ и непоколебимо вѣрили въ свою добродѣтель, они питали, ту гордую увѣренность въ свои силы, которая часто приводитъ къ ошибкамъ, но безъ которой народъ впадаетъ въ рабство, они не усумнились въ своемъ призваніи перестроить общество и передѣлать людей. Эти чувства и эти страсти сдѣлались для нихъ, какъ бы, новою религіей, которая, производя нѣкоторые изъ великихъ послѣдствій неразлучныхъ со всякой религіей, искореняла личный эгоизмъ, иногда воодушевляла до героизма и до пожертвованія собой и дѣлала ихъ, какъ будто нечувствительными къ тѣмъ мелкимъ расчетамъ, которые овладѣваютъ нами.

Я прилежно изучалъ исторію и смѣю утверждать, что никогда не было революціи, въ которой бы такое огромное

число людей, выказало болѣе искренняго патріотизма, болѣе безкорыстія, болѣе истиннаго величія. Нація выказала въ ней всѣ недостатки и всѣ достоинства принадлежащія молодости, неопытности и великодушію.

И все таки невѣріе произвело тогда безмѣрное общественное зло.

Почти во всѣхъ политическихъ революціяхъ, появлявшихся до сихъ поръ, тѣ которые нападали на существующія законы, щадили вѣру и въ большей части религіозныхъ революцій, нападающіе на религію, не старались тѣмъ же ударомъ поразить сущность и настоящій порядокъ всѣхъ властей, разрушить въ конецъ старое устройство управленія. Такимъ образомъ всегда, даже во время самыхъ сильныхъ потрясеній, общества оставляли нѣкоторыя части нетронутыми.

Но во французской революціи, религіозные законы потеряли свою силу въ то время, какъ были ниспровергнуты законы гражданскіе; умъ человѣческій совершенно потерялъ равновѣсіе, не находилъ болѣе чему держаться, на чемъ остановиться, появлялись неизвѣстные роволюціонеры, дерзость которыхъ доходила до безумія; ихъ не удивляла никакая новизны; ничто не останавливало ихъ въ недоумѣніи, они никогда не колебались передъ осуществленіемъ своихъ намѣреній. И не должно думать, что эти новыя существа суть случайныя произведенія минуты, предназначенныя погибнуть вмѣстѣ съ нею; нѣтъ, съ тѣхъ поръ они образовали особенную породу распространившуюся во всѣхъ частяхъ образованнаго общества, вездѣ сохраняя свой видъ, свою страсть и свой характеръ. Мы видѣли появленіе на свѣтъ этой породы и до сихъ поръ еще имѣемъ ее передъ нашими глазами.

ГЛАВА III.

О томъ, что французы хотѣли реформъ прежде свободы.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ идей и чувствованій подготовившихъ революцію, мысль и любовь къ общественной свободѣ, въ собственномъ смыслѣ, появилась послѣ всѣхъ другихъ и прежде другихъ изчезла.

Съ давнихъ уже поръ начало колебаться старое зданіе правленія; уже оно клонилось къ упадку, а еще не было вопроса о свободѣ. Вольтеру едва приходила въ голову мысль о ней: пробывъ три года въ Англіи, онъ поневолѣ обратилъ вниманіе на свободу, но не успѣлъ полюбить ее. Скептическая философія, которую свободно проповѣдывали тогда въ Англіи, увлекла и его. Политическіе законы этой страны мало занимали философа: онъ скорѣй видѣлъ въ нихъ недостатки, чѣмъ достоинства. Въ англійскихъ письмахъ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, онъ менѣе всего говоритъ о парламентѣ; въ сущности Вольтеръ завидовалъ Англичанамъ только въ литературной свободѣ и почти не обратилъ вниманія на политическую, какъ будто первая можетъ долго существовать безъ послѣдней.

Около половины столѣтія, появилось довольно большое число писателей, которые спеціально разбирали вопросы общественной администраціи, и которые по характеру выведенныхъ ими началъ, получили названіе *экономистовъ и физіократовъ*.

Экономисты не имѣютъ того блеска въ исторіи, какимъ порожаютъ насъ философы; потому, вѣроятно, что они менѣе послѣднихъ способствовали наступленію революціи; я однако же думаю, что въ ихъ произведеніяхъ лучше можно изучить настоящій характеръ революціи. Философы почти никогда не выходили изъ общихъ, отвлеченныхъ теорій въ вопросахъ управленія; экономисты, напротивъ, не оставляя теорій, ближе подходили къ самымъ событіямъ.

Одни говорили о томъ, что можно вообразить, другіе часто указывали на то, что было въ дѣйствительности. Всѣ учрежденія, долженствовавшія безвозвратно погибнуть въ революціи, были предметомъ нападеній экономистовъ и не заслуживали, въ ихъ глазахъ, никакой пощады. Напротивъ, тѣ которыя могли служить ея дѣлу, были выставлены ими на видъ и осыпаны похвалами; едва ли найдется хотя одно изъ этихъ послѣднихъ, зародышъ котораго не заключался бы въ ихъ сочиненіяхъ; тамъ находится все самое существенное революціи.

Даже болѣе въ ихъ книгахъ замѣтенъ уже тотъ революціонный и демократическій характеръ, который намъ такъ хорошо знакомъ; они не только не навидятъ привиллегіи, но и всякое различіе для нихъ нестерпимо. Все что мѣшаетъ ихъ предначертаніямъ, только и заслуживаетъ быть уничтоженнымъ. Свободный договоръ мало внушаетъ имъ довѣрія; частное право не заслуживаетъ никакого уваженія, или лучше сказать по ихъ мнѣнію, нужно заботиться объ общей пользѣ, оставляя въ сторонѣ частное право. Но все таки, вообще говоря, это были люди тихіе и покойные, честные судьи, опытные администраторы и только особенный характеръ дѣла увлекъ ихъ.

Экономисты съ безмѣрнымъ презрѣніемъ смотрятъ на прошедшее. «Въ продолженіе многихъ столѣтій нація управляется ложными началами, все устроивалось какъ будто бы случайно», говоритъ Летронь. Эта мысль служитъ ему исходною точкой; какъ бы не велика была древность извѣстнаго учрежденія, какъ бы ни были прочны его историческія основанія, но если оно мѣшаетъ симметріи плана, то должно быть уничтожено. Одинъ изъ экономистовъ, за сорокъ лѣтъ до учредительнаго собранія, предлагалъ уничтожить старое территоріальное раздѣленіе государства и измѣнить всѣ названія провинцій.

Они уже совершенно выработали мысль объ общественныхъ и административныхъ реформахъ, совершенныхъ по-

томъ революціей, тогда какъ идея о свободныхъ учрежденіяхъ едва зарождалась. Экономисты, правда, считали очень полезнымъ свободный размѣнъ произведеній, *laisser faire, laisser passer,* въ торговлѣ и промышленности; но что касается до политической свободы, въ собственномъ смыслѣ, они совсѣмъ не думали о ней, и когда случайно эта мысль посѣщала ихъ воображеніе, они отталкивали ее. Большая часть изъ экономистовъ были врагами, совѣщательныхъ собраній, мѣстныхъ и второстепенныхъ властей, и вообще, всѣхъ противувѣсовъ, которые, когда либо, учреждались въ свободныхъ странахъ, дабы удержать въ равновѣсіи правительство. «Система противувѣсій *(contres — forces)* въ управленіи, говоритъ Кесней, пагубная мысль. «Соображенія на которыхъ построена система противувѣсій мечтательны», говоритъ одинъ изъ друзей Кеснея.

Единственная гарантія противъ злоупотребленій власти, по ученію экономистовъ, есть общественное образованіе «ибо, говоритъ Кесней, деспотизмъ не возможенъ въ просвѣщенномъ государствѣ.»

«Пораженные бѣйствіями происходящими отъ злоупотребленій власти, говоритъ другой изъ его учениковъ, люди придумали тысячи средствъ, совершенно безполезныхъ, и забыли одно, истинно дѣйствительное, это общее образованіе, основанное на чувствѣ справедливости и любви къ естественному порядку.» Такими то литературными мечтаніями хотѣли замѣнить политическія гарантіи.

Летронь, который такъ горько оплакивалъ положеніе деревень, оставляемыхъ правительствами въ самомъ беззащитномъ состояніи, который говорилъ, что они оставлены безъ дорогъ, безъ промышленности, безъ образванія, всетаки не думалъ что дѣла пойдутъ лучше, если заставятъ самихъ жителей заниматься ими. Даже Тюрго, который величіемъ души и рѣдкими качествами своего генія выходилъ изъ ряда другихъ, не питалъ большой любви къ политической свободѣ или покрайней мѣрѣ, любовь эта пришла поздно,

когда уже общее чувство всѣхъ натолкнуло его на нее. Для него, какъ и для большинства экономистовъ, лучшею политическую гарантіей служитъ общественное образованіе, данное государствомъ въ извѣстномъ направленіи и извѣстнымъ путемъ. Онъ питаетъ безграничное довѣріе къ этому духовному врачеванію, или какъ говоритъ одинъ изъ его современниковъ въ *механизмѣ образованія согласнаго съ принципами.* «Смѣю поручиться государь, говоритъ Тюрго въ одной изъ записокъ, гдѣ онъ предлагаетъ королю подобный планъ, что черезъ десять лѣтъ нельзя будетъ узнать вашего народа; онъ при образованіи добрыхъ нравовъ и при просвѣщенной ревности служить вамъ и своему отечеству, будетъ несравненно выше всѣхъ другихъ. Теперешнія дѣсятилѣтнія дѣти, будутъ тогда людьми приготовленными для государства, страстно любящими ихъ страну, преданными власти не изъ боязни, но разумно, готовыми на помощь своимъ согражданамъ, способными распознавать и уважать справедливость».

Уже такъ давно была разрушена политическая свобода во Франціи, что мы почти совсѣмъ забыли о ея условіяхъ и послѣдствіяхъ. Даже болѣе, безобразныя развалины, оставшіяся отъ нея и учрежденія, которыя, казалось, назначены были замѣнить ея, часто пораждали недовѣріе къ ней и предразсудки.

Большая часть государственныхъ собраній, которые сохранили еще духъ среднихъ вѣковъ, со всѣми устарѣлыми формами, скорѣе мѣшали прогрессу общества, чѣмъ способствовали ему; одинъ парламентъ замѣнившій эти политическіе корпораціи не могъ препятствовать злу, распространяемому правительствомъ и часто мѣшалъ добру, которое оно хотѣло сдѣлать.

Мысль, выполнить задуманную революцію, при помощи этихъ старыхъ пружинъ, казалась экономистамъ не практичною; довѣрить осуществленіе своего плана націи, тоже не нравилось имъ, ибо какъ заставить весь народъ понять

и слѣдовать системѣ такихъ обширныхъ и такъ крѣпко связанныхъ въ частяхъ реформъ? Имъ казалось, что легче и удобнѣе воспользоваться для своей цѣли королевскою администраціей.

Эта новая власть не произошла отъ средне-вѣковыхъ учрежденій; она не носила на себѣ ихъ отпечатка; между множествомъ ошибокъ, экономисты замѣчали въ ней нѣкоторыя добрыя наклонности. Подобно экономистамъ, она была искренно расположена къ равенству состояній и къ однообразію законовъ, и отъ всего сердца ненавидѣла всѣ прежнія власти, вышедшія изъ феодализма или благопріятствовавшія аристократіи. Напрасно стали бы искать они въ остальной Европѣ, другую, такъ высоко стоящую, столь великую и столь сильную власть; встрѣтивъ ее между нами, экономисты сочли это за чрезвычайно счастливое обстоятельство и называли эту власть орудіемъ промысла; вѣрно и тогда, какъ и въ наше время, было въ модѣ заставлять провидѣніе во все вмѣшиваться. «Положеніе Франціи», говоритъ Летронь, «несравненно лучше чѣмъ Англіи, ибо у насъ можно сразу произвести такія преобразованія, которыя вдругъ измѣнятъ все устройство страны, тогда какъ у Англичанъ, подобныя реформы всегда встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны партій».

По этому экономисты стремились не разрушать безусловную власть, но дать ей извѣстное направленіе. «Нужно чтобы государство было управляемо по извѣстнымъ правиламъ и строгому порядку» говоритъ Мерсье-де-ла-Ривіеръ, и «въ такомъ случаѣ, это управленіе должно быть всѣмогуще». Другой говоритъ «что если правительство хорошо понимаетъ свой долгъ, оно должно оставаться совершенно свободнымъ». Отъ Кеснея до-Бодо, вы встрѣтите тѣже мнѣнія.

Экономисты разсчитывали на королевскую администрацію, не только съ цѣлію преобразовать современное общество, но и заимствовать отъ него, отчасти, идею будущаго правительства, которое они хотѣли установить. Такъ что изучая одно составлять себѣ представленіе о другомъ.

Правительство поученію экономистовъ, не только должно управлять націей, но также и устроить ее извѣстнымъ образомъ; оно должно сообщить направленіе мысли гражданъ, слѣдуя извѣстному плану, заранѣе себѣ заданному, его обязанность внушать тѣ идеи и наполнить сердца тѣми чувствами, которыя оно сочтетъ необходимыми. Въ сущности, оно не имѣло границъ своего права и предѣловъ своей власти; оно нетолько преобразовываетъ людей, но совершенно передѣлываетъ ихъ.

«Государство дѣлаетъ изъ людей все что пожелаетъ», говоритъ Бодо. Въ этой фразѣ заключаются всѣ теоріи ихъ.

Эта безграничная общественная власть, созданная воображеніемъ экономистовъ, не только была въ ихъ глазахъ, выше всѣхъ прочихъ, но еще отличалась отъ нихъ по происхожденію и характеру. Новая власть не истекала прямо отъ Бога, и не была связана съ преданіемъ, она безлична: ее не называютъ королемъ, но государствомъ; она не есть наслѣдіе одного дома, но плодъ и представительница всѣхъ, и должна заставлять гнуться права каждаго предъ волей всѣхъ.

Этотъ особенный родъ тираніи, называемый демократическимъ деспотизмомъ, о которой средніе вѣка не имѣли ни какого понятія, былъ вполнѣ знакомъ экономистамъ. Нѣтъ больше іерархіи въ обществѣ, нѣтъ отличенныхъ сословій, нѣтъ постоянныхъ чиновъ; народъ, составленный изъ личностей почти одинаковыхъ и совершенно равныхъ между собой, одна только эта смѣшанная масса признается законною верховною властью, но она тщательно ограждена отъ возможности распоряжаться собою и даже заботиться о своемъ управленіи. Надъ нею стоитъ единый уполномоченный, который дѣлаетъ все отъ своего имѣни, не совѣтуясь съ народомъ. Для повѣрки его служитъ общественный разумъ, безъ органовъ для выраженія; чтобы остановить его нужна рево-

люція, а не законы: по праву эта власъ подвластна, на дѣлѣ она господинъ.

Не находя около себя ничего, что походило бы на ихъ идеалъ, экономисты начали искать его въ глубинѣ Азіи. Я безъ преувеличенія могу утверждать, что нѣтъ ни одного изъ нихъ который, въ своихъ сочиненіяхъ, не воздалъ бы восторженныхъ похвалъ Китаю. Читая ихъ книги можно быть увѣреннымъ, что найдешъ это. И такъ, какъ Китай еще былъ мало извѣстенъ, то нѣтъ ни одной выдумки на его счетъ, которой они не разскали бы намъ. Его неразумное и варварское правительство, которымъ одна горсть Европейцевъ повелѣваетъ по своему произволу, имъ казалось самымъ совершеннѣйшимъ образцомъ, который слѣдуетъ капировать всѣмъ націямъ міра.

Китай былъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ, позже для всѣмъ Французовъ, сдѣлалась Англія и наконецъ Америка. Они не могли безъ волненія и даже восхищенія видѣть эту страну, гдѣ безусловный властелинъ, нестѣсняясь ни какими предразсудками, собственными руками, обработываетъ землю, чтобы возвысить полезныя ремесла, гдѣ всѣ должности занимаются влѣдствіи ученаго соперничества, гдѣ религія есть ни чего больше какъ философія, а аристократы ученые.

Обыкновенно думаютъ, что разрушительная теорія, получившая въ наше время имя *Соціализма*, нова по происхожденію; это ошибочно: она современна прежнимъ экономистамъ. Тогда, какъ экономисты создавали всемогущее правительство, чтобы при помощи его измѣнить формы общества, соціалисты мысленно вооружились тою же силою, чтобы срыть всѣ основанія его.

Прочитайте *Code de la natare* Морелле, вы найдете тамъ большую часть доктринъ экономистовъ, о всемогуществѣ государства и о безграничныхъ его правахъ, множество политическихъ теорій, напугавшихъ такъ Францію въ послѣднее время и по общему мнѣнію родившихся на нашихъ

глазахъ: общее имущество, право работы, безусловное равенство, механическая точность въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ личностей, тиранія по закону и полное поглащеніе личности гражданина соціальнымъ тѣломъ.

«Ни что въ обществѣ не должно быть собственностью отдѣльнаго лица», говоритъ 1-я статья кодекса «Собственность не терпима, и по этому кто будетъ стараться утверждать ее, будетъ на всю жизнь заключенъ, какъ неистовый глупецъ и врагъ человѣчества. Каждый изъ гражданъ будетъ кормиться и содержаться на общественный счетъ и трудиться для всѣхъ», говоритъ 2-я статья. «Всѣ произведенія страны должны быть собираемы въ общественные магазины, для раздачи гражданамъ, для удовлетворенія ихъ житейскихъ нуждъ. Всѣ города должны строиться по одному плану. Зданія для частныхъ людей должны быть одинаковы. Дѣти достигшіе пяти лѣтъ берутся отъ семействъ и воспитываются вмѣстѣ, на иждевеніи государства, и по поодноообразной формѣ». Эта книга покажется вамъ написанною только вчера: а ей уже сто лѣтъ; она появилась въ 1755 году, въ тоже время какъ Кесней основалъ свою школу: такъ справедливо то, что централизація и соціализмъ суть произведенія одной почвы; относительно одинъ другаго,они тоже что садовый плодъ и дикій.

Изъ всѣхъ людей того времени, экономисты, кажется, больше другихъ были похожи на нашихъ современниковъ; ихъ страсть къ равенству до такой степени рѣшительна и склонность къ свободѣ, такъ неопредѣленна, что они имѣютъ видъ нашихъ современниковъ. Когда я перечитываю рѣчи и сочиненія людей двигавшихъ революціею, я вдругъ чувствую себя перенесеннымъ въ другое мѣсто и въ другое общество, мнѣ неизвѣстное; но когда я пробѣгаю книги экономистовъ, то мнѣ кажется что я жилъ съ этими людьми и что я только что разговаривалъ съ ними.

Около 1750 года и вся остальная нація не была требовательнѣе экономистовъ въ дѣлѣ политической свободы. Она

потеряла любовь къ ней и даже самую идею о свободѣ, отвыкая пользоваться ею. Нація больше желала реформъ чѣмъ правъ, и если бы на престолѣ былъ тогда государь въ родѣ Фридриха Великаго по направленію и уму, то, я не сомнѣваюсь, что онъ произвелъ бы въ обществѣ и въ управленіи множество изъ тѣхъ измѣненій, которыя исполнила революція и чрезъ это не только не потерялъ бы короны, но еще увеличилъ бы свою власть. Увѣряютъ что одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ министровъ, какихъ только имѣлъ Людовикъ XV г. Машо *(Machault)*, угодавъ эту идею, указывалъ на нее своему повелителю,—но подобные совѣты никогда не принимаются: тогда только есть возможность ихъ выполнить, когда бываютъ въ состояніи понять ихъ.

Двадцать лѣтъ спустя, уже не было этого: образъ свободы появляется въ умахъ Французовъ и съ каждымъ днемъ кажется для нихъ болѣе и болѣе привлекательнымъ.

Уже замѣтно много признаковъ этого. Провинціи снова начинаютъ выражать желаніе управляться сами-собой. Мысль, что весь народъ долженъ имѣть право принимать участіе въ своемъ управленіи, проникаетъ въ умы и завладѣваетъ ими. Снова оживаетъ воспоминаніе о старинныхъ собраніяхъ государственныхъ сословій; нація гнушавшаяся своею собственною исторіею, съ удовольствіемъ вспоминаемъ эту часть ея. Новое направленіе вѣтра увлекло даже экономистовъ, принудило ихъ нарушить единство своихъ унитарныхъ системъ введеніемъ нѣкоторыхъ изъ свободныхъ учрежденій.

Когда въ 1771 году, были уничтожены парламенты, то таже публика, которая такъ часто терпѣла отъ ихъ предразсудковъ, теперь глубоко взволновалась, видя ихъ паденіе. Казалось, что вмѣстѣ съ ними пала послѣдняя преграда, могшая еще сдержать произволъ королевскій.

Эта оппазиція удивляетъ и раздражаетъ Вольтера. «Почти все королевство, пишетъ онъ къ друзьямъ, находится въ

волненіи и смущеніи; броженіе одинаково сильно въ провинціяхъ какъ и въ самомъ Парижѣ. Эдиктъ однако же, мнѣ кажется, наполненъ полезными реформами. Уничтожать продажность должностей, водворять безплатное правосудіе, мѣшать собираться тяжущимся изъ всего королевства въ Парижѣ, чтобъ тамъ разоряться, обязать короля взять на себя издержки сеньоріальной юстиціи не великія ли это услуги націи? И эти парламенты не являлись ли часто гонителями и варварами? По истинѣ я удивляюсь, что и Вельхи приняли сторону этой наглой и не покорной буржуазіи. По моему, король правъ и если уже нужно служить, то лучше сдѣлать это для льва хорошей породы, который рожденъ славнѣе меня, чѣмъ для двухъ сотъ крысъ одного со мной происхожденія». Потомъ онъ прибавляетъ, въ видѣ извиненія «помните, что я долженъ чрезвычайно цѣнить милость, которую сдѣлалъ король, для всѣхъ владѣльцевъ земли, взявъ на себя обязанность платить издержки по ихъ судамъ».

Волтеръ давно уже оставилъ Парижъ и думалъ, что общее настроеніе въ немъ оставалось тоже, какимъ онъ его покинулъ. Но ничего этого не было. Французы неограничивались больше желаніемъ, чтобы дѣла ихъ шли лучше; имъ уже хочется самимъ приняться за нихъ и стало очевиднымъ, что наступающая революція будетъ ведена не только съ сочувствіемъ народа, но и его руками.

Я думаю, что съ этой минуты, коренная революція, долженствовавшая перемѣшать въ одно всѣ достоинства и недостаки стараго порядка, сдѣлалась неизбѣжною. Народъ, такъ мало приготовленный дѣйствовать самостоятельно, принявшись все преобразовывать, не могъ въ тоже время неразрушить всего.

Безусловный монархъ былъ бы менѣе опаснымъ нововводителемъ. Что до меня касается, я готовъ скорѣе думать, что эта революція, уничтожившая столько учрежденій, мыслей, привычекъ противныхъ свободѣ, уничтожила также

много и другихъ, при которыхъ эта свобода могла бы водвориться, и готовъ думать что если бы революція была ведена деспотомъ, то быть можетъ, не такъ много помѣшала бы намъ сдѣлаться когда нибудь свободной націей, чѣмъ выступая во имя всемогущества народа и дѣйствуя чрезъ него.

Никогда не должно терять изъ виду предыдущаго обстоятельства, если хотимъ понять исторію нашей революціи.

Когда пробудилась во Французахъ любовь къ политической свободѣ, они уже имѣли въ представленіи о правительствѣ много мыслей, которыя не только не легко согласовались съ существованіемъ свободныхъ учрежденій, но почти были противуположны имъ.

Они приняли за идеалъ общества народъ, у котораго нѣтъ другой аристократіи, кромѣ офиціальныхъ чиновниковъ, единую, всемогущею администрацію, управительницу государству, защитницу отдѣльныхъ личностей. Желая быть свободными, они не рѣшались отказываться отъ своихъ прежнихъ понятій и старались только согласовать ихъ съ свободой.

Такимъ образомъ они начали мѣшать вмѣстѣ безграничную административную централизацію и сильный законодательный корпусъ: бюрократическую администрацію и управленіе избирателей. Нація, какъ цѣльное тѣло, имѣла всѣ права верховной власти, каждый изъ гражданъ въ отдѣльности былъ стѣсненъ самою узкою зависимостью: отъ первый требовали опытности и добродѣли свободнаго народа; отъ втораго качества хорошаго слуги.

Это желаніе водворить политическую свободу посреди учрежденій и мыслей чуждыхъ и даже противуположныхъ ей, но съ которыми уже свыклись, было причиной того, что въ продолженіи шестидесяти лѣтъ было сдѣлано столько безплодныхъ опытовъ водворить свободное правительство, опыты за которыми слѣдовали столь гибельныя революціи, пока наконецъ большая часть Французовъ утомившись отъ

столькихъ усилій, устрашенные такой трудной и неблагодарной работой, оставили свой новый взглядъ, возвратились къ прежнему и снова начали думать, что жить равными подъ властью господина, все таки имѣетъ нѣкоторую прелесть. По этому то мы теперь несравненно болѣе походимъ на экономистовъ 1750 года чѣмъ на нашихъ отцовъ 1789 года.

Я часто спрашиваю себя, гдѣ источникъ этой страсти къ политической свободѣ, которая во всѣ времена, заставляла людей совершать самые великіе подвиги, какіе только дѣлало человѣчество; въ какомъ чувствѣ оно находитъ корень и чѣмъ питается.

Я хорошо вижу, что когда дурно управляютъ народами, они пылко начинаютъ желать управляться сами собой; но этотъ родъ любви, источникъ, которой заключается въ частномъ мимолетномъ злѣ, причиняемомъ деспотизмомъ, не бываетъ проченъ: онъ проходитъ вмѣстѣ съ случаемъ породившимъ любовь къ свободѣ; въ такое время, кажется, что любить свободу все равно, что ненавидѣть деспота. Народы созданные быть свободными, ненавидятъ самое зло зависимости.

Я вовсе не думаю, чтобы истинная любовь къ свободѣ возрождалась при видѣ тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя она приноситъ; ибо часто блескъ этихъ благъ помрачается. Правда, что всегда для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться свободой, она приноситъ довольство, достаточность и часто богатство; но бываютъ времена, когда она мгновенно потрясаетъ пользованіе этими благами; бываютъ также и другіе, времена, когда только одинъ деспотизмъ можетъ водворить кратковременное благосостояніе. Люди которые видятъ въ свободѣ только матеріальныя блага не сохранятъ ее на долго.

ГЛАВА IV.

Что время царствованія Людовика XVI было самое благоденственное изъ всей старой монархіи и какъ благоденствіе это ускорило революцію.

Нельзя сомнѣваться что истощеніе королевства при Людовикѣ XIV началось еще въ то время, когда этотъ король господствовалъ во всей Европѣ.

Первые признаки истощенія встрѣчаются въ самые славные годы его царствованія; Франція начала разрушаться гораздо прежде, чѣмъ перестала быть побѣдительницею. Кто не читалъ того ужасающаго опыта административной статистики, который, оставилъ намъ Вобанъ? Интенданты, въ запискахъ адресованныхъ герцогу Бургунускому, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, даже раньше начала несчастной войны за наслѣдство, дѣлаютъ ясные намеки на возрастающее паденіе націи и говорятъ объэтомъ какъ о событіи не совершенно новомъ.

Народонаселеніе значительно уменьшилось въ этомъ округѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, говоритъ одинъ; такой то городъ, всегда богатый и цвѣтущій, теперь остается безъ промышленности, говоритъ другой. Тотъ разсказывалъ, что прежде процвѣтали мануфактуры въ провинціи, но что теперь оставлены. Этотъ что жители прежде извлекали больше изъ своей земли, чѣмъ теперь; двадцать лѣтъ тому назадъ земледѣліе несравненно болѣе процвѣтало. Народонаселеніе и производительность уменьшились на пятую долю въ продолженіи тридцати лѣтъ, говоритъ въ тоже время интендантъ Орлеана. Слѣдуетъ посовѣтовать прочитать эти записки лицамъ любящимъ безусловную власть и королямъ любящимъ войну.

Такъ какъ эти бѣдствія, главнымъ образомъ, имѣли свой источникъ въ несовершенствахъ государственнаго устройства, то смерть Людовика XIV и самый міръ, не могли возвратить общественнаго благосостоянія. Общее мнѣніе всѣхъ

писавшихъ объ администраціи и объ общественной экономіи въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, есть то, что провинціи уже не оживаютъ; многіе даже думали, что паденіе ихъ все продолжается. Одинъ только Парижъ, говорили они, богатѣетъ и разростается. Интенданты, прежніе министры, дѣловые люди согласны въ этомъ съ людьми науки.

Что до меня касается, то я признаюсь невѣрю безпрерывному паденію Франціи въ продолженіи первой половины осьмнадцатаго столѣтія, но мнѣніе столь общее, раздѣляемое людьми свѣдущими въ этомъ дѣлѣ, указываетъ по крайней мѣрѣ, на то, что тогда не было видимаго прогресса. Всѣ попадавшіеся мнѣ на глаза административные документы, относящіеся въ этой эпохѣ нашей исторіи, въ самомъ дѣлѣ, указываютъ на нѣкоторый родъ летаргіи въ обществѣ. Правительство вращалось въ старинной рутинѣ не создавая ничего новаго; города не дѣлали никакихъ усилій, чтобы положеніе ихъ жителей сдѣлалось болѣе удобнымъ и болѣе здоровымъ; даже частныя лица непринимаются ни за какія значительныя предпріятія.

Не много болѣе тридцати или сорока лѣтъ передъ революціей, картина начинаетъ перемѣняться; тогда становится замѣтнымъ, во всѣхъ частяхъ соціальнаго тѣла, какое то внутреннее содраганіе, какого не видѣли до сихъ поръ. Сначала только при помощи самаго внимательнаго наблюденія, можно было распознать его но мало по малу, оно дѣлается все болѣе характеристическимъ, совершенно отличнымъ отъ другихъ. Съ каждымъ годомъ это движеніе разширяется и ускоряется; наконецъ рѣшительно вся нація взволновалась, какъ будто бы она родилась для жизни. Но не ошибитесь; не старая жизнь оживила ее; духъ волнующій это великое тѣло, былъ духъ новый; онъ на минуту воспламенилъ старое тѣло, чтобы потомъ совсѣмъ разрушить его.

Всякій безпокоится, возмущается своимъ положеніемъ и

старается выйти изъ него. Всѣ ищутъ лучшаго, но поступаютъ при этомъ нетерпѣливо и малодушно, что заставляетъ ихъ проклинать прошедшее и создавать въ воображеніи порядокъ вещей, совершенно противуположный существующему.

Скоро этотъ духъ проникаетъ въ нѣдра самаго правительства; неизмѣняя, ничего во внѣшности, онъ побуждаетъ передѣлать все содержаніе: неизмѣняя законовъ, начали иначе прилагать ихъ къ дѣлу. Я уже сказалъ, что генеральный контролеръ и интендантъ 1740 года нисколько не похожи на тѣхъ, которые были въ 1780. Административная переписка раскрываетъ эту истину въ подробностяхъ. Интендантъ 1780, хотя имѣлъ туже власть, тѣхъ же агентовъ, тотъ же произволъ, какъ и его предшественникъ, но не имѣлъ тѣхъ намѣреній; одинъ только и заботился о поддержаніи повиновенія въ провинціи, о наборѣ милиціи и въ особенности о сборахъ податей; у другаго было много другихъ заботъ, голова его наполнена тысячью проэктовъ клонящихся къ увеличенію общественнаго богатства; дороги, каналы, мануфактуры, торговля суть главные предметы его помышленій, особенно земледѣліе привлекаетъ на себя его полное вниманіе. Сюлли входитъ въ моду между администраторами.

Въ это время начинаютъ образовываться земледѣльческія общества, о которыхъ я уже говорилъ, они учреждаютъ конкурсы и раздаютъ преміи. Есть циркуляры генеральнаго контролера, которые менѣе похожи на дѣловыя бумаги, чѣмъ на разсужденіе о земледѣльческомъ искусствѣ.

При взиманіи налоговъ, лучше всего можно видѣть перемѣну произшедшую въ умахъ правительственныхъ лицъ. Законодательство было по прежнему не одинаково для всѣхъ, произвольно и жестоко, но всѣ эти недостатки умѣряются на практикѣ.

«Когда я началъ изучать фискальные законы», говоритъ Молліенъ въ своихъ запискахъ «я былъ испуганъ тѣмъ,

что нашелъ тамъ; денежныя пени, тюремныя заключенія, тѣлесныя наказанія налагаются по распоряженію особенныхъ судовъ, за мелочное опущеніе; прикащикамъ фермъ ввѣряютъ почти всю собственность и власть на людей, основываясь только на ихъ клятвѣ и проч. Къ счастію, я неограничился однимъ только чтеніемъ этого кодекса и скоро узналъ, что между текстомъ и его приложеніемъ существуетъ такая же разница, какъ между старыми и новыми финансистами. Юрисконсульство всегда стремилось смягчать наказанія за проступки и облегчать пени.»

«Сколько злоупотребленій и притѣсненій можетъ породить взиманіе налоговъ!» говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи въ 1787 году; «но мы должны отдать справедливость кротости и осторожности, которыя замѣтны въ продолженіи нѣсколькихъ уже лѣтъ.»

Изслѣдованіе документовъ совершенно оправдываетъ эти слова. Въ этихъ документахъ часто проглядываетъ уваженіе къ свободѣ и къ жизни людей. Изъ нихъ же видно, что дѣйствительно начинаютъ заботиться о бѣдныхъ: напрасно стали бы искать этого въ предшествующія времена. Насилія казны противъ бѣдныхъ—рѣдки, взиманіе налоговъ разсрочено, замѣтно большее число вспомоществованій! Король увеличилъ всѣ суммы назначенныя для содержанія богоугодныхъ заведеній въ деревняхъ, куда приходили за помощію убогіе, и часто учреждалъ ихъ вновь. Я нашелъ, что болѣе 80,000 ливровъ было распредѣлено такимъ образомъ въ 1779 году только въ одномъ округѣ верхней Гіени; 40,000 въ 1784 году въ округѣ Тура; 48,000 въ 1787 году въ округѣ Нормандіи. Людовикъ XVI не хотѣлъ отдать однимъ министрамъ эту часть управленія; онъ часто занимался ею самъ. Когда въ 1776 году совѣтъ положилъ сдѣлать вознагражденіе крестьянамъ, егерместерскихъ округовъ, поля которыхъ будутъ опустошены дичью короля, и указалъ простыя и вѣрныя средства уплаты, самъ король изложилъ побудительныя причины такой мѣры.

Тюрго разсказываетъ намъ, что этотъ добрый и несчастный государь, вручая ему рукопись, написанную его собственною рукою, сказалъ «вы увидите, что я съ своей стороны тоже работаю.» Нельзя воображать себѣ старый порядокъ такимъ какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своего существованія; это будетъ слишкомъ льстивый и мало похожій портретъ.

По мѣрѣ того какъ происходитъ эта перемѣна въ умахъ управителей и управляемыхъ, общественное благосостояніе развивается съ безпримѣрной быстротой. Это замѣтно во всемъ: народонаселеніе увеличивается, богатство возрастаетъ еще быстрѣе. Американская война не замедляетъ этого движенія. Государство обременено долгами, но частныя лица продолжаютъ богатѣть, они становятся промышленнѣе, предпріимчивѣе, изобрѣтательнѣе.

«Съ 1774 года, говоритъ одинъ администраторъ того времени, разные роды промышленности развиваясь, увеличили количество потребленія предметовъ обложенныхъ налогами.» Если сравнимъ въ самомъ дѣлѣ торги заключенные въ разныя эпохи царствованія Людовика XVI, между государствомъ и финансовыми компаніями, принимавшими на себя обязанность собирать подати, то увидимъ, что откупная плата не перестаетъ возвышаться. Торгъ 1786 года далъ 14-ю милліонами болѣе чѣмъ 1780 года. «Можно считать, что прямой доходъ съ предметомъ потребленія увеличился на 2 милліона въ продолженіи года» говоритъ Неккеръ въ отчетѣ 1781 года.

Артуръ Юнгъ увѣряетъ, что Бордо въ 1788 году сдѣлалъ болѣе торговыхъ оборотовъ, чѣмъ Ливерпуль; и прибавляетъ: «Въ это послѣднее время морская торговля возрастаетъ быстрѣе во Франціи, чѣмъ въ самой Англіи; она удвоилась здѣсь въ продолженіи двадцати лѣтъ.» Если внимательно присмотримся къ различнымъ эпохамъ исторіи, то убѣдимся, что ни въ одну изъ тѣхъ, которые слѣдовали за революціей, общественное благосостояніе не возрастало

такъ быстро, какъ въ продолженіи тридцати лѣтъ, предшествовавшихъ ей. Тридцать семь лѣтъ конституціонной монархіи, бывшіе для насъ временемъ міра и быстраго развитія, могутъ только одни сравниться въ этомъ отношеніи съ царствованіемъ Людовика XVI.

При видѣ такого благосостоянія, уже столь великаго, такъ быстро возрастающаго, есть чему удивиться вспоминая о всѣхъ недостаткахъ заключавшихся еще въ правительствѣ, и о стѣсненіяхъ встрѣчаемыхъ промышленностію; быть можетъ, что большая часть политиковъ не признаютъ этого факта, не будучи въ состояніи его объяснить и станутъ разсуждать, какъ докторъ Мольера, что больной не излѣчится противъ правилъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить что Франція могла благоденствовать и обогащаться при неравенствѣ повинностей, разнообразіи обычаевъ, внутреннихъ таможняхъ, феодальномъ правѣ, цехахъ, казенной службѣ и проч.?

Несмотря однако на все это, она начала обогащаться и развиваться во всѣхъ отношеніяхъ потому, что, кромѣ этихъ колесъ дурно устроенныхъ и сцѣпленныхъ между собой, которые казалось предназначены были скорѣе замедлять ходъ соціальной машины, чѣмъ помогать ему, скрывались двѣ пружины, очень простыя и очень сильныя; уже однихъ ихъ достаточно было, чтобы все держалось вмѣстѣ, все стрѣмилось къ одной цѣли,—общественному благосостоянію: переставая быть десплотическимъ, правительство было по прежнему могущественно, поддерживало вездѣ порядокъ; а нація была, въ высшихъ своихъ классахъ, уже самымъ просвѣщеннымъ и самымъ свободнымъ народомъ на всемъ континентѣ, такъ что каждый членъ ея могъ самъ заботиться о своемъ богатствѣ и о своемъ счастіи, разъ его замѣтивъ.

Въ 1784 г. Неккеръ говоритъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ, какъ о вещи неоспоримой, что: «многимъ изъ иностранцевъ трудно составить себѣ идею о той силѣ, ко-

торую имѣетъ теперь во Франціи общественное мнѣніе: имъ трудно понять, что эта невидимая сила распространяется даже и на королевскій дворецъ: однако же это такъ.»

Было бы слишкомъ неосновательно приписывать величіе и могущество народа одному только механизму закона; ибо въ этомъ случаѣ, гораздо менѣе имѣютъ вліянія на продуктъ совершенство орудія, чѣмъ сила двигателей: посмотрите на Англію: на сколько еще и теперь ее административные законы запутаннѣе, разнообразнѣе, неправильнѣе нашихъ! И однако же есть ли хоть одна страна въ Европѣ гдѣ бы общее благосостояніе было такъ велико, частная собственность болѣе обширна, болѣе обезпечена и болѣе разнообразна, общество болѣе крѣпко и болѣе богато? Это происходитъ не отъ достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея законовъ, но отъ духа всего Англійскаго законодательства. Несовершенство нѣкоторыхъ органовъ ни мало не мѣшаетъ дѣлу, потому что жизнь могущественна.

По мѣрѣ того какъ благосостояніе во Франціи болѣе и болѣе развивается, настроеніе умовъ становится безпокойнѣе. Общественное недовольство возрастаетъ; ненависть противъ всѣхъ старыхъ учрежденій увеличивается. Нація видимо идетъ къ революціи.

Даже болѣе, части Франціи, которыя впослѣдствіи должны были сдѣлаться главнымъ очагомъ этой революціи, суть именно тѣ гдѣ прогрессъ очевиднѣе другихъ. Изучая оставшіеся намъ документы изъ архивъ прежняго округа Иль-де-Франса, легко удостовѣриться, что въ окрестностяхъ прилегавшихъ къ Парижу старый порядокъ гораздо раньше и въ большей мѣрѣ преобразованъ. Свобода и благосостояніе крестьянъ были лучше обезпечены, чѣмъ въ другихъ избирательныхъ странахъ. Личная барщина исчезла задолго до 1789 года. Сборъ налога сдѣлался болѣе правильнымъ, умѣреннымъ и равномѣрнымъ чѣмъ въ остальной Франціи. Нужно прочитать уставъ, произведшій, это улучшеніе въ 1772 году, чтобы понять, что въ силѣ былъ тогда сдѣлать интендантъ для блага, равно какъ и для бѣдствія всей провинціи. Изъ этого устава видно, что подати имѣли уже совсѣмъ другой видъ. Правительственные комисары ежегодно объѣзжали всѣ приходы; общины собирались въ ихъ присутствіи, стоимость имѣній устанавливалась публично, и, повыслушаніи обѣихъ сторонъ, опредѣлялись средства каждаго; наконецъ налогъ разлагался при участіи тѣхъ, которые должны его платить. Не встрѣчается болѣе произволъ синдика, нѣтъ безполезныхъ насилій. Налогъ конечно сохранилъ недостатки нераздѣльныя съ нимъ при всякой системѣ сбора; онъ падалъ только на податныя сословія, вредилъ промышленности и собственности, но всетаки онъ глубоко отличался отъ того, что носило одно съ нимъ имя въ сосѣднихъ округахъ.

Нигдѣ напротивъ, старый порядокъ не сохранился лучше какъ вдоль по Луарѣ, къ ея устью, въ топяхъ Пуату и степяхъ Бретани. Именно тамъ то вспыхнулъ и питался огонь гражданской войны, долѣе и упорнѣе сопротивлялись революціи; такъ что можно сказать, что французы находили свое положеніе тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ становилось оно лучше.

Удивительное дѣло; исторія полна подобными зрѣлищами.

Не всегда начинается революція при переходѣ отъ зла еще къ большему злу, чаще народъ, перенесшій не жалуясь, и какъ будто не чувствуя, законы самые тягостные, вдругъ отбрасываетъ ихъ, какъ только облегчена тяжесть. Зло терпѣливо переносимое до сихъ поръ, какъ неизбѣжное, кажется не выносимымъ съ появленіемъ мысли о избавленіи отъ него. Всѣ злоупотребленія уничтоженныя тогда способствуютъ тому, чтобы лучше выказать оставшіеся и сдѣлать страсть болѣе жгучею: правда, зло становится менѣе, но чувствуется оно живѣе. Феодализмъ, во всей своей силѣ, не внушалъ французамъ столько не-

нависти къ себѣ, сколько въ ту минуту когда онъ исчезалъ.

Самые незначительные случаи произвола Людовика XVI казалось труднѣе вынести, чѣмъ весь деспотизмъ Людовика XIV. Кратковременное заключеніе Бомарше произвело большее волненіе въ Парижѣ, чѣмъ гоненія на протестантовъ *(Dragounades)*.

Уже никто не думалъ, въ 1780 году, что Франція упадаетъ; напротивъ говорили, что въ эту минуту нѣтъ границъ ея развитію. Тогда то родилась теорія безпрерывной и безконечной усовершаемости человѣка. Двадцать лѣтъ назадъ, ни на что не надѣялись въ будущности, теперь ни въ чемъ не сомнѣвались. Наперед уже усвоивъ себѣ идею объ этомъ близкомъ и неслыханномъ счастьи, становились равнодушными къ тѣмъ благамъ, которыми уже пользовались и стремились къ новому порядку вещей.

Независимо отъ этихъ общихъ причинъ явленія, были и другія болѣе частныя, но не менѣе значительныя. Хотя финансовая администрація была улучшена, какъ и всѣ прочія но всетаки, она сохранила многіе недостатки. Такъ какъ эта администрація не имѣла гласности, не давала ни какихъ обезпеченій, то ее сопутствовали еще худшіе практическіе пріемы, чѣмъ были во время Людовика XIV и Людовика XV. Самыя усилія правительства развить общественное благосостояніе, вспомоществованія и поощренія раздаваемыя имъ, общественныя работы производившіяся по распоряженію правительства съ каждымъ днемъ увеличивали расходъ, не прибавляя въ той же мѣрѣ прихода; это постоянно причиняло королю такія затрудненія, какихъ не испытывали его предшественники. Подобно имъ, онъ часто дѣлалъ отсрочки своимъ кредиторамъ; подобно же имъ, онъ занималъ изъ всѣхъ рукъ, безъ гласности, безъ конкуренціи и его кредиторы никогда не были увѣрены въ полученіи процентовъ; даже капиталъ ихъ зависѣлъ только отъ добраго расположенія государя.

Одинъ свидѣтель достойный довѣрія потому, что онъ былъ самъ очевидцемъ и былъ въ состояніи лучше чѣмъ другіе оцѣнить то, что видѣлъ, говоритъ по этому случаю: «Французы, въ сношеніяхъ съ своимъ правительствомъ, были тогда въ зависимости только отъ случая. Отдавали ли они ему въ займы свои капиталы: они никогда не могли надѣяться на уплату процентовъ въ назначенное время; строили-ли суда, поправляли-ли дороги, одѣвали-ли солдатъ: они оставались безъ обезпеченій въ будущемъ, не имѣя назначеннаго срока для расплаты; они выщитывали съ министрами выгоды своего подряда, какъ предпріятія весьма рискованнаго.» И, знаменательно прибавляетъ онъ: «Въ это время, когда ожила промышленность, въ большей части людей развилась любовь къ собственности, склонность и потребность удобства; тѣ которые ввѣрили часть своей собственности государству, съ большимъ нетерпѣніемъ переносили нарушеніе закона о контрактахъ, тѣмъ изъ должниковъ, который болѣе другихъ долженъ былъ бы уважать его».

Впрочемъ злоупотребленія, приписываемыя французской администраціи, не были новы; ново было только впечатлѣніе произведенное ими. Въ предыдущія времена эти недостатки финансовой системы существовали даже въ большой степени; но съ тѣхъ поръ въ правительствѣ и въ обществѣ, произошли перемены, которыя сдѣлали ихъ несравненно чувствительнѣе чѣмъ прежде.

Правительство, въ двадцать лѣтъ наибольшей своей дѣятельности и всякаго рода предпріятій, о которыхъ прежде оно и недумало, окончательно сдѣлалось главнымъ потребителемъ промышленныхъ произведеній и исключительнымъ предпринимателемъ работъ, совершавшихся въ королевствѣ. Число имѣвшихъ съ нимъ денежныя отношенія, интересовавшихся его долгами, жившихъ на жалованьи, спекулировавшихъ договорами съ нимъ, возрасло неимовѣрно. Никогда благо государства и благо частныхъ лицъ не имѣли такой тѣсной связи. Дурное управленіе финансами, бывшее дол-

гое время общественнымъ зломъ, теперь сдѣлалось для многихъ семействъ частнымъ бѣдствіемъ. Такимъ образомъ въ 1789 году государство было должно около 600 милліоновъ кредиторамъ, которые въ свою очередь почти всѣ были тоже должниками и, какъ говоритъ одинъ изъ финансистовъ того времени, взводили на правительство всѣ тѣ страданія, которыя произошли отъ ихъ же собственнаго нераденія. И замѣтьте, по мѣрѣ того какъ возрастало число такихъ недовольныхъ, они становились болѣе раздражительными, ибо зависть спекуляцій, страсть къ обогащенію, желаніе довольства, распространялись и возрастали по мѣрѣ увеличенія предпріятій, и дѣлали невыносимыми подобныя лишенія даже для тѣхъ, которые, тридцать лѣтъ тому назадъ, быть можетъ, перенесли бы все это не жалуясь. Отъ сюда происходило то, что люди пользующіеся процентами, купцы, промышленники, другіе торговые люди и капиталисты, которые обыкновенно принадлежатъ къ классамъ наиболѣе враждебнымъ политическимъ нововведеніямъ, считаются друзьями существующаго правительства, каково бы оно не было, всегда бываютъ преданы законамъ, даже такимъ, которые для нихъ ненавистны и вызываютъ порицаніе, на этотъ разъ оказались самыми нетерпѣливыми и самыми рѣшительными реформаторами; они громче всѣхъ призывали полную революцію въ финансовой системѣ, не думая о томъ, что, потрясая эту часть управленія, приводятъ къ паденію все остальное.

Какимъ же образомъ можно было избѣжать катострофы? Съ одной стороны нація, въ средѣ которой желаніе благосостоянія распространяется съ каждымъ днемъ; съ другой, правительство, которое безпрестанно раздражаетъ эту новую страсть, приводитъ ее въ движеніе воспламеняетъ и приводитъ людей въ отчаяніе. Такимъ образомъ обѣ стороны стремились къ паденію.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ производили улучшенія въ положеніи народа.

Такъ какъ народъ, въ продолженіи ста сорока лѣтъ, всего только одинъ разъ появился на сценѣ общественной дѣятельности, то совершенно перестали вѣрить въ возможность для него когда нибудь снова появиться на ней; равнодушіе народа заставляло почитать его глухимъ; такъ что, начавъ принимать участіе въ его судьбѣ, стали въ его присутствіи говорить о немъ же самомъ, какъ будто бы его тамъ не было. Казалось что понимать должны только тѣ, которые стоятъ выше народа и что единственная опасность, которой можно было бояться, это если онъ самъ не пойметъ ихъ.

Люди, имѣвшіе болѣе всего причинъ бояться ярости народа, громко разсуждали въ его присутствіи о жестокихъ несправедливостяхъ, жертвою которыхъ всегда былъ народъ. Наперерывъ указывали они на чудовищные недостатки заключающіеся въ самыхъ обременительныхъ учрежденіяхъ; они употребляли свою реторику, чтобы обрисовать бѣдстія народа, его трудъ дурно вознагражденный; они возбудили въ немъ ярость, стремясь, такимъ образомъ облегчить его положеніе. Я разумѣю не писателей, но правительство, его главныхъ агентовъ и даже привилегированныхъ.

Все это говорилось для просвѣщенной части націи, чтобы убѣдить ее въ полезности нѣкоторыхъ мѣръ, противныхъ частному интересу. Что касается до народа, то думали, что онъ слушаетъ не понимая. И должно замѣтить, что въ самомъ этомъ благоволеніи было много презрѣнія къ этимъ несчастнымъ, бѣдствія которыхъ такъ искренно желали облегчить; это не много напоминаетъ чувства Г–жи Дюшатле, которая не стѣснялась, какъ разсказываетъ секретарь Волтера, раздѣваться передъ прислугой, не считая за приличное думать, что лакеи могутъ быть людьми.

Да не подумаютъ однако, что одинъ Людовикъ XVI и его министры придерживались того опаснаго языка, который я старался воспроизвести выше; привилегированныя лица, которыя были самымъ близкимъ предметомъ злобы народа, точно также изъяснялись на немъ. Должно сказать, что во Франціи высшіе классы общества, начали заботиться о судьбѣ бѣдныхъ прежде, чѣмъ эти послѣднія заставили бояться себя; они заботились о народѣ, еще въ то время, когда и не думали, что отъ его несчастій произойдетъ ихъ собственное паденіе. Это становится особенно замѣтнымъ въ продолженіи десяти лѣтъ предшествовавшихъ 89 году: высшіе классы часто сожалѣютъ о крестьянахъ и безпрестанно говорятъ о нихъ: изыскиваютъ средства облегчить ихъ бѣдствія, выставляютъ на видъ главныя злоупотребленія, отъ которыхъ страдаетъ народъ и критикуютъ финансовыя законы, которые особенно были вредны для бѣдныхъ. Но они по обыкновенію также неосторожны въ выраженіи этой новой симпатіи появившейся послѣ долгой безчувственности.

Перечитайте отчеты засѣданій провинціальныхъ собраній, бывшихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи въ 1779 году и позже во всемъ королевствѣ, изучите другіе, оставшіеся намъ, офиціальные документы, вы будете тронуты добрыми чувствованіями встрѣчающимися тамъ и поражены особеннымъ неблагоразуміемъ языка.

«Весьма часто бываетъ, говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи въ 1787 году, что деньги, назначенныя королемъ для дорогъ, идутъ въ пользу богатыхъ, не принося пользы народу. Часто употребляютъ ихъ чтобы сдѣлать болѣе пріятнымъ путь къ замку, вмѣсто того, чтобы облегчить доступъ къ бургу или деревнѣ».

Въ томъ же собраніи, сословія дворянъ и духовенства, описавъ недостатки барщины, добровольно предлагаютъ пожертвованіе въ 50,000 ливровъ на улучшеніе дорогъ, чтобы, говорятъ они, провинціальныя дороги сдѣлались удобнѣе, ничего нестоя народу. Быть можетъ для привиллегированныхъ сословій было бы менѣе тягостно замѣнить барщину опредѣленной оцѣнкой и выплачивать свою часть, но охотно уступая выгоду происходящую отъ неравенства налога, они желали сохранить призракъ привиллегіи. Оставляя полезную часть своего права, они заботливо удерживали часть ненавистную народу.

Другія собранія, составленныя только изъ собственниковъ изъятыхъ отъ подати, и желавшихъ продолжить существованіе такого положенія дѣлъ, тѣмъ не менѣе рисовали самыми черными красками бѣдствія причиняемыя этою податью бѣднымъ.

Изъ всѣхъ происходящихъ отъ нея злоупотребленій, они составили ужасающую картину и позаботились распространить въ массѣ множество копій съ нее. И, что особенно замѣчательно, выражая такъ ясно участіе къ народу, они отъ времени до времени выказываютъ презрѣніе къ нему. Онъ уже сдѣлался предметомъ ихъ сочувствія, но не переставъ еще внушать къ себѣ пренебреженіе.

Провинціальное собраніе верхней Гвіени, говоря о крестьянахъ, дѣло которыхъ оно горячо защищало, называетъ ихъ *существами невѣжественными и грубыми, существами буйными и жестокими и необузданными характерами*. Тюрго, столько сдѣлавшій для народа, говоритъ почти тѣмъ же языкомъ.

Эти суровыя выраженія встрѣчаются въ бумагахъ предназначенныхъ для самой широкой гласности, и даже такихъ, которыя должны явиться на глаза народу. Можетъ показаться, что онѣ существовали въ такихъ странахъ Европы, гдѣ, какъ напримѣръ въ Галиціи, высшіе классы, говоря другимъ языкомъ, не могутъ быть поняты низшими. Феодисты XVIII вѣка, выказывая часто, при видѣ оброковъ и другихъ повинностей феодальнаго права, духъ милосердія, умѣренности и справедливости, мало извѣстный ихъ предшественникамъ, говорятъ еще въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ *о подлыхъ крестьянахъ (vils paysans)*. Казалось что эти ругательства сдѣлались особеннымъ стилемъ.

По мѣрѣ приближенія къ 1789 году, сочувствіе къ бѣдствіямъ народа становится все живѣе и неосторожнѣе.

Я имѣлъ въ рукахъ циркуляры многихъ провинціальныхъ собраній, составленныхъ въ началѣ 1788 года и адресованныхъ къ жителямъ различныхъ приходовъ, чтобы заставить указать ихъ самихъ въ подробности всѣ злоупотребленія, на которыя они могли жаловаться.

Одинъ изъ такихъ циркуляровъ былъ подписанъ аббатомъ, сеньоромъ, тремя дворянами, однимъ буржуа, всѣми членами собранія и дѣйствовалъ отъ ихъ имени. Эта коммисія приказываетъ синдику всякаго прихода собрать всѣхъ крестьянъ и спросить, что они скажутъ противъ способа обложенія и взиманія различныхъ налоговъ. «Мы знаемъ вообще, прибавляетъ она, что большая часть налоговъ и въ особенности пошлина съ соли и оброкъ, имѣютъ бѣдственныя послѣдствія для рабочихъ, но мы желали бы кромѣ того узнать всякое злоупотребленіе въ особенности.» Любопытство провинціальнаго собранія не остановилось на этомъ; оно хочетъ знать число людей въ приходѣ, пользующихся какими либо привиллегіями въ податяхъ, число благородныхъ, духовныхъ и простолюдиновъ, каковы именно эти привиллегіи; какова стоимость имуществъ, лицъ изъятыхъ отъ повинностей, живутъ ли они или нѣтъ въ своихъ земляхъ; много ли имѣній принадлежащихъ церкви или, какъ тогда говорили, мертваго капитала неучаствующаго въ торговлѣ и какова величина его. Но и этого недостаточно; чтобы удовлетворить любопытству собранія, нужно было исчислить сумму той части податей, налоговъ, побочныхъ сборовъ, подушныхъ, оброка, которая должна пасть на привиллегированныхъ, если бы существовало равенство въ податяхъ.

Къ несчастію я не могъ воспользоваться всѣми мемуарами, посланными крестьянами въ отвѣтъ на эти убійственные вопросы; но я отыскалъ нѣкоторые изъ нихъ и этого

довольно, чтобы опредѣлить общее настроеніе умовъ, продиктовавшее ихъ.

Въ этихъ мемуарахъ точно обозначено имя каждаго привиллегированнаго, благороднаго или буржуа; иногда описанъ образъ жизни и всегда окритикованъ; останавливаются на числѣ и качествѣ его привиллегій и въ особенности на обидахъ нанесенныхъ имъ прочимъ жителямъ деревни; называютъ число четвериковъ хлѣба, которое должны ему отдавать въ видѣ поземельной подати; съ завистью вычисляютъ его доходы, доходы, которые никому не приносятъ пользы, говорятъ они. Случайные доходы приходскихъ священниковъ, ихъ жалованье, какъ уже называли тогда,— безмѣрно; съ горечью замѣчаютъ, что каждый платитъ церкви и что даже бѣднаго нельзя заставить погребсти даромъ.

Изъ всѣхъ различій, существующихъ между религіозной революціей шестьнадцатаго вѣка и французской, особенно поражаетъ одно: въ шестьнадцатомъ вѣкѣ большая часть высшихъ сословій принялась за перемѣну религіи изъ честолюбивыхъ разсчетовъ или изъ алчности, народъ напротивъ былъ преданъ революціи по убѣжденію, не ожидая отъ нее никакого вознагражденія.

Въ осьмнадцатомъ столѣтіи было не такъ; безкорыстныя вѣрованія, великодушныя симпатіи, взволновали тогда просвященные классы и бросили ихъ въ революцію, между тѣмъ какъ горькое чувство бѣдствій, пылкое желаніе измѣнить свое положеніе двигали народомъ. Энтузіазмъ первыхъ распалилъ, страсть и алчныя желанія послѣдняго.

ГЛАВА VI.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыми правительство завершило революціонное образованіе народа.

Уже съ давняго времени само правительство заботилось внушить народу и утвердить въ немъ многія идеи, съ пѣ-

которыхъ поръ, называвшіяся революціонными, идеи враждебныя понятіямъ о личности, противные частнымъ правамъ и благопріятствовавшія насилію.

Король самъ показывалъ съ какимъ призрѣніемъ можно разсуждать о самыхъ древнихъ учрежденіяхъ, имѣя въ виду утвердить лучшія. Лудовикъ XV на столько же пошатнулъ монархію и ускорилъ революцію своими нововведеніями, на сколько и пороками, своею энергіей и лѣнностію. Когда народъ увидѣлъ паденіе и уничтоженіе парламента, почти столько же древняго какъ само королевство и казавшагося до сихъ поръ столь же непоколебимымъ, онъ смутно понялъ, что приближается время насилія и случая, когда все становится возможнымъ, когда ничто древнее не уважается и все новое сей часъ же испытывается.

Лудовикъ XVI, въ продолженіи всего своего царствованія, не переставалъ говорить о необходимости реформъ. Мало такихъ учрежденій, которыя не были бы обречены на уничтоженіе, прежде чѣмъ революція уничтожила ихъ въ самомъ дѣлѣ. Уничтожая дурные законы, скоро опять помѣщали ихъ на прежнее мѣсто: говоря, что хотѣли только подорвать корень, оставляя другимъ окончательно вырвать его.

Между реформами произведенными имъ, есть такія, которыя безъ достаточнаго приготовленія, круто измѣняли, старыя, уважаемыя привычки, часто нарушая законно-пріобрѣтенныя права. Такимъ образомъ гораздо болѣе дѣлали для революціи указывая народу, какъ онъ можетъ приняться за дѣло, чѣмъ разбивая преграды встрѣчающіеся ей на пути. Чистыя и безкорыстныя намѣренія короля и его министровъ увеличивали зло; ибо нѣтъ опаснѣе примѣра, какъ насиліе произведенное благонамѣренными людьми и для блага ближнихъ.

Еще за долго до этого времени, Лудовикъ XVI, въ своихъ эдиктахъ, слѣдовалъ теоріи, что земли королевства были первоначально уступлены государствомъ по условію и что по

этому только одно государство есть дѣйствительный собственникъ, всѣ же остальные не больше какъ временные владѣльцы, званіе которыхъ остается спорнымъ и право не прочнымъ.

Это ученіе имѣло свой источникъ въ феодальномъ законодательствѣ; но во Франціи его начали проповѣдывать тогда, когда феодализмъ уже вымиралъ и когда въ судахъ это ученіе не уважалось. Упомянутая идея есть мать новаго соціализма. Любопытно видѣть корень его въ королевскомъ деспотизмѣ.

Въ продолженіи послѣдующихъ царствованій, администрація каждый день внушала народу самымъ практическимъ и весьма понятнымъ для него способомъ, презрѣніе къ частной собственности. Когда во второй половинѣ осьмнадцатаго столѣтія начала распространяться склонность къ общественнымъ работамъ и въ особенности къ проведенію дорогъ, то правительство не задумывалось отнимать всѣ земли, которыя были ему нужны и разрушать мѣшавшія ему строенія.

Управленіе путями сообщеній тогда, также какъ и теперь, было увлечено красотою геометрической прямой линіи; оно съ большимъ тщаніемъ избѣгало существующихъ дорогъ, если онѣ хоть не много казались кривыми, пролагало новыя чрезъ тысячи имѣній, чтобы избѣжать даже не большаго объѣзда. Разграбленная и разрушенная собственность оплачивалась всегда по произвольной оцѣнкѣ и медленно, а часто совсѣмъ не оплачивалась.

Когда провинціальное собраніе нижней Нормандіи приняло управленіе изъ рукъ интенданта, оно постановило, что плата за всѣ земли насильно взятыя въ продолженіи двадцати лѣтъ для дорогъ, еще обязательна. Долгъ опредѣленный, такимъ образомъ, и невыплаченный еще государствомъ дошелъ, въ этомъ маленькомъ уголкѣ Франціи, до 250,000, ливровъ. Число большихъ собственниковъ потерпѣвшихъ убытокъ было не значительно, но малыхъ было

очень много, потому что земля была уже очень раздроблена. Каждый изъ нихъ по собственному опыту зналъ, какъ мало уважается частное право, когда общій интересъ требуетъ его нарушенія: это ученіе никогда не забывали если приходилось прилагать его относительно другихъ въ свою собственную пользу.

Нѣкогда существовали, во многихъ приходахъ, благотворительные капиталы, которые, пожеланію ихъ основателей, имѣли назначеніемъ помогать жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ и только извѣстнымъ образомъ, точно обозначеннымъ въ завѣщаніи. Большая часть этихъ капиталовъ въ послѣдніе годы монархіи была уничтожена или лишена первоначальнаго назначенія, простымъ рѣшеніемъ совѣта, то есть чисто по произволу правительства. Обыкновенно ихъ обращали въ пользу сосѣднихъ больницъ. Въ свою очередь, собственностію больницъ, около этого времени, распоряжались такъ, какъ вѣроятно, не имѣли въ виду и безъ сомнѣнія не согласились бы распорядиться, ихъ основатели. Одинъ эдиктъ 1780 года уполномочиваетъ всѣ подобныя учрежденія продать имѣнія отказанныя имъ въ различныя времена съ условіемъ вѣчнаго пользованія и предлагалъ вручить полученный капиталъ государству, которое обязуется выдавать проценты. Это называлось дѣлать изъ благотворительности предковъ лучшее употребленіе, чѣмъ сами они сдѣлали. Забыли что неуваженіе воли умершихъ есть самое вѣрное средство пріучить людей нарушать личныя права живущихъ. Презрѣніе, которое выражало старое правительство къ умершимъ не было превзойдено, ни одною, изъ наслѣдовавшихъ ему властей. Никогда не выказывало оно, той боязливой точности, которая заставляетъ Англичанъ принести всю силу соціальнаго быта въ помощь отдѣльному гражданину, для приведенія въ дѣйствительность послѣднихъ его распоряженій заставляя выражать еще большое уваженіе къ ихъ памяти, чѣмъ къ нимъ самимъ.

Требованіе съѣстныхъ припасовъ, обязательная продажа

ихъ, назначеніе maximum цѣны вотъ мѣры часто употреблявшіяся при старой системѣ управленія. Я видѣлъ, что во время голода, администраторы заранѣе назначали цѣну на съѣстные припасы привозимые крестьянами на рынокъ и такъ какъ эти послѣдніе, боясь насилія, не являлись, то ихъ принуждали къ тому подъ страхомъ заплатить штрафъ. Но ничто не производило такого пагубнаго впечатлѣнія, какъ нѣкоторыя формы сопровождавшія уголовные суды, когда онѣ касались простолюдиновъ. Бѣдный былъ уже гораздо лучше обезпеченъ противъ оскорбленій болѣе сильныхъ и болѣе могущественныхъ гражданъ, чѣмъ объ этомъ думаютъ; но если приходилось ему имѣть дѣло съ государствомъ, то какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, онъ ничего не находилъ для себя кромѣ исключительныхъ судовъ, предубѣжденныхъ судей, поспѣшнаго и неправаго судопроизводства, заранѣе назначеннаго, безъ апелляціоннаго приговора. «Поручить начальнику мѣстной команды и его помощнику разузнавать о волненіяхъ и сборищахъ, могущихъ произойти по поводу дѣлъ относящихся до зерноваго хлѣба. Повелѣваемъ, чтобы эти случаи были ведены и рѣшаемы ими въ послѣдней инстанціи; подтверждаетъ его величество всѣмъ судьямъ во всеобщее свѣдѣніе».

Это постановленіе совѣта руководило юриспруденціей въ продолженіи всего осьмнадцатаго столѣтія. Изъ протоколовъ маршальствъ видно, что въ подобныхъ случаяхъ, ночью окружали подозрѣваемыя деревни, на разсвѣтѣ входили въ дома и забирали тамъ заранѣе означенныхъ крестьянъ; о полномочіи не было вопроса. Человѣкъ арестованный, часто долго оставался въ заключеніи прежде, чѣмъ могъ говорить съ судьей. Впрочемъ эдикты предписываютъ производить допросъ обвиняемымъ въ продолженіи двадцати-четырехъ часовъ. Но это распоряженіе было также одною формальностію и не болѣе уважалось, чѣмъ въ наше время.

Такимъ образомъ тихое и благонамѣренное правительство,

каждый день пріучало народъ къ законамъ о производствѣ слѣдствій по уголовнымъ преступленіямъ, болѣе приспособленнымъ къ революціи и ближе подходящимъ къ тираніи. Школа была всегда открыта. Старое правительство вполнѣ успѣло дать низшимъ классамъ это опасное воспитаніе. Не было ни одного человѣка, даже не исключая Тюрго, который въ этомъ случаѣ не подражалъ бы своимъ предшественникамъ. Когда въ 1775 году новое узаконеніе предложенное Тюрго о зерновомъ хлѣбѣ, породило сопротивленіе въ парламентѣ и возмущеніе въ деревняхъ, онъ убѣдилъ короля отдать приказаніе, которое устраняя суды, ввѣряло мятежниковъ превотальной юрисдикціи, «которая, говоритъ онъ, имѣетъ главнымъ назначеніемъ подавлять народныя движенія, когда бываетъ полезно немедленно дать хорошій урокъ.» Даже болѣе каждый крестьянинъ, удалившійся изъ своего прихода безъ аттестата подписаннаго священникомъ и синдикомъ, подвергался преслѣдованію, аресту и суду превота, какъ бродяга.

Правда, что если формы въ этой монархіи осьмнадцатаго вѣка, были жестоки, то нужно замѣтить, что наказанія всегда смягчались; тогда любили больше напугать, чѣмъ сдѣлать зло; были самовластны и жестоки по привычкѣ, равнодушны и кротки по характеру. Но недостатки такой сокращенной юстиціи принималось тогда за высшія ея достоинства. Чѣмъ легче было наказаніе, тѣмъ легче забывали, какъ оно положено; умѣренность приговора скрывало отъ глазъ жестокость процедуры.

Имѣя въ рукахъ факты, я осмѣливаюсь сказать, что огромное количество процессовъ, произведенныхъ революціоннымъ правительствомъ, находило для себя примѣръ въ тѣхъ мѣрахъ, которыя, въ продолженіи послѣднихъ двухъ столѣтій монархіи, были употребляемы относительно простаго народа. Старый порядокъ передалъ революціи множество изъ своихъ формъ, которымъ эта послѣдняя сообщила только суровость.

ГЛАВА VII.

О томъ, что великая административная революція предшествовала политической и каковы были слѣдствія этого явленія.

Ничто еще не было перемѣнено въ формѣ правленія, какъ уже второстепенные законы, опредѣлявшіе положеніе каждаго, и администрація дѣлъ были разрушены или видоизмѣнены.

Уничтоженіе цеховъ и не полное возстановленіе ихъ, глубоко измѣнило прежнія отношенія между работниками и хозяевами. Новыя отношенія были не только не всегда одинаковы, но не прочны и стѣснительны. Господская полиція была уничтожена; покровительство государства еще не сложилось въ опредѣленные формы и работникъ, поставленный въ затрудительное, неопредѣленное положеніе между правительствомъ и своимъ хозяиномъ, совершенно не зналъ, который изъ двухъ можетъ ему покровительствовать или долженъ его поддерживать въ бѣдѣ. Это безпокойное, анархическое положеніе, въ которое сразу поставили все низшее сословіе городовъ, имѣло великія послѣдствія съ тѣхъ поръ, какъ народъ началъ появляться на политическомъ поприще.

За годъ до революціи, эдиктомъ короля, во всѣхъ частяхъ своихъ были разрушены судебные порядки; много основано было новыхъ вѣдомствъ, много другихъ уничтожено, всѣ постановленія о компетентности измѣнены. А во Франціи, какъ я уже сказалъ прежде, число занимавшихся судомъ и приведеніемъ въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, было безмѣрно. Почти вся буржуазія имѣла болѣе или менѣе близкое отношеніе къ судамъ. Слѣдовательно, законъ, однимъ ударомъ, разрушалъ состояніе, имущества тысячи семействъ, давая имъ новое ненадежное положеніе. Эдиктъ почти столько же былъ не выгоденъ и для тяжущихся, которымъ приходи-

лось, во время этой судебной революціи искать закона приложимаго къ нимъ и суда, который долженъ ихъ судить.

Но администрація, въ собственномъ смыслѣ слова, потерпѣла въ 1787 году еще одну коренную реформу, которая, внеся безпорядокъ въ общественныя дѣла, коснулась каждаго гражданина, даже въ частной его жизни.

Я сказалъ, что въ избирательныхъ округахъ Франціи, то есть почти въ трехъ четвертяхъ ея, все управленіе было ввѣрено одному человѣку интенданту, дѣйствія котораго не только были безконтрольны, но и независѣли ни отъ какого совѣта.

Въ 1787 году, около этого интенданта поставили провинціальное собраніе, которое сдѣлалось дѣйствительнымъ управителемъ страны. Въ каждой деревни, избранное, муниципальное общество, заняло мѣсто прежнихъ приходскихъ собраній и во многихъ случаяхъ замѣнило синдика.

Узаконеніе, столь противуположное бывшему передъ нимъ, совершенно измѣнявшее, не только порядокъ производства дѣлъ, но и относительное положеніе людей, должно было быть приложено сразу, и вездѣ, приблизительно одинаковымъ образомъ, не обращая никакого вниманія ни напрежнія обычаи, ни на особенное положеніе провинцій: такъ сильно уже духъ однообразія, принадлежащій революціи, завладѣлъ этимъ старымъ правительствомъ въ то время, когда та же самая революція готовилась разбить его.

Тогда стало ясно, какую роль занимаетъ привычка въ политическомъ устройствѣ государства; стало понятно, что человѣкъ легче соглашается имѣть дѣло съ темными и перепутанными, но уже издавна находящимися въ практикѣ законами, чѣмъ съ простыми, но для него новыми.

При старой системѣ правленія, во Франціи были всевозможныя власти, разнообразящіеся до безконечности въ различныхъ провинціяхъ, власти не имѣвшія точно опредѣленныхъ границъ, такъ что кругъ дѣйствій каждой изъ нихъ всегда былъ общъ со многими другими. Однако строгій

и довольно легкій порядокъ въ дѣлахъ наконецъ утвердился. Тогда какъ новыя власти, будучи въ небольшомъ количествѣ, тщательно разграниченныя и уравненныя сталкивались и перепутывались, мало по малу переходя къ бездѣйствію. Кромѣ того, новый законъ имѣлъ весьма важный недостатокъ, который одинъ дѣлалъ его трудно осуществимымъ: всѣ власти созданныя этимъ закономъ имѣли коллективный характеръ.

При старой монархіи знали только два рода администраціи; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ управленіе было ввѣрено одному человѣку, онъ дѣйствовалъ безъ вмѣшательства собранія; тамъ же, гдѣ существовало собраніе, власть исполнительная не ввѣрялась никому особенно; собраніе не только наблюдало за администраціей, но управляло само, или посредствомъ временно созванныхъ имъ коммисій.

Такъ какъ знали только эти два способа управленія, то оставляя одинъ, тотчасъ же усвоивали другой. Довольно странно, что въ такомъ просвѣщенномъ обществѣ, гдѣ общественная администрація уже съ давняго времени занимала такое важное мѣсто, никогда не подумали соединить обѣ системы и, не раздѣляя ихъ между собою, различить власть исполнительную отъ административной. Такая простая идея не приходила имъ въ голову; ее сознали только въ нашемъ вѣкѣ. Это, можно сказать, единственное великое открытіе въ области общественнаго управленія, которое принадлежитъ намъ. Мы увидимъ послѣдствія противуположнаго образа управленія, когда перенося въ политику привычки администраціи и подчиняя все преданію ненавистнаго стараго порядка, приложили, во время національнаго конвента, систему провинціальныхъ сеймовъ и муниципальныхъ городовъ; тогда то, что до сихъ поръ составляло только препятствіе въ дѣлопроизводствѣ, вызвало вдругъ терроръ.

Съ 1787 года провинціальныя собранія получили право администраціи въ большей части случаевъ, принадлежав-

шихъ, до сихъ поръ, одному интенданту. Какъ центральное правленіе, оно обязано было распредѣлять подати и заботиться о ихъ взиманіи, опредѣлять какія общественныя работы должны быть предприняты и распоряжаться ходомъ ихъ. Оно имѣло подъ непосредственнымъ вѣденіемъ всѣхъ агентовъ путей и сообщеній, начиная отъ инспектора до смотрителя при работахъ. Предписывало имъ то, что считало полезнымъ; отдавало отчетъ министерству о ихъ службѣ и представляло къ наградамъ. Власть общинъ почти вполнѣ была возстановлена въ этихъ собраніяхъ; въ первой инстанціи, они рѣшали большую часть спорныхъ дѣлъ, до сихъ поръ относившихся къ интенданту и проч.; все это были такія обязанности, которыя по большей части, дурно согласовались съ коллективною и неотвѣтственною властью, къ тому же они лежали на людяхъ въ первый разъ принимавшихся за администрацію.

Но вотъ, что окончательно приводило къ путаницѣ. Оставляя интенданта въ безсиліи, еще допустили его существованіе. Лишивши безусловнаго права дѣлать все, возложили на него обязанность помогать и заботиться о дѣлахъ собранія; какъ будто бы падшій чиновникъ могъ когда нибудь войти въ духъ тѣхъ узаконеній, которыя лишали его власти и еще помогать имъ!

Что сдѣлали для интенданта то и для его субделегата. Около него, на новомъ мѣстѣ, поставили окружное собраніе, которое должно было дѣйствовать подъ вѣденіемъ провинціальнаго и основанное на подобныхъ же началахъ.

Все что извѣстно изъ протоколовъ и отчетовъ провинціальныхъ собраній, относящихся къ 1787 году, указываетъ, что тотъ часъ послѣ ихъ появленія началась тайная, а часто и открытая борьба съ интендантами, которые примѣняли свою опытность лишь къ тому чтобы тѣснить дѣйствія своихъ наслѣдниковъ.

Здѣсь собраніе жалуется, что только прибѣгая къ физической силѣ можно вунудить у интендантовъ самое необходимое соглашеніе. Тамъ интендантъ обвиняетъ членовъ собранія въ желаніи захватить ихъ преимущество установленное, говорятъ они, эдиктами. Обращаются къ министру, который часто совсѣмъ ничего не отвѣчаетъ или остается въ сомнѣніи, ибо это дѣло для него было также ново и темно, какъ и для всѣхъ другихъ. Иногда собраніе рѣшаетъ, что интендантъ дурно управлялъ, что дороги построенныя имъ дурно проведены и неисправно содержатся, что онъ допустилъ разориться общинамъ находившимся подъ его вѣденіемъ. Часто собранія колеблются во мракѣ этого законодательства, такъ мало извѣстнаго; часто далеко посылаютъ они за совѣтомъ и безпрестанно спрашиваютъ другъ у друга мнѣніе о томъ или другомъ предметѣ. Интендантъ Оши изъявляетъ притязаніе на сопротивленіе волѣ провинціальнаго собранія, которое дозволило одной общинѣ распредѣлять свои подати; собраніе утверждаетъ что интендантъ въ этомъ случаѣ имѣетъ право только подать голосъ, а не дѣлать распоряженія; и спрашиваетъ у провинціальнаго собранія Иль-де-Франса, какъ оно объ этомъ думаетъ.

Среди этихъ перебранокъ и совѣтовъ, ходъ администраціи часто замѣдляется, иногда совсѣмъ останавливается: общественная жизнь, какъ будто бы прекращается. «Застой дѣлъ полный» говоритъ провинціальное собраніе Лорени; и въ этомъ случаѣ оно не больше какъ эхо многихъ другихъ; «всѣ благонамѣренные граждане печалятся объ этомъ.»

Съ другой стороны новая администрація грѣшила излишествомъ дѣятельности и увѣренностію въ себя. Она была исполнена безпокойной ревностію къ преобразованіямъ; она хотѣла бы съ разу оставить старый методъ и съ корнемъ вырвать старыя заблужденія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что съ этого времени на ней лежитъ обязанность заботиться о городахъ, она желаетъ сама вести общинныя дѣла, однимъ словомъ администрація желая улучшить все, во все вмѣшивается.

Если теперь представимъ себѣ огромное значеніе, которымъ съ давняго времени пользовалась общественная администрація во Франціи, множество интересовъ, съ которыми она ежедневно соприкасалась, все что зависѣло отъ нее, или искало ея помощи; если подумаемъ, что частныя лица въ успѣхѣ своихъ дѣлъ болѣе надѣялись на администрацію, чѣмъ на самихъ себя; что они надѣялись отъ администраціи получить покровительство промышленности, обезпеченіе состоянія, проведеніе и содержаніе дорогъ, охраненіе спокойствія и благосостоянія, то составимъ себѣ идею о безграничномъ числѣ людей лично терпѣвшихъ отъ неустройствъ этой администраціи.

Но особенно сильно чувствовались недостатки новой организаціи въ деревняхъ; тамъ они не только разстроили отношеніе властей между собою, но и нарушили относительное положеніе людей и привели въ столкновеніе всѣ классы.

Когда, въ 1775 году, Тюрго предложилъ королю произвести реформы въ сельской администраціи, то самое большее препятствіе встрѣченное имъ, произошло, по его словамъ, отъ неравномѣрнаго распредѣленія податей; — ибо какимъ образомъ заставить дѣйствовать сообща и разсуждать о дѣлахъ прихода, изъ которыхъ главнѣйшія суть: наложеніе, сборъ и употребленіе податей, такихъ людей, которые не выплачиваютъ ихъ одинаковымъ образомъ, и изъ которыхъ нѣкоторыя совсѣмъ освобождены отъ нихъ? Въ каждомъ приходѣ были дворяне и духовенство не платившіе податей вовсе, крестьяне отъ части или вполнѣ изъятые, и другіе, которые вполнѣ выплачивали ихъ. Это было какъ будто бы три отдѣльныхъ прихода, изъ которыхъ каждый требовалъ особенную администрацію.

Нигдѣ, въ самомъ дѣлѣ, различіе податей не было такъ очевидно, какъ въ деревняхъ; нигдѣ народонаселеніе не было такъ рѣзко раздѣлено на отдѣльныя группы, часто непріязненныя между собою. Чтобы утвердить въ деревняхъ коллективную администрацію и не большое свободное управленіе, прежде всего, нужно было всѣхъ подчинить одинаковымъ податямъ и уменьшить, чрезъ то, разстояніе раздѣлявшее классы между собою.

Совершенно не то сдѣлали когда принялись наконецъ за эту реформу въ 1787 году. Внутри прихода сохранили прежнее раздѣленіе сословій и неравенство податей главнѣйшій признакъ его, тѣмъ не менѣе администрація была ввѣрена избирательнымъ сословіямъ. Это тотчасъ привело къ весьма страннымъ послѣдствіямъ.

Шло-ли дѣло въ избирательномъ собраніи о назначеніи муниципальныхъ чиновниковъ: священникъ и помѣщикъ не могли появляться въ немъ: они принадлежали, говорилось тогда, къ сословію благородныхъ, или духовенству; а выборъ представителей преимущественно принадлежалъ среднему сословію.

Какъ только муниципальный совѣтъ разъ былъ избранъ, то, священникъ и помѣщикъ, напротивъ, становились его членами по праву; ибо казалось непристойнымъ совершенно устранить отъ управленія приходомъ двухъ такихъ знатныхъ его жителей. Помѣщикъ предсѣдательствовалъ въ тѣхъ самыхъ муниципальныхъ совѣтахъ, избранію которыхъ онъ нисколько не споспѣшествовалъ, но онъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ большую часть дѣлъ. Что касается, напримѣръ, до обложенія и взиманія подати, то ни помѣщикъ, ни священникъ не могли подавать мнѣній, потому что оба они были избавлены отъ податей. Съ своей стороны, муниципальный совѣтъ совершенно не заботился о ихъ поголовной подати; они по прежнему управлялись интендантомъ по особеннымъ формамъ.

Чтобы этотъ президентъ, отчужденный такимъ образомъ отъ общества, которымъ онъ управлялъ, косвенно не пріобрелъ вліянія противнаго интересамъ сословія, къ которому онъ не принадлежалъ, просили чтобы голоса его фермеровъ не шли въ счетъ; и провинціальныя собранія,

посовѣтовавшись объ этомъ, нашли такое требованіе очень справедливымъ и совершенно согласнымъ съ главными началами. Другіе дворяне жившіе въ приходѣ, не могли вступать въ это муниципальное собраніе простолюдиновъ, развѣ только будучи выбраны крестьянами; но тогда, какъ замѣчено въ постановленіи, они имѣли право представлять въ немъ только среднее сословіе.

Слѣдовательно помѣщикъ въ муниципальномъ совѣтѣ во всемъ зависѣлъ отъ своихъ прежнихъ подданныхъ, вдругъ сдѣлавшихся его господами; онъ былъ скорѣе ихъ плѣнникомъ чѣмъ предводителемъ. Установляя между людьми такія отношенія, казалось имѣли въ виду не сблизить ихъ между собою, а указать яснѣе въ чемъ они различались и какъ противуположны ихъ интересы.

Былъ ли синдикъ однимъ изъ тѣхъ чиновниковъ потерявшихъ довѣріе къ себѣ, которые занимаютъ должности только по принужденію, или положеніе его возвысилось вмѣстѣ съ общиной, въ которой онъ оставался главнымъ представителемъ? Объ этомъ ничего точно не извѣстно. Я нашелъ письмо отъ 1788 года, одного сельскаго экзекутора, который считаетъ недостойнымъ себя занимать должность синдика. «Это, говоритъ онъ, противно всѣмъ привилегіямъ его должности.» Главный контролеръ отвѣчаетъ, что нужно измѣнить убѣжденія этого лица «и внушить ему, что онъ долженъ считать за честь быть избраннымъ своими соотечественниками, что новые синдики нисколько не похожи на прежнихъ чиновниковъ, носившихъ это званіе, и что они должны разсчитывать на большее вниманіе со стороны правительства.»

Съ другой стороны, знатные жители прихода даже дворяне тотчасъ же сблизились съ крестьянами, какъ только эти послѣдніе пріобрѣли силу. Помѣщикъ, высшій судья въ деревни изъ окрестностей Парижа, жалуется на то, что эдиктъ мѣшаетъ ему принимать участіе, даже какъ *простому жителю*, въ дѣлахъ приходскаго собранія. «Другіе

соглашаются, говорятъ дворяне, изъ преданности къ общественному благу, занимать даже должность синдика.»

Это было уже очень поздно; по мѣрѣ того, какъ богатые классы людей стараются сблизиться съ деревенскимъ народомъ и силятся смѣшаться съ нимъ, этотъ послѣдній стремится къ разъединенію. Встрѣчаются—муниципальныя приходскія собранія, которыя отказываются принять въ свою среду помѣщика; другія употребляютъ всѣ возможныя придирки прежде, чѣмъ допускаютъ даже богатыхъ простолюдиновъ.

«До свѣдѣнія нашего дошло, говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи, что многіе изъ муниципальныхъ собраній отказываются принять въ свою среду собственниковъ простолюдиновъ ихъ прихода, если послѣдніе не живутъ тамъ, хотя извѣстно за несомнѣнное, что они имѣютъ право вступать въ собраніе. Другія собранія отказываютъ въ этомъ даже фермерамъ, которые не имѣютъ собственности на ихъ землѣ». И такъ уже все было ново, темно и перепутанно въ второстепенныхъ законахъ, прежде, чѣмъ коснулись до главныхъ, на которыхъ основывалось управленіе государства. То что оставалось еще существующимъ, было потрясено, и можно сказать, не существовало ни одного узаконенія, которому сама центральная власть не готовила бы въ будущемъ уничтоженія или измѣненія.

Такое внезапное, чрезмѣрное обновленіе всѣхъ правилъ и привычекъ администраціи, которое у насъ предшествовало политической революціи, и о которомъ теперь едва вспоминаютъ, было однако же самымъ великимъ переворотомъ, какой когда либо встрѣчался въ исторіи великаго народа. Эта первая революція имѣла огромное вліяніе на вторую и сдѣлала изъ этой послѣдней событіе совершенно отличное отъ другихъ того же рода, бывшихъ до нее или даже послѣ.

Первая Англійская революція, опрокинувшая всю политическую конституцію страны, уничтожившая даже королевскій титулъ, только весьма поверхностно коснулась вто-

ростепенныхъ законовъ и почти ничего неизмѣнила въ обычаяхъ и привычкахъ. Юстиція и администрація сохранили свои формы и слѣдовали тѣмъ же путемъ какъ прежде. Во время разгара гражданской войны, двѣнадцать судей Англіи продолжали, какъ говорятъ, по два раза въ годъ объѣзжать страну. И волненіе не было всеобъемляюще. Революція была ограничена въ своемъ вліяніи и англійское общество хотя и было взволновано съ поверхности, но въ основаніи оставалось спокойнымъ.

Мы сами видѣли во Франціи, послѣ 89 года, много революцій, которыя до основанія измѣнили весь строй управленія. Большею частію они были весьма неожиданны, ведены открытою силою, открытымъ нарушеніемъ существующаго закона. Тѣмъ не менѣе безпорядокъ произведенный ими продолжался недолго и былъ не общій; для большей части націи, эти революціи едва чувствовались, иногда едва были замѣтны.

Съ 89 года административное устройство всегда оставалось цѣлымъ среди крушеній устройства политическаго. Перемѣняли государей или формы центральной власти, но ежедневное теченіе дѣлъ не было ни прервано ни пріостановлено; каждый продолжалъ быть вѣрнымъ, въ своихъ маленькихъ дѣлахъ лично его интересовавшихъ, тѣмъ же правиламъ и привычкамъ, которыя зналъ прежде; онъ зависѣлъ отъ тѣхъ же второстепенныхъ властей, къ которымъ всегда имѣлъ привычку обращаться и обыкновенно имѣлъ дѣло съ тѣми же агентами; ибо если каждая революція обезглавливала администрацію, но тѣло этой администраціи оставалось неповрежденнымъ и живымъ; тѣже должности были отправляемы тѣми же чиновниками; чрезъ разнообразія политическихъ законовъ, эти послѣдніе приносили свой духъ и свою практику. Они судили и управляли во имя короля, потомъ во имя республики и наконецъ во имя императора. Потомъ, судьба снова заставляла пройти туже дорогу, они снова начинали управлять и судить во имя короля,

республики и императора, всегда одни и тѣже и всегда одинаково; ибо какое имъ дѣло до имени главы? Ихъ дѣло быть менѣе гражданами, чѣмъ хорошими судьями. Когда проходили первые удары, то казалось, что во всей странѣ ни что не тронулось съ мѣста.

Когда вспыхнула революція, то эта часть управленія, хотя второстепенная, но которая ежедневно чувствовалась каждому гражданину и вліяла самымъ постояннымъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ на его благосостояніе, была совершенно опрокинута: общественная администрація вдругъ перемѣнила всѣхъ своихъ агентовъ и обновила свои начала. Сперва не видно было чтобы государство получило въ этой грададной реформѣ сильный толчокъ; но всѣ Французы въ отдѣльности почувствовали большое сотрясеніе. Всякій былъ затронутъ въ своемъ общественномъ положеніи, потрясенъ въ своихъ привычкахъ или стѣсненъ въ своемъ ремеслѣ. Строгій порядокъ продолжалъ существовать въ дѣлахъ самыхъ важныхъ и самыхъ общихъ, тогда какъ никто не зналъ уже кому должно повиноваться, къ кому обращаться съ нуждами, какъ вести маленькія частныя дѣла, которыя составляютъ ежедневную тропинку общественной жизни.

Нація не имѣла больше центра тяготенія ни въ одной своей части; готова была при первомъ же ударѣ прійти въ колебаніе и претерпѣть самое полное разстройство и самое ужасное смѣшеніе, какое когда либо было.

ГЛАВА VIII.

Какимъ образомъ революція сама собою вытекла изъ предшествовавшаго.

Кончая мой трудъ, я хочу соединить нѣкоторые черты набросанныя мною въ разныхъ мѣстахъ, черты стараго порядка, портретъ котораго я старался изобразить, и по-

казать какимъ образомъ революція сама собою вышла изъ него. Если представимъ себѣ, что феодальная система, не измѣняя у насъ всего, что было въ ней вреднаго и раздражающаго, утратила то, что можно было защищать въ ней и что могло быть полезнымъ, то становится не такъ удивительно, что революція, которая должна была быстро разрушить старое устройство Европы, разразилась во Франціи прежде чѣмъ въ другихъ странахъ.

Если припомнимъ, что наше дворянство, потерявъ прежнія политическія права и удалившись, болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ феодальной Европы, отъ управленія жителями, тѣмъ не менѣе сохранило и даже увеличило свои денежныя льготы и личныя преимущества, что дѣлаясь зависимымъ сословіемъ, оно оставалось привиллегированнымъ и замкнутымъ классомъ; что переставая быть аристократіею, оно все болѣе и болѣе походило на касту, то послѣ этого не удивительно, что его привиллегіи, казавшіяся необъяснимыми, были такъ отвратительны для Французовъ и воспламеняли демократическую зависть въ ихъ сердцахъ. Если подумаемъ наконецъ, что это дворянство отдѣленное отъ средняго сословія, которое оно вытолкнуло изъ своей среды и также отъ народа, сердце котораго отклонилось отъ него, оставалось совершенно изолированнымъ въ государствѣ; что съ виду оно казалось стоящимъ въ главѣ арміи, въ дѣйствительности же было обществомъ офицеровъ безъ солдатъ, то становится понятнымъ, какимъ образомъ, послѣ тысячилѣтняго существованія оно могло быть опрокинуто въ продолженіи одной ночи.

Я указалъ, какимъ образомъ королевское правительство, разрушивъ провинціальныя свободныя учрежденія въ трехъ четвертяхъ Франціи, замѣнило собою всѣ мѣстныя власти, приняло на себя всѣ дѣла самыя незначительныя, равно, и самыя важныя; съ другой стороны я показалъ, какъ необходимое слѣдствіе этого, какимъ образомъ Парижъ, бывъ до сихъ поръ небольше какъ столицею, сдѣлался главою страны или скорѣе сосредоточилъ въ себѣ всю страну. Двухъ этихъ фактовъ, исключительно принадлежащихъ Франціи, уже достаточно, чтобы объяснить почему возмущеніе могло до самаго основанія разрушить монархію, въ продолженіи столькихъ вѣковъ успѣвшую избѣгнуть сильныхъ ударовъ и еще наканунѣ паденія казавшуюся непоколебимою для тѣхъ, которые разрушали ее.

Франція была одною изъ такихъ странъ Европы, гдѣ политическая свобода съ давнихъ поръ вполнѣ была утрачена, гдѣ частныя лица совершенно забыли о практической дѣятельности, потеряли привычку читать смыслъ въ событіяхъ, лишились способности понимать народныя движенія и почти потеряли самую идею о народѣ, послѣ этого легко представить какъ всѣ Французы съ разу могли впасть въ пагубную революцію, не замѣчая ее; тѣ которымъ она болѣе другихъ угрожала, шли впереди всѣхъ, открывая и разширяя для нее дорогу.

Уже не было болѣе свободныхъ учрежденій, слѣдовательно не было и политическаго класса людей, живыхъ политическихъ обществъ, организованныхъ руководящихъ партій; за отсутствіемъ всѣхъ этихъ правильныхъ силъ, направленіе общественнаго мнѣнія, когда оно возродилось, перешло въ руки однихъ философовъ; потому должно было ожидать, что революція будетъ ведена скорѣе по отвлеченнымъ началамъ и общимъ теоріямъ, чѣмъ въ видахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, фактовъ. Можно было предполагать, что вмѣсто того, чтобы нападать отдѣльно на дурные законы, она возмется за все вдругъ, и что она захочетъ замѣнить старую конституцію Франціи другою, совершенно новою, придуманною писателями.

Церковь была замѣшана во всѣ старыя учрежденія, которыя хотѣла разрушить революція; и казалось, нельзя было сомнѣваться, что опрокидывая гражданскія власти, эта революція не должна въ тоже время потрясти религію; но съ тѣхъ поръ трудно представить себѣ до какой неслы-

ханной дерзости могутъ достичь умы нововводителей, разъ уже освободившихся отъ всѣхъ стѣсненій религіи, обычаевъ и законовъ.

И тотъ, кто хорошо изучилъ состояніе страны, тотъ легко можетъ видѣть, что нѣтъ такой дерзости, которую не встрѣчалась бы тогда, ни такого насилія, которое считали бы невозможнымъ.

«Какъ»! Восклицаетъ Беркъ, въ одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ памфлетовъ, «незамѣтно ни одного человѣка, которой могъ бы отвѣчать за самый маленькій округъ; даже болѣе, невидно ни одного, который могъ бы поручиться за другаго. Всякій безъ сопротивленія остается въ своемъ домѣ, когда дѣло идетъ о роялизмѣ или модерантизмѣ, или другихъ подобныхъ вещахъ».

Беркъ плохо зналъ въ какомъ положеніи эта монархія, о которой онъ жалѣлъ, передала насъ новымъ нашимъ властелинамъ. Администрація стараго правительства прежде всего устранила отъ Французовъ возможность и желаніе взаимной помощи. Когда настала революція, напрасно во Франціи, стали бы искать, въ большей ея части, хотя десять человѣкъ имѣвшихъ привычку дѣйствовать вмѣстѣ правильнымъ образомъ и сами заботиться о своей собственной безопасности; все падало на одну центральную власть и когда эта центральная власть перешла изъ королевскихъ рукъ въ руки безотвѣтственнаго и всемогущаго собранія и изъ кроткаго превратилось въ страшное, то не нашлось никого, кто могъ бы остановить ея порывы или хоть на минуту задержать ихъ. Таже причина, которая такъ облегчила паденіе монархіи, сдѣлала все возможнымъ послѣ нея. Никогда не проповѣдывали такъ много о терпимости въ дѣлѣ религіи, о кротости въ начальствованіи и даже о снисходительности, и казалось, что никогда не было все это лучше усвоено, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи; право войны, какъ послѣднее убѣжище насилія, было ограничено и смягчено. И изъ среды столь смягченныхъ нравовъ, вышла однако же самая не гуманная революція. Но все таки это смягченіе нравовъ не прошло даромъ; ибо когда исчезъ ужасъ революціи, тотчасъ же видимъ, что оно распространяется во всѣхъ законахъ и проникаетъ собою политическіе обычаи.

Противуположность между кротостью теорій и насиліемъ фактовъ, составляя одну изъ странныхъ чертъ французской революціи, никого не удивитъ если принять во вниманіе, что эта революція была подготовлена самыми образованными классами націи, а ведена самыми непросвѣщенными и самыми суровыми. Люди перваго разряда, не имѣя ни какой связи между собой, ни какой привычки прислушиваться другъ къ другу, не давали цѣны народу, а между тѣмъ, какъ только разрушена была старая сила, они почти тотчасъ же, должны были признать его источникомъ власти. Тамъ гдѣ народъ не управлялъ самъ, онъ покрайней мѣрѣ сообщилъ правительству свое направленіе; и если, съ другой стороны припомнимъ, какъ жилъ онъ при старой системѣ управленія, то нисколько не затруднительно представить себѣ, чѣмъ онъ долженъ быть послѣ нея.

Самыя особенности положенія сообщили ему много рѣдкихъ добродѣтелей. Освободившись рано отъ рабства, и уже съ давнихъ поръ пріобрѣтя въ собственность часть земли, скорѣе изолированный, чѣмъ зависимой, онъ выказалъ себя умѣреннымъ и гордымъ; привыкъ къ труду, сдѣлался равнодушнымъ къ утонченностямъ жизни, терпѣливымъ въ самыхъ несчастіяхъ, чуждымъ страха; простая и мужественная расса наполняла тѣ могущественныя арміи, подъ ударами которыхъ отступала Европа. Но таже причина сдѣлала народъ опаснымъ властелиномъ. Такъ какъ почти одинъ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ несъ всю тяжесть злоупотребленій, жилъ въ удаленіи, въ тишинѣ, воспитываясь въ своихъ предразсудкахъ и ненависти, онъ былъ ожесточенъ суровостію своей судьбы и

соглашаясь самъ все перетерпѣть хотѣлъ заставить и другихъ страдать.

Въ этомъ то положеніи наложивъ руку на правительство, онъ самъ предпринялъ довершить революцію. Теорія была готова въ книгахъ, народъ принялъ на себя обязанность осуществленія ея и присоединилъ къ идеямъ писателей собственное неистовство.

Тѣ, которые, читая эту книгу, внимательно изучали Францію въ осемнадцатомъ столѣтіи, могутъ замѣтить возрожденіе и развитіе въ ея средѣ двухъ главныхъ страстей, несовременныхъ между собой и не всегда шедшихъ къ одной цѣли.

Одна, болѣе глубокая, берущая свое начало гораздо далѣе второй, есть горячая, неугасимая ненависть къ неравенству. Эта страсть родилась и воспиталась при видѣ самаго неравенства, и издавна побуждала Французовъ, съ непрерывною и непреодолимою силой, до основанія разрушить все, что осталось отъ средневѣковыхъ учрежденій, и на опустошенной почвѣ построить общество, въ которомъ люди были бы такъ сходны между собой и условія жизни такъ одинаковы, какъ только это возможно для человѣчества.

Другая страсть болѣе новая и не такъ сильно укоренившаяся, какъ первая, заставляла Французовъ желать не только равенства но и свободы. Въ концѣ существованія старой системы управленія обѣ эти страсти были одинаково искренни и одинаково сильны. При наступленіи революціи онѣ встрѣчаются, скоро смѣшиваются одна съ другой разжигаясь при столкновеніи и наконецъ воспламеняютъ вдругъ всѣ сердца Франціи. 89 годъ, безъ сомнѣнія, есть время неопытности, но вмѣстѣ съ тѣмъ время великодушія, энтузіазма, мужества и величія; время безсмертной памяти, время къ которому съ удивленіемъ и уваженіемъ обратятся взоры людей, когда уже тѣ, которые видѣли его и даже мы, давно не будемъ на свѣтѣ.

Тогда Французы были горды и своимъ дѣломъ и сами собой при мысли, что они могутъ быть равными при свободѣ. Среди демократическихъ учрежденій, они вездѣ дали мѣсто учрежденіямъ свободнымъ. Не только они превратили въ прахъ это дряхлое законодательство, которое раздѣляло людей на касты, корпораціи, классы и дѣлало ихъ права еще болѣе неравными, чѣмъ самыя условія жизни, но въ одно мгновеніе они разбили и всѣ другіе законы, позднѣйшее произведеніе королевской власти, которые мѣшали націи въ свободномъ обладаніи собою и ставили около каждаго Француза правительство, его наставника, попечителя, и понуждѣ, его притѣснителя. Вмѣстѣ съ безусловнымъ правительствомъ пала и централизація.

Но когда это мощное поколѣніе, начавшее революцію, погибло и обезсилило, какъ это бываетъ всегда съ поколѣніями начинающими подобныя предпріятія; когда, слѣдуя естественному ходу подобныхъ происшествій, любовь къ свободѣ охладѣла и уменьшилась среди анархіи, и народной диктатуры, изумленная нація начала, какъ бы ощупью, искать своего господина; неограниченное правительство могло удивительно легко возродиться и утвердиться на такой почвѣ. Это безъ труда замѣтилъ геній того, кто сталъ вдругъ и продолжателемъ революціи и ея истребителемъ.

Старый порядокъ, въ самомъ дѣлѣ, заключалъ въ себѣ цѣлый кругъ учрежденій новаго времени, которыя, не будучи враждебны равенству, легко могли занять мѣсто, въ новомъ обществѣ и которыя однакожъ были особенно выгодны для деспотизма. Ихъ искали среди развалинъ всего оставшагося и находили. Эти учрежденія породили нѣкогда привычки, страсти, мысли, которыя стремились удержать людей раздѣленными и подчиненными, всѣмъ этимъ воспользовались. Централизацію застали при паденіи и возстановили ее; а такъ какъ въ то время, когда возстановлялась централизація, все, что могло когда либо ограни-

чить ее, оставляли разрушеннымъ, то изъ среды самой націи опрокинувшей королевство, вдругъ вышла власть болѣе обширная, болѣе мелочная, болѣе неограниченная, какой не пользовался никто изъ нашихъ королей. Предпріятіе казалось необыкновенной дерзости и успѣхъ не сбыточнымъ, ибо думали только о томъ, что видѣли теперь; и забывали о томъ, что уже было прежде. Властитель палъ, но сущность его дѣла осталась; его правительство умерло, но администрація продолжала жить, и съ того времени каждый разъ, когда желали разбить неограниченную власть, ограничивались только приставкою головы свободы къ рабскому тѣлу.

Со времени революціи до нашихъ дней много разъ видѣли повтореніе одного и того же, то страсть къ свободѣ пропадаетъ, то возраждается, потомъ опять пропадаетъ и опять возраждается; такою будетъ она долго, всегда неопытная, не умѣющая справиться сама съ собой, легко охлаждающаяся, пугливая, побѣжденная, поверхностная и скоропроходящая. Въ тоже время страсть къ равенству, прежде всего завладѣвъ сердцами, залегла на дно ихъ; она связалась тамъ съ самыми дорогими для насъ чувствованіями; тогда какъ одна страсть безпрестанно измѣняла свой видъ, уменьшалась, увеличивалась, укрѣплялась, ослабѣвала, слѣдуя за событіями, другая оставалась всегда тою же, всегда съ тою же упорною, часто слѣпою пылкостію привязана къ своей цѣли, готова на всѣ пожертвованія тому, кто удовлетворитъ ея требованіямъ; готовая дать правительству, которое желаетъ покровительствовать и льстить ей привычки, иден, законы необходимыя для процвѣтанія деспотизма.

Французская революція останется темною для тѣхъ, кто будетъ смотрѣть только на нее; лишь въ прошедшемъ можно отыскать свѣтъ, объясняющій ее. Не имѣя точнаго представленія о старомъ обществѣ, о его законахъ, недостаткахъ, предразсудкахъ, бѣдствіяхъ, величіи, никогда нельзя понять того, что сдѣлали Французы въ продолженіи шести-

десяти лѣтъ слѣдовавшихъ послѣ его паденія; но этого представленія все таки не достаточно, если не проникнемъ въ самую природу нашей націи.

Когда я думаю о самой націи, она кажется мнѣ гораздо необыкновеннѣе, чѣмъ всѣ событія ея исторіи. Появлялся ли на землѣ хоть одинъ народъ исполненный столькихъ противоположностей и такихъ крайностей въ своихъ дѣйствіяхъ; болѣе руководимый чувствами чѣмъ принципами, все дѣлающій или гораздо хуже или гораздо лучше чѣмъ ожидали, то становясь ниже уровня человѣчества, то значительно превышая его; народъ до такой степени неизмѣнчивый въ своихъ главныхъ инстинктахъ, которые можно узнать въ изображеніяхъ сдѣланныхъ еще двѣ или три тысячи лѣтъ назадъ, и въ то же время до того, подвижный въ ежедневныхъ мысляхъ и склонностяхъ, производящихъ видъ неожиданный даже для него самаго, и часто также удивляющій его, какъ и иностранцевъ; величайшій домосѣдъ и величайшій рутинистъ, когда оставляютъ его въ покоѣ, онъ готовъ идти на край свѣта и отважиться на все, если разъ насильно вывести его изъ логовища и привычекъ; непокорный по характеру, онъ лучше уживается съ властью произвольною и даже съ насиліями, чѣмъ съ правильнымъ и свободнымъ правительствомъ своихъ главныхъ гражданъ; сегодня отъявленный врагъ всякой покорности, завтра онъ такъ страстно придается рабству, какъ ни одинъ изъ народовъ наиболѣе къ нему склонныхъ; способный ходить по ниткѣ когда никто ему не сопротивляется, онъ становится совершенно неукротимымъ, если поданъ гдѣ нибудь примѣръ сопротивленія, и обманываемъ такимъ образомъ своихъ властелиновъ, которые слишкомъ много или слишкомъ мало его боятся, онъ никогда не бываетъ на столько свободнымъ, чтобы заставить потерять надежду сдѣлать себя рабомъ, и никогда не впадаетъ въ такое рабство, чтобы нельзя было разбить цѣпей; способный на все, онъ прославился только на войнѣ; обажатель случая, силы, успѣха,

блеска и шума болѣе чѣмъ истинной славы; болѣе способный на героизмъ, чѣмъ на добродѣтель, скорѣе геніальный чѣмъ здравомыслящій, способный скорѣе воспринять безмѣрное предначертаніе, чѣмъ исполнить какое нибудь великое предпріятіе; самый блестящій и самый опасный изъ всѣхъ народовъ Европы, болѣе всѣхъ годный становиться попеременно предметомъ удивленія, ненависти, сожалѣнія, ужаса, но никогда равнодушія?

Одинъ только онъ могъ породить революцію столь внезапную, коренную, буйную въ своемъ ходѣ и, въ то же время, столь полную возвращеній назадъ, столь противурѣчивую. Безъ тѣхъ свойствъ, о которыхъ я говорилъ, Французы не могли бы выполнить ее; но должно сказать, что и всѣхъ этихъ свойствъ вмѣстѣ не достаточно, чтобы объяснить подобную революцію гдѣ нибудь кромѣ Франціи.

Наконецъ я достигъ до порога этой замѣчательной революціи; на этотъ разъ я не пойду далѣе: но быть можетъ вскорѣ я въ состояніи буду сдѣлать это. И тогда я не буду болѣе разсматривать причины революціи, а прямо изслѣдуя ее самою, осмѣлюсь наконецъ разобрать общество вышедшее изъ нее.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

О сеймовыхъ земляхъ и преимущественно о Лангедокѣ.

Мое намѣреніе состоитъ не въ томъ, чтобы въ подробности разобрать ходъ дѣлъ въ каждой изъ сеймовыхъ провинцій существовавшихъ еще даже во времена революціи.

Я только хочу назвать число ихъ, обозначить тѣ въ которыхъ мѣстная жизнь была еще въ силѣ, показать въ какихъ отношеніяхъ были они съ королевской администраціей, въ чемъ отступали отъ тѣхъ общихъ правилъ, которыя я изложилъ прежде, и въ чемъ сходились съ ними наконецъ, взявши для примѣра одинъ изъ нихъ, показать, во что они легко могли обратиться всѣ.

Въ большей части провинцій существовали сеймы, то есть каждая ихъ этихъ провинцій состояла подъ королевскимъ управленіемъ *людей трехъ сословій*, какъ тогда говорили; они составляли собраніе представителей отъ духовенства, дворянства и буржуазіи. Подобное провинціальное устройство, равно, какъ и другія политическія учрежденія среднихъ вѣковъ, въ одномъ и томъ же видѣ находились почти во всѣхъ частяхъ цивилизованной Европы, по крайней мѣрѣ тамъ, куда проникли германскія идеи и нравы. Есть много нѣмецкихъ провинцій гдѣ сеймы существовали до самой французской революціи; тамъ же гдѣ они уже не существовали, уничтоженіе произошло не ранѣе

семнадцатаго или осьмнадцатаго столѣтія. По всюду государи, въ продолженіи двухъ вѣковъ, вели съ ними войну, то тайную, то открытую, но никогда не прерывавшуюся. Нигдѣ не заботились они объ улучшеніи учрежденій, слѣдуя духу времени; они только разстроивали ихъ, если представлялся для этого случай, и если не могли сдѣлать ничего худшаго.

Въ 1789 году, во Франціи, сеймы встрѣчаются только въ пяти довольно большихъ провинціяхъ и еще нѣсколькихъ незначительныхъ округахъ. Собственно говоря, свобода провинціальнаго управленія осталась только въ двухъ провинціяхъ въ Бретани и Лангедокѣ, во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ эти установленія совершенно потеряли свою силу и оставались только формой.

Я выбираю Лангедокъ и изслѣдую его въ подробности.

Лангедокъ, изъ всѣхъ сеймовыхъ провинцій, былъ самый обширный и самый населенный; онъ содержалъ въ себѣ болѣе двухъ тысячъ общинъ или какъ говорили тогда *communautés*, и около двухъ милліоновъ жителей. Онъ былъ лучше устроенъ чѣмъ другія страны и пользовался большимъ благосостояніемъ. Слѣдовательно весьма удобно выбрать Лангедокъ съ цѣлью показать чѣмъ могла быть провинціальная свобода при старомъ порядкѣ и до какой степени, даже въ тѣхъ округахъ гдѣ она казалась особенно сильною, была она подчинена королевской власти.

Въ Лангедокѣ, сословія не могли собираться иначе, какъ только по особенному распоряженію короля, послѣ повѣстокъ, разсылаемыхъ ежегодно самимъ же королемъ къ каждому изъ членовъ собранія; что подало поводъ одному изъ юмористовъ того времени сказать: «изъ трехъ сословій составляющихъ наши сеймы духовенство назначается королемъ, потому что онъ раздаетъ имъ эпископства и бенефиціи, а изъ двухъ остальныхъ каждаго призываютъ туда и королевскій указъ можетъ воспрепятствовать участвовать

въ собраніи какому угодно члену, для этого не нужно даже изгонять его, достаточно только не пригласить.»

Сеймъ не только собирался, но и расходился въ извѣстный день назначенный королемъ. Обыкновенное время ихъ засѣданій, опредѣленное постановленіемъ совѣта, продолжалось сорокъ дней. Лицо короля представляли въ сеймѣ коммисары, всегда присутствовавшіе тамъ, если ихъ приглашали; они обязаны были излагать волю правительства.

Сеймъ находился подъ самой строгой опекой. Онъ не могъ постановить рѣшенія имѣющаго какую либо важность, утвердить финансовую мѣру, прежде чѣмъ рѣшеніе не будетъ одобрѣно совѣтомъ; для назначенія налога, займа, веденія тяжбы онъ нуждался въ особенномъ дозволѣніи короля.

Всѣ главныя постановленія, даже тѣ, которыя касались до засѣданій депутатовъ, должны были прежде быть разрѣшенными и потомъ уже могли вступать въ силу. Приходъ и расходъ, бюджетъ, какъ говорятъ теперь, каждый годъ подлежалъ тому же контролю.

Сверхъ того центральная власть пользовалась въ Лангедокѣ тѣми же политическими правами, которыя были признаны за ней въ другихъ мѣстахъ. Законы обнародованные ею, общія постановленія издаваемыя безпрестанно, общія мѣры обнародованныя правительствомъ прилагались въ этихъ округахъ также, какъ и въ избирательныхъ земляхъ. Даже были тѣ же правительственныя службы; они имѣли туже полицію и тѣхъ же дѣятелей; отъ времени до времени въ нихъ, какъ и вездѣ, создавалось множество новыхъ должностей, и провинція обязана была покупать ихъ за дорогую цѣну.

Лангедокъ былъ управляемъ, какъ и всѣ прочія провинціи, интендантомъ. Этотъ интендантъ имѣлъ въ каждомъ округѣ субделегатовъ, которые сносились съ начальниками общинъ и управляли ими.

Интендантъ и здѣсь наложилъ свою административную

опеку, совершенно также, какъ и въ избирательныхъ земляхъ. Незначительная деревенька затерянная, въ ущельяхъ Севенъ, не могла сдѣлать самаго маленькаго расхода, не будучи на то уполномочена изъ Парижа указомъ королевскаго совѣта. Часть суда, извѣстная нынѣ подъ названіемъ спорныхъ административныхъ дѣлъ, была не менѣе распространена въ Лангедокѣ, чѣмъ и въ остальной Франціи; даже болѣе. Интендантъ въ первой инстанціи рѣшалъ всѣ дѣла касающіеся до вѣдомства дорогъ, рѣшалъ всѣ процессы возникавшіе по этому случаю, и вообще, онъ произносилъ приговоръ во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ былъ замѣшанъ дѣйствительный или только мнимый интересъ правительства. Не менѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ интендантъ защищалъ своихъ агентовъ отъ нескромныхъ преслѣдованій притѣсненныхъ ими гражданъ.

Что же было въ Лангедокѣ особеннаго, что отличало бы его отъ другихъ провинцій и составляло бы предметъ зависти? три вещи которыя дѣлали его совершенно отличнымъ отъ остальной Франціи.

1) Собраніе составленное изъ замѣчательныхъ людей, пользующееся довѣріемъ въ народѣ, уважаемое королевскою властью, собраніе, членомъ котораго не могъ сдѣлаться ни одинъ чиновникъ центральнаго правительства или говоря языкомъ того времени, *aucun officier du roi,* гдѣ каждый одъ свободно и серьозно разсуждали о частныхъ интересахъ провинціи.

Достаточно, чтобы королевская администрація стала только о бокъ съ этимъ источникомъ свѣта и тогда она иначе должна была воспользоваться своими привиллегіями; оставаясь при тѣхъ же дѣятеляхъ, съ тѣми же инстинктами, она совсѣмъ не была похожа на то, что встрѣчалось вездѣ.

2) Въ Лангедокѣ было много общественныхъ работъ производившихся на счетъ короля и чрезъ его агентовъ; были и другія, для которыхъ центральное правительство

вносило только часть капитала и большею частію управляло ихъ производствомъ; но самое большое число публичныхъ работъ производилось на счетъ провинціи. Какъ только король одобрялъ предначертаніе и разрѣшалъ расходы на него, тотчасъ оно поступало въ руки чиновниковъ избранныхъ сеймомъ и подъ надзоръ коммисіи выбранной изъ ихъ же среды.

3) Наконецъ провинція имѣла право по своему благоусмотрѣнію и по способу, который она предпочитала другимъ, собирать часть королевскихъ налоговъ и всѣ другія подати, которыя позволялось ей установлять для удовлетворенія собственныхъ нуждъ. Мы разсмотримъ какъ воспользовался Лангедокъ своими привиллегіями. Это стоитъ труда, чтобы разсмотрѣть ближе.

Болѣе всего поражаетъ насъ въ избирательныхъ странахъ, почти совершенное отсутствіе мѣстныхъ повинностей; общіе налоги часто тягостны, но провинція почти ничего на себя не расходуетъ. Въ Лангедокѣ, напротивъ сумма, идущая ежегодно на общественныя работы очень велика: въ 1780 году она превзошла 2,000,000 ливровъ.

Центральное правительство часто волновалось при видѣ такихъ расходовъ; оно боялось, что провинція истощенная такими усиліями будетъ не въ состояніи выплатить королевскихъ налоговъ. Оно упрекало сеймъ въ невоздержности. Я читалъ мемуаръ, въ которомъ собраніе отвѣчало на подобную критику; точное извлеченіе оттуда лучше всего изобразитъ то, что я могу назвать духомъ оживлявшимъ это маленькое правительство.

Изъ этого мемуара узнаемъ, что въ самомъ дѣлѣ провинція предпринимала и исполняла множество работъ, и что она не извиняясь въ этомъ говоритъ напротивъ, что если король не будетъ препятствовать, то объемъ работъ будетъ все болѣе и болѣе разширяться; она уже улучшила или разчистила теченіе главныхъ рѣкъ, проходящихъ по ея территоріи и занялась отдѣлкою Лангедокскаго канала проложеннаго при

Людовикѣ XIV и оказавшагося негоднымъ; продолженіе канала должно было по нижнему Лангедоку, вести чрезъ Сетъ и Ардъ до Роны. Сдѣланъ доступнымъ для торговли Сетскій портъ, и все это поддерживалось съ большими издержками. Всѣ подобные расходы, какъ видно, имѣютъ характеръ болѣе національный, чѣмъ провинціальный; тѣмъ не менѣе провинція, которая болѣе другихъ воспользовалась выгодами приняла ихъ на себя.

Она также занималась осушеніемъ болотъ и сдѣлала удобными для хлѣбопашества болота d'Aigues-mortes. Но съ особеннымъ усердіемъ занималась она дорогами; она проложила или привела въ хорошее состояніе всѣ тѣ, которыя были необходимы для сообщенія совсѣмъ королевствомъ; даже были исправлены тѣ, которыя служили для сообщенія городовъ и бурговъ Лангедока между собою. Всѣ эти дороги были превосходны, даже зимою, и представляли совершенную противуположность съ дурными, шероховатыми, дурно содержимыми дорогами большей части сосѣднихъ провинцій, Дофинэ, Кверси, округа Бордо (избирательныя земли, это достойно замѣчанія). Въ этомъ случаѣ она выслушивала мнѣнія и торговцевъ и путешественниковъ; и была права, ибо Артуръ Юнгъ объѣзжая страну десятъ лѣтъ спустя, внесъ въ свои замѣтки: «Лангедокъ, земля имѣющая свой сеймъ; хорошія дороги, проложенныя безъ особеннаго обремененія барщиной.»

Если король позволитъ, продолжаетъ мемуаръ, то сеймъ неостановится на этомъ, онъ предприметъ улучшеніе проселочныхъ дорогъ, которыя не менѣе важны какъ и другія, «ибо если нельзя перенести съѣстные припасы, замѣчаетъ онъ, изъ житницъ владѣльца на базаръ, то что толку въ томъ, что ихъ можно перевезти далеко?»—«Правило сейма въ отношеніи общественныхъ работъ было всегда таково, прибавляетъ онъ, что не объ обширности, но о пользѣ работъ нужно заботиться.»—Рѣки, каналы, дороги позволяя перевозить произведенія земли и промышленности, во всякое время и за незначительные издержки, всюду гдѣ окажется въ нихъ нужда, доставляя средства торговлѣ проникать во всѣ части провинціи, обогатили страну, хотя сами ей дорого стоили.

Даже болѣе, предпринимая подобныя работы въ различныхъ частяхъ территоріи, приблизительно вездѣ одинаковымъ образомъ, поддержали цѣну возмездій и тѣмъ помогали бѣднымъ.— «Король не имѣетъ надобности на свои издержки строить въ Лангедокѣ пріюты для бѣдныхъ, какъ это дѣлаетъ онъ въ остальной Франціи, говорятъ съ гордостію депутаты провинціи въ концѣ мемуара. Мы совсѣмъ не нуждаемся въ такой милости, полезныя работы предпринимаемыя каждый годъ нами же самими, замѣняютъ у насъ благотворительныя заведенія, и приносятъ всѣмъ производительный трудъ.»

Чѣмъ болѣе я изучаю главныя постановленія учрежденныя съ дозволенія короля, но обыкновенно безъ его иниціативы, сеймомъ Лангедока, въ той части общественной администраціи, которая была предоставлена ему, тѣмъ болѣе удивляюсь мудрости, справедливости и великодушію проглядывающимъ въ нихъ; тѣмъ выше кажется мнѣ мѣстное правительство въ сравненіи съ тѣмъ, что видимъ въ земляхъ, гдѣ администрація принадлежитъ одному королю.

Провинція раздѣляется на общины *communautés (города и деревни)*, административныя округи называвшіеся *dioeéses*, наконецъ, на три большихъ департамента называвшихся *sénéchaussées (сенешальства)*. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ отдѣльное представительство, свое маленькое правительство, дѣйствующее подъ управленіемъ или сеймовъ или короля. Идетъ ли дѣло объ общественныхъ работахъ касающихся выгоды этихъ маленькихъ политическихъ корпорацій: они сами поднимаютъ вопросъ объ этомъ.

Если работа общины можетъ принести пользу для діацезъ, то эти послѣдніе, часть расходовъ берутъ на себя. Если заинтересовано сенешальство, то, и оно помогаетъ,

Діоцеза, сенешальство, провинція должны являться на помощь общинѣ и тогда, когда дѣло идетъ о частномъ интересѣ этой послѣдней, если только задуманная работа необходима и превышаетъ ея силы, ибо сеймы безпрестанно повторяютъ: «Основное начало нашего устройства, состоитъ въ томъ, что всѣ части Лангедока совершенно *солидарны одни съ другими* и должны помогать другъ другу.»

Работы предпринимаемыя провинціей проходятъ длинный рядъ приготовленій, онѣ подлежатъ изслѣдованію всѣхъ второстепенныхъ корпорацій, которыя будутъ въ нихъ участвовать; эти работы производятся на чистыя деньги; принудительная работа совсѣмъ неупотребляется. Я сказалъ, что въ избирательныхъ странахъ земли, взятыя у собственниковъ для общественныхъ нуждъ, всегда дурно и поздно оплачивались, а часто этаго и совсѣмъ не бывало. Что вызвало самую сильную жалобу провинціальныхъ собраній, когда они были созваны въ 1787 году. Нѣкоторые указывали на то, что нѣтъ никакой возможности даже опредѣлить сумму долговъ происшедшихъ чрезъ то, потому что обыкновенно уничтожали самый предметъ за который слѣдовало платить прежде его оцѣнки. Въ Лангедокѣ всякій кусочекъ земли взятый у собственника долженъ былъ быть тщательно оцѣненъ до начала работъ *и уплаченъ въ первый же годъ ихъ производства.*

Постановленія сеймовъ, касающіяся до различныхъ общественныхъ работъ, изъ которыхъ я извлекъ эти подробности, кажутся центральному правительству до такой степени хорошими, что не подражая имъ, оно ихъ уважаетъ. Королевскій совѣтъ одобривъ эти постановленія велѣлъ отпечатать въ королевской типографіи и разослалъ какъ образцовыя статьи всѣмъ интендантамъ.

Что я сказалъ объ общественныхъ работахъ, еще въ большей мѣрѣ приложимо къ другой части провинціальной администраціи, не менѣе важной, къ сбору налоговъ.

Въ этомъ случаѣ особенно трудно повѣрить, что переходя изъ сферы королевства въ сферу провинціи, находимся въ одномъ и томъ же государствѣ.

Я имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ сказать, что при обложеніи и взиманіи налоговъ, Лангедокъ слѣдовалъ тому же методу, которому слѣдуемъ теперь мы. Здѣсь я не буду повторять того же самаго; я только прибавлю, что провинція такъ сильно чувствовала превосходство своего способа взиманія податей, что всякій разъ, какъ король устанавлялъ новые налоги, сеймы ни когда незадумывались за весьма дорогую цѣну покупать права взиманія по своему методу и чрезъ своихъ агентовъ.

Не смотря на всѣ исчисленные расходы, дѣла Лангедока были тѣмъ не менѣе въ такомъ хорошемъ состояніи и кредитъ его былъ такъ твердъ, что центральное правительство часто прибѣгало къ нему за помощію и занимало на имя провинціи деньги, которыя ему самому не дали бы на такихъ выгодныхъ условіяхъ; я нашелъ что въ послѣднее время Лангедокъ занялъ на свою отвѣтственность для короля 73,200,000 ливровъ.

Однако правительство и его министры очень непріязненно смотрѣли на эти частныя вольности. Ришилье сначала ограничилъ ихъ, потомъ совсѣмъ уничтожилъ. Вялый и лѣнивый Людовикъ XIII, который ничего не любилъ, возненавидѣлъ эти вольности; онъ питалъ такое отвращеніе къ привиллегіямъ провинцій, говоритъ Буленвилье, что его гнѣвъ вспыхивалъ только отъ одного ихъ названія. Не знаютъ вполнѣ всей энергіи, которою обладаютъ слабыя души, чтобы ненавидѣть то, что побуждаетъ ихъ къ усилію надъ собою. Все что осталось въ нихъ мужественнаго уходитъ на эту ненависть и проявляется почти всегда очень сильно, оставаясь слабымъ во всемъ другомъ. Счастье распорядилось такъ, что старое устройство Лангедока, было возстановлено въ дѣтствѣ Людовика XIV. Этотъ послѣдній смотрѣлъ на него какъ на дѣло своихъ рукъ и уважалъ

его. Людовикъ XV на два года пресѣкъ было существованіе такого устройства, но потомъ оно сново было возстановлено.

Учрежденіе муниципальныхъ должностей принесло съ собой менѣе непосредственныя, но не менѣе великія бѣдствія; слѣдствіемъ этого ненавистнаго учрежденія было не только разрушеніе конституцій городовъ, но также порча устройства провинцій. Я не знаю были ли депутаты отъ третьяго сословія когда либо избираемы въ провинціальное собраніе, но съ давнихъ поръ того уже не было; городскіе муниципальные чиновники имѣли право одни представлять буржуазію и народъ.

Это отсутствіе особеннаго сословія уполномоченнаго въ видахъ интересовъ настоящей минуты было такъ мало замѣтно, что сами города избирали всеобщей балотировной и чаще всего на очень короткое время своихъ магистратовъ. Мэръ, консулъ, синдикъ такъ искренно говорили въ сеймѣ за волю народа, какъ будто бы онѣ нарочно для того существовали. Понятно что совсѣмъ иначе поступалъ тотъ, кто на свои деньги пріобрѣталъ право управлять согражданами. Такіе депутаты были представителями только самихъ себя или еще лучше маленькихъ интересовъ и страстей своей партіи, а между тѣмъ для этихъ магистратовъ оставили право владѣть тою же властью какъ и магистраты избранные народомъ.

Это совсѣмъ измѣнило характеръ учрежденія. Дворянство и духовенство вмѣсто того, чтобы видѣть около себя въ провинціальномъ собраніи представителей народа, находили только отдѣльныхъ буржуа, робкихъ и безсильныхъ, а третье сословіе все болѣе и болѣе подчинялось правительству въ то самое время, какъ оно съ каждымъ днемъ становилось все богаче и сильнѣе въ обществѣ. Этого не было въ Лангедокѣ; провинція всегда заботилась о покупкѣ у короля должностей по мѣрѣ того, какъ онѣ учреждались. Заемъ сдѣланный ею для этого, въ одинъ 1773 годъ дошелъ до 4 милліоновъ ливровъ.

Другія причины болѣе могущественныя способствовали новому духу проникнуть старыя учрежденія и сообщить сеймамъ Лангедока неоспоримое превосходство надъ всѣми другими.

Въ этой провинціи, какъ и въ большей части южной Франціи, подать была поземельная, а не личная, то есть она опредѣлялась по цѣнѣ собственности, а не по условіямъ, въ которыхъ находился собственникъ. Правда, были нѣкоторыя земли имѣвшія привилегію совсѣмъ не платить ее: такія земли прежде принадлежали дворянству; но съ теченіемъ времени и съ развитіемъ промышленности часть ихъ перешла въ руки простолюдиновъ; съ другой стороны благородные сдѣлались собственниками многихъ имѣній обложенныхъ податью. Привилегія, такимъ образомъ, перешла съ лицъ на вещи и сдѣлалась, правда, чрезъ то болѣе нелѣпой, за то была не такъ чувствительна, потому что, стѣсняя жителей, она не унижала ихъ. Не будучи болѣе неразрывно связаны съ идеей о сословіи, не составляя для каждаго изъ классовъ интересъ совершенно чуждой, часто противуположный, она не препятствовала болѣе всѣмъ вмѣстѣ принимать участіе въ управленіи. Въ Лангедокѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, сословія перемѣшались между собою и стали на ровную ногу.

Въ Бретани, все дворянство имѣло права являться на сеймъ, что часто превращало эти послѣднія въ польскіе съѣзды государственныхъ чиновъ. Въ Лангедокѣ благородные являлись на сеймъ только какъ представители; двадцать три человѣка изъ нихъ являлись вмѣсто всѣхъ. Духовенство представлялось въ лицѣ тоже двадцати трехъ епископовъ провинціи и, что особенно замѣчательно, города имѣли столько же голосовъ сколько два первыя сословія вмѣстѣ.

И такъ какъ собраніе было одно и подавали голоса не по сословіямъ, а поголовно, то третье сословіе имѣло натурально большое значеніе, мало по малу оно сообщило

свой духъ всему обществу. Даже болѣе, три магистрата, которые подъ именемъ главныхъ синдиковъ должны были отъ имени сейма вести дѣла, всегда выбирались изъ людей закона, то есть изъ ремесленниковъ. Дворянство достаточно сильное, чтобы поддержать свое достоинство, было безсильно одно царствовать въ своей странѣ. Духовенство, состоявшее большею частію изъ дворянъ, жило въ согласіи съ третьимъ сословіемъ, оно съ жаромъ отстаивало его проэкты, согласно съ нимъ заботилось о увеличеніи матеріальнаго благосостоянія всѣхъ гражданъ и покровительствовало торговлѣ и промышленности, услуживая такимъ образомъ большимъ знаніемъ людей и рѣдкою ловкостію въ управленіи дѣлами. Изъ духовенства почти всегда выбирали депутатовъ въ Версаль для преній съ министрами по поводу спорныхъ вопросовъ приводившихъ въ столкновеніе королевскую власть съ властію сеймовъ. Можно сказать, что въ продолженіи всего послѣдняго столѣтія Лангедокъ управлялся буржуазіей, подъ контролемъ дворянъ и при помощи духовенства.

Благодаря этому особенному устройству Лангедока, духъ новаго времени могъ скоро проникнуть въ его старыя учрежденія и все измѣнить тамъ, ничего не разрушая.

Точно также могло быть и въ другихъ мѣстахъ. Немного постоянства и усилія со стороны государей и можно было бы улучшить провинціальные сеймы и приспособить ихъ къ новѣйшей цивилизаціи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Страница 14. Строка 22.

Могущество Римскаго права въ Германіи. — Какимъ образомъ замѣстило оно Германское право.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ, римское право становится главной, и почти единственной наукой нѣмецкихъ легистовъ; въ эту эпоху большая часть изъ нихъ получаютъ свое образованіе внѣ Германіи, въ италіанскихъ университетахъ.

Легисты, не будучи властями политическаго общества, но имѣя обязанность объяснять и прилагать его законы, если не совсѣмъ вытѣснили германское право, то по крайней мѣрѣ совершенно передѣлали его и насильно вставили въ рамку римскаго. Они прилагали римскіе законы ко всему, что казалось въ германскихъ учрежденіяхъ имѣющимъ, хотя самую отдаленную аналогію съ законодательствомъ Юстиніана; и ввели такимъ образомъ новый духъ, новые обычаи въ національное законодательство; мало по малу это послѣднее было передѣлано до такой степени, что стало не похоже на прежнее и въ семнадцатомъ столѣтіи, напримѣръ, его нельзя уже было узнать. Оно было замѣнено чѣмъ то германскимъ по имени и римскимъ на самомъ дѣлѣ.

Я готовъ вѣрить, что вслѣдствіе этой работы легистовъ,

положеніе древняго германскаго общества во многомъ сдѣлалось хуже, въ особенности положеніе крестьянъ; тѣ изъ нихъ, которымъ удалось еще сохранить до сихъ поръ свои права вполнѣ или хотя отъ части, теперь теряли ихъ, послѣ сближенія положеній крестьянина съ положеніемъ римскаго раба.

Эта постепенная передѣлка національнаго законодательства, и напрасныя попытки помѣшать ей, очень хорошо видны изъ исторіи Виртемберга.

Со времени образованія графства этого имени въ 1250 году, до появленія герцогства въ 1495, законодательство было вполнѣ туземнымъ; оно состояло изъ обычаевъ, мѣстныхъ законовъ, городскихъ или сеньоріальныхъ статутовъ обнародованныхъ сеймами; только церковныя дѣла управлялись чужими законами—каноническимъ правомъ.

Съ 1495 характеръ законодательства измѣняется: римское право начинаетъ проникать сюда; *доктора*, какъ называли тогда изучавшихъ право въ иностранныхъ школахъ, вступаютъ въ правительство и завладѣваютъ управленіемъ существовавшихъ судовъ. Въ продолженіи всего начала пятнадцатаго вѣка и до половины его, политическое общество ведетъ противъ нихъ туже борьбу, которая велась въ эту эпоху и въ Англіи, но только съ неодинаковымъ успѣхомъ. На сеймѣ въ Тюбингенѣ въ 1514 году и въ слѣдующихъ за тѣмъ, феодальные представители и городскіе депутаты дѣлаютъ всевозможныя протестаціи противъ настоящаго хода дѣлъ; они нападаютъ на легистовъ, которыя замѣшались во всѣ дѣла и измѣняли духъ и букву всѣхъ обычаевъ и законовъ. Дѣло казалось сначала было на сторонѣ представителей; правительство обѣщало, съ этого времени, замѣщать высшія мѣста людьми почтенными и просвѣщенными, изъ дворянскаго сословія или сословій герцогства, не принимать докторовъ; и компанія составленная изъ членовъ отъ правительства и представителей сословій, должна приготовить проэктъ кодекса, который служилъ бы для

всей страны. Безполезныя усилія! скоро римское право совершенно вытѣснило національное, въ большей части законодательства и пустило корни даже на той почвѣ, гдѣ это законодательство было еще живо.

Это торжество иностраннаго права надъ туземнымъ, многіе нѣмецкіе писатели относятъ къ двумъ причинамъ: 1) умственному движенію увлекшему тогда всѣхъ къ языкамъ и литературѣ древности, даже до презрѣнія къ произведеніямъ національнаго генія; — 2) идеи, преобладавшей въ Германіи въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, которая отразилась также и въ законодательствѣ того времени; идеи, что священная имперія есть продолженіе имперіи римской и что законодательство первой досталось въ наслѣдіе послѣдней.

Но этихъ причинъ недостаточно, для уразумѣнія; почему въ туже эпоху, это самое право сразу было введено на всемъ европейскомъ континентѣ. Я думаю, что это произошло отъ того, что, въ тоже время, неограниченная власть государей вездѣ твердо устанавливается на развалинахъ старинныхъ вольностей Европы и римское право, право рабства, какъ нельзя лучше согласавалось съ ихъ видами.

Римское право, усовершенствовавъ вездѣ гражданское общество, разстроило общество политическое, потому, что оно было произведеніемъ народа очень цивилизованнаго и слишкомъ поробощеннаго. Короли ревностно усвоивали его и утверждали вездѣ, гдѣ только становились они главами.

Толкователи этого права во всей Европѣ, дѣлаются ихъ министрами, главными орудіями ихъ. Легисты, въ случаѣ необходимости, находятъ для короля подпору въ правѣ противъ другаго права. Это часто бывало въ то время. Весьма рѣдко случалось, чтобы на сторонѣ короля нарушившаго законъ не стоялъ легистъ, который увѣрялъ, что нѣтъ ничего законнѣе такого поступка и ученымъ образомъ доказывалъ, что насиліе было справедливо и притѣсненный былъ не правъ.

Страница 16. Строка 15.

Переходъ феодальной монархіи въ демократическую.

Всѣ монархіи около этого времени сдѣлались неограниченными; нѣтъ никакого повода думать, что этотъ переворотъ государственнаго устройства произошелъ въ слѣдствіе частныхъ обстоятельствъ, случайно появившихся въ это время въ каждомъ изъ государствъ; напротивъ должно думать, что такое повсемѣстное и современное происшествіе есть плодъ общей причины дѣйствовавшей вездѣ одинаково.

Такой общей причиной былъ переходъ изъ одного общественнаго быта въ другой, отъ феодальнаго неравенства къ демократическому равенству. Дворянство было уже разбито, но народъ еще не возвысился. Одни стояли слишкомъ низко, другіе еще недостаточно высоко, чтобы стѣснить движеніе власти. Эти полтораста лѣтъ были золотымъ вѣкомъ для государей; тогда они пользовались и устойчивостью власти и всемогуществомъ, что обыкновенно исключается одно другимъ: священные, какъ наслѣдственные представители феодальной монархіи, они были неограничены, какъ главы демократическихъ обществъ.

Страница 17. Строка 4.

Паденіе свободныхъ городовъ въ Германіи. — Города имперскіе.

(Reichsstaedten).

Слѣдуя нѣмецкимъ историкамъ, высшая степень процвѣтанія этихъ городовъ относится къ четырнадцатому и пятнадцатому вѣку. Тогда они были пріютомъ богатства, искусствъ, наукъ, стояли въ главѣ европейской торговли, были самыми могучими центрами цивилизаціи. Кончилось тѣмъ, что на сѣверѣ и югѣ Германіи они образовали независимые союзы съ окружающимъ дворянствомъ, подобно тому какъ швейцарскіе города заключили союзъ съ крестьянами.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ города сохраняли еще свое благосостояніе, но эпоха паденія наступала. Тридцати лѣтняя война закончила это паденіе, почти нѣтъ ни однаго города, который не былъ бы разрушенъ въ этотъ періодъ.

Между тѣмъ Вестфальскій договоръ прямо называетъ ихъ и старается поддержать въ качествѣ независимыхъ государствъ, то-есть такихъ, которыя ни отъ кого независятъ кромѣ императора; но съ одной стороны окружающіе государи, съ другой самъ императоръ, власть котораго со времени тридцати лѣтней войны направилась на стѣсненіе этихъ маленькихъ вассаловъ Имперіи, съ каждымъ днемъ стѣсняли границы ихъ самостоятельности. Въ восемнадцатомъ столѣтіи встрѣчаемъ ихъ въ числѣ пятидесяти однаго; они занимаютъ двѣ скамьи на сеймѣ государственныхъ чиновъ и владѣютъ особеннымъ голосомъ; но на самомъ-то дѣлѣ не имѣютъ ни какого вліянія на ходъ общихъ дѣлъ.

Внутри города были переполнены долгами, частью отъ того, что помня ихъ прежній блескъ, продолжаютъ облагать ихъ податьми въ пользу имперіи; частью отъ того, что они весьма дурно были управляемы. И особенно замѣчательно, что эта дурная администрація, повидимому, происходитъ отъ тайной болѣзни, общей для всѣхъ городовъ каково бы ни было ихъ устройство. Будь оно аристократическое или демократическое, оно всегда порождаетъ жалобы, если несовершенно одинаковыя, то покрайней мѣрѣ одинаково одушевленныя: аристократическое правительство, говорили они, дѣлается привиллегіей небольшаго числа фамилій; отъ милости, отъ частныхъ интересовъ ихъ зависитъ все; въ демократическомъ отвсюду появляются происки и продажность. Въ обоихъ случаяхъ жаловались на недостатокъ честности и безкорыстія со стороны правительства. Императоръ принужденъ безпрестан-

но вмѣшиваться въ дѣла городовъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ. Народонаселеніе уменьшается и города впадаютъ въ бѣдствія. Уже они болѣе не были разсадниками германской цивилизаціи; искуства оставили ихъ и заблистали въ новыхъ городахъ, созданныхъ государями и представляющихъ новый міръ. Торговля исчезаетъ, пропадаетъ прежняя энергія и патріотическая гордость; Гамбургъ, почти одинъ, остается еще великимъ центромъ богатствъ и просвѣщенія, но это случилось въ силу исключительныхъ причинъ.

Страница 22. Строка 10.

Время уничтоженія рабства въ Германіи.

Изъ слѣдующей таблицы видно, что уничтоженіе рабства, въ большей части нѣмецкихъ земель, совершилось очень недавно; именно:

1) Въ Баденскихъ земляхъ . . . . . въ 1783 году;
2) — Гогенцолернѣ. . . . . — 1789 —
3) — Шлезвигѣ и Голштиніи. . . . . — 1804 —
4) — Нассау. . . . . — 1808 —
5) — Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ 1-й уничтожилъ въ 1717 году рабство въ своихъ помѣстьяхъ. Законы Фридриха великаго, какъ видѣли, стремились совершить это уничтоженіе во всемъ королевствѣ; но въ дѣйствительности ими была уничтожена только самая суровая форма рабства *leibeigenschaft*; ее сохранили въ другой смягченной *erbunterthaenigkeit*. Только въ 1809 году оно окончательно прекратилось.
6) Въ Баваріи рабство уничтожилось въ 1808 году;
7) Декретъ Наполеона, относящійся въ 1808 году въ Мадритѣ, уничтожилъ его въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ и въ другихъ маленькихъ земляхъ, какъ то въ Эрфуртѣ, Байрейтъ и проч.
8) Въ Вестфальскомъ королевствѣ. . . . въ 1808 и 1809

9) Въ княжествѣ Липпе—Детмольтъ . . . . . въ 1809
10) — Шомбургъ Липпе . . . . . — 1810
11) — Шведской Помераніи. . . . . также — 1810
12) — Гессенъ Дармштадтѣ. . . . . отъ 1809 до 1811
13) — Вюртембургѣ . . . . . въ 1817
14) — Мекленбургѣ. . . . . — 1820
15) — Ольденбургѣ. . . . . — 1814
16) — Саксоніи для Лузаціи. . . . . — 1832
17) — Гогенцолернъ—Сигмарингенъ только. . — 1833
18) — Австріи въ 1811.—Въ 1782 году Іосифъ II уничтожилъ leibeigenschaft, но рабство оставалось въ смягченной формѣ erbunterthenigkeit до 1811 года.

Страница 22. Строка 10.

Нѣкоторыя земли, теперь нѣмецкія, какъ напримѣръ Бранденбургъ, старая Пруссія, Силезія, прежде были заселены Словянами, потомъ покорены и отчасти заняты Нѣмцами. Въ этихъ странахъ рабство имѣло всегда видъ еще болѣе суровый, чѣмъ въ самой Германіи; оно оставило послѣ себя въ концѣ осьмнадцатаго столѣтія болѣе рѣзкія черты.

Страница 23. Строка 23.

Кодексъ Фридриха Великаго.

Изъ твореній Фридриха великаго, менѣе другихъ извѣстно, даже въ его странѣ, и менѣе всѣхъ блестяще, это кодексъ составленный по его распоряженію и обнародованный его наслѣдникомъ. Однако же, я не знаю, естли какое либо другое произведеніе, которое бросало бы столько свѣта и на самаго человѣка и на то время, и показало бы лучше взаимное ихъ вліяніе.

Кодексъ Фридриха есть истинная конституція въ полномъ смыслѣ этого слова; цѣль автора состояла не только въ томъ, чтобы опредѣлить отношенія гражданъ между

собою, но и установить отношенія гражданъ къ государству: это и гражданскій кодексъ и уголовный и хартія.

Онъ основывается, или лучше сказать кажется, какъ будто бы основывается, на извѣстномъ числѣ общихъ началъ, выраженныхъ въ философической, весьма отвлеченной формѣ, во многихъ отношеніяхъ сходныхъ съ тѣми, которые наполняли деклараціи о правахъ человѣка въ конституціи 1791 года.

Въ этомъ кодексѣ превозглашается, что благо государства и его жителей есть цѣль общества и цѣль закона; что законы не должны ограничивать свободу и права гражданъ, развѣ только въ видахъ общей пользы; что каждый членъ государства долженъ трудиться для общаго блага сообразно съ своимъ положеніемъ и состояніемъ; что права личности должны уступать противъ общаго блага.

Ни гдѣ нѣтъ вопроса о наслѣдственномъ правѣ государей, его фамиліи, ни даже о частномъ правѣ, отличномъ отъ государственнаго,—слово государство есть единственное для означенія королевской власти.

Напротивъ въ немъ говорится объ общемъ правѣ людей: права людей основываются на естественной свободѣ устроить собственное благо не нарушая права другаго.

Всѣ дѣйствія, незапрещенныя естественнымъ закономъ или положительнымъ закономъ государства, позволительны. Каждый членъ государства можетъ требовать отъ него защиты своей личности и собственности, и имѣетъ право защищаться силой, если государство не подастъ ему помощи.

Изложивъ эти великія начала, законодатель, вмѣсто того, чтобы извлечь изъ нихъ, подобно конституціи 1791 года, ученіе о господствѣ народа и объ организаціи народнаго правительства въ свободномъ обществѣ, идетъ къ другому заключенію, также демократическому, но не либеральному; онъ разсматриваетъ государя, какъ единственнаго представителя государства и даетъ ему всѣ права принадлежащія обществу. Въ этомъ кодексѣ государь болѣе уже не есть представитель Бога, а только представитель общества, его органъ, служитель, какъ говоритъ Фридрихъ, на каждой строкѣ своего творенія; но только одинъ государь есть представитель и по этому одинъ онъ обладаетъ всею властью. Глава государства, сказано въ предисловіи, который обязанъ заботиться объ общемъ благѣ, единственной цѣли общества, долженъ быть уполномоченъ установлять и направлять всѣ дѣйствія индивидуумовъ къ этой цѣли.

Между главными обязанностями этого всемогущаго органа общества, я нашелъ слѣдующія: поддерживать миръ и общественную безполезность внутри и обезпечить каждаго противъ насилій. Внѣ государства, ему принадлежитъ заключать миръ и начинать войну, только онъ имѣетъ право давать законы и дѣлать общія полицейскія распоряженія; только онъ владѣетъ правомъ миловать и прекращать преслѣдованія по преступленіямъ.

Всѣ ассоціаціи существующія въ государствѣ, всѣ общественныя учрежденія находятся подъ его наблюденіемъ и распоряженіемъ, въ интересѣ мира и общей безопасности. Чтобы глава государства могъ выполнить свои обязанности, онъ нуждается въ извѣстныхъ матеріальныхъ средствахъ, по этому онъ имѣетъ власть налагать подати на частныя имущества, на лица, ихъ занятія, торговлю, произведенія и потребленія. Приказанія общественныхъ чиновниковъ дѣйствующихъ отъ его имени, должны быть обязательны, какъ его собственныя для тѣхъ, кто находится въ предѣлахъ власти этихъ чиновниковъ.

Подъ этою совершенно новою головою мы замѣчаемъ старинное тѣло; Фридрихъ ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только устранилъ то, что могло стѣснять его собственную власть, и стремился создать чудовищное существо, которое казалось бы переходомъ изъ одной формы творенія въ другую. Въ этомъ странномъ предпріятіи Фридрихъ выказалъ столько же презрѣнія къ логикѣ, сколько заботы о своемъ могуществѣ, и желанія избѣжать безполезныхъ затрудненій нападая на то, что еще имѣетъ силу защищаться.

Жители деревень, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ и мѣстечекъ, поставлены въ положеніе наслѣдственнаго рабства, которое неограничивается только барщиной и службой въ возмездіе за владѣніе извѣстнымъ клочкомъ земли, но распространяется, какъ видно, на самую личность крестьянина.

Большая часть привилегій собственниковъ земли заново освящены кодексомъ; можно даже сказать, что это было противъ кодекса, ибо было сказано, что въ случаѣ, если мѣстный обычай и новое законодательство различны, то должно слѣдовать первому. Было прямо объявлено, что государство не имѣетъ право разрушать эти привиллегіи иначе какъ только выкупомъ ихъ, слѣдуя законнымъ формамъ.

Правда кодексъ увѣряетъ, что рабство въ собственномъ смыслѣ *(leibeigenschaft)* въ той мѣрѣ, какъ оно утверждаетъ личное рабство, уничтожено, но наслѣдственное подданство, замѣнившее его *(erbunterthenigkeit)* есть также видъ рабства, какъ можно это заключить, читая текстъ кодекса.

Въ этомъ же кодексѣ, среднее сословіе заботливо отдѣлено отъ крестьянина; между буржуазіей и дворянствомъ отличаютъ промежуточный классъ: онъ состоитъ изъ высшихъ чиновниковъ неблагородныхъ, духовенства, профессоровъ, ученыхъ школъ, гимназій и университетовъ.

Буржуазію не смѣшивали съ благородными, она, напротивъ, всегда стояла ниже дворянства, не могла покупать секвестрованныхъ имѣній и занимать высшихъ гражданскихъ должностей; она не была *haffähig*, то есть не могла представляться ко двору, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, и никогда съ своимъ семействомъ. Какъ и во Франціи, такое униженіе становилось все невыносимѣе по мѣрѣ того, какъ этотъ классъ ежедневно становился просвѣщеннѣе и вліятельнѣе, и какъ годарственные чиновники буржуа занимали, если не самыя блестящія, то покрайней мѣрѣ, такія мѣста, гдѣ они большую часть самыхъ полезныхъ вещей держали въ своихъ рукахъ. Раздраженіе противъ привилегій дворянства, такъ много содѣйствовавшихъ у насъ революціи, въ Германіи приготовило то одобреніе, съ которымъ она сначала была тамъ встрѣчена. А между тѣмъ главный редакторъ кодекса былъ буржуа, но безсомнѣнія онъ слѣдовалъ приказаніямъ своего повелителя.

Старая европейская конституція, въ этой части Германіи, не была еще до такой степени разрушена, чтобы Фридрихъ могъ думать, не смотря на презрѣніе, которое она внушала ему, что настало время уничтожить даже остатки ея. Вообще онъ не покушался отнять у дворянъ право собраній и корпоративной администраціи, и оставилъ каждому отдѣльно ихъ привиллегіи. Онъ только ограничиваетъ и регулируетъ употребленіе ихъ. Отсюда произошло то, что этотъ кодексъ составленный подъ редакціей ученика нашихъ философовъ, и приложенный къ дѣлу уже послѣ французской революціи, есть самый достовѣрный и самый поздній документъ, дающій законное основаніе тѣмъ самымъ привилегіямъ, которыя революція желала уничтожить во всей Европѣ.

Дворянство въ немъ объявлено главнымъ сословіемъ въ государствѣ; благородные предпочтительно предъ другими, сказано въ кодексѣ, должны быть вызываемы на почетныя мѣста, когда они могутъ занять ихъ. Они только одни могутъ владѣть поземельными имуществами, учреждать субституціи, пользоваться правомъ охоты и суда нераздѣльнаго съ поземельными имѣніями, равно какъ и правами покровительства церкви; одни они могутъ принимать имя земли, которою владѣютъ. Буржуазія, пользуясь въ видѣ особеннаго исключенія правомъ владѣть имѣніемъ, должна пользоваться этимъ правомъ и почестями съ нимъ нераздѣльными, только въ извѣстныхъ границахъ. Буржуа, владѣя имѣніемъ, не можетъ передать его въ наслѣдство другому буржуа иначе, какъ если онъ принадлежитъ къ буржуазіи перваго разряда. Въ случаѣ, если бы не было такого лица или другаго благороднаго, имѣніе должно быть продано съ публичнаго торга.

Одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ кодекса Фридриха есть уголовное право, приложимое къ сферѣ политической.

Наслѣдникъ Фридриха, Фридригъ-Вильгельмъ II, не смотря на оттѣнокъ феодальнаго и неограниченнаго законодательства, который я старался выставить на видъ, хочетъ видѣть въ этомъ твореніи своего дяди революціонныя стремленія, и отложилъ его публикацію до 1794 года, говорятъ только за тѣмъ, чтобы дать окончательно установиться блестящимъ уголовнымъ постановленіямъ, съ помощью которыхъ исправлялись дурныя начала, заключающіяся въ кодексѣ. Никогда, въ самомъ дѣлѣ, не видѣли, даже послѣ, ничего въ этомъ родѣ болѣе полнаго; не только возмущенія и заговоры наказываются съ самою ужасною строгостью, но даже неуважительная критика правительственныхъ актовъ преслѣдуется также. Тщательно запрещается покупка и распространеніе опасныхъ сочиненій: типографщикъ, издатель и распространитель отвѣтственны вмѣстѣ съ авторомъ. Публичные балы, маскарады и другія увеселенія названы общественными собраніями и для нихъ должно просить позволенія полиціи. Тоже самое относится даже до стола въ общественномъ мѣстѣ. Свобода печати и слова подчинены произвольному надзору. Запрещается имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе.

Чрезъ все твореніе, на половину относящееся къ среднимъ вѣкамъ, проходитъ духъ крайней централизаціи, сходной съ соціализмомъ. Такъ въ немъ сказано, что государство должно заботиться о пищѣ, расходахъ, содержаніи тѣхъ, которые не могутъ сами содержать себя и не имѣютъ права на помощь помѣщика или общины: на такихъ должно возложить работу согласно съ ихъ силами и способностію. Государство должно формировать учрежденія, чрезъ которыя подавалась бы помощь бѣднымъ гражданамъ. Государство даже имѣетъ право уничтожить учрежденія поощряющія лѣнность и раздать бѣднымъ капиталъ, которымъ они владѣли.

Смѣлость и новизна въ теоріи, робость въ практикѣ, вотъ характеръ этого произведенія Фридриха, его мы находимъ повсюду. Съ одной стороны провозглашено великое начало новыхъ обществъ, что всѣ одинаково подлежатъ налогу; съ другой оставляютъ существованіе провинціальныхъ законовъ содержащихъ исключенія изъ этого правила. Положено впредь при обсужденіи всѣхъ процессовъ между подданнымъ и государемъ слѣдовать тѣмъ же формамъ и предписаніямъ, какъ и во всѣхъ прочихъ тяжбахъ; на самомъ дѣлѣ, это правило никогда неисполнялось, если оно противурѣчило интересу или волѣ короля. Съ хвастовствомъ указываютъ на мѣльницу Санъ-Суси, и подводятъ подъ этотъ случай судъ, во многихъ другихъ обстоятельствахъ.

Что этотъ кодексъ, такъ много обновлявшій, какъ кажется съ перваго раза, въ дѣйствительности обновилъ очень мало и чрезъ то сдѣлался столь необходимымъ для изученія, если хотимъ понять настоящее состояніе общества этой части Германіи въ концѣ восемнадцатаго вѣка, это доказывается тѣмъ, что Прусская нація почти не замѣтила его при публикаціи. Одни легисты изучали его, и до нашихъ дней есть много просвѣщенныхъ людей, которые никогда не читали этого кодекса.

Страница 25. Строка 28.

Имущество крестьянъ въ Германіи.

Между крестьянами часто встрѣчались семейства, которыя мало того, что были свободны и имѣли поземельную собственность, но еще ихъ имѣнія составляли родъ постояннаго маіората. Земля, которою они владѣли, была нераздѣлима; одинъ сынъ наслѣдовалъ все: это обыкновенно былъ самый младшій, что иногда встрѣчается и въ Англіи, онъ

только обязанъ выплачивать часть своимъ братьямъ и сестрамъ.

Erbgütter крестьянъ были болѣе или мѣнѣе распространены по всей Германіи, ибо ни гдѣ не видимъ, чтобы на всю землю распространялась феодальная система. Въ Силезіи дворянство до нашего времени сохранило огромныя помѣстья, обнимающія собою большую часть деревень, но встрѣчаются однакоже и такіе, которые вполнѣ принадлежали обывателямъ и были совершенно свободны. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, какъ напримѣръ, въ Тиролѣ и Фрисландіи преобладающимъ случаемъ было, то, что крестьяне владѣютъ землею какъ *erbgütter*.

Но въ огромномъ большинствѣ странъ Германіи, этотъ родъ собственности былъ не болѣе какъ исключеніе, болѣе или менѣе частное. Въ деревняхъ, гдѣ оно встрѣчается, небольшіе такіе собственники составляютъ родъ аристократіи между крестьянами.

Страница 25. Строка 33.

Положеніе дворянства и раздѣленіе земли по Рейну.

Изъ розысканій произведенныхъ на мѣстѣ и близь людей жившихъ при старомъ порядкѣ оказывается, что, напримѣръ, въ курфиршествѣ Кельнскомъ было много деревень безъ помѣщиковъ, управлявшихся намѣстниками государя; что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовало дворянство административная власть ее была очень ограничена; что ея положеніе было болѣе блестяще, чѣмъ могущественно (покрайней мѣрѣ лично); оно приносило много почестей, давало право войти въ кругъ должностей государя, но не давала дѣйствительной и прямой власти на народъ.

Съ другой стороны, я удостовѣрился, что въ томъ же курфиршествѣ, собственность была весьма дробна и что очень большое число крестьянъ были собственниками. Это объясняется тѣмъ недостаткомъ и полубѣдностью, въ которую впали, съ давняго времени, большая часть дворянскихъ семействъ; недостатокъ безпрестанно заставлялъ ихъ отчуждать небольшія части своихъ земель, которыя занимали крестьяне, то за извѣстную ренту, то на чистыя деньги.

Я имѣлъ въ рукахъ выписки о народонаселеніи епископства Кельнскаго въ началѣ восемнадцатаго вѣка, гдѣ изложено состояніе земель въ эту эпоху; я тамъ увидѣлъ, что въ это время треть земли принадлежала крестьянамъ. Это обстоятельство породило цѣлое сочетаніе чувствъ и понятій, болѣе расположившихъ это населеніе къ революціи, чѣмъ то было въ другихъ частяхъ Германіи, гдѣ еще не было замѣтно такой особенности.

Страница 26. Строка 20.

Какимъ образомъ ссуда на проценты ускорила раздѣленіе земли.

Законъ запрещавшій ссуды на проценты, каковы бы они не были, былъ еще въ силѣ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Тюрго говоритъ, что даже въ 1769 году онъ былъ соблюдаемъ во многихъ мѣстахъ. Эти законы существуютъ, говоритъ онъ, хотя часто нарушаются. Консульскіе судьи признаютъ извѣстный процентъ безъ отчужденія капитала, тогда какъ обыкновенныя судьи отвергаютъ ихъ. Еще замѣчается, что должники съ дурной репутаціей обвиняютъ въ преступленіяхъ своихъ заимодавцевъ, чтобы заставить ихъ дать въ займы безъ отчужденія капитала.

Независимо отъ вліянія, которое не могло не имѣть это законодательство на торговлю и вообще на промышленные нравы націи, оно имѣло еще огромное вліяніе и на раздѣленіе земли и на состояніе ее. Оно до безконечности увеличило постоянныя ренты, какъ съ недвижимаго, такъ равно и съ движимаго имѣнія. Оно заставляло старыхъ владѣльцевъ земли, вмѣсто того чтобы въ случаѣ надоб-

ности прибѣгать къ займу, продавать часть своего помѣстья или за извѣстный капиталъ или за извѣстную постоянную ренту, что сильно способствовало съ одной стороны, къ раздѣленію земли, съ другой, къ переполненію маленькихъ владѣній множествомъ постоянныхъ службъ.

Страница 30. Строка 7.

Примѣръ страсти породившейся вслѣдствіе десятины, за десять лѣтъ до революціи.

Въ 1779 году одинъ незначительный адвокатъ изъ Лусе, въ весьма горькихъ выраженіяхъ, въ которыхъ уже чувствуется революція, жаловался на то, что священники и другіе важныя десятинники продаютъ земледѣльцамъ, за безмѣрную цѣну, солому, которую имъ доставляетъ сборъ и въ которой хозяева имѣютъ крайнюю нужду для корма.

Страница 30. Строка 7.

Примѣръ того, какъ духовенство удаляло отъ себя народъ, пользуясь своими привиллегіями.

Въ 1780 году, пріоръ и каноникъ пріорства Лаваль жаловались, что ихъ хотятъ подчинить тарифному сбору съ предметовъ потребленія и необходимыхъ матеріаловъ для поправки ихъ жилищъ. Они говорили, что тарифъ есть родъ подати, что они изъяты отъ нея и по этому не должны платить тарифа. Министръ отсылаетъ ихъ къ выборному суду и искать удовлетворенія по вѣдомству народнаго продовольствія.

Страница 30. Строка 10.

Феодальные сборы въ пользу духовенства.—Одинъ примѣръ изъ тысячи.

Шербургское аббатство (1753).

Это аббатство владѣло тогда помѣщичьей рентой выплачиваемой почти во всѣхъ приходахъ округа Шербурга, то

деньгами, то натурой, одинъ приходъ долженъ былъ триста шесть четвериковъ пшеницы.

Аббатство имѣло въ своемъ распоряженіи баронію Sainte-Geneviève, баронію и помѣщичью мѣльницу Bas-du-Roule, баронію Neuville-au-Plein расположенные не далѣе десяти льё. Кромѣ того оно сбирало десятину почти со всего полуострова, съ двѣнадцати приходовъ, изъ которыхъ многіе лежали очень далеко отъ него.

Страница 33. Строка 7.

Раздраженіе крестьянъ произведенное феодальными сборами. И въ особенности феодальными сборами священниковъ.

Письмо писанное незадолго передъ революціей однимъ земледѣльцемъ къ самому интенданту. Оно не можетъ служить авторитетомъ точности фактовъ, которые содержатся въ немъ, но удовлетворительно показываетъ состояніе умовъ того класса, къ которому принадлежалъ пишущій.

«Хотя, говоритъ онъ, мы имѣемъ въ нашемъ краю мало дворянства, но не нужно думать, чтобы поземельная собственность была менѣе обременена рентами; напротивъ почти всѣ помѣстья принадлежатъ кафедраламъ, архіепископствамъ, коллегіямъ Saint-Martin, Benedictins de Noirmoutiers, Saint-Julien и другимъ духовнымъ, у которыхъ рента никогда не пропадаетъ и гдѣ безпрестанно откапываютъ заплесневѣлыя хартіи, Богъ знаетъ какой фабрикаціи.»

«Вся эта страна обложена рентою. Большая часть земли обязана, каждый годъ, выплачивать, то седьмую часть пшеничнаго хлѣба съ десятины, то седьмую часть вина; тотъ долженъ четвертую часть отъ собранныхъ плодовъ внести въ сеньорію, другой пятую и т. д. всегда въ сложности заранѣе назначенная десятина; этотъ платилъ двѣнадцатую, тотъ тринадцатую часть. Всѣ эти сборы такъ различны, что я знаю, они разнообразятся отъ четвертой части плодовъ до сороковой.»

«Что подумать о всѣхъ этихъ рентахъ въ видѣ хлѣба, овощей, денегъ, живности, оброка, лѣса, плодовъ, свѣчей? Изъ этихъ странныхъ взносовъ я знаю нѣкоторыя существуютъ въ видѣ хлѣба, воска, яицъ, обезглавленной свинины, розоновыхъ украшеній, фіалковыхъ букетовъ, позолоченныхъ шпоръ и проч. Есть еще безчисленное количество другихъ помѣщичьихъ сборовъ. Отъ чего не освободили Францію отъ всѣхъ этихъ безсмысленныхъ оброковъ? Наконецъ то начинаютъ открывать глаза, и во всемъ можно надѣяться на благоразуміе нынѣшняго правительства; оно подало руку помощи, бѣднымъ жертвамъ лихоимства прежней системы фискальнаго управленія, возставая противъ помѣщичьихъ налоговъ, которые никогда не должны быть отчуждаемы и продаваемы.»

«А что подумать объ этой тиранніи пошлинъ съ продажъ земель? Пріобрѣтатель истощается на покупку помѣстья и еще обязанъ платить расходы по контракту, взносъ за владѣніе, протоколъ, контроль и внесеніе въ списокъ, процентовъ восемь су на ливръ и проч. и сверхъ всего этого онъ долженъ представить контрактъ сеньору, который заставляетъ уплатить покупную пошлину съ главной части его пріобрѣтенія: при этомъ одни платятъ двѣнадцатую часть, другіе десятую. Тотъ требуетъ пятую долю, этотъ пятую долю пятины.»

«Наконецъ есть во всякую цѣну и даже я знаю, что платятъ треть главнаго капитала. Нѣтъ! самыя дикія, самыя варварскія націи въ мірѣ никогда неизобрѣтали подобнаго лихоимства и въ такой огромной мѣрѣ какое наше тираны скопили надъ головами нашихъ отцевъ. (Эта философская и литературная тирада совершенно лишена орфографіи).

«Что же покойный король отмѣняя уплату поземельной ренты съ помѣстій находящихся въ городахъ не включилъ сюда тѣхъ, которые находятся въ деревняхъ? а съ этихъ послѣднихъ нужно бы начать. Почему не позволить бѣднымъ земледѣльцамъ разбить свои оковы, расплатиться и освободиться отъ множества сеньоріальныхъ и поземельныхъ повинностей причиняющихъ столько бѣдствій вассаламъ и такъ мало пользы сеньорамъ? Въ этомъ случаѣ не должно дѣлать различія между городами и деревнями, между сеньоромъ и частнымъ лицомъ.»

«Управители церковныхъ имуществъ, при всякой смѣнѣ, грабятъ и облагаютъ контрибуціей всѣхъ фермеровъ. Мы имѣемъ примѣръ памятный еще всѣмъ. Управитель нашего новаго архіепископа, прибывъ, увѣдомилъ всѣхъ фермеровъ о выѣздѣ его предшественника г. Флери, и объявилъ не существующими тѣ условія, которыя они заключили съ нимъ, выгонялъ за дверь тѣхъ, которые не хотѣли удвоить приношеній и дать большую бутыль вина, которую они уже отдали прежнему управителю г. Флери. Такимъ образомъ ихъ лишали семи или осьми лѣтъ, въ которые они могли еще пользоваться своими условіями заключенными съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, принуждая тотчасъ же оставить земли, наканунѣ Рождества, самаго критическаго времени по причинѣ затрудненія въ прокормленіи скота, не зная куда идти и гдѣ жить. Прусскій король не сдѣлалъ бы худшаго.»

Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что для имѣній церковныхъ условія предъидущихъ управителей не были законно обязательны для преемника. Авторъ письма, замѣчая выше, что отъ феодальныхъ поборовъ было можно откупаться въ городахъ, тогда какъ этого не было въ деревняхъ, говоритъ совершенную правду. Новое доказательство того безпомощнаго состоянія, въ которомъ находился крестьянинъ, и новый примѣръ того средства, какимъ, стоявшее выше него, напротивъ, находили возможность избавиться отъ дѣлъ.

Страница 33. Строка 7.

Всѣ учрежденія господствовавшія долгое время, утвердившись съ начала въ своей собственной сферѣ, потомъ

проникли за нее и имѣли огромное вліяніе на ту часть законодательства, къ которой не принадлежали; феодализмъ, относясь прежде всего къ праву политическому, измѣнилъ все гражданское право и условія имуществъ и людей въ сферѣ частной жизни. Онъ вліялъ на наслѣдство неравенствомъ раздѣла, начало которое нисходило, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, до средняго класса (примѣръ Нормандія). Онъ покрылъ, такъ сказать, собою всю поземельную собственность, ибо почти совсѣмъ не было земли, которая совершенно находилась бы внѣ его, и владѣлецъ которой не встрѣчалъ бы въ его законахъ противудѣйствія.

Феодализмъ дѣйствовалъ не только на частную собственность, но и на собственность общинъ. На промышленность онъ вліялъ чрезъ налоги возложенныя на нее. На доходы неравномѣрнымъ распредѣленіемъ податей, и вообще на дежныя интересы людей, почти во всѣхъ отношеніяхъ: на собственника чрезъ право ренты и барщины; на земледѣльца, тысячью средствъ, между прочимъ чрезъ помѣщичье право, поземельныя ренты, пошлины съ продажи земель и проч., на купцовъ, чрезъ торговое право, на коммерсантовъ чрезъ пошлину за провозъ и проч.

Революція принимаясь за искорененіе феодализма сразу столкнулась во всѣхъ пунктахъ съ частнымъ интересомъ.

Страница 42. Строка 27.

Общественная благотворительность, производимая государствомъ. Покровительство.

Въ 1748 году, король опредѣлилъ выдать 20,000 фунтовъ рису (это былъ годъ величайшихъ бѣдствій и голода, какихъ было много въ восемнадцатомъ столѣтіи). Архіепископъ Турскій объявилъ, что онъ выхлопоталъ помощь и что чрезъ него она должна быть роздана и только въ его эпархіи. Интендантъ утверждалъ, что помощь назначена для всего округа и, что ему принадлежитъ право распредѣлить ее по приходамъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ,

король, дабы помирить ихъ, удвоилъ количество пшена предназначеннаго для округа, чтобы и архіепископъ и интендантъ могли раздать по половинѣ. Однакоже оба они были согласны, что раздача должна быть произведена приходскими священниками. О сеньорахъ и синдикахъ не было и вопроса. Изъ кореспонденціи интенданта съ государственнымъ контролеромъ видно, что архіепископъ хотѣлъ раздать пшено только тѣмъ, кому онъ покровительствовалъ и именно большую часть въ приходѣ принадлежавшемъ герцогинѣ Рошешуаръ *(Rochechouart)*, съ другой стороны, есть кипа писемъ вельможъ, въ которыхъ они просятъ вспомоществованія исключительно для своихъ приходовъ, а въ письмахъ государственнаго контролера обозначены приходы принадлежащія извѣстнымъ лицамъ.

Законная благотворительность порождаетъ злоупотребленія при всякой системѣ, но она не исполнима когда исходитъ изъ столь далекаго источника, безъ гласности, отъ центральнаго правительства.

Страница 42. Строка 29.

Примѣръ того какъ эта законная благотворительность производилась.

Въ донесеніи провинціальному собранію верхней Гіени, относящемся къ 1780 году, находимъ: «изъ суммы 385,000 ливровъ, до которой доходилъ капиталъ дарованный Его Величествомъ для этого округа съ 1773 года, эпохи учрежденія работъ съ благотворительною цѣлью, включительно до 1779 года, Монтабанъ, главное мѣсто и резиденція г. интенданта одинъ имѣлъ болѣе 240,000 ливровъ, сумма, большая часть которой, была потрачена въ той же общинѣ Монтабана».

Страница 43. Строка 12.

Власть интенданта регламентирующая промышленность.

Архивы интендантствъ наполнены кипами бумагъ относящихся до этой регламентаціи промышленности.

*

Промышленность чувствовала тогда стѣсненіе не только со стороны раздѣленія на корпораціи, мастерства и проч. но подлежала еще всѣмъ капризамъ правительства, чаще всего появлявшихся въ видѣ общихъ постановленій королевскаго совѣта и въ частныхъ приказаніяхъ интендантствъ. Они постоянно занимаются опредѣленіемъ величины матеріи, выборомъ ткани, методовъ, которымъ должно слѣдовать при работѣ, говорятъ объ ошибкахъ, которыхъ должно избѣгать въ фабрикаціи. Кромѣ субъ-делегатовъ, они имѣли въ своемъ распоряженіи мѣстныхъ инспекторовъ промышленности. Съ этой стороны централизація тогда распространялась гораздо болѣе, чѣмъ въ наше время, и она была гораздо капризнѣе и произвольнѣе; она переполнилась чиновниками и породила всѣ роды привычекъ подчиненности и зависимости.

Замѣтьте, что эти привычки были усвоены гораздо болѣе буржуазіей, купечествомъ, коммерсантами, для которыхъ наставало торжество, чѣмъ тѣми классами которые должны были пасть. Революція, вмѣсто того чтобы разрушить ихъ, распространила и доставила преобладаніе этимъ привычкамъ.

Всѣ предыдущія замѣчанія почерпнуты изъ безчисленной коресподенціи и статей обозначенныхъ: *мануфактуры* и *фабрики*, *суконное производство*, *москотильный товаръ*, они попадаются въ бумагахъ уцѣлѣвшихъ въ архивахъ интенданства Иль-де-франса. Въ томъ же округѣ находимъ частыя и подробныя донесенія инспекторовъ своимъ интендантамъ о посѣщеніи ими фабрикъ, для удостовѣренія, что предписанныя правила выполняются; мало того, различныя постановленія совѣта, возлагаютъ на благоусмотрѣніе интенданта воспрепятствовать или дозволить фабрику въ извѣстномъ округѣ, извѣстной ткани или наконецъ извѣстнаго производства.

Идея, что государство имѣетъ право и обязанность принуждать фабриканта къ возможно лучшему производству, не

только въ общественномъ интересѣ, но и въ его же собственномъ, была преобладающею въ дѣйствіяхъ инспекторовъ, свысока смотрѣвшихъ на фабрикантовъ. Въ слѣдствіе этого, они считали долгомъ заставить придерживаться лучшихъ методовъ, входили въ самыя мелочи искуства, сопровождая все это безпрестанными отступленіями отъ закона и безмѣрными штрафами.

Страница 44. Строка 5.

Духъ правленія Людовика XI.

Нѣтъ другихъ документовъ, въ которыхъ можно было бы лучше оцѣнить истинный духъ правленія Людовика XI, какъ множество грамотъ, данныхъ имъ городамъ. Я имѣлъ случай весьма близко изучить ихъ въ большей части городовъ Анжу, Мена и Турена.

Всѣ они, приблизительно, вылиты по одному образцу, и вездѣ съ достаточною ясностью проглядываетъ одно и тоже предначертаніе. Тамъ является личность Людовика XI немного отличною отъ того, какъ мы его знаемъ. Обыкновенно представляютъ себѣ этого государя врагомъ дворянства и искреннимъ, хотя немного жестокимъ, другомъ народа. Изъ нашихъ документовъ видно, что онъ питалъ одинакую ненависть, какъ къ политическимъ правамъ народа, такъ и къ политическимъ правамъ дворянства. Онъ пользовался буржуазіей для того, чтобы унизить то, что выше ее, равно и для того, чтобы стѣснить то, что ниже; въ одно и тоже время, онъ и анти-аристократъ и анти-демократъ, онъ по преимуществу король буржуазіи. Онъ засыпалъ городскую знать привилегіями, желая чрезъ то увеличить ея независимость, съ щедростію возводитъ ея въ дворянское достоинство, уменьшая чрезъ это цѣну послѣдняго и въ тоже время онъ разрушилъ весь народный и демократическій характеръ городской администраціи, сосредоточивая упра-

вленіе въ рукахъ небольшаго числа фамилій, преданныхъ его реформамъ и, связанныхъ безмѣрными благодѣяніями съ его властію.

Страница 44, Строка 22.

Администрація городовъ въ осьмнадцатомъ столѣтіи.

Изъ справокъ, произведенныхъ въ 1764 году на счетъ администраціи городовъ, я извлекъ то, что касается до Анжера. Мы увидимъ, что устройство этого города поочередно подвергается разбору, нападкамъ и защищенію то со стороны мѣстнаго суда, то отъ городскаго общества, то субделегата, то интенданта. И такъ какъ этотъ фактъ повторяется во многихъ другихъ мѣстахъ, то нельзя видѣть въ этой картинѣ лишь только частный случай.

Мемуаръ мѣстнаго суда о настоящемъ положеніи муниципальнаго устройства Анжера и предстоящихъ реформахъ.

Городское общество Анжера, говоритъ мѣстный судъ, никогда почти не совѣтуется совсѣмъ населеніемъ даже по самымъ важнымъ дѣламъ, если это не относится къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ они принуждаются къ этому особыми распоряженіями; эта администрація никому не извѣстна, кромѣ тѣхъ, которые принадлежатъ къ городскому обществу, даже смѣняемымъ головамъ, которые имѣютъ о ней самое поверхностное представленіе.»

(Стремленіе всѣхъ этихъ буржуазійскихъ олигархій состояли, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, чтобы какъ можно менѣе совѣтоваться съ тѣмъ, что называется здѣсь совокупностію обывателей).

Городское управленіе, по уставу 29 марта 1681 года, состоитъ изъ двадцати одного члена:

Меръ, который вмѣстѣ съ мѣстомъ пріобрѣтаетъ дворянство, занимаетъ мѣсто на четыре года.

Четыре смѣнныхъ головы, остаются два года.

Двѣнадцать совѣтниковъ головъ, которые будучи разъ выбраны остаются на всегда.

Два городскихъ прокурора.

Одинъ прокуроръ кандидатъ.

Секретарь.

Они пользуются различными привиллегіями, между прочимъ слѣдующими: ихъ подушное не значительно и всегда постоянно; они изъяты отъ постоя войскъ, снабженія домашней утварью, — припасами и контрибуціей. Освобождены отъ податей, отъ двойной и тройной переборки, отъ старой и новой пошлины за въѣздъ въ городъ, пошлины съ предметовъ потребленія, даже отъ добровольныхъ приношеній отъ которыхъ они находили, возможность отдѣлаться самовластно, говоритъ мѣстный судъ. И сверхъ того они получаютъ освѣщеніе и нѣкоторыя другія части квартирнаго содержанія.»

Изъ этихъ подробностей видно, какъ хорошо было положеніе несмѣняемаго головы въ городѣ Анжерѣ въ это время.

Замѣтьте, изъятіе отъ податей всегда и вездѣ по этой системѣ падаетъ на самыхъ богатыхъ. Также не много далѣе въ этомъ мемуарѣ находимъ слѣдующее. «этихъ мѣстъ добиваются самые богатые жители, чтобы достигнуть уменьшенія чрезмѣрныхъ податей, тяжесть которыхъ падаетъ на другихъ. Теперь есть много муниципальныхъ чиновниковъ, которыхъ подушное состоитъ изъ 30 ливровъ, между тѣмъ имъ слѣдовало бы платить 250 или 300 ливровъ; есть такіе между ними, которые по своему состоянію могутъ платить по крайней мѣрѣ 1000 ливровъ.» Въ другомъ мѣстѣ того же мемуара находимъ: «между самыми богатыми жителями встрѣчается болѣе сорока чиновниковъ или чиновничьихъ вдовъ, которые чрезъ свою должность получили привиллегію быть не причастными значительнымъ подушнымъ, лежащимъ на городѣ; тяжесть этой подати падаетъ на безконечное число бѣдныхъ ремесленниковъ, ко-

торые потерявъ терпѣніе, безпрестанно протестуютъ противъ излишества сбора и почти всегда безполезно, потому что неравенства въ раздѣленіи того, что осталось на долю города нѣтъ.

Генеральное собраніе состоитъ изъ шестидесяти шести лицъ:

Меръ.
Два депутата отъ капитула.
Синдикъ отъ клерковъ.
Два депутата отъ мѣстнаго суда.
Одинъ депутатъ отъ университета.
Главный начальникъ полиціи.
Четыре головы.
Двѣнадцать совѣтниковъ головъ.
Королевскій прокуроръ при мѣстномъ судѣ.
Городской прокуроръ.
Два депутата вѣдомства водъ и лѣсовъ.
Два отъ избирателей.
Два отъ соляныхъ амбаровъ.
Два отъ торговаго вѣдомства.
Два отъ монетнаго.
Два отъ общества адвокатовъ и прокуроровъ.
Двое изъ консульскихъ судей.
Двое изъ натаріусовъ.
Двое изъ купеческаго общества.

Наконецъ по два депутата отъ каждаго изъ шести приходовъ.

Эти послѣдніе почитались представителями народа, собственно говоря, и въ частности промышленныхъ корпорацій. Какъ видно распорядились такъ, что ихъ всегда было меньшинство.

Когда мѣста въ городскомъ управленіи становились вакатными, генеральному собранію принадлежало право избрать по три кандидата на каждое мѣсто.

Большая часть мѣстъ городской ратуши не принадлежитъ исключительно извѣстнымъ корпораціямъ, какъ я это видѣлъ въ другихъ муниципальныхъ конституціяхъ; то есть избиратели не бываютъ принуждены выбирать магистратовъ, адвокатовъ и прочее; что члены мѣстнаго суда находятъ очень дурнымъ.

Слѣдуя тому же мѣстному суду, который кажется одушевленъ самою пылкою завистью противъ городскаго сословія, и который, мнѣ кажется, за то считаетъ муниципальное устройство дурнымъ, что въ немъ нѣтъ довольно привиллегій, «генеральное собраніе, слишкомъ многочисленно и отъ части составлено изъ личностей не совсѣмъ разумныхъ, по этому съ нимъ нужно совѣтоваться только въ случаѣ отчужденія общественнаго имущества, займа, утвержденія пошлинъ за въѣздъ въ городъ и избранія муниципальныхъ чиновниковъ. Всѣ остальныя дѣла могутъ быть обсуждаемы въ маленькомъ собраніи, составленномъ изъ нотаблей. Членами этого собранія могутъ быть только главный начальникъ сенешальства, королевскій прокуроръ и двѣнадцать другихъ нотаблей отъ шести корпорацій, духовенства, магистратуры, дворянства, университета, торговли, буржуазіи и другихъ не принадлежащихъ къ поименованнымъ сословіямъ. На первый разъ избраніе нотаблей должно быть вручено генеральному собранію, а въ послѣдствіи собранію нотаблей, или тѣхъ корпорацій, изъ которыхъ должны быть избраны нотабли.»

Всѣ эти государственные чиновники, вступающіе въ муниципальное общество стараго правительства, какъ обладатели должности или какъ нотабли, часто были похожи на теперешнихъ чиновниковъ и по названію должностей и даже по самому существу ихъ; но они глубоко отличались положеніемъ; на это всегда нужно обращать большое вниманіе, если не хотимъ прійдти къ самымъ ложнымъ выводамъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ эти чиновники были нотаблями города, прежде чѣмъ облекались общественными должностями или домогались ихъ, чтобы стать нотаблями.

Имъ никогда не приходило въ голову идея оставить должность, или надежда быть повышеннымъ, а этого достаточно, чтобы дать всему, другой видъ, чѣмъ что мы видимъ теперь.

Мемуаръ муниципальныхъ чиновниковъ. Изъ него видно, что городское сословіе образовалось въ 1474 году при Людовикѣ XI на развалинахъ прежняго демократическаго устройства городовъ, и всегда по системѣ означенной выше, то есть втѣсняя большую часть политическихъ правъ въ одинъ средній классъ, удаляя или ослабляя народъ, установляя большое число муниципальныхъ чиновниковъ, чтобы заинтересовать въ реформахъ большее число людей, расточая наслѣдственное дворянство и привиллегіи всякаго рода той части буржуазіи, которая управляетъ.

Въ томъ же мемуарѣ находимъ жалованныя грамоты наслѣдниковъ Людовика XI, въ которыхъ, еще болѣе стѣсняя значеніе народа, укрѣпляли это новое устройство. Изъ него же узнаемъ, что жалованныя грамоты данныя, въ этомъ же смыслѣ, Карломъ VIII въ 1485 году, подверглись нападенію въ парламентѣ со стороны жителей Анжера совершенно такъ же какъ въ Англіи процессы возникшіе по поводу городской хартіи были переданы въ судъ.

Въ 1601 году, еще парламентъ въ силѣ утвердить политическія права возродившіяся вслѣдствіе королевской хартіи. Но затѣмъ ничего болѣе не видно кромѣ королевскаго совѣта.

Изъ того же мемуара вытекаетъ, что не только въ должность мера, но и во всѣ остальныя должности городскаго управленія, общее собраніе, въ силу постановленія совѣта отъ 22 іюня 1708 года, представляетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ король дѣлаетъ выборъ. Изъ него же вытекаетъ, что въ силу постановленія совѣта отъ 1733 и 1741 годовъ, купцы имѣютъ права занимать должность головы или совѣтниковъ (это постоянныя головы). Наконецъ тамъ же открывается, что въ тоже самое время, городскому сословію было поручено распредѣленіе сборовъ, поголовной

подати, домашней утвари, квартированія войскъ, содержанія бѣдныхъ, военныхъ, береговой стражи и подкидышей.

Потомъ слѣдуетъ весьма длинное перечисленіе тѣхъ трудовъ, которые падали на муниципальныхъ чиновниковъ, они вполнѣ оправдываютъ тѣ привиллегіи и ту несмѣняемость, которыя, какъ видно, они такъ сильно боялись потерять. Многія соображенія вытекшія изъ ихъ труда весьма любопытны, между прочимъ слѣдующее: «Одно изъ самыхъ существенныхъ занятій говорятъ они, состоитъ въ изслѣдованіи финансовыхъ дѣлъ, которыя постепенно возрастаютъ чрезъ безпрестанное разширеніе податей для народнаго продовольствія, соляныхъ амбаровъ, контроля, внесеніе актовъ, запрещеннаго сбора совнесенія въ роспись и съ вольныхъ мѣщанскихъ помѣстій. Безпрестанныя распри между финансовыми компаніями, по поводу различныхъ налоговъ, вызываютъ ихъ во имя города, вести процессы въ различныхъ юрисдикціяхъ, парламентѣ или королевскомъ совѣтѣ, дабы сопротивляться тѣмъ стѣсненіямъ, подъ которыми ихъ заставляли стенать. Опытъ и упражненіе тридцати лѣтъ научилъ ихъ, что жизнь человѣка едва достаточна для того, чтобы отстранить козни и сѣти, которыя безпрестанно разставляютъ повѣренные всѣхъ возможныхъ откуповъ гражданамъ, чтобы сохранить свои должности.»

Любопытнѣе всего, что все это описаніе было адресовано къ самому генеральному контролеру, съ цѣлью расположить его къ защитѣ привиллегій тѣхъ личностей, которые его писали; такъ вкоренилась привычка смотрѣть на компанію для сбора податей, какъ на противниковъ, на которыхъ можно нападать со всѣхъ сторонъ, не думая, что кто нибудь найдетъ это дурнымъ. Эта то привычка, разширяясь, и все болѣе и болѣе укрѣпляясь, кончила тѣмъ, что на казну начали смотрѣть какъ на ненавистнаго и вѣроломнаго тирана; не какъ на общаго агента, а какъ на общаго недруга.

Присоединеніе всѣхъ должностей, прибавляетъ тотъ же

мемуаръ, къ городскому обществу, было произведено въ первый разъ рѣшеніемъ совѣта отъ 4 сентября 1694 года, за сумму 22,000 ливровъ», то есть, что должности были въ этотъ годъ выкуплены за эту сумму. Постановленіемъ отъ 26 апрѣля 1723 года, еще присоединили къ городскому обществу муниципальныя должности учрежденныя эдиктомъ 24 мая 1722 года; другими словами, городу позволили выкупить ихъ. Другимъ постоновленіемъ отъ 24 мая 1723 года дозволялось городу занять 120,000 ливровъ для пріобрѣтенія указанныхъ должностей. Постановленіемъ 26 іюля 1728 года позволялось занять 50,000 ливровъ для выкупа должности секретаря городской думы.

«Городъ, сказано въ мемуарѣ, уплатилъ эти деньги, чтобы сохранить свободу избранія и доставить своимъ выбраннымъ чиновникомъ, однимъ на два года, другимъ пожизненно, различныя привиллегій, связанныя съ ихъ обязанностями.» Часть муниципальныхъ должностей будучи утверждены эдиктомъ ноября 1733 года, присоединяя сюда постановленіе совѣта отъ 11 января 1751 года, по просьбѣ мера и головъ, повлекли за собой выкупную цѣну въ 170,000 ливровъ, для уплаты которой городскія пошлины были разсрочены на пятнадцать лѣтъ.

Это можетъ служить хорошей пробой городской администраціи, стараго порядка; города по принужденію входятъ въ долги, потомъ получаютъ дозволеніе установлять особые и временные налоги, чтобы освободиться отъ нихъ. Къ этому должно прибавить, что позже эти временные налоги обращаются въ постоянные, какъ я это часто видѣлъ, и тогда правительство получаетъ изъ нихъ свою часть.

Мемуаръ продолжаетъ: «Большая судебная власть муниципальныхъ чиновниковъ, дарованная имъ Людовикомъ XI, была подорвана учрежденіемъ королевской юрисдикціи. До 1669 года они вѣдали ссоры между мастерами и ремесленниками. Интенданту подается отчетъ въ пошлинахъ за

въѣздъ въ городъ, въ силу всѣхъ постановленій о наложеніи и отсрочкѣ поименованной пошлины.»

Равнымъ образомъ изъ этого же мемуара видно, что депутаты шести приходовъ, о которыхъ былъ вопросъ выше и которые появлялись въ генеральномъ собраніи, суть выборные отъ цеховъ, корпорацій и общинъ и, строго говоря, суть повѣренные маленькихъ общинъ, которые они представляютъ. На всякое дѣло они снабжены особыми инструкціями.

Наконецъ, весь этотъ мемуаръ показываетъ, что въ Анжерѣ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ, расходы, каковы бы они не были, должны были быть сначала одобрены интендантомъ и совѣтомъ; и должно замѣтить что, когда администрація города отдается въ полную собственность извѣстныхъ людей, и когда этимъ людямъ даютъ, вмѣсто опредѣленнаго содержанія, различныя привиллегіи, которыя ставятъ ихъ лично выше послѣдствій, происходящихъ отъ ихъ администраціи для частнаго благосостоянія гражданъ, тогда административная опека можетъ показаться необходимостію.

Однако же этотъ мемуаръ, довольно дурно составленный, выражаетъ необыкновенную боязнь чиновниковъ, чтобы не перемѣнился настоящій порядокъ вещей. Они приводили всевозможныя доводы, хорошіе и дурные, чтобы поддержать statu quo.

Мемуаръ субделегата. Интендантъ, получивъ два мемуара противуположнаго смысла, хотѣлъ знать мнѣніе своего субделегата. Этотъ послѣдній отвѣчалъ:

«Мемуаръ муниципальныхъ совѣтниковъ, говоритъ онъ, не заслуживаетъ того, чтобъ на немъ останавливаться, онъ стремится только возвысить привиллегіи своихъ чиновниковъ. Мемуаръ мѣстнаго суда можно разсмотрѣть съ пользою; но нельзя согласиться на тѣ привиллегій которыхъ домогаются эти судьи.»

По мнѣнію этого субделегата, городская дума уже давно

имѣетъ нужду въ улучшеніи. Кромѣ извѣстныхъ намъ преимуществъ, которыми обладаютъ муниципальные чиновники Анжера, мы узнаемъ, что меръ, во время своей службы, пользуется квартирой по крайней мѣрѣ въ 600 франковъ получаетъ болѣе 50 франковъ жалованья и 100 франковъ почтовыхъ, еще марки. Прокуроръ-синдикъ также имѣетъ квартиру; секретарь тоже. Чтобы избавиться отъ взноса податей для вспомоществованій и городскихъ пошлинъ, муниципальные чиновники выдумали особенные расходы. Каждый могъ заставить ввести въ городъ, не платя пошлинъ сколько угодно бочекъ вина въ годъ и съѣстныхъ припасовъ.

Субделегатъ не предлагаетъ отнять у муниципальныхъ совѣтниковъ ихъ податныя льготы, но онъ желаетъ, чтобы поголовная подать, вмѣсто того чтобы оставаться всегда постоянною и весьма незначительною, была назначаема каждый годъ интендантомъ. Онъ желаетъ также, чтобы эти муниципальные чиновники подлежали, наравнѣ съ другими, добровольному приношенію, отъ котораго, не извѣстно на основаніи какихъ прежнихъ примѣровъ, они избавились.

Муниципальные чиновники, говоритъ еще мемуаръ, обязаны составлять списки поголовной подати для жителей; они легко и произвольно устраняютъ отъ себя это дѣло; также они ставятъ ни вочто множество требованій и просьбъ адресованныхъ къ интенданту. Желательно, чтобы съ этого времени распредѣленіе поголовной подати, въ интересѣ деревень и общинъ, были производимы ихъ членами общинъ и постояннымъ образомъ; для муниципальныхъ чиновниковъ останется только обязанность заботиться о подушныхъ буржуазіи и тѣхъ, которые не принадлежатъ ни къ какому сословію, какъ напримѣръ нѣкоторые ремесленники и домашняя прислуга всѣхъ привиллегированныхъ.

Мемуаръ субделегата подтверждаетъ то, что было уже сказано муниципальными чиновниками: что муниципальныя

должности были выкуплены городомъ, въ 1735 году, за сумму 170,000 ливровъ.

Письмо интенданта къ генеральному контролеру. Снабженный всѣми этими документами интендантъ пишетъ къ министру. «Необходимо, говоритъ онъ, для жителей и для общественнаго блага, ограничить городское сословіе, слишкомъ большое число членовъ котораго увеличиваетъ общественныя тяжести, по причинѣ привиллегій, которыми они пользуются.»

«Я пораженъ, прибавляетъ интендантъ, безмѣрностью денегъ, которыя тратили въ Анжерѣ на выкупъ муниципальныхъ должностей. Эта сумма будучи употреблена на полезныя вещи обратилась бы во благо города, напротивъ, теперь только чувствуется тяжесть власти и привиллегій чиновниковъ.»

«Внутреннія злоупотребленія этой администраціи заслуживаютъ полнаго вниманія совѣта, прибавляетъ еще интендантъ. Кромѣ марокъ и восковыхъ свѣчей, на которыя ежегодно расходуется 2,127 ливровъ (эта сумма была назначена для подобныхъ расходовъ обыкновеннымъ бюджетомъ, который отъ времени до времени сообщался городамъ отъ короля), общественныя деньги расточаются и употребляются въ пользу чиновниковъ, для нуждъ тайныхъ, и королевскій прокуроръ, занимая это мѣсто въ продолженіи тридцати или сорока лѣтъ, совершенно подчиняетъ себѣ администрацію, тайныя пружины которой только ему одному и извѣстны, такъ что жителямъ никогда не возможно настоять на меньшей растратѣ общественныхъ доходовъ.» Въ заключеніе, интендантъ проситъ министра сократить городское управленіе слѣдующимъ образомъ: мера назначеннаго на четыре года, шесть головъ на шесть лѣтъ, королевскаго прокурора на восемь лѣтъ, секретаря и сборщика пожизненно.

Устройство, предлагаемое имъ для этого городскаго упра-

вленія совершенно тоже какое предлагаетъ интендантъ Тура. По его мнѣнію должно:

1) Сохранить генеральное собраніе, но только какъ избирательную корпорацію назначенную для избранія муниципальныхъ чиновниковъ.

2) Образовать особенный совѣтъ изъ нотаблей, который заключалъ бы въ себѣ всѣ должности приписанныя эдиктомъ 1764 года общему собранію; совѣтъ состоящій изъ двѣнадцати членовъ, полномочіе которыхъ продолжается шесть лѣтъ; они должны быть избраны не общимъ собраніемъ, но двѣнадцатью корпораціями нотаблей (всякая корпорація выбираетъ своего).

Мѣстнаго суда.
Университета.
Избирателей.
Чиновниковъ вѣдомства водъ и лѣсовъ.
Соляныхъ амбаровъ.
Торговли.
Монетнаго вѣдомства.
Адвокатовъ и прокуровъ.
Консульскихъ судей.
Нотаріусовъ.
Купцовъ.
Буржуазіи.

Легко замѣтить, что почти всѣ эти нотабли были общественными чиновниками и общественныя чиновники были нотаблями; откуда можно заключить, какъ и изъ тысячи другихъ мѣстъ этихъ документовъ, что средній классъ былъ и тогда также алченъ до должностей и также мало искалъ какъ и въ наше время, другаго поприща для своей дѣятельности, внѣ общественной службы. Была только единственная разница, какъ я сказалъ это въ текстѣ, что тогда покупали связанную съ мѣстомъ нѣкоторый почетъ, а теперь искатели просятъ, чтобы оказали имъ милость дозволили исправлять ихъ безвозмездно.

Изъ этого проекта видно, что вся сущность муниципальной силы сосредоточивается въ особенномъ совѣтѣ; что окончательно заключаетъ администрацію въ весьма тѣсный кругъ буржуазіи, единственное собраніе, гдѣ народъ еще можетъ хоть немного проявляться оставаясь обязаннымъ избирать муниципальныхъ чиновниковъ и не имѣя права болѣе высказывать свое мнѣніе. Должно замѣтить, что интендантъ былъ болѣе стѣснителенъ и не популяренъ чѣмъ король, вручая своими эдиктами главныя должности общему собранію и, въ свою очередь, интендантъ былъ либеральнѣе и болѣе демократъ чѣмъ буржуазія, судя покрайней мѣрѣ по мемуару приведенному мною въ текстѣ, мемуару, въ которомъ нотабли другаго города подали мнѣніе исключить народъ даже при избраніи муниципальныхъ чиновниковъ, что было ему предоставлено королемъ и интендантомъ.

Можно замѣтить, что интендантъ воспользовался словами *буржуазія и купцы,* чтобы обозначить двѣ категоріи отличныя отъ нотаблей. Не будетъ безполезно дать точное опредѣленіе этихъ словъ, чтобы показать на сколько мелкихъ общинъ была разбита буржуазія и какимъ мелкимъ тщеславіемъ руководились эти общины.

Слово буржуазія имѣло смыслъ общій и смыслъ тѣсный: оно означало члена средняго сословія, и кромѣ того въ средѣ этого класса оно означало нѣкоторое количество людей. «Буржуа суть тѣ, которые по рожденію, по состоянію имѣютъ возможность жить въ довольствѣ, не предаваясь ни какому прибыльному труду» говоритъ мемуаръ составленный въ 1764 году при справкахъ. Изъ дальнѣйшихъ словъ мемуара видно, что слово буржуа не должно относиться къ тѣмъ, которые принимаютъ участіе или въ компаніяхъ, или въ промышленныхъ корпораціяхъ; но сказать точно къ кому именно оно приложимо весьма затруднительно. «Ибо, замѣчаетъ еще тотъ же мемуаръ, между тѣми, которые присвоиваютъ себѣ титулъ буржуа, часто встрѣчаются личности къ которымъ онъ совсѣмъ неподхо-

дитъ, развѣ только по одной ихъ праздности, однако, лишенные состоянія, они ведутъ жизнь безплодную и темную. Буржуа, напротивъ, всегда долженъ отличаться своимъ состояніемъ, происхожденіемъ, талантами, обычаями и образомъ жизни. Ремесленники, составляя общины, никогда не должны возводиться въ званіе нотаблей».

Купцы, вмѣстѣ съ буржуа, составляютъ второй родъ людей не принадлежащихъ ни къ какой компаніи, ни къ какой корпораціи; но гдѣ границы этого небольшаго класса? «Должно-ли, говоритъ мемуаръ, смѣшивать купцовъ низшаго происхожденія и мелкихъ торговцовъ съ купцами знатными»? Для разрешенія этихъ затрудненій мемуаръ предлагаетъ заставлять головъ ежегодно дѣлать списокъ знатныхъ купцовъ, этотъ списокъ вручать своему начальнику или синдику, который долженъ наблюдать, чтобы не допускались въ городскую Думу другіе, кромѣ тѣхъ, которые были тамъ записаны. Но заботились не помѣщать въ этотъ списокъ никого изъ бывшихъ лакеями, разносчиками, извощиками или въ другихъ низшихъ службахъ.

Страница 48. Строка 5.

Одна изъ самыхъ выдающихся чертъ характера восемнадцатаго столѣтія, въ городской администраціи, еще болѣе чѣмъ отмѣна всякаго представительства и вмѣшательства публики въ свои дѣла, есть удивительная подвижность постановленій, по которымъ дѣйствуетъ эта администрація, права, будучи даны, отмѣняются, снова возвращаются, увеличиваются, уменьшаются, измѣняются на тысячи ладовъ и безпрестанно. Ни что не показываетъ такъ хорошо до какого пренебреженія дошла мѣстная свобода, какъ это вѣчная перемѣна законовъ, на которые никто кажется не обращаетъ вниманія. Одной этой подвижности достаточно, чтобы разрушить всякую идею о частности, любовь къ прошедшему, мѣстный патріотизмъ, при учрежденіяхъ которыя однако обещали большаго. Такимъ образомъ приготовили страшное разрушеніе прошедшаго, а революція закончила это.

Страница 48. Строка 14.

Администрація деревень въ восемнадцатомъ столѣтіи. Извлечено изъ бумагъ интенданта Иль-де-франса.

Предметъ о которомъ я хочу говорить выбранъ изъ очень большаго количества другихъ подобныхъ, чтобы на примѣрѣ показать нѣкоторыя изъ формъ, которымъ слѣдовала администрація, показать медленность часто характеризующую ее и наконецъ показать, что такое было въ восемнадцатомъ столѣтіи общее приходское собраніе.

Въ Иврѣ въ Иль-де-франсѣ нужно было произвести поправку священническаго дома и колокольни. Къ кому обратиться, чтобы эта поправка исполнилась? Какъ опредѣлить на кого должны пасть расходы? Какъ составить необходимую сумму?

1) Въ просьбѣ приходскаго священника къ интенданту было изложено, что колокольня и священническій домъ требуютъ немедленной поправки, что его предшественникъ, сдѣлавъ къ вышесказанному дому безполезныя пристройки, совершенно измѣнилъ и изуродовалъ расположеніе мѣстъ, и что жители отъ этого терпятъ и что имъ слѣдуетъ взять на себя расходы по приведенію этого въ порядокъ, не требуя возвращенія суммы отъ наслѣдниковъ прежняго священника.

2) Приказомъ интенданта (29 Августа 1747 г.) вслѣдствіе ходатайствованія синдика, сдѣлано распоряженіе созвать собраніе для совѣщанія о необходимости помянутыхъ предпріятій.

3) На совѣщаніи жители объявили, что они не противятся поправкѣ священническаго дома, но не принимаютъ на себя поправку колокольни, потому что она возведена

надъ клиросомъ, а священникъ, пользующійся десятиной, обязанъ поправлять клиросъ. (Постановленіе совѣта, конца предыдущаго вѣка (Апрѣля 1695 года), дѣйствительно обязуетъ поправкою клироса того, кто имѣетъ право получать десятинный сборъ, прихожане же обязаны только поддерживать церковную трапезу).

4) По новому приказу интенданта, чтобы согласить противурѣчія, посылается архитекторъ Кордье, дабы на мѣстѣ изслѣдовать и описать священническій домъ и колокольню, сдѣлать смѣту работъ и произвести справки.

5) Протоколъ всѣхъ этихъ дѣйствій точно утверждаетъ, что достаточное количество собственниковъ Иври были представлены для справокъ предъ интенданскаго посла, между ними были благородные, буржуа и мѣстные крестьяне, они говорили противъ притязаній приходскаго священника.

6) По новому приказу интенданта, смѣта посланнаго имъ архитектора должна быть сообщена новому общему собранію, созванному по распоряженію синдика изъ собственниковъ и жителей.

7) Новое приходское собраніе, созванное въ силу этого приказа, отозвалось, что жители настаиваютъ на прежнемъ.

8) Приказомъ интенданта предписывается: 1) приступить къ отдачѣ на подрядъ работъ показанныхъ въ смѣтѣ, передъ субделегатомъ, въ его домѣ въ Карбелѣ; это должно быть произведено въ присутствіи приходскаго священника, синдика и главныхъ жителей прихода; 2) Во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ просрочки, сумма должна быть возложена на обывателей, съ тѣмъ, что тѣ, которые продолжаютъ утверждать, что колокольня составляетъ часть клироса и должна быть поправлена получателемъ десятины просили бы въ обыкновенныхъ судахъ.

9) Сдѣлана всеобщая повѣстка явиться въ домъ, въ Корбелѣ, гдѣ будетъ происходить торгъ.

10) Просьба священника и многихъ жителей, чтобы издержки административной процедуры не падали, по обыкновенію, на подрядчика, ибо эти издержки, возвышаясь до большой цифры, помѣщаютъ отыскать подрядчика.

11) Приказъ интенданта, чтобъ достигнуть окончанія дѣла, разрѣшалъ субделегату ассигновать сумму на издержки, дабы, устраняя затрудненіе, сдать сказанный подрядъ.

12) Уполномочіе данное нѣкоторыми знатными жителями господину X, принуждавшее его присутствовать при вышеупомянутомъ торгѣ и согласиться со смѣтой архитектора.

13) Свидѣтельство синдика, что обычное объявленіе и публикація были произведены.

14) Протоколъ торга.

Сумма потребная на поправки 487 ливровъ.

Издержки сдѣланныя при веденіи дѣла 237 ливр. 18 s. 6 d.

274 ливр. 18 s. 6 d.

15) Наконецъ постановленіе совѣта (23 Іюля 1748 года) разрѣшающее налогъ необходимый для покрытія этой суммы.

Можно замѣтить, что въ этомъ процессѣ много разъ поднимался вопросъ о созваніи приходскаго собранія. Вотъ протоколъ засѣданія одного изъ этихъ собраній, онъ укажетъ обыкновенное теченіе дѣлъ въ подобномъ случаѣ.

Актъ записанный у нотаріуса: «Сегодня, по окоичаніи обѣдни, на обыкновенномъ, всѣмъ извѣстномъ мѣстѣ, послѣ звона колокола, въ собраніе состоящее изъ жителей прихода подъ предсѣдательствомъ X, нотаріуса въ Корбелѣ, нижеподписавшагося, свидѣтелей нижеподписавшихся, явились господинъ Мишо виноградарь, синдикъ вышеупомянутаго прихода, который представивъ приказъ интенданта о допущеніи собранія заставилъ прочитать его и изложить свои просьбы.

«И сію же минуту явился житель вышеупомянутаго прихода, который утверждалъ, что колокольня надъ клиросомъ, и слѣдовательно лежитъ на отвѣтственности священника; также явились (слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ другихъ,

которые, напротивъ, соглашались принять просьбу священника)... затѣмъ представились пятнадцать крестьянъ, боцмановъ, каменьщиковъ, виноградарей, которые изъявили согласіе съ тѣмъ, что говорили предъидущіе. Также явился господинъ Рембо, виноградарь, который сказалъ, что онъ вполнѣ соглашается съ рѣшеніемъ интенданта. Также явился господинъ докторъ Сарбоны священникъ, который настаивалъ на высказанномъ и на предначертаніяхъ просьбы. Изъ всего выше изложеннаго присутствующіе составили челобитный актъ. Происходило на упомянутомъ мѣстѣ въ Иврѣ передъ кладбищемъ сказаннаго прихода, подъ предсѣдательствомъ нижеозначеннаго; и продолжалось отъ одинадцати часовъ утра до двухъ.»

Очевидно, что это приходское собраніе есть ничто иное какъ административное слѣдствіе съ формами и видомъ слѣдствій юридическихъ; что оно никогда не выражалось въ формѣ мнѣнія, слѣдовательно въ формѣ выраженія воли прихода, что оно содержитъ только частныя мнѣнія и нисколько не стѣсняетъ желанія правительства. Много другихъ случаевъ дѣйствительно удостовѣряютъ насъ, что приходское собраніе служило къ разъясненію предначертаній интенданта, не для того, чтобы представить ему препятствіе, но единственно для того, чтобы онъ дѣйствовалъ въ интересахъ прихода.

Также замѣчаемъ, въ тѣхъ же самыхъ бумагахъ, что это дѣло вызвало три слѣдствія: одно со стороны нотаріуса, другое со стороны архитектора, и наконецъ третье со стороны двухъ нотаріусовъ, чтобы удостовѣриться настаиваютъ ли жители на своихъ прежнихъ мнѣніяхъ.

Налогъ въ 524 ливра 10 су, обозначенный постановленіемъ 23-го іюля 1748 года, падаетъ на всѣхъ собственниковъ привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ, какъ это почти всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, но основанія для назначенія частей для однихъ и для другихъ различны. Податные облагались пропорціонально ихъ подати, и привиллегированные по ихъ предполагаемому состоянію, что давало большія преимущества послѣднимъ надъ первыми.

Наконецъ, изъ того же дѣла видимъ, что раскладка суммы въ 524 ливра 10 су была произведена двумя сборщиками, изъ жителей деревни, не избранными и не очередными какъ это часто бывало, но назначенныхъ оффиціально субделегатами и интендантомъ.

Страница 49. Строка 33.

Предлогомъ послужившимъ Людовику XIV, чтобы разрушить муниципальную свободу городовъ, было ихъ дурное финансовое управленіе. Однако, справедливо замѣчаетъ Тюрго, это разстройство финансовъ продолжаетъ усиливаться послѣ реформы помянутаго государя. Большая часть городовъ значительно обременены теперь долгами, прибавляетъ онъ, отчасти вслѣдствіе громадности суммъ, уплачиваемыхъ правительству, отчасти вслѣдствіе расходовъ на потребности муниципальныхъ чиновниковъ, которые распоряжаются чужими деньгами и не даютъ отчета жителямъ и даже не заботятся получить справки отъ оныхъ, но увеличиваютъ расходъ съ цѣлью прославиться, а иногда обогатиться.

Страница 54. Строка 8.

Государство было опекуномъ монастырей также какъ и общинъ; примѣръ этой опеки.

Генеральный контролеръ, уполномочивая интенданта отпустить 15,000 ливровъ обители Кармелитовъ, которымъ должны были эту сумму въ вознагражденіе за убытки, рекомендуетъ интенданту наблюсти, чтобъ эти деньги, составляющіе большой капиталъ, были употреблены съ пользой. Подобныя случаи происходили ежеминутно.

Страница 60. Строка 4.

Лучше всего можно разсмотрѣть административную централизацію старой правительственной системы въ Канадѣ.

Въ колоніяхъ лучше всего можно разглядѣть физіономію правительства метрополіи, потому что тамъ обыкновенно характеристическія черты сильнѣе выдаются и становятся виднѣе. Если я хочу обсудить духъ правленія Людовика XIV, его недостатки, то нужно обратиться къ Канадѣ. Тогда мы увидимъ безобразіе предмета, какъ въ микроскопѣ.

Въ Канадѣ не существовало препятствій отъ предшествующихъ событій или старинаго соціальнаго быта, препятствій открытыхъ или тайныхъ, свободному развитію направленія правительства.

Дворянство тамъ почти совсѣмъ не встрѣчается или по крайней мѣрѣ оно утратило почти совсѣмъ свои корни; — церковь не имѣла преобладающаго положенія; феодальныя преданія были утрачены или затемнены; судебная власть некоренилась въ старинныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ. Ничто не препятствовало центральному правительству предаться своимъ естественнымъ наклонностямъ и дать законы согласные съ тѣмъ направленіемъ, которое одушевляло его. Въ Канадѣ нѣтъ и тѣни муниципальныхъ или провинціальныхъ учрежденій, никакой уполномоченной коллективной силы, не допускалась совсѣмъ личная инициатива. Интендантъ занималъ положеніе значительно болѣе преобладающее, чѣмъ подобные ему во Франціи; администрація вмѣшивалась еще въ большее число дѣлъ чѣмъ въ метрополіи; ей всѣмъ хотѣлось распоряжаться изъ Парижа, несмотря на тысячу восемь сотъ льё, раздѣлявшихъ ихъ; оно никогда не усвоило себѣ великія начала могущія сдѣлать колонію и населенною и счастливою, но за то, употребляло всѣ мелкія искусственныя средства, мелкую тиранію, чтобы увеличить и распространить населеніе: обязательное воздѣлываніе, процессы возникавшіе чрезъ земель, занятіе удаленные отъ трибуналовъ и предоставленные административному суду, обязанность обработывать землю только извѣстнымъ способомъ, обязанность оставаться въ извѣстныхъ мѣстахъ преимущественно предъ другими, и проч. вотъ, что было при Людовикѣ XIV. Эти повелѣнія скрѣплены Кольбергомъ. Это уже была совершенно новѣйшая централизація, которую мы видимъ въ Америкѣ. Въ самомъ дѣлѣ Канада есть вѣрный образъ того, что мы тамъ всегда встрѣчаемъ. Обѣ страны находились подъ управленіемъ администраціи почти столь же многочисленной, какъ и само населеніе, сильной, дѣятельной, все опредѣляющей, все стягивающей въ себя, хотящей все предвидѣть, принимающей на себя всевозможныя обязанности, заботящейся гораздо болѣе о выгодахъ управляемаго, чѣмъ онъ самъ, безпрестанно дѣятельной и безплодной.

Въ соединенныхъ штатахъ, напротивъ, развилась система англійской децентрализаціи; общины сдѣлались почти независимыми муниципалитетами, родомъ демократическихъ республикъ. Республиканскій элементъ составляющій основаніе англійской конституціи и нравовъ безпрепятственно выказался и развился здѣсь. Администрація въ собственномъ смыслѣ мало дѣлаетъ въ Англіи, а частные люди, много; въ Америкѣ, можно сказать, администрація ни вочто болѣе не вмѣшивается, а частные люди, соединясь вмѣстѣ, дѣлаютъ все. Отсутствіе высшихъ классовъ, способствовавшее въ Канадѣ еще большему подчиненію жителей правительству, чѣмъ это, было въ ту эпоху въ самой Франціи, въ Англійскихъ провинціяхъ, способствуетъ все большей и большей независимости отъ власти.

Въ обѣихъ колоніяхъ имѣли въ виду основать совершенно демократическое общество; но въ Канадѣ, по крайней мѣрѣ пока она остается за Франціей, равенство перемѣшивается съ безусловнымъ правительствомъ; въ Америкѣ оно сочетается съ свободой, а что касается до осязатель-

ныхъ послѣдствій двухъ методъ колонизаціи, то извѣстно, что въ 1763 году, въ эпоху завоеванія населеніе Канады было въ 60,000 душъ, а населеніе англійскихъ провинцій простиралось до 3,000,000.

Страница 60. Строка 35.

Одинъ примѣръ, изъ множества другихъ, общихъ постановленій безпрестанно дѣлаемыхъ государственнымъ совѣтомъ. Постановленій имѣвшихъ силу закона для всей Франціи и порождающихъ особенныя проступки, подлежащія только суду административныхъ трибуналовъ.

Я беру первые попавшіеся подъ руки: постановленіе совѣта, отъ 29-го апрѣля 1779 года, установляетъ, чтобы на будущее время, во всемъ королевствѣ, земледѣльцы и торговцы баранами, обозначали бы ихъ извѣстнымъ образомъ, подъ страхомъ 300 ливровъ штрафу; Его Величество, сказано тамъ, поручилъ интендантамъ наблюдать за исполненіемъ этого постановленія; отсюда слѣдуетъ, что интендантъ же и назначалъ пеню за нарушеніе. Другой примѣръ: постановленіе совѣта, отъ 21-го декабря 1778 года, запрещаетъ извощикамъ складывать товары, которыми они нагружены подъ страхомъ 300 ливровъ штрафу; Его Величество поручилъ главному начальнику полиціи и интендантамъ наблюдать за этимъ.

Страница 72. Строка 1.

Провинціальное собраніе верхней Гіени проситъ объ учрежденіи новыхъ бригадъ мѣстныхъ войскъ, совершенно также какъ въ наше время генеральный совѣтъ Авейрона или Ло проситъ объ учрежденіи новой бригады жандармовъ. Всегда въ основаніи лежитъ таже идея; жандармы это порядокъ, а порядокъ при жандармахъ не можетъ иначе водвориться, какъ только чрезъ правительство. Отношеніе прибавляетъ: «безпрестанно жалуются, что нѣтъ никакой полиціи въ деревняхъ (какъ ей быть тамъ? благородный ни вочто не вмѣшивается, буржуа находятся въ городѣ, а община, представляемая простымъ крестьяниномъ не имѣетъ уже никакой силы) и должно согласиться, что если исключить нѣкоторые кантоны, гдѣ справедливые и благодѣтельные сеньоры воспользовались вліяніемъ своего положенія на вассаловъ, чтобы предупредить самоуправство, къ которому жители деревень такъ склонны по грубости нравовъ и по жестокости характера, то вездѣ въ остальныхъ мѣстахъ, нѣтъ почти никакого средства удержать этихъ невѣжественныхъ, грубыхъ и вспыльчивыхъ людей.»

Вотъ какъ дворяне провинціальнаго собранія выслушивали то, что говорилось про нихъ и вотъ, какъ члены третьяго сословія, которые одни составляли половину собранія, говорили о народѣ въ оффиціальныхъ документахъ.

Страница 73. Строка 1.

Управленія табачныхъ бюро, при старомъ порядкѣ такъ же добивались какъ и теперь. Самыя знатные люди домогались выхлопотать ихъ для своихъ креатуръ. Я нашелъ между ними такіе, которые были отданы, по рекомендаціи знатныхъ дамъ; есть и такіе, которые отданы по ходатайству архіепископа.

Страница 74. Строка 1.

Это уничтоженіе мѣстной общественной жизни, превосходитъ всякое вѣроятіе.

Одна изъ дорогъ ведущихъ изъ Мена въ Нормандію пришла въ негодность. Кто позаботится о ее поправкѣ? Туренскій округъ, чрезъ который она проходитъ? Нормандія или Менъ, заинтересованные торговлей скота слѣдующаго этой дорогой? наконецъ, тѣ только кантоны, которые исключительно терпятъ отъ этой дурной дороги? Округъ, провин-

ція, кантоны остались безгласны. Нужно было чтобы купцы, которые слѣдуютъ этой дорогой и увязаютъ въ грязи, взяли бы на себя трудъ обратить вниманіе центральнаго правительства на это дѣло. Они писали въ Парижъ къ генеральному контролеру и просили у него помощи.

Страница 82. Строка 23.

Большее или меньшее значеніе рентъ или сеньоріальныхъ оброковъ въ различныхъ провинціяхъ.

Тюрго говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ: «я долженъ обратить вниманіе на то, что этотъ родъ оброковъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе въ богатыхъ провинціяхъ, каковы Нормандія, Пикардія и окрестности Парижа. Въ этихъ послѣднихъ главное богатство состоитъ въ самыхъ произведеніяхъ земли собранныхъ въ большомъ количествѣ и ими то выплачивается собственниками большая часть наемной платы рента сеньоріальная самыхъ большихъ земель составляетъ самую ограниченную часть дохода и разсматривается скорѣе какъ почетное приношеніе. Въ провинціяхъ менѣе богатыхъ обработываемыхъ по различнымъ правиламъ, сеньоры и благородные почти совсѣмъ не владѣютъ сами своей землей; помѣстья, весьма раздробленныя, обременены огромными рентами въ зернѣ, которыя выплачиваются сообща. Эти ренты часто составляютъ самую лучшую часть произведеній земли, и доходы сеньора почти совершенно ихъ поглащаютъ.»

Страница 89. Строка 26.

Противу сословное вліяніе общиннаго обсужденія дѣлъ.

Въ мало замѣчательныхъ трудахъ земледѣльческаго общества осьмнадцатаго столѣтія видно противу сословное вліяніе при общемъ обсужденіи общихъ интересовъ. Хотя

эти собранія существовали за тридцать лѣтъ до революціи, среди старой правительственной системы, и хотя они казались только теоріи, но по одному тому, что въ нихъ разбирались вопросы интересовавшіе различные классы, и потому, что разсужденія происходили вмѣстѣ, чувствуется тотчасъ же сближеніе и смѣшеніе людей, идеи разумныхъ реформъ завладѣваютъ привиллегированными равно какъ и другими, но они касаются только храненія хлѣба и земледѣлія.

Я убѣжденъ, что не можетъ быть такого правительства, которое ища силы только въ себѣ самомъ, ставя людей всегда въ сторону отъ себя, подобно старой правительственной системѣ, могло бы поддержать смѣшное и глупое неравенство существовавшее во Франціи въ минуту революцій; самое легкое прикосновеніе *self-government* глубоко измѣнило бы его и быстро передѣлало бы на новый ладъ или разрушило.

Страница 89. Строка 27.

Провинціальная свобода можетъ нѣкоторое время поддерживаться и въ то время, когда уже не существуетъ свободы національной, если эта провинціальная свобода укоренилась изстари, смѣшалась съ привычками, нравами и воспоминаніями, а деспотизмъ напротивъ новъ; не основательно думать, что можно по произволу создать мѣстную свободу, или даже надолго поддержитъ ее, когда стѣсняется свобода общая.

Страница 91. Строка 6.

Тюрго, въ одной запискѣ къ королю, такъ представляетъ, и мнѣ кажется очень точно, дѣйствительное значеніе привиллегій благородныхъ относительно податей:

«1) Привиллегированные могутъ содержать ферму въ четырѣ плуга, которая обыкновенно приноситъ въ окресно-

стяхъ Парижа, 2,000 франковъ налоговъ, не платя ничего кромѣ постоянныхъ податей.»

«2) Тѣ же привиллегированные совершенно ничего не платятъ за лѣсъ, луга, виноградники, пруды, равно какъ и за огороженныя мѣста, находящіяся при ихъ замкахъ, на какое бы разстояніе они не простирались. Есть кантоны главное произведеніе которыхъ получается съ луговъ и виноградниковъ; тогда налоги, отъ которыхъ изъяты земли дворянъ, увеличиваютъ тяжесть податныхъ; вторая огромная выгода.»

Страница 91. Строка 20.

Косвенныя привиллегіи въ податяхъ. Различіе въ сборѣ даже тогда когда налогъ общій.

Тюрго также даетъ намъ и въ этомъ случаѣ описаніе, которое мнѣ кажется точнымъ.

«Косвенныя выгоды привиллегированныхъ относительно подушныхъ очень значительны. Поголовная подать по самой своей сущности есть налогъ произвольный. Невозможно разложить его на всѣхъ гражданъ иначе какъ на угадъ. Гораздо удобнѣе будетъ взять за основаніе реэстры постоянной подати, которые уже существуютъ готовыми.

Для привиллегированныхъ составили реэстръ совершенно особенный, но какъ этому противурѣчатъ высшіе классы, а за податныхъ никто не говоритъ, то происходитъ, что поголовный сборъ первыхъ, въ провинціяхъ мало по малу, доходитъ до весьма незначительнаго количества, тогда какъ подушное вторыхъ почти ровны суммѣ постоянной подати».

Страница 91. Строка 20.

Другой примѣръ неравномѣрности сбора, не смотря на общую оцѣнку.

Извѣстно что въ мѣстныхъ податяхъ налогъ извѣстный подъ названіемъ таксы былъ взимаемъ со всѣхъ; «суммы;

которыя, сказано въ постановленіяхъ совѣта утверждающихъ этотъ родъ налоговъ, должны быть взысканы со всѣхъ подвѣдомыхъ, изъятыхъ или неизъятыхъ, привиллегированныхъ или непривиллегированныхъ, безъ всякаго исключенія, совокупно съ поголовною податью, или по разсчету послѣдней.

Замѣтьте, что подушное податнаго, подобно постоянной подати, всегда было выше чѣмъ подушное привиллегированнаго, неровенство встрѣчается даже подъ тою формою, которая повидимому совсѣмъ его исключаетъ».

Страница 91. Строка 20.

Тоже самое.

Я нашелъ въ проектѣ Эдикта 1764 года, стремящемся къ установленію равенства въ податяхъ, всевозможныя средства, чтобы сохранить неприкосновеннымъ положеніе привилигированныхъ при сборѣ налога. Между прочимъ, я замѣчаю, что всѣ мѣры клонящіяся къ опредѣленію цѣны предметовъ обложенныхъ податью, относительно привиллегированныхъ, могутъ быть приняты не иначе какъ въ присутствіи всѣхъ или въ присутствіи ихъ уполномоченныхъ.

Страница 91. Строка 22.

Правительство само знало, что привиллегированные пользуются льготами при взиманіи подати, хотя налогъ существуетъ общій.

«Я замѣтилъ, пишетъ министръ въ 1776 году, что взиманіе той части налоговъ, которыя лежатъ на благородныхъ и привиллегированныхъ, представляетъ всегда наибольшія трудности, по причинѣ осторожности, которую сборщики подати считаютъ для себя обязательною въ отношеніи этихъ лицъ; въ слѣдствіе чего въ ихъ поголовной подати и по-

дати дватцатой части (налоги общіе съ народомъ) существуютъ весьма старыя и очень значительныя недоимки».

Страница 103. Строка 4.

Въ путешествіи Артура Юнга въ 89 году, находится небольшая картина гдѣ оба эти общества такъ мило описаны и такъ хорошо характеризованы, что я не могу устоять противъ желанія помѣстить ее здѣсь.

Юнгъ путешествовалъ по Франціи во время перваго возмущенія кончившагося взятіемъ Бастиліи, и былъ остановленъ въ одной деревнѣ толпами народа, которыя не видя какарды, хотѣли вести его въ тюрьму. Чтобъ избѣжать этого ему пришло въ голову сказать маленькую рѣчь.

«Милостивые государи! Сказалъ онъ, говорятъ, что налоги должны быть платимы, по прежнему. Налоги, конечно, должны быть платимы, но только не по прежнему. Ихъ должно платить какъ въ Англіи. Мы имѣемъ много такихъ податей, которыхъ вы совсѣмъ не имѣете; но третье сословіе и народъ ихъ не платитъ; они падаютъ только на богатыхъ. У насъ за каждое окно платятъ; но тотъ кто имѣетъ только шесть оконъ въ домѣ не вноситъ ничего. Сеньоръ платитъ двадцатую часть и ежегодную подать, но маленькій собственникъ сада ничего не платитъ. Богатый платитъ за своихъ лошадей, за свой экипажъ и за свою прислугу: онъ даже платитъ за свободу распоряжаться своими собственными куропатками; до маленькихъ собственниковъ совсѣмъ не касаются эти налоги. Еще болѣе! Мы имѣемъ въ Англіи подать, которую платятъ богатые для вспомоществованія бѣднымъ. И такъ, если слѣдуетъ продолжать платить подати, то нужно платить ихъ иначе. Англійскій методъ гораздо лучше».

Такъ какъ мой дурной французскій языкъ, прибавляетъ Юнгъ, былъ подъ пару ихъ нарѣчію, то они слушали меня очень хорошо; нѣтъ ни одного слова въ этой рѣчи на

которое они не выразили бы свое одобрѣніе, и они подумали что я могу быть славнымъ малымъ, что я и подтвердилъ закричавъ: *vive le tiers* (да здравствуетъ третье сословіе)! Они меня отпустили съ радостными криками».

Страница 105. Строка 18.

Церковь X, въ Шолле пришла въ разрушеніе, дѣло шло о поправкѣ ее сообразно съ указомъ 1684 года (16 Декабря), т. е. при помощи налога разложеннаго на всѣхъ жителей. Когда сборщики начали собирать этотъ налогъ, маркизъ X, сеньоръ прихода, объявилъ, что такъ какъ онъ на одного себя взялъ обязанность поправлять клиросъ, то не хочетъ участвовать въ этомъ сборѣ; жители, весьма справедливо возразили, что, какъ сеньоръ и какъ главный сборщикъ десятины, (онъ безсомнѣнія владѣлъ церковными десятинами), онъ и такъ одинъ обязанъ поправлять клиросъ, что слѣдовательно, эта поправка не можетъ избавить его отъ общей подати. По этому поводу вышелъ приказъ интенданта, который объявилъ маркиза несправедливымъ и уполномочилъ сборщиковъ взять съ него налогъ.

Въ бумагахъ есть болѣе десяти писемъ этого маркиза, одни другихъ настоятельнѣе; онъ упрашиваетъ, чтобы принудили вмѣсто него заплатить приходъ и для этого унижается передъ интендантомъ, называя его ***Всемилостивѣйшимъ Государемъ*** и даже умоляетъ его.

Страница 107. Строка 1.

Примѣръ того какъ правительство стараго порядка уважало пріобрѣтенныя права, формальные контракты, и свободу городовъ или ассоціацій.

Декларація короля «пріостанавливаетъ на время войны, расплату долговъ съ городами, бургами, коллегіями, общи-

нами, управленіями госпиталей, благотворительныхъ домовъ, художественныхъ, ремесленныхъ и другихъ обществъ, которые уплачиваются городскими пошлинами или налогами установленными нами», сказано въ декларацiи, «на упомянутые займы проценты продолжаютъ наростать».

Эта не только пріостановка расплаты къ сроку обозначенному въ контрактѣ, заключенномъ съ кредиторомъ, но еще ударъ нанесенный данному залогу въ ручательствѣ завѣрность долга. Никогда подобныя мѣры, которыя скопились при старой правительственной системѣ, не могутъ существовать при правительствѣ охраняемомъ гласностью и общественными собраніями.

Какое сравненіе съ тѣмъ, что всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ въ Англіи и въ Америкѣ, тамъ презрѣніе права въ этомъ случаѣ считается преступленіемъ наравнѣ съ неуваженіемъ мѣстной свободы.

Страница 108. Строка 28.

Случай приведенный здѣсь въ текстѣ далеко не единственный гдѣ привиллегированные замѣчаютъ, что феодальное право гнетущее крестьянъ, касается ихъ самихъ.

Вотъ что говорилось за тридцать лѣтъ до революціи въ земледѣльческомъ обществѣ составленномъ только изъ однихъ привиллегированныхъ.

«Ренты непогасимыя, поземельныя или феодальныя, падающія на землю, когда они хотя немного велики, становятся такъ тягостны для плательщиковъ, что причиняютъ ихъ разореніе и обѣдненіе самой земли.—Онъ принужденъ бываетъ пренебрегать ею, не находя возможности сдѣлать займа на столь обремененную землю, ни покупателей, когда хочетъ продать ее. Еслибы эти ренты были погасимы, то разоренный владѣлецъ всегда нашолъ бы случай сдѣлать заемъ или нашелъ бы покупателей будучи, въ состояніи уплатить и за землю и ренту. — Всегда пріятно поддержи-

вать и улучшать свободную собственность, которой онъ считаетъ себя прочнымъ владѣльцемъ. Было бы очень оживительно для земледѣлія отыскать удобныя средства сдѣлать этотъ родъ ренты погасимымъ. Многіе изъ сеньоровъ помѣстій, убѣжденные въ этой истинѣ, не заставлять себя просить приступить къ этой сдѣлкѣ. Необходимо только отыскать и назвать практическіе способы, чтобы достигнуть освобожденія поземельныхъ рентъ».

Страница 110. Строка 20.

Всѣ общественныя должности, даже должности агентовъ фермъ, были изъяты отъ податей; эта привилегія дана имъ приказомъ 1681 года. Въ одномъ письмѣ интенданта къ министру въ 1782 году сказано: «Между привилегированными нѣтъ такого многочисленнаго класса какъ чиновники соляныхъ сборовъ, пошлинныхъ сборовъ, доменовъ, почтъ, народнаго продовольствія и другихъ управленій всякаго рода. Мало такихъ приходовъ гдѣ ихъ не существуетъ, а во многихъ встрѣчаются по два или по три».

Интендантъ намѣревался отклонить министра отъ предложенія въ совѣтѣ постановленія, которое распространяло бы это право изъятія отъ податей на прислугу привилегированныхъ агентовъ, изъятіе, говоритъ интендантъ, о распространеніи котораго не перестанутъ просить главные фермеры, чтобы избавить себя отъ выплачиванія тѣмъ, къ которымъ они относятся.

Страница 110. Строка 20.

Чиновничество и въ другихъ странахъ не было совершенно неизвѣстнымъ. Въ Германіи нѣкоторые маленькіе государи ввели его у себя, но въ незначительномъ размѣрѣ и въ маловажныхъ частяхъ общественной администраціи. Система не развилась тамъ какъ во Франціи.

*

Страница 114. Строка 31.

Не должно удивляться, хотя это кажется весьма страннымъ и дѣйствительно было странно, что общественные чиновники старой правительственной системы, изъ которыхъ многіе принадлежали къ администраціи въ собственномъ смыслѣ, спорили въ парламентѣ о границахъ ихъ власти. Это объяснится, если вспомнимъ, тѣмъ, что всѣ эти вопросы, бывши вопросами общественной администраціи, также были и вопросами частной собственности.

Все что предпринималось тамъ для присвоенія судебной власти, было ничто иное какъ слѣдствіе ошибки правительства превратившаго общественныя должности — въ службу. Такъ какъ мѣста считались службой и получались чрезъ заключеніе актовъ, то нельзя было измѣнить значеніе мѣста не нарушая право чиновника, право которое онъ купилъ отъ своего предшественника. Примѣръ изъ тысячи: главный начальникъ полиціи Манса велъ длинный процессъ противъ финансоваго бюро этого города, чтобы доказать, что имѣя въ своемъ распоряженіи уличную полицію, онъ долженъ заботиться о мощеніи улицъ и о цѣнахъ касающихся до этого. На что бюро возразило, что мощеніе улицъ, уже по самому назначенію бюро, принадлежитъ ему. На этотъ разъ не королевскій совѣтъ рѣшалъ дѣло; такъ какъ оно касалось преимущественно денежнаго интереса получаемаго отъ мѣста, то вопросомъ занялся парламентъ. Дѣло административное перешло въ гражданскій процессъ.

Страница 116. Строка 22.

Анализъ записокъ дворянства 1789 года.

Французская революція, мнѣ кажется, есть единственная въ началѣ которой различные классы отдѣльно могли откровенно выразить идеи занимавшія ихъ, воодушевлявшія ихъ чувствованія, прежде чѣмъ сама революція не исказила эти идеи и чувствованія. Это откровенное выраженіе было

записано, какъ всякому извѣстно, въ тетрадяхъ составленныхъ тремя сословіями въ 1789 году; эти записки или мемуары были составлены при полной свободѣ, среди самой большой гласности каждымъ изъ сословій; онѣ долго оспаривались заинтересованными лицами и зрѣло были обсуждены редакторами; ибо правительство того времени, относясь къ націи, не затрудняло ее требованіемъ отвѣта тотчасъ же послѣ вопроса. — Записки эти собраны въ три печатныхъ книги, которыя можно видѣть во всѣхъ библіотекахъ. Оригиналы хранятся въ національныхъ архивахъ и съ ними находятся протоколы собраній, которыя ихъ составили, и отъ части кореспонденція того времени между Неккеромъ и его агентами по поводу этихъ собраній.

Это самый драгоцѣнный документъ оставшійся намъ отъ старой правительственной системы, къ которому безпрестанно должны обращаться тѣ, которые хотятъ знать состояніе умовъ нашихъ отцовъ въ ту минуту, когда вспыхнула революція.

Я думалъ, что быть можетъ, извлеченіе напечатанное въ трехъ книгахъ, о которыхъ шла рѣчь, было дѣломъ партіи и невоспроизводитъ точно характеръ этого огромнаго изслѣдованія; но сравнивая одно съ другимъ я нашелъ весьма большое сходство въ главныхъ чертахъ съ копіей.

Я извлекъ изъ записокъ дворянства, какъ и покажу здѣсь, истинныя чувства огромнаго большинства этого сословія. Ясно видно, что оно хотѣло упорно удержать старыя привилегіи, что оно не такъ далеко было отъ уступокъ, равно какъ и то, что само же оно предлагало пожертвованія. Особенно же здѣсь открывается вполнѣ направленіе одушевлявшее это сословіе въ отношеніи политической свободы. Любопытная и печальная картина!

Права личности. Дворяне просятъ прежде всего, чтобы были точно опредѣлены права принадлежащія всѣмъ людямъ, и чтобъ это опредѣленіе утвердило ихъ свободу и обезпечило безопасность.

Свобода лица. Они желаютъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ таковыя еще существуютъ, и такъ же желаютъ, чтобы отыскали средство уничтожить торгъ и рабство негровъ; чтобы каждый могъ свободно путешествовать или останавливаться для жительства внутри, равно какъ и внѣ королевства, безъ всякой произвольной остановки; чтобы облегчили тяжесть полицейскихъ постановленій и чтобы впредь полиція была въ разспоряженіи судей, даже во время возмущеній; чтобы никто немогъ быть арестованъ и судимъ иначе какъ только своими судьями; чтобы слѣдовательно государственныя тюрьмы и другія мѣста незаконнаго заключенія были уничтожены. Нѣкоторыя просятъ срытія Бастиліи. Парижское дворянство настаиваетъ твердо на этомъ пунктѣ.

Всѣ тайныя письма или королевскія бланки должны быть уничтожены. Если опасность государства дѣлаетъ необходимымъ арестъ гражданина, не предавая его немедленно обыкновеннымъ судомъ, то нужно взять предосторожности, чтобы устранить злоупотребленія, сообщая о задержаніи подсудимаго государственному совѣту или какимъ либо другимъ образомъ.

Дворянство желаетъ, чтобы всѣ частныя должности, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, всѣ исключительные суды, всѣ привилегіи *commuttimus*, постановленія объ отсрочкахъ и т. д. были уничтожены и чтобы самыя тяжелыя наказанія падали на тѣхъ, которые издаютъ самопроизвольныя приказы, чтобы въ обыкновенной юстиціи, которая только одна и должна быть сохранена, были взяты необходимыя мѣры для обезпеченія личной свободы даже тѣмъ, которые обвиняются въ уголовномъ преступленіи, чтобы судъ производился даромъ, и безполезныя юрисдикціи были уничтожены.

«Магистраты существуютъ для народа, а не народъ для магистратовъ», сказано въ одной тетради. Даже просятъ, чтобы въ каждомъ округѣ былъ учрежденъ совѣтъ и даровые защитники для бѣдныхъ; чтобы справки производились публично и чтобы тяжущимся была предоставлена свобода защищаться самимъ; чтобы при уголовныхъ преступленіяхъ, обвиняемый былъ снабженъ совѣтомъ, и чтобы во всѣхъ актахъ процедуры, судья былъ окруженъ извѣстнымъ числомъ гражданъ того сословія, къ которому принадлежитъ объвиняемый, и они должны произнести сужденіе о преступленіи или проступкѣ подсудимаго: въ этомъ случаѣ обратились къ Англійской конституціи; чтобы наказанія были пропорціональны проступкамъ и были равны для всѣхъ, чтобы смертная казнь приговаривалась рѣже и всѣ тѣлесныя истязанія, пытки и т. д. были уничтожены, наконецъ, чтобы судьба заключенныхъ была улучшена, и въ особенности подсудимыхъ.

Слѣдуя запискамъ, должно искать средства заставить уважать личную свободу при рекрутскихъ наборахъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ. Должно дозволить обязанность военной службы перемѣнять на денежную плату; не приступать къ выниманію жребія иначе какъ въ присутствіи депутатовъ отъ трехъ сословій, наконецъ, согласить обязанность дисциплины и военной субординаціи съ правами гражданина и свободнаго человѣка. Удары саблей должны быть уничтожены.

Свобода и неприкосновенность собственности. Они просятъ, чтобы собственность была не прикосновенна, чтобы ей нельзя было нанести ущерба, развѣ только въ случаѣ необходимой общественной пользы. Тогда правительство должно дать вознагражденіе высшею цѣною и безотлогательства. Конфискація должна быть уничтожена.

Свобода торговли, труда и промышленности. Свобода промышленности и торговли должна быть обезпечена. Въ слѣдствіе чего должны быть уничтожены цехи и другія привилегіи принадлежащія разнымъ компаніямъ; линіи таможень должны быть перенесены на границы.

Свободы религіи. Католическая религія должна остаться одна преобладающею во Франціи, но должно допустить свободу совѣсти каждаго и не католики должны быть снова возстановлены въ своемъ гражданскомъ состояніи и собственности.

Свобода печати и неприкосновенность секретовъ на почтѣ. Свобода печати должна быть обезпечена и законъ долженъ опредѣленно выразить заранѣе ограниченія необходимыя въ интересѣ общемъ. Духовной цензурѣ не должны быть подвергаемы книги, кромѣ тѣхъ въ которыхъ идетъ разсужденіе о догматѣ вѣры; на всякій другой случай довольно взять необходимыя предосторожности, чтобы знать авторовъ и типографовъ. Многіе просятъ, чтобы проступки прессы подлежали суду присяжныхъ.

Записки кромѣ того настаиваютъ единогласно, на полномъ уваженіи секретовъ ввѣренныхъ почтѣ, такъ что, сказано, письма не могутъ быть предлогомъ или средствомъ обвиненія. Вскрытіе писемъ, прямо сказано тамъ, есть самое ужасное шпіонство, ибо оно состоитъ въ нарушеніе общественнаго довѣрія.

Преподованіе и образованіе. Записки дворянства ограничиваются просьбой дѣятельно покровительствовать воспитанію, стараться расширить его въ городахъ и деревняхъ, основать на началахъ согласныхъ съ будущими правами и обязанностями гражданъ; и главное чтобы оно было національнымъ и внушало гражданамъ понятіе о ихъ правахъ и обязанностяхъ.

Дворяне даже хотяхъ, чтобы для дѣтей былъ составленъ катехизисъ, въ которомъ были бы изложены главные пункты конституціи. Впрочемъ, не назначаютъ средствъ для облегченія и распространенія образованія; они ограничиваются только протестомъ противъ современныхъ учрежденій для воспитанія дѣтей туземнаго дворянства.

Попеченіе которое должно имѣть о народѣ. Большое число записокъ настаиваютъ, чтобы на народъ было обра-

щено самое большое вниманіе. Многіе протестуютъ противъ постановленій полиціи, которая, говорятъ они, обыкновенно влечетъ самовластно, безъ правильнаго суда, въ тюрьмы и смирительные дома и т. д. цѣлую толпу работниковъ и полезныхъ гражданъ часто по ошибкѣ или даже по простому подозрѣнію, что не согласно съ естественной свободой. Всѣ записки просятъ, чтобы барщина была окончательно уничтожена. Большинство округовъ желаютъ, чтобы былъ дозволенъ выкупъ отъ помѣщичьяго права и отъ пошлинъ за проѣздъ. Большое число проситъ, чтобы были облегчены многіе феодальныя налоги и уничтоженъ налогъ на свободныя помѣстья. Для правительства выгодно, сказано въ одной тетрадѣ, облегчить покупку и продажу земель. Этотъ доводъ совершенно тотъ же, какъ если бы предложили сразу уничтожить всѣ сеньоріальные налоги и пустить въ продажу не отчуждаемыя имѣнія. Многіе тетради хотятъ, чтобы сообщили праву голубятень видъ менѣе вредный для земледѣлія. Что касается до учрежденій клонящихся къ сохраненію королевской дичи, извѣстныхъ подъ именемъ *capitaineries,* дворяне просятъ немедленно уничтожить ихъ какъ посягательство на право собственности, желаютъ замѣненія нынѣ существующихъ налоговъ менѣе тягостными для народа.

Дворянство проситъ чтобы заботились о распространеніи довольства и благосостоянія въ деревняхъ; чтобы были учреждены тамъ плетеніе и тканіе грубыхъ матерій, дабы занять деревенскихъ жителей въ нерабочее время; чтобы были въ каждомъ округѣ учреждены общественные амбары, подъ наблюденіемъ провинціальной администраціи, дабы предупредить голодъ и поддержать цѣну на съѣстные припасы въ извѣстномъ состояніи; чтобы старались усовершенствовать земледѣліе и улучшить судьбу деревень; чтобы увеличили общественныя работы, и въ особенности тѣ, которыя касаются осушенія болотъ и предупрежденія наводненій и проч.; наконецъ, чтобы во всѣхъ провинціяхъ были произведены поощренія торговлѣ и земледѣлію.

Записки хотятъ, чтобы госпитали были обращены въ маленькія учрежденія въ каждомъ округѣ; чтобы были уничтожены нищенскіе дома и замѣнены благотворительными заведеніями; чтобы учредили кассы вспомоществованій подъ распоряженіемъ провинціальныхъ штатовъ и чтобы хирурги, медики и повивальныя бабки были разосланы по округамъ, на счетъ провинцій, чтобы они даромъ заботились о бѣдныхъ; чтобъ для бѣдныхъ судъ былъ даровой; сдѣлать учрежденія для слѣпыхъ, глухихъ, и нѣмыхъ, подкинутыхъ дѣтей и проч.

Впрочемъ, во всемъ этомъ сословіе дворянъ вообще ограничивается только выраженіемъ желаній реформъ, не входя въ большія подробности; замѣтно, что оно менѣе жило чѣмъ низшее духовенство среди низшихъ классовъ и что, имѣя менѣе столкновеній съ ихъ бѣдствіями, оно менѣе знаетъ о средствахъ врачеванія.

О допускаемости къ публичнымъ должностямъ, чиновной іерархіи и почетныхъ привиллегіяхъ дворянства.

Преимущественно или скорѣе единственно въ томъ, на что опирались чиновная іерархія и различіе состояній, дворянство измѣняетъ общему духу просимыхъ реформъ, и дѣлая во всемъ необходимыя уступки, въ этомъ присоединяется къ старой правительственной системѣ. Оно чувствуетъ, что сражается на этотъ разъ за собственное существованіе. Эти тетради съ настойчивостью просятъ поддержать духовенство и дворянство какъ отличительныя сословія. Они даже желаютъ, чтобы поискали средствъ сохранить во всей чистотѣ сословіе благородныхъ; чтобы для этого было запрещено пріобрѣтать титулъ благороднаго за извѣстную плату, чтобы онъ не былъ принадлежностью извѣстныхъ должностей, чтобы его не получали иначе какъ за долгую и полезную службу государству. Они желаютъ, чтобы разыскивали и преслѣдовали ложныхъ дворянъ. Наконецъ, всѣ тетради настаиваютъ, чтобы благородные удержали вполнѣ свои почести; нѣкоторые хотятъ, чтобы благороднымъ были

даны отличительныя знаки, дабы можно было узнать ихъ по наружному виду.

Нельзя ничего себѣ представить болѣе характеристическаго какъ подобныя просьбы и болѣе способнаго выказать совершенное сходство, которое уже существовало между благороднымъ и работникомъ на зло различію сословій. Вообще, въ своихъ запискахъ дворянство, которое выказало себя довольно уступчивымъ во многихъ полезныхъ правахъ, съ безпокойнымъ раздраженіемъ стоитъ за свои почетныя привиллегіи. Оно хочетъ сохранить все чѣмъ владѣло и даже примѣшать то, чего не имѣло никогда; уже такъ сильно чувствовало оно себя увлеченнымъ въ волны демократіи и боялось раствориться въ ней. Странное дѣло! Дворянство инстинктивно чувствовало эту гибель, но точнаго понятія о ней не имѣло.

Что касается до занятія должностей, дворянство проситъ, чтобы продажность ихъ была уничтожена въ отношеніи мѣстъ магистратуры и чтобы на эти послѣднія, всѣ граждане могли быть представляемы націей безразлично, только не нарушая условій лѣтъ и способности. Для военныхъ должностей, большинство думаетъ, что третье сословіе недолжно быть лишено права занимать эти должности и всѣмъ военнымъ, за заслуги отечеству, предоставляется право достигать даже самыхъ высшихъ мѣстъ. «Сословіе дворянъ не оправдываетъ ни какую мѣру стѣсняющую вступленіе въ военныя должности для третьяго сословія», сказано въ нѣкоторыхъ запискахъ; только дворяне хотятъ, чтобы право вступать офицерамъ въ полкъ, не проходя сначала низшихъ должностей, было сохранено имъ однимъ. Наконецъ почти всѣ записки просятъ, чтобы утвердили опредѣленныя правила, приложимыя ко всѣмъ, касательно распредѣленія должностей въ арміи, чтобы онѣ не вполнѣ зависили отъ личной благосклонности, и чтобы можно было достигать высшихъ должностей по старшинству.

Что касается до должностей духовныхъ, дворянство про-

ситъ, чтобъ было установлено избраніе при раздачѣ приходовъ, или, покрайней мѣрѣ, король составилъ бы комитетъ, который помогалъ бы ему при раздачѣ этихъ приходовъ. Они говорятъ, наконецъ, что съ этихъ поръ раздача пенсій должна производиться съ большею разборчивостью; необходимо наблюдать, чтобы онѣ не сосредоточивались въ извѣстныхъ семействахъ, и чтобы ни одинъ гражданинъ не могъ имѣть болѣе одной пенсіи, ни получать жалованье болѣе какъ за одно мѣсто; чтобы пріемничество было уничтожено.

Церковь и духовенство. Гдѣ дѣло не касается до правъ и собственнаго устройства дворянства, но до привиллегій и организаціи церкви, тамъ оно уже не смотритъ такъ близоруко; тамъ глаза его совершенно открыты на злоупотребленія.

Оно проситъ, чтобы духовенство совсѣмъ не имѣло привиллегій въ податяхъ и платило бы свои налоги не взваливая ихъ на націю; чтобы монашескіе ордена были подвергнуты кореннымъ преобразованіямъ. Многія записки выражаютъ, что эти учрежденія измѣнили своей первоначальной цѣли.

Большинство округовъ хотятъ, чтобы десятинный сборъ былъ сдѣланъ менѣе обременительнымъ для земледѣлія; есть даже большое число такихъ, которые желаютъ совершеннаго его уничтоженія. «Значительно большая часть десятиннаго сбора, сказано въ одной тетради, поглащается духовенствомъ, которое меньшую часть употребляетъ на оказаніе народу духовной помощи.» Второе сословіе мало щадило первое въ своихъ замѣткахъ. Дворянство не было почтительнѣе даже и относительно самой церкви. Многіе округа формально предлагаютъ государственнымъ сеймамъ право уничтожить нѣкоторые церковные ордена и употребить ихъ имущество на другое дѣло. Семнадцать округовъ говорятъ, что государственныя сеймы компетентны установить дисциплину. Многіе говорятъ, что праздничныхъ дней слишкомъ много во вредъ земледѣлію и въ поощреніе пьянства,

слѣдовательно нужно уничтожить большое число изъ существующихъ кромѣ Воскресенья.

Политическія права. Что касается до политическихъ правъ, записки ввѣряютъ всей Франціи право помогать правительству, прямо или косвенно, то есть правомъ избирать, или быть избраннымъ, но сохраняя іерархію сословій; такъ что никто не можетъ избрать и быть избраннымъ иначе какъ только въ своемъ сословіи. Постановивъ это начало, система представительства должна быть утверждена такъ, чтобы гарантировала всѣмъ сословіямъ націи средство принимать серьозное участіе въ направленіи дѣлъ.

Что касается до подачи головъ въ собраніи государственнаго сейма, мнѣнія раздѣлились; большинство хочетъ одного отдѣльнаго голоса для каждаго сословія; одни думаютъ, что изъ этого правила должно сдѣлать исключеніе при подачѣ голоса по податямъ; другіе, наконецъ, просятъ, чтобъ это исключеніе оставалось навсегда такъ. «Голоса должно считать по головамъ, а не по сословіямъ, говорятъ послѣдніе, эта форма единственно разумная и единственно могущая устранить и совсѣмъ уничтожить эгоизмъ сословій, вѣчный источникъ всѣхъ золъ, сблизить людей и привести къ результатамъ, которыхъ нація имѣетъ право надѣяться отъ собранія, гдѣ патріотизмъ и высокія добродѣтели подкрѣплены разсудкомъ.» Такъ какъ это нововведеніе, сдѣланное слишкомъ поспѣшно, могло обратиться во вредъ настоящему состоянію умовъ, то многіе думаютъ, что его не иначе должно принять какъ съ предосторожностями и нужно чтобы собраніе обсудило не благоразумнѣе ли будетъ предоставить поголовную подачу голосовъ послѣдующимъ государственнымъ сеймамъ. Во всякомъ случаѣ, дворянство проситъ, чтобы каждое сословіе могло сохранить достоинство подобающее всякому Французу; вслѣдствіе чего они уничтожили унизительныя формы, которымъ подвергалось третье сословіе въ старой правительственной системѣ, напримѣръ, становиться на колѣни: «видъ человѣка

стоящаго на колѣняхъ передъ другимъ, оскорбляетъ человѣческое достоинство и поселяетъ, между существами равными по природѣ, униженіе не совмѣстное съ ихъ коренными правами», сказали въ запискѣ.

О системѣ которую нужно основать въ формѣ правительства и начала государственнаго устройства. Что касается до формы правительства, дворянство проситъ поддержаніе монархическаго устройства, сохраненія въ личности короля власти законодательной, судебной и исполнительной; но въ тоже время установленіе основныхъ законовъ должно гарантировать права націи противъ насилія этихъ властей.

Вслѣдствіе чего, записки объявляютъ, что нація имѣетъ право собирать государственные сеймы, изъ такого числа членовъ, которое было бы достаточно для обезпеченія независимости собранія. Они желаютъ, чтобъ съ этого времени подобные сеймы собирались періодически, въ опредѣленныя эпохи, такъ при всякомъ новомъ наслѣдованіи престола, чтобы никогда не нужно было разсылать приглазительныхъ писемъ. Многіе округи даже объявили, что было бы желательно это собраніе сдѣлать постояннымъ. Если созваніе сейма не будетъ произведено въ срокъ, назначенный закономъ, то всякій имѣетъ право отказаться отъ податей. Не большое число хочетъ, чтобы во время промежутковъ, раздѣляющихъ засѣданіе одного сейма отъ другаго, была учреждена промежуточная коммисія, обязанная заботиться объ управленіи королевствомъ, но вообще записки формально противятся учрежденію этой коммисіи, говоря, что она противна конституціи. Объясненіе, которое даютъ, они очень интересно: боятся чтобы такое маленькое собраніе, оставаясь около правительства, не увлеклось бы его подстреканіями.

Дворянство хочетъ, чтобы министры не имѣли права распускать собраніе и чтобы они подлежали суду, если вздумаютъ своими ковами потрясти порядокъ, чтобы никакой служащій, никакая личность, въ чемъ то ни было зависящая отъ правительства, не допускалась въ депутаты; чтобы личность депутата была неприкосновенна и чтобы нельзя было, сказано въ запискахъ, его преслѣдовать за высказанныя мнѣнія, наконецъ, чтобы засѣданія собраній были публичны и дабы заранѣе пригласить націю къ ея разсужденіямъ они должны быть обнародованы въ печати.

Дворянство единогласно проситъ, чтобы начала, которыя должны руководить правительствомъ, прилагались въ различныхъ частяхъ территоріи, слѣдовательно во всякой провинціи, во всякомъ округѣ, во всякомъ приходѣ были бы составлены собранія членовъ свободно избранныхъ на извѣстное время.

Многіе записки думаютъ, что должности интенданта и главнаго сборщика должны быть уничтожены; всѣ согласись, что съ этого времени провинціальныя собранія должны одни взять на себя обязанность отвѣчать за подати и заботиться о частномъ интересѣ въ провинціи.

Они желаютъ, чтобы тоже самое было и съ окружными собраніями и съ приходскими, которыя съ этого времени должны зависѣть только отъ провинціальныхъ сеймовъ.

Различіе власти. Власть законодательная. Что касается до распредѣленія власти между націей и королемъ, дворянство проситъ, чтобы ни одинъ законъ не имѣлъ силы пока не будетъ утвержденъ государственнымъ сеймамъ и королемъ, и внесенъ въ протоколъ приказовъ обязательныхъ для исполненія; чтобы исключительно государственнымъ сеймамъ принадлежало право назначать и утверждать количество подати; чтобы утвержденные налоги имѣли силу только въ продолженіи времени между однимъ засѣданіемъ сейма и другимъ; чтобы всѣ налоги собранные или установленные безъ утвержденія сейма были провозглашены незаконными, а интендантъ и сборщикъ собиравшіе ихъ были бы преданы суду какъ лихоимцы.

Чтобы нельзя было даже установить никакого займа безъ

утвержденія государственнаго сейма; чтобы кредитъ былъ открытъ только на сумму утвержденную сеймами, и правительство можетъ пользоваться этимъ въ случаѣ войны или великихъ бѣдствій, не забывая однако объявить созваніе государственнаго сейма въ самый короткій срокъ.

Чтобы всѣ національныя кассы были подъ надзоромъ сеймовъ; расходы всякаго департамента были бы ими же утверждены и чтобы были приняты мѣры самыя вѣрныя, дабы назначенныя расходы не превышались.

Большая часть записокъ желаетъ, чтобы требовали уничтоженія притѣснительныхъ налоговъ, извѣстныхъ подъ именемъ налога за занесеніе въ списокъ, стого процента, извѣстныя всѣ вмѣстѣ подъ названіемъ управленія королевскими доменами. «Одного управленія королевскими доменами довольно, чтобы повредить націи, потому что оно объявляетъ принадлежностію короля такіе предметы, которые составляютъ существенную часть собственности гражданъ», сказано въ одной запискѣ; если всѣ домены не будутъ уничтожены, то были бы по крайней мѣрѣ возложены на администрацію провинціальныхъ штатовъ и чтобы никакое распоряженіе, никакой эдиктъ чрезвычайной подати не могъ быть обнародованъ иначе какъ только по утвержденіи трехъ сословій государства.

Очевидно мысль дворянства въ томъ, чтобы ввѣрить все финансовое управленіе націи, назначеніе займовъ и податей, взиманіе этихъ податей, государственнымъ и провинціальнымъ собраніямъ.

Власть судебная. И въ юридическомъ отношеніи дворянство стремится подчинить, по крайней мѣрѣ въ большей части, власть судей—націи. Вотъ какъ объ этомъ говорятъ многія записки.

«Чтобы судьи были отвѣтственны въ дѣлахъ ихъ службы передъ націей.» Они не могутъ быть смѣняемы иначе, какъ только постановленіемъ государственнаго сейма, никакой судъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, не

можетъ быть оторванъ отъ исполненія своихъ обязанностей, безъ утвержденія сеймовъ; кассаціонные суды и парламенты за вѣроломство подлежатъ суду государственныхъ сеймовъ. Слѣдуя большинству записокъ, судьи не должны быть назначаемы королемъ иначе, какъ чрезъ представительство народа.

Исполнительная власть. Что касается до исполнительной власти, она исключительно принадлежитъ королю, но для избѣжанія злоупотребленій ей назначаются необходимыя границы.

Такъ, что касается до администраціи, записки просятъ, чтобы отчеты различныхъ департаментовъ были предаваемы гласности чрезъ печать и чтобы министры были отвѣтственны передъ націей; даже прежде употребленія войскъ для внѣшней защиты, король долженъ точнымъ образомъ объявить свои намѣренія государственному сейму. Внутри государства, эти войска не могутъ быть употреблены противъ гражданъ, развѣ только по требованію государственнаго сейма. Количество войскъ должно быть ограничено и только двѣ трети, въ обыкновенное время, должны быть на готовѣ. Что касается до иностранныхъ войскъ, которыя правительство можетъ имѣть на своей почвѣ, то они должны быть удалены изъ центра государства на границы.

Что особенно поражаетъ при чтеніи записокъ дворянства, но что никакое извлеченіе не можетъ воспроизвести, это тѣ стороны, въ которыхъ видно, что дворянство вполнѣ принадлежитъ своему времени: духъ времени вполнѣ отразился на немъ и дворянство безпрестанно переноситъ его въ свой языкъ. Оно говоритъ *о прирожденныхъ правахъ человѣка, о непоколебимыхъ началахъ общества.* Когда дворянство касается отдѣльной личности, то обыкновенно говоритъ о ея правахъ, а когда говоритъ объ обществѣ, то объ обязанностяхъ его.

Начала политическія кажутся ему *также безусловными какъ и нравственныя, а тѣ и другія имѣютъ общимъ осно-*

ваніемъ разумъ. Хочетъ ли оно уничтожить остатки крѣпостнаго права, оно говоритъ: *дѣло идетъ объ искорененіи до послѣднихъ остатковъ униженія рода человѣческаго*. Оно иногда называетъ Людовика XVI *королемъ гражданиномъ*, неоднократно говоритъ *о преступленіи, противъ націи* въ которомъ такъ часто ихъ обвиняли. На ихъ взглядъ какъ и на взглядъ всѣхъ прочихъ, всего должно ожидать отъ общественаго образованія, а завѣдывать имъ должно государство; *государственные сеймы* сказано въ запискѣ, *употреблять всѣ усилія чтобы, чрезъ измѣненія въ воспитаніи, внушить дѣтямъ національный характеръ*; свидѣтель ихъ современности есть постоянное живое желаніе преобразованія въ законахъ, исключая однако того, что касается до различія сословій. Дворяне хотятъ преобразованій административныхъ, преобразованій мѣръ проч. столько же какъ и третье сословіе; они называютъ всѣ роды реформъ и желаютъ, чтобы эти реформы были радикальными. По ихъ мнѣнію всѣ налоги или должны быть уничтожены или преобразованы; вся судебная система перемѣнена, не нарушая сеньоріальнаго суда, который на самомъ то дѣлѣ только одинъ и имѣлъ нужду въ усовершенствованіи. Для нихъ, какъ и для всѣхъ вообще французовъ, Франція есть поприще для опытовъ, родъ образцовой фермы въ политикѣ, гдѣ все должно принять другой видъ, все испытать, если только это не касается маленькаго круга ихъ частныхъ привилегій; еще къ чести дворянства нужно сказать, что эти послѣднія не были сохранены ими вполнѣ. Словомъ читая ихъ записки можно сказать, что дворянству не доставало только быть рабочими, чтобы произвести революцію.

Страница 17. Строка 19.

Примѣръ духовнаго управленія церковной провинціи въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія.

1) Архіепископъ.
2) Семь главныхъ викаріевъ.

3) Два духовныхъ суда называемыхъ консисторіями: одна *консисторія архіепископская*, вѣдающая приговоры надъ викаріями; другая *консисторія епархіальная* вѣдающая:

I. Личныя дѣла между духовенствомъ.

II. Дѣйствительность браковъ какъ таинства.

Этотъ послѣдній судъ состоитъ изъ трехъ судей. Къ нему также присоединяются натаріусы и прокуроры.

4) Два казенныхъ суда.

Одинъ называемый епархіальное бюро, вѣдаетъ, въ первой инстанціи, всѣми дѣлами относящимися до обложенія податью духовенства въ епархіи, (извѣстно что духовенство само-себя облагало податью). Этотъ судъ состоитъ изъ шести священниковъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа.

Второй судъ вѣдаетъ по аппеляціи дѣла рѣшенныя въ другихъ епархіальныхъ бюро церковной провинціи. Всѣ эти суды допускаютъ адвокатовъ и выслушаютъ тяжущихся.

Страница 118. Строка 16.

Духъ дѣятельности духовенства въ сеймахъ и провинціальныхъ собраніяхъ.

Что я сказалъ въ текстѣ о сеймахъ въ Лангедокѣ также точно прилагается и къ провинціальнымъ собраніямъ бывшимъ въ 1779 и въ 1787 годахъ, именно въ верхней Гвенѣ. Члены изъ духовенства въ этомъ провинціальномъ собраніи принадлежали къ числу самыхъ просвѣщенныхъ, самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ либеральныхъ. Предложеніе дать гласность протоколу собранія было сдѣлано епископомъ Роде.

Страница 119. Строка 7.

Это либеральное направленіе духовенства въ политикѣ, какое видимъ въ 1789 году, не было только плодомъ минутнаго увлеченія; оно уже проявлялось въ эпоху гораздо

раннюю. Именно оно проявляется въ Берри въ 1779 году, гдѣ духовенство вызвалось сдѣлать добровольное приношенія въ 68,000 ливровъ съ однимъ условіемъ, чтобы была сохранена провинціальная администрація.

Страница 121. Строка 5.

Обратите полное вниманіе на то, что политическое общество уже не имѣло связи, когда общество гражданское еще имѣло ее. Внутренняя связь сословій еще существовала, осталось даже нѣчто отъ тѣснаго союза существовавшаго между классомъ сеньоровъ и народомъ. Хотя все это было въ обществѣ гражданскомъ, но послѣдствія косвенно чувствовались и въ политическомъ обществѣ; люди, связанные такимъ союзомъ, составляли неправильныя и не стройныя массы не покорныя власти. Революція разбивъ эти союзы и не установивъ на ихъ мѣсто союзовъ политическихъ, съ разу приготовила и равенство и рабство.

Страница 122. Строка 17.

Примѣръ того, какъ суды отзывались въ случаѣ какихъ либо произвольныхъ поступковъ.

Изъ мемуара представленнаго генеральному контролеру въ 1781 году, интендантомъ Парижскаго округа, слѣдуетъ, что въ обычаѣ этого округа было имѣть въ каждомъ приходѣ по два синдика, одинъ избирался жителями въ собраніи подъ предсѣдательствомъ субделегата, другой интендантомъ и послѣдній былъ надзирателемъ надъ первымъ. Въ приходѣ Рюэль произошла ссора между двумя синдиками, синдикъ выбранный народомъ не хотѣлъ повиноваться другому. Интендантъ поручилъ господину Бретёль взять на пятнадцать дней подъ арестъ синдика выбраннаго, который и былъ дѣйствительно арестованъ, потомъ смѣщенъ, а другой поставленъ на его мѣсто. Парламентъ внявъ просьбѣ заключеннаго синдика, началъ процессъ, слѣдствіе котораго я не могъ отыскать, тамъ сказано, что арестованіе подавшаго апелляцію и пресѣченіе его власти не можетъ быть разсматриваемо какъ *произвольные и деспотическіе поступки.* Юстиція была тогда часто весьма не воздержна.

Страница 123. Строка 30.

Не только просвѣщенные и достаточные классы, стараго порядка, не были стѣснены и порабощины, но можно сказать что, подразумѣвая здѣсь и буржуазію, они могли часто слишкомъ свободно дѣлать то, что имъ хотѣлось, потому что королевская власть не смѣла мѣшать ихъ членамъ, въ случаѣ нужды занимать положеніе отдѣльно отъ правительства въ ущербъ народа и почти всегда считало своею обязанностью помогать имъ въ этомъ или для снисканія благосклонности или для избѣжанія недоброжелательства.

Можно сказать, что въ осьмнадцатомъ столѣтіи, Французъ принадлежавшій къ этимъ классамъ, часто имѣлъ гораздо болѣе средствъ сопротивляться правительству и заставить это послѣднее бояться себя, чѣмъ имѣлъ когда либо и въ какомъ либо положеніи, Англичанинъ. Правительство часто считало себя обязаннымъ дѣйствовать противъ нихъ гораздо умѣреннѣе и болѣе робко, чѣмъ англійское правительство когда либо дѣлало это передъ подданными того же сословія: вотъ что значитъ смѣшивать независимость со свободою. Нѣтъ менѣе независимаго человѣка, какъ свободный гражданинъ.

Страница 125. Строка 31.

Соображеніе побуждавшее часто безусловное правительство, въ старомъ обществѣ къ умѣренности.

Уже одно увеличеніе старыхъ податей, и сверхъ того наложеніе новыхъ, могло въ обыкновенное время, создать

большія затрудненія правительству и возмутить народъ. При старомъ устройствѣ финансоваго управленія въ Европѣ, когда государь имѣлъ страсть къ расточительности, когда онъ пускался въ смѣлую политику, или когда онъ имѣлъ нужду въ деньгахъ, чтобы поддержать себя привлекая людей большими выгодами или большимъ жалованьемъ, раздаваемымъ безъ всякой заслуги, когда содержалось огромное войско, производились обширныя работы и проч. Тогда часто приходилось прибѣгать къ помощи налоговъ, что немедленно будило и волновало всѣ классы, въ особенности тотъ, который обыкновенно производитъ внѣзапныя революціи — народъ. Въ настоящее время, въ подобномъ положеніи, дѣлаютъ займы немедленное вліяніе которыхъ почти незамѣтно, а окончательный результатъ отзывается на слѣдующемъ поколѣніи.

Страница 127. Строка 13.

Какъ примѣръ этого, между многими другими, я нахожу что главные домены, лежавшіе въ округѣ Маеня, были отданы въ аренду главнымъ фермерамъ, которые брали себѣ въ низшіе фермеры маленькихъ бѣдныхъ арендаторовъ ничего неимѣвшихъ у себя. Ихъ снабжали всѣмъ самымъ необходимымъ даже домашнею утворью. Понятно, что такіе главные фермеры не должны были щадить фермеровъ или должниковъ стараго феодальнаго Сеньора, мѣсто котораго они заняли и феодальный порядокъ въ ихъ рукахъ часто являлся болѣе жестокимъ чѣмъ въ средніе вѣка.

Страница 127. Строка 14.

Другой примѣръ.

Жители Монтбозана вносили подать распорядителямъ графства, принадлежавшаго принцу Роганъ, но эти распорядители употребляли подать въ свою пользу. Принцъ

(который безъ сомнѣнія былъ очень богатъ) не только прекращалъ подобныя *злоупотребленія*, какъ онъ ихъ называетъ, но заставилъ еще внести сумму въ 5,344 ливра 15 су, которая показывалась уплаченною, эта сумма была собрана съ жителей.

Страница 130. Строка 5.

Примѣръ того какъ денежные налоги духовенства отдаляли отъ него сердца тѣхъ, которые одни должны были бы быть ему близки.

Приходскій священникъ въ Ноазе объявилъ, что жители обязаны поправить ему овинъ и жемъ, и просилъ для этого сдѣлать мѣстный налогъ. Интендантъ отвѣчалъ, что жители ничего не обязаны исправлять кромѣ священническаго дома; овинъ и жемъ остались на попеченіи самаго пастыря занятаго болѣе своею фермой чѣмъ паствой.

Страница 132. Строка 16.

Въ Мемуарѣ отправленномъ 1788 году крестьянами въ отвѣтъ на справку сдѣланную провинціальными собраніями, въ мемуарѣ написанномъ съ ясностью и въ умѣренномъ тонѣ, находимъ слѣдующее: «къ тяжестямъ при собраніи податей присоединяется еще обремѣненія отъ полицейскихъ сыщиковъ».

Они обыкновенно пять разъ пріѣзжаютъ во время сбора налога, чаще всего это суть инвалидные солдаты или Швейцарцы. Каждый разъ они остаются четыре или пять дней въ приходѣ и снабжаются изъ приходскаго бюро для собранія налога, 36 су въ день. Что касается до положенія налога, мы не излогаемъ произвольныхъ злоупотребленій, слишкомъ уже извѣстныхъ, также не говоримъ о дурномъ впечатлѣніи производимомъ порученіемъ этой обязанности чиновникамъ часто неспособнымъ и почти всегда пристрас-

нымъ и мстительнымъ. Они часто бываютъ источникомъ возмущеній и ссоръ по ихъ винѣ начинаются процессы весьма убыточные для тяжущихся и выгодные для сборовыхъ судовъ.»

Страница 133. Строка 18.

Превосходство мѣръ, которымъ слѣдовали въ сѣймовыхъ земляхъ, сознанное даже чиновниками центральнаго правительства.

Въ секретномъ письмѣ отъ 3 іюня 1772 года директора налоговъ къ интенданту сказано: «въ сѣймовыхъ земляхъ, гдѣ налоги составляютъ опредѣленную часть, всякій податной подвергается ему и дѣйствительно платитъ. Увеличеніе этой части производится пропорціонально тому увеличенію, которое требуетъ король для всего капитала (1 милліонъ, напримѣръ, вмѣсто 900,000 ливровъ). Эта простая операція существуетъ намѣсто личнаго, и такъ сказать, произвольнаго распредѣленія въ округахъ; одни платятъ то что должно, другіе только половину, треть, четверть или совсѣмъ ничего. Какъ же обложить податью при десятомъ увеличеніи.»

Страница 136. Строка 14.

Способъ которымъ привиллегированные выразили понятіе о успѣхахъ цивилизаціи при постройкѣ дороги.

Графъ Х., въ одномъ письмѣ къ интенданту, жалуется на малое усердіе, которое выказали при устройствѣ дорогъ его окружающихъ. Эта ошибка субделегата не имѣющаго достаточно усердія къ своей должности и не принуждающаго крестьянъ выполнять ихъ барщинную работу.

Страница 136. Строка 21.

Самовластное арестованіе за барщину.

Примѣръ: въ одномъ письмѣ превота отъ 1768 года, находимъ: «я велѣлъ вчера арестовать трехъ людей, по просьбѣ Г. Е., помощника инженера, за неудовлетворительное выполненіе своей барщины. По этому поводу произошло волненіе между женщинами деревни, они кричали: «посмотрите! Они привязываются къ бѣднымъ людямъ когда нужна барщина и ни сколько не хотятъ позаботиться, чтобы дать имъ средства къ жизни.»

Страница 136. Строка 29.

Средства для построенія дорогъ были двухъ родовъ: 1) самое важное барщина для всѣхъ грубыхъ работъ, которыя ничего не требовали кромѣ труда; 2) меньшее, общій налогъ, отданный въ распоряженіе вѣдомства путей сообщеній, чтобъ платить за работы требующія искусства. Привиллегированные, то есть самые богатые помѣщики, болѣе всѣхъ заинтересованные въ дорогахъ, не подлежали барщинѣ, а налогъ путей сообщеній былъ присоединенъ къ податямъ и взимался какъ эти послѣднія, отъ которыхъ привиллегированные были изъяты.

Страница 137. Строка 6.

Примѣръ обязательной работы при перевозкѣ арестантовъ.

Изъ одного письма, отъ 1761 года, адресованнаго къ интенданту отъ коммисара приставленнаго къ тюремной стражѣ, видно, что крестьяне выполняли свою обязанность— перевозить каторжниковъ, весьма не охотно, и часто терпѣли дурное обхожденіе со стороны конвойной стражи «потому что, говоритъ коммисаръ, стража состоитъ изъ людей невѣжественныхъ и грубыхъ, и что крестьяне несущіе эту службу по неволѣ часто бываютъ наглы.»

Страница 137. Строка 8.

Тюрго описываетъ неудобство и жестокости обязательной работы для перевозки военныхъ принадлежностей. Это опи-

саніе показалось мнѣ нисколько не преувеличеннымъ; между прочимъ онъ говоритъ, что главное неудобство есть удивительная неравномѣрность повинности весьма тягостной самой по себѣ. Вся она падаетъ на небольшое число приходовъ, имѣющихъ несчастіе быть удобными къ этому по своему мѣстоположенію. Пространство которое нужно пройти часто бываетъ въ пять, въ шесть, иногда въ десять и пятнадцать льё; тогда нужно три дня, чтобы пройти туда и обратно. Плата вносимая помѣщиками составляетъ не больше пятой части повинности, которую несутъ крестьяне. Время этой повинности бываетъ почти всегда къ несчастію лѣтомъ, во время уборки хлѣба. Быки почти всегда послѣ этого бываютъ надсажены, часто больны, такъ что большое число владѣльцевъ предпочитаютъ лучше отдать 15 или 20 ливровъ, чѣмъ снарядить экипажъ и четырехъ быковъ. Кромѣ того при этомъ еще царствуетъ неизбѣжный безпорядокъ; крестьянинъ безпрестанно подвергается насилію со стороны военныхъ. Офицеры почти всегда требуютъ большаго, чѣмъ имъ слѣдуетъ.

Часто они силой заставляютъ закладывать верховыхъ лошадей въ экипажъ, несмотря на опасность изуродовать ихъ. Солдаты дозволяютъ себѣ садиться на фуры, уже и безъ того очень обремененныя или не вынося медленность быковъ, они колятъ ихъ своими шпагами и если крестьянинъ захочетъ сдѣлать какія нибудь возраженія, то ему весьма сильно достается за это.

Страница 137. Строка 15.

Способъ которымъ обязательный трудъ прилагали ко всему.

Морской интендантъ Рошфора жалуется на неохоту крестьянъ къ обязательному труду перевозить строевой лѣсъ, купленный морскими поставщиками въ разныхъ провинціяхъ. Изъ этой корреспонденціи видно, что крестьяне дѣйствительно еще были принуждаемы (въ 1775 г.) къ этой

обязательной работѣ, за которую интендантъ назначалъ плату.

Морской министръ, отправивъ это письмо къ интенданту Тура, приказывалъ ему заставить снарядить требуемыя фуры. Интендантъ, Г. Дюклюзель, отказался заставлять нести подобную повинность.

Морской министръ пишетъ ему угрожающее письмо, гдѣ объявляетъ интенданту, что сдѣлаетъ его сопротивленіе извѣстнымъ королю. Интендантъ тотчасъ же съ твердостію отвѣчаетъ въ письмѣ отъ, 11 декабря 1775 года, что въ продолженіи десяти лѣтъ, какъ онъ интендантъ Тура, онъ никогда не хотѣлъ налагать эту повинность, по причинѣ неизбѣжныхъ злоупотребленій, которыя она влечетъ за собою, злоупотребленій, которыя не облегчаются опредѣленною цѣною за фуру, «ибо часто, говоритъ онъ, животныя бываютъ изуродованы безмѣрною тяжестію, которую они принуждены тащить по дорогамъ также дурнымъ какъ и самое время, когда это производится.» То что сообщило интенданту такую твердость это вѣроятно было письмо Тюрго, приложенное къ его сочиненіямъ, относящееся, къ 30 іюлю 1774 года, къ эпохѣ вступленія его въ министры, гдѣ онъ говоритъ, что никогда не накладывалъ этой повинности въ Лиможѣ и оправдываетъ Г. Дюклюзеля не принимавшаго ея для Тура.

Въ другой части корреспонденціи видно, что поставщики лѣса часто требовали работы даже не имѣя на нее права по договору съ государствомъ, потому что они находили въ ней экономію по крайней мѣрѣ трети своихъ издержекъ на перевозку. Примѣръ этой выгоды высчитываетъ одинъ изъ субделегатовъ: «пространство для перевозки лѣса съ мѣста, гдѣ онъ срубленъ, на рѣку, по дорогамъ почти не приходимымъ, говоритъ онъ, простирается на шесть льё; время необходимое, чтобы пройти туда и обратно два дня. При обязательной работѣ плотятъ вознагражденія за кубическій футъ и за пространство льё по 6 льяр-

довъ, что составитъ 13 франковъ 10 су, за все путешествіе; этого едва достаточно для покрытія расходовъ маленькаго собственника, на его пищу и кормъ быковъ или лошадей заложенныхъ въ фуру. Его трудъ, время, работа его скота, все для него потеряно.» 17-го мая 1776 года, отъ министра былъ сообщенъ интенданту положительный приказъ короля заставить исполнить эту работу, Г. Дюклюзель уже умеръ, его наслѣдникъ Г. Ескалопье повиновался и публиковалъ распоряженіе, въ которомъ говорилось, «что субделегатъ распредѣлитъ повинности между приходомъ; въ силу чего обязанные работами въ этихъ приходахъ должны явиться на мѣсто, въ часъ назначенный синдикомъ, въ округѣ гдѣ находится лѣсъ и перетащить его за ту плату которая будетъ назначена субделегатомъ.

Страница 147. Строка 4.

Говорятъ обыкновенно, что характеръ философіи осьмнадцатаго вѣка состоитъ въ обожаніи человѣческаго разума, въ безграничной увѣренности въ его всемогущество передѣлать по своей волѣ законы, учрежденія и нравы. Но нужно быть осторожнымъ: эти философы обожали, по правдѣ сказать, гораздо менѣе умъ человѣческій, чѣмъ свой собственный. Никогда не выказывалось менѣе довѣрія къ здравому смыслу, какъ въ то время. Я могу многихъ назвать между ними такихъ, которые почти одинаково презирали какъ толпу, такъ и Бога. Они гордились какъ соперники относительно послѣдняго и гордились, возвышаясь надъ первою. Истинное, на уваженіе основанное подчиненіе волѣ большинству, было имъ также чуждо, какъ и подчиненіе волѣ божественной.

Съ того времени почти всѣ революціонеры выказали этотъ двойственный характеръ. Они были далеки отъ того уваженія, которое Англичанинъ и Американецъ выказываютъ къ чувствованіямъ большинства своихъ гражданъ. У этихъ

послѣднихъ разумъ твердъ и довѣрчивъ къ себѣ самому, но никогда не заносчивъ, по этому то ведетъ онъ къ свободѣ, тогда какъ у насъ только придумываетъ новыя формы рабства.

Страница 158. Строка 34.

Примѣръ того какъ часто поступали съ крестьянами.

Въ 1768 году король уступилъ 2000 франковъ подати приходу Шапель-Бланшъ на Сомюрѣ. Приходской священникъ изъявилъ притязаніе истратить часть этой суммы на построеніе колокольни, чтобы избавиться отъ шума колоколовъ, которые докучали ему, говорилъ онъ, въ собственномъ его домѣ. Жители сопротивлялись и жаловались. Субделегатъ принялъ сторону священника и велѣлъ арестовать ночью и заключить въ тюрьму трехъ главныхъ жителей.

Другой примѣръ: приказомъ короля повелѣвалось заключить въ тюрьму на пятнадцать дней женщину, которая дерзко поступила съ двумя солдатами мѣстной команды; по другому приказу слѣдовало арестовать на пятнадцать дней булочника, который дурно отзывался о мѣстной командѣ. Интендантъ отвѣчалъ министру, что онъ уже велѣлъ посадить этого человѣка въ тюрьму, чѣмъ министръ остался очень доволенъ. Ругательства, направленныя противъ мѣстной команды, были предлогомъ для произвольныхъ арестовъ нищихъ, мѣра которая, какъ казалось, возмущала народъ. Субделегатъ, приказывая арестовать ткача давалъ знать публикѣ, доносилъ онъ, что тѣ, которые будутъ продолжать оскорблять команду, будутъ наказаны самымъ строгимъ образомъ.

Изъ корреспонденціи субделегатовъ съ интендантомъ (1760 1770) видно, что интендантъ сообщилъ имъ приказъ арестовать людей вредныхъ, не для того чтобы судить ихъ, но чтобы продержать въ заключеніи. Субделегатъ проситъ ин-

тенданта велѣть задержать на неопредѣленное время двухъ опасныхъ нищихъ, которыхъ онъ велѣлъ арестовать. Одинъ отецъ протестуетъ противъ ареста сына, задержаннаго какъ бродяга, потому только, что онъ путешествовалъ безъ бумагъ. Помѣщикъ X. проситъ, чтобы велѣли арестовать человѣка, его сосѣда, говоритъ онъ, который поселился въ его приходѣ, которому онъ помогалъ, но который дурно ведетъ себя относительно его и безпокоитъ его. Парижскій интендантъ проситъ Руэнскаго, чтобы онъ соизволилъ оказать эту услугу помѣщику—его другу.

Нѣкоторымъ желавшимъ оставить нищихъ на свободѣ интендантъ отвѣчаетъ «что на пріютъ для нищихъ не должно смотрѣть какъ на тюрьму, но только какъ на домъ назначенный для смиренія *административнымъ исправленіемъ* нищихъ и бродягъ.» Эта мысль проникла даже въ уголовной кодексъ, такъ преданія стараго порядка въ этомъ случаѣ хорошо сохранились.

Страница 195. Строка 35.

Фридрихъ Великій писалъ въ своихъ мемуарахъ: «Фонтенели и Вольтеры, Гобесы, Коллинсы, Шафтсбери, Болинброки, эти великіе люди нанесли смертельный ударъ религіи. Люди начали изслѣдовать то, что прежде обожали не разсуждая; разсудокъ поразилъ суевѣрія, сообщилъ не любовь къ баснямъ, которымъ вѣрили. Деизмъ породилъ многихъ сектаторовъ. Если эпикуреизмъ сдѣлался пагубнымъ для идольскаго языческаго культа, то не менѣе пагубенъ былъ деизмъ въ наше время для іудейскихъ бредней усвоеннымъ нашими предками. Свобода мысли, господствовавшая въ Англіи, много способствовала успѣху философіи.»

Изъ вышеприведеннаго мѣста видно, что Фридрихъ Великій, въ ту минуту когда писалъ эти строки, то есть въ

половинѣ осьмнадцатаго столѣтія, еще смотрѣлъ на Англію, какъ на средоточіе анти-религіозныхъ доктринъ. Но изъ вышеприведеннаго же мѣста замѣтно еще нѣчто болѣе поразительное: одинъ изъ государей, наиболѣе опытный въ знаніи человѣка и его дѣлъ, не подозрѣваетъ о политической пользѣ религіи; такъ заблужденія ума учителей измѣнили качество его собственнаго.

Страница 181. Строка 2.

Этотъ духъ прогресса, появившійся во Франціи въ концѣ осьмнадцатомъ столѣтіи, появился въ туже эпоху и въ Германіи, и вездѣ онъ былъ сопровождаемъ желаніемъ измѣнить учрежденія.

Посмотрите изображеніе сдѣланное нѣмецкимъ историкомъ, того, что было въ то время въ его странѣ.

«Во второй половинѣ осьмнадцатаго столѣтія» говоритъ онъ, «новый духъ времени постепенно распространился и проникъ даже въ церковныя владѣнія. Тамъ принялись за преобразованія. Промышленность и терпимость водворилась всюду. Просвѣщенный абсолютизмъ, который уже овладѣлъ большими государствами, появился и тамъ. Должно сказать, что ни въ одно время въ церковныхъ владѣніяхъ не было столь замѣчательныхъ и столь достойныхъ государей, какъ именно во время послѣднихъ десятилѣтій передъ французской революціи.»

Нужно замѣтить сходство, которое представляетъ эта картина съ тѣмъ, что было во Франціи, гдѣ стремленіе къ улучшеніямъ и прогрессу началось въ туже эпоху, и гдѣ люди, болѣе всего достойные управлять, появились въ ту минуту когда революція готовилась поглотить все.

Отсюда опять видно почему вся эта часть Германіи была увлечена движеніемъ французской цивилизаціи и политики.

Страница 182. Строка 11.

О томъ, что англійскіе судебные законы доказываютъ, какимъ образомъ учрежденія могутъ имѣть много второстепенныхъ недостатковъ, не мѣшая достиженію главной цѣли, предположенной при установленіи.

Эта способность націи благоденствовать несмотря на несовершенство встрѣчающееся во второстепенныхъ частяхъ ихъ учрежденій, когда главныя начала, самый духъ оживляющій эти учрежденія, плодотворны, это явленіе лучше всего видно при изслѣдованіи устройствъ судовъ въ Англіи въ послѣднее столѣтіе, изслѣдованіе сдѣланное Блакстономъ.

Прежде всего замѣчаемъ два великія различія, которыя поражаютъ насъ.

1) Различіе законовъ.

2) Различіе судовъ прилагающихъ ихъ.

I) ***Различіе законовъ.*** 1, законы различны для собственной Англіи, Шотландіи, Ирландіи, различныхъ европейскихъ владѣній Велико-Британіи, какъ-то острова Мена, Нормандскихъ острововъ и проч. наконецъ для колоній.

2) Въ собственной Англіи видимъ четыре рода законовъ: обычное право, статуты, римское право, право справедливости. Обычное право само подраздѣляется на общія обычаи, принятыя во всемъ королевствѣ, обычаи принадлежащіе исключительно извѣстнымъ помѣстьямъ, извѣстнымъ городамъ, иногда только извѣстнымъ классамъ, такъ обычаи купцовъ напримѣръ. Эти обычаи иногда во многомъ отличаются одни отъ другихъ, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя противу главнаго положенія Англійскихъ законовъ, предписываютъ равный раздѣлъ между всѣми дѣтьми (*gavelkind*) и, что еще страннѣе, даютъ право первородства самому младшему.

II) ***Различіе судовъ.*** Законъ говоритъ, Блакстонъ, утвердилъ удивительное разнообразіе въ судахъ; объ этомъ разнообразіи можно судить изъ слѣдующаго весьма поверхностнаго разбора.

1) Прежде всего встрѣчаемъ суды, учрежденные внѣ собственной Англіи, таковы Шотландскіе, Ирландскіе, которые ни въ какомъ случаѣ не зависятъ отъ высшихъ судовъ Англіи, хотя всѣ, я думаю, должны заканчиваться судомъ лордовъ.

2) Что касается до Англіи собственной, если я ничего не забываю изъ классификаціи Блакстона, то мнѣ кажется онъ нащитываетъ:

1) Одинадцать видовъ судовъ, существующихъ по обычнымъ законамъ (common law), изъ которыхъ четыре, правда, уже выходятъ изъ употребленія.

2) Три вида судовъ, юрисдикція которыхъ простирается на всю страну, но она прилагается только въ извѣстныхъ случаяхъ.

3) Десять видовъ, имѣющихъ спеціальный характеръ. Одинъ изъ этихъ видовъ составляется изъ мѣстныхъ судовъ, учрежденныхъ разными парламентскими актами или существующихъ, въ силу преданія, въ Лондонѣ или въ городахъ и бургахъ провинцій. Этихъ послѣднихъ такъ много и они представляютъ такое разнообразіе въ устройствѣ и въ своихъ правилахъ, что авторъ отказывается дать подробное изложеніе ихъ.

Такимъ образомъ, въ одной собственной Англіи, полагаясь на свидѣтельство Блакстона, существовало въ то время, когда онъ писалъ объ этомъ, то есть во второй половинѣ осьмнадцатаго столѣтія, двадцать четыре вида судовъ, изъ которыхъ многіе подраздѣлялись на большое число отдѣльныхъ, имѣющихъ свою особенную физіологію. Если выбросимъ тѣ роды судовъ, которые съ того времени исчезли, то еще останется осьмнадцать или двадцать.

Теперь, изслѣдуя эту судебную систему, безъ труда замѣтимъ въ ней всевозможныя несовершенства.

Не смотря на многочисленность судовъ, мы не находимъ небольшихъ трибуналовъ первой инстанціи, которые были

бы около подсудимыхъ и имѣли бы своимъ назначеніемъ на мѣстѣ и по возможности съ меньшими издержками разбирать небольшія дѣла, что дѣлаетъ судъ затруднительнымъ и дорого стоящимъ. Одни и тѣже дѣла относятся къ вѣдомству многихъ судовъ, чрезъ что происходитъ замѣшательство при различіи инстанцій. Почти всѣ апелляціонные суды судятъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ первой инстанціи, тоже самое иногда дѣлаютъ суды обычнаго права иногда суды справедливости. Апелляціонные суды весьма различны. Единственный центральный пунктъ есть палата лордовъ. Спорныя административныя дѣла нисколько не отличаются отъ обыкновенныхъ, что представлялось величайшимъ безобразіемъ въ глазахъ большинства нашихъ легистовъ. Наконецъ, всѣ эти суды почерпаютъ основанія своихъ рѣшеній изъ четырехъ различныхъ законодательствъ, изъ которыхъ одно опирается на предъидущее, а другое—законы справедливости, не основывается ни на чемъ точномъ, потому что цѣль его чаще всего состоитъ въ томъ, чтобы идти противъ обычаевъ и статутовъ, и исправлять произволомъ судей то, что статутъ или обычай имѣютъ въ себѣ отжившаго или слишкомъ суроваго.

Вотъ сколько недостатковъ; но если сравнимъ эту нестройную машину англійскаго правосудія съ нашею судебною системою новѣйшей фабрикаціи, ея простоту, соотношеніе частей, связь которую замѣчаемъ въ ней, съ сложностію, нестройностію, которую замѣчаемъ въ послѣдней, то недостатки этой машины покажутся еще большими. Однако нѣтъ страны въ свѣтѣ, гдѣ бы, со времени Блакстона, великая цѣль юстиціи достигалась такъ полно, какъ въ Англіи, то есть, гдѣ бы всякій человѣкъ, какого ни былъ бы онъ сословія и противъ кого бы онъ не приносилъ жалобу противъ ли частнаго лица или принца, былъ болѣе увѣренъ, что его выслушаютъ и нашелъ бы во всѣхъ судахъ своей страны лучшія гарантіи для защиты своего состоянія, свободы и жизни.

Этимъ я не хочу сказать, что недостатки юридической системы Англіи служатъ къ достиженію того, что я называю великою цѣлью юстиціи, оно только подтверждаетъ, что въ каждой судебной организаціи могутъ находиться второстепенные недостатки, которые весьма мало вредятъ цѣли юстиціи, и другіе главные недостатки которые, нетолько вредятъ ей, но разрушаютъ ее, если даже она отличается многими второстепенными совершенствами. Первые легче всего замѣчаются, они обыкновенно прежде всего поражаютъ обыкновенные умы. Они бросаются въ глаза, какъ говорится. Вторые часто бываютъ лучше прикрыты и только юрисконсульты или другіе люди этой профессіи открываютъ и указываютъ ихъ.

Замѣтьте однако, что тѣже самыя качества могутъ быть главными или второстепенными, смотря по времени и политической организаціи общества. Въ эпохи аристократіи, неровенства, все то, что стремится уменьшить привиллегію извѣстныхъ личностей передъ судомъ, обезпечиваетъ гарантіи слабаго подсудимаго противъ сильнаго; увеличиваетъ преобладаніе государства, обыкновенно не причастнаго, когда идетъ тяжба между двумя подданными;—все это становится главными качествами, но значеніе ихъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ общественный бытъ и политическое устройство переходитъ къ демократіи.

Изучая на основаніи этихъ началъ судебную систему Англіи, находимъ, что допуская существованіе всѣхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ юстицію нашихъ сосѣдей темною, запутанною, медленною, дорогою и безпокойною, они приняли безконечныя предосторожности, чтобы сильный никогда не могъ выиграть на счетъ слабаго, государство на счетъ частнаго лица. Чѣмъ болѣе вникаемъ въ подробности этого законодательства, тѣмъ болѣе замѣчается, что оно даетъ каждому гражданину всѣ роды оружія для собственной защиты, все размѣщено въ немъ такъ, чтобы каждому предоставить всевозможныя гарантіи противъ пристрастія, про

дажности судей въ собственномъ смыслѣ и той продажности, болѣе обыкновенной и болѣе опасной во времена демократіи, которая развиваетъ рабство суда предъ могуществомъ народа.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ судебная система Англіи, не смотря на множество второстепенныхъ недостатковъ, еще встрѣчающихся въ ней, мнѣ кажется, выше нашей, которая правда не имѣетъ почти ни одного изъ этихъ недостатковъ, но зато не развила въ такой степени главныхъ качествъ, встрѣчающихся въ англійской. Она превосходитъ первую въ томъ, что касается до гарантій, врученныхъ каждому гражданину въ тяжбахъ между частными лицами и уступаетъ съ той стороны, которую всегда должно усиливать въ обществахъ демократическихъ каково наше, со стороны гарантій частнаго лица противъ государства.

Страница 183. Строка 10.

Выгоды, которыми пользовался округъ Парижа.

Этотъ округъ пользовался выгодами и въ отношеніи правительственной благотворительности, какъ и въ отношеніи сбора налоговъ; примѣръ: письмо генеральнаго контролера къ интенданту округа Иль-де-франсъ 22-го мая 1787 года сообщало, что король назначилъ для округа Парижа сумму въ 172,800 ливровъ, которая должна быть употреблена въ продолженіи года на работы, предпринятыя съ благотворительною цѣлью. Сверхъ того 100,000 ливровъ предназначены были на покупку коровъ, которыя должны быть розданы земледѣльцамъ. Изъ письма видно, что 172,800 ливровъ должны быть распредѣлены однимъ интендантомъ, только съ условіемъ согласоваться съ главными правилами, которыя сообщитъ ему правительство, и чтобы генеральный контролеръ одобрилъ его распредѣленіе.

Страница 184. Строка 2.

Администрація стараго порядка сложилась изъ множества различныхъ властей, созданныхъ въ разныя времена, чаще въ видахъ фискальныхъ чѣмъ собственно административныхъ и часто имѣвшихъ одно и тоже поле дѣйствія. Замѣшательство и борьбу можно было избѣгнуть лишь тогда, если бы они дѣлали мало или вовсе ничего.

Но съ той минуты, какъ они захотѣли выйти изъ этого состоянія бездѣйствія, они начали тѣсниться, перепутались другъ съ другомъ; отсюда произошли жалобы на сложность административной машины и на замѣшательства въ ея ходѣ, гораздо чаще повторявшіяся въ года непосредственно предшествовавшіе революціи, чѣмъ тридцать или сорокъ лѣтъ передъ этимъ. Политическія учрежденія не сдѣлались хуже, напротивъ они значительно улучшились; но политическая жизнь пріобрѣла болѣе живости.

Страница 189. Строка 1.

Произвольное увеличеніе налога.

То, что сказалъ здѣсь король о подати, онъ съ такимъ же правомъ могъ сказать и о налогѣ двадцатой части *(vingtièmes)*, какъ это видно изъ слѣдующей переписки. Въ 1772 году, генеральный контролеръ Террай предложилъ сдѣлать значительное увеличеніе въ 100,000 ливровъ въ сборѣ двадцатой части въ округѣ Тура. Печаль и затрудненія, причиненныя этой мѣрой интенданту Дюклюзелю, искусному администратору и благонамѣренному человѣку, видно изъ его секретнаго письма, гдѣ онъ говоритъ: «Вѣроятно легкость, съ которой были даны 250,000 ливровъ (предъидущее увеличеніе) внушила пагубное мнѣніе и письмо отъ іюня мѣсяца.»

Въ одномъ письмѣ совершенно неоффиціальномъ, писанномъ директоромъ податей къ интенданту по тому же по-

воду, сказано: «Если требуемое возвышеніе вамъ кажется все еще одинаково тяжкимъ, одинаково возмутительнымъ по отношенію къ общимъ бѣдствіямъ, что вы благоволили мнѣ указать, то было бы желательно для провинціи, которая не можетъ найти другаго защитника и протектора, кромѣ вашего великодушія, чтобы вы могли по крайней мѣрѣ избавить ее отъ дополнительныхъ вѣдомостей налога и безъ того очень обременительнаго.»

Изъ этой корреспонденціи также видно, какъ мало было основательныхъ причинъ къ возвышенію, и какой существовалъ произволъ (даже подъ честнымъ предлогомъ). Интендантъ, также какъ и министръ, возлагалъ бремя отяготительной подати, то на земледѣліе болѣе чѣмъ на промышленность, то на извѣстный родъ земледѣлія преимущественно предъ другимъ (виноградники напримѣръ), смотря по тому, какому промыслу или какой отросли земледѣлія нужно было покровительствовать.

Страница 189. Строка 24.

Какъ выражается Тюрго о сельскомъ народѣ въ предисловіи одной декларації короля.

«Сельскія общины, говоритъ онъ, составлены, въ большей части королевства, изъ крестьянъ бѣдныхъ, невѣжественныхъ и грубыхъ, не способныхъ къ самоуправленію.»

Страница 193. Строка 16.

Что революціонныя идеи естественнымъ образомъ развились въ умахъ при полномъ развитіи стараго порядка.

Въ 1779 году, одинъ адвокатъ обратился къ совѣту съ просьбой установить maximum цѣны на солому во всемъ королевствѣ.

Страница 193. Строка 19.

Начальникъ инженеровъ пишетъ къ интенданту въ 1781 году по поводу одной просьбы о вознагражденіи убытковъ: «Просящій не обратилъ вниманія на то, что вознагражденіе, которое ему даютъ, есть особенная милость для округа Тура и онъ долженъ считать себя очень счастливымъ, когда ему возвратятъ хоть часть его потери. Если же дѣлать вознагражденіе, способомъ означеннымъ у просящаго, то и четырехъ милліоновъ будетъ мало.»

Страница 191. Строка 8.

Революція произошла не вслѣдствіе этого благосостоянія, но духъ, который долженъ былъ произвести революцію, этотъ духъ дѣятельный, неспокойный, размышляющій, страстный до нововведеній, самолюбивый, этотъ демократическій духъ новаго общества, началъ одушевлять всѣ дѣйствія, и, прежде чѣмъ мгновенно разрушилъ общество, уже былъ достаточно силенъ, чтобы взволновать и развить его.

Страница 200. Строка 27.

Борьба различныхъ административныхъ властей въ 1787 году.

Примѣръ этого: посредствующая коммисія провинціальнаго собранія Иль-де-франсъ порицаетъ управленіе пріютовъ для нищихъ. Интендантъ хочетъ оставить эту администрацію за собой, «потому что, говоритъ онъ, этотъ домъ содержится не на счетъ провинціи.» Во время спора, посредствующая коммисія обратилась къ коммисіямъ другихъ провинцій и спрашивала ихъ мнѣнія. Между другими отвѣтами на этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ коммисіи Шампаньи, которая увѣдомляетъ коммисію Иль-де-франса,

что ей предстоитъ тоже затрудненіе и что она выказываетъ тоже сопротивленіе.

Страница 204. Строка 12.

Я нашелъ въ протоколѣ перваго провинціальнаго собранія Иль-де-франса слѣдующее изъясненіе въ устахъ докладчика коммисіи: «до сихъ поръ обязанности синдика, болѣе тягостныя, чѣмъ почетныя, должны были удалять отъ себя всѣхъ тѣхъ, которые соединяли достаточность съ просвѣщеніемъ, соразмѣрнымъ съ ихъ состояніемъ.»

(Замѣтка, относящаяся ко многимъ мѣстамъ этой книги).

Феодальные сборы, существовавшіе еще въ эпоху революціи, по феодистамъ того времени.

Я не хочу входить здѣсь въ изслѣдованіе о феодальныхъ сборахъ, ни даже розыскивать, какое могло быть ихъ начало. Я желаю только обозначить, каковы были тѣ изъ нихъ, которые еще существовали въ осьмнадцатомъ столѣтіи. Эти сборы играли тогда столь значительную роль и, съ тѣхъ поръ, сохранили столь важное мѣсто въ воображеніи даже тѣхъ, которые уже не несли ихъ болѣе, что мнѣ кажется весьма интересно знать, каковы именно были они, когда революція пришла разрушить ихъ. Съ этой цѣлью я сначала изучилъ значительное число поземельныхъ книгъ или сеньоріальныхъ реэстровъ, выбирая тѣ, которые относились къ болѣе новымъ эпохамъ. Этотъ методъ не привелъ меня ни къ чему; ибо феодальные сборы, хотя и были обозначены законодательствомъ общимъ для всей феодальной Европы, разнообразились до безконечности, по провинціямъ и даже по кантонамъ. Единственная система, при помощи которой, казалось мнѣ, можно достигнуть того, что я искалъ приблизительно, была слѣдующая.

Феодальные сборы порождали всѣ роды тяжебныхъ дѣлъ. Необходимо было знать, какимъ образомъ права на эти сборы пріобрѣтались, какъ утрачивались, въ чемъ именно они состояли, каковы были тѣ, которые не могли быть взимаемы иначе, какъ въ силу королевскаго патента, тѣ которые, не могли быть установлены иначе, какъ только по частной граммотѣ, тѣ съ другой стороны, которые не имѣли нужды въ формальной граммотѣ и могли быть взимаемы въ силу мѣстнаго обычая и въ силу продолжительнаго пользованія.

Наконецъ когда хотѣли ихъ продать, то необходимо было знать способъ, какъ оцѣнить ихъ и какой капиталъ представлялъ каждый изъ нихъ, слѣдуя своей важности. Всѣ эти пункты, соприкасавшіеся съ тысячью денежныхъ интересовъ, составляли предметъ тяжбъ, и образовали особый разрядъ легистовъ, исключительно занимавшихся поясненіемъ ихъ. Многіе изъ нихъ писали во второй половинѣ осьмнадцатаго столѣтія, нѣкоторые при приближеніи самой революціи. Это не юрисконсульты въ собственномъ смыслѣ, это практики: единственная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы дать людямъ профессіи правила для руководства въ такой спеціальной и занимательной части права.

Изучая внимательно феодистовъ, составляешь себѣ довольно подробную и довольно ясную идею о предметѣ, обширность и запутанность котораго удивляетъ сначала. Ниже я даю самое краткое изложеніе того, что я могъ извлечь изъ моего труда. Эти замѣтки преимущественно извлечены изъ сочиненій Эдмъ-де-Фременвиля, писавшаго въ 1750 году и Ренольдона въ 1765 году, подъ заглавіемъ: *историческій и практическій очерки сеньоріальныхъ сборовъ.*

Le cens (то есть постоянный сборъ въ натурѣ или деньгами связанный, по феодальнымъ законамъ, съ владѣніемъ извѣстныхъ земель) еще въ осьмнадцатомъ столѣтіи глубоко измѣнялъ условія большаго числа собственниковъ.

Этотъ сборъ продолжалъ существовать нераздѣлимымъ, то есть можно было обратиться къ одному изъ владѣльцевъ

недвижимой собственности, облаженной этимъ ценсамъ, и требовать у него весь сборъ. Онъ никогда не утрачивался давностью. Собственникъ недвижимаго имѣнія, обложеннаго этимъ сборомъ, не могъ продать свою собственность такъ чтобы она не подлежала ценсовому взносу, то есть она не была перепродаваема только за продажную цѣну; но такой сборъ имѣлъ мѣсто только въ извѣсныхъ округахъ; Парижскій округъ самый обширный не зналъ этого сбора.

Lods et ventes—пошлины съ продажи помѣстья. Есть общее правило, въ земляхъ обычнаго права, что продажа всякаго ценсоваго помѣстья сопровождается пошлиной съ продажи: это есть сборъ за продажу, уплачиваемый сеньорамъ. Сборы болѣе или менѣе значительные, смотря по мѣсту, но довольно значительные вездѣ; они существуютъ также и въ странахъ писаннаго права. Тамъ они обыкновенно составляютъ шестую часть цѣны и называются *Lods*. Но въ странахъ обычнаго права самъ сеньоръ опредѣляетъ его величину. И въ странахъ обычнаго права и въ странахъ писаннаго права ценсъ составляетъ для сеньора привиллегію, которая превышаетъ всѣ другіе долги.

Terrage или *Champart agrier, tasque—хлѣбная подать или хлѣбный оброкъ* состоялъ изъ извѣстнаго количества плодовъ, которое сеньоръ получалъ съ помѣстья обложеннаго ценсомъ; величина взноса разнообразится смотря по договору и обычаямъ. Довольно часто еще встрѣчается этотъ сборъ въ восемнадцатомъ столѣтіи. Я думаю, что хлѣбная подать, даже въ странахъ обычнаго права, должна всегда опираться на грамоту. Хлѣбная подать бываетъ сеньоріальная или поземельная; различіе этихъ двухъ видовъ здѣсь обозначать безполезно; достаточно сказать, что хлѣбная поземельная подать теряется давностью тридцати лѣтъ, какъ и поземельныя ренты, тогда какъ хлѣбная подать сеньоріальная никогда не теряется; нельзя заложить землю, подлежащую поземельной подати безъ согласія сеньора.

Bordelage—подать съ мызы. Сборъ, существовавшій только

въ Ниверне и Бурбони и состоявшій въ ежегодномъ приношеніи деньгами, зерновымъ хлѣбомъ и живностью въ помѣстьяхъ, подлежавшихъ ценсу. Этотъ сборъ имѣлъ весьма суровыя послѣдствія; неуплата въ теченіи трехъ лѣтъ давала право описать помѣстье (*commise*), или право конфискаціи его въ пользу сеньора. Должникъ мызникъ чаще всего подвергается тысячи притѣсненій въ пользованіе своей собственностью; иногда сеньоръ могъ ее наслѣдовать, хотя владѣлецъ имѣетъ своихъ наслѣдниковъ. Это право было самое суровое изъ феодальныхъ правъ и юриспруденція кончила тѣмъ, что ограничила его сельскими помѣстьями, «ибо крестьянинъ, по ея понятіямъ былъ не что иное, какъ лошадь, готовая нести на себѣ всѣ тяжести» говоритъ авторъ.

Marciage. Это особенный сборъ, распространеныній на небольшое число мѣстъ; лежитъ на владѣльцахъ помѣстіевъ или земель, подлежащихъ ценсу и состоитъ въ извѣстной поземельной подати, обязательной только до смерти сеньора.

Dimes infeodées—десятина за отдачу въ помѣстье. Въ восемнадцатомъ столѣтіи было еще большое число десятинъ за помѣстья. Они вообще должны были опираться на контрактъ и не могли быть просто требуемы сеньоромъ.

Porciére—это суть налоги, падающіе на собранные плоды въ имѣніи. Они довольно сходны съ хлѣбнымъ оброкомъ или съ десятиной за помѣстья, преимущественно были въ употребленіи въ Бурбони и въ Овернѣ.

Carpot—употребительный въ Бурбони. Этотъ сборъ существовалъ для виноградниковъ и былъ для нихъ тоже, что хлѣбный сборъ для пахатныхъ земель, то есть, право заранѣе назначить себѣ часть собранныхъ плодовъ. Онъ простирался на четверть виноградnаго сбора.

Servage—рабство. Рабскими обычаями называются тѣ, въ которыхъ еще проявляются нѣкоторыя черты рабства; — они существуютъ въ маломъ числѣ. Въ провинціяхъ гдѣ рабство сохранилось, совершенно нѣтъ, или по крайней мѣрѣ весьма мало, земель, гдѣ не видны нѣкоторыя черты преж-

няго рабства (это было писано въ 1765 году). Рабство, или какъ называетъ его авторъ, невольничество было *личное и связанное съ землей* (*réelle*).

Личное невольничество нераздѣльно съ личностью и преслѣдуетъ ее всюду. Куда бы рабъ не пошелъ, въ какую бы страну не перенесъ свое пріобрѣтенное имѣніе, сеньоръ можетъ требовать его обратно черезъ команду. Авторъ приводитъ многія постановленія, опредѣлявшія это право, между прочимъ постановленіе 17 іюня 1760 года, которымъ судъ отказалъ сеньору Ниверне въ искѣ наслѣдства надъ крѣпостнымъ Петромъ Троше, скончавшимся въ Парижѣ; онъ былъ сынъ крѣпостнаго преслѣдуемаго судомъ изъ округа Ниверне, былъ женатъ на свободной женщинѣ въ Парижѣ, которая также умерла, какъ и ее сынъ; но постановленіе, кажется, основывалось на томъ, что Парижъ есть убѣжище, гдѣ преслѣдованіе не должно имѣть мѣста. Если право убѣжища мѣшало сеньору завладѣть имуществомъ крѣпостнаго на мѣстѣ убѣжища, то оно не противилось тому, чтобы наслѣдовать имѣніе, оставленное въ сеньоріи.

Рабство связанное съ землей (*réelle*) было слѣдствіемъ владѣнія землей и могло прекратиться чрезъ отказъ отъ этой земли или по оставленіи жительства въ извѣстномъ мѣстѣ.

Corvées—барщина—право, которое имѣлъ сеньоръ на своихъ рабовъ; въ силу его онъ могъ употребить въ свою пользу извѣстное число дней ихъ работы или работы ихъ воловъ и лошадей. Барщина произвольная, то есть по желанію сеньора, совсѣмъ уничтожена; она издавна была ограничена извѣстнымъ числомъ дней въ году.

Барщина могла быть *личная* или *связанная съ землей* (*réelle*). Личная барщина обязывала работой людей, которые имѣли свои жилища въ землѣ сеньора, каждаго по своему ремеслу. Барщина поземельная связана съ владѣніемъ извѣстнымъ помѣстьемъ. Дворянство, духовенство,

клерки, судейскія должностныя лица, адвокаты, доктора, нотаріусы и банкиры потабли должны, были быть освобождены отъ барщины. Авторъ приводитъ указъ отъ 13-го августа 1735 года, освобождавшій отъ барщины нотаріуса, котораго сеньоръ хотѣлъ заставить явиться, въ продолженіи трехъ дней, и даромъ приготовилъ ему акты по имѣнію гдѣ жилъ нотаріусъ.

Другой указъ отъ 1750 года объявлялъ, что въ барщинѣ, должнику предоставляется право выбора денежной или личной барщины.

Всѣ барщины должны быть утверждены писанной бумагой; сеньоріальная барщина сдѣлалась очень рѣдкою въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Banalités—помѣщичье право. Только Фландрія, Артуа и Гено были избавлены отъ помѣщичьяго права. Обычай утвержденія этого права грамотой весьма строго требовался въ Парижѣ. Всѣ живущіе въ чертѣ владѣній сеньора подлежатъ его помѣщичьему праву, даже часто благородные и духовные.

Кромѣ права мельницъ и пекарныхъ печей, подъ этимъ названіемъ существовало много другихъ:

1) Помѣщичье право на мельницы промышленныя, какъ то, суконноваляльныя, дубильныя. Во многихъ, округахъ между прочемъ въ Анжу, Менѣ, Бретани, были установлены эти права.

2) Право помѣщичье прессовъ, сохранилось въ очень маломъ числѣ округовъ; въ Лоренѣ оно еще существовало, также какъ и въ Менѣ.

3) Помѣщичій быкъ. Ни одинъ обычай не говоритъ о немъ, но есть нѣкоторыя грамоты, установляющія его. Есть даже и о помѣщичьей бойнѣ.

Вообще второстепенныя помѣщичьи права, о которыхъ мы будемъ говорить, очень рѣдко и съ перваго взгляда кажутся еще менѣе справедливы, чѣмъ другія. Они не иначе могли быть установлены, какъ весьма яснымъ указаніемъ

обычнаго устава или за недостаткомъ его—подробной грамотой.

Ban des vendanges—объявленіе, въ который день начинается собираніе винограда. Оно употреблялось еще во всемъ королевствѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи; это чисто полицейское право приложенное къ высшей юстиціи. Чтобы имъ пользоваться, сеньоръ, какъ главный судья, не имѣетъ нужды ни въ какихъ грамотахъ. Повинность эта падаетъ на всѣхъ.

Обычаи Бургони установили за сеньорами право приготовлять свои вина однимъ днемъ ранѣе другихъ собственниковъ виноградниковъ.

Droit de banvin—право продавать вино. Право, принадлежащее еще большому числу сеньоровъ говорятъ авторы, или въ силу обычая или, въ силу частныхъ грамотъ, продавать съ своей земли вино ихъ сеньоріи въ продолженіи извѣстнаго времени (вообще одинъ мѣсяцъ или сорокъ дней) прежде другихъ. Изъ большихъ округовъ Туръ, Анжу, Менъ, Маршъ установили его; указъ общества питейныхъ сборовъ отъ 28-го августа 1751 года дозволяетъ какъ исключеніе харчевникамъ продавать вино, но только чужимъ покупателямъ; кромѣ того это вино должно быть непремѣнно помѣщичье, добытое на его землѣ. Округа которые установляютъ и опредѣляютъ это право продажи вина требуютъ обыкновенно, чтобы оно опиралось на граммоту.

Droit de blairie—пошлина за выгонъ; пошлина принадлежащая сеньору высшему судьѣ за дозволеніе жителямъ пасти свои стада на земляхъ, лежащихъ въ пространствѣ его вѣдомства, или даже на земляхъ пустыхъ и общихъ. Эта пошлина не существуетъ въ странахъ писаннаго права, но очень распространена въ странахъ обычнаго права. Его встрѣчаемъ подъ различными названіями въ Бурбонѣ, Ниверне, Овернѣ и Бургонѣ. Это право основывается на томъ, что собственность всей земли первоначально принадлежала сеньору, такъ что, отдѣляя лучшія части въ помѣстья въ

лену, въ ценсъ и дѣлая другія уступки земли, за извѣстное вознагражденіе, онъ оставлялъ еще такія, которыя служатъ общими выгонами и которыми онъ дозволяетъ временно пользоваться. Пошлина за выгонъ скота существуетъ во многихъ округахъ; но только сеньоръ высшій судья можетъ имѣть на нее притязаніе и долженъ опираться на особенныя грамоты или по крайней мѣрѣ на старые обычаи, утвержденные долгимъ владѣніемъ.

Des péages—пошлины за проѣздъ. Въ началѣ существовало огромное количество сеньоріальныхъ платъ за проѣздъ чрезъ мосты, рѣки, дороги, говорятъ авторы, многія изъ нихъ уничтожилъ Людовикъ XIV. Въ 1724 году, коммисія, назначенная для просмотра грамотъ по уплатѣ за проѣздъ, уничтожила изъ нихъ тысячу двѣсти и теперь еще постоянно уничтожаетъ (1765). Главное начало, говоритъ Ренольдонъ, въ этой подати состоитъ въ томъ, что плата за проѣздъ, будучи налогомъ, должна опираться не только на грамоту, но именно на грамоту пріобрѣтенную отъ короля. Плата за проѣздъ называется: *de par le roi.* Одно изъ условій платы за проѣздъ состоитъ въ томъ, чтобы присоединить къ ней тарифы всѣхъ видовъ, обязательные для купцовъ. Тарифъ этотъ долженъ быть всегда установленъ указомъ совѣта. Пожалованная грамота даетъ непрерывное обладаніе. Не смотря на эти предосторожности законодательства, величина нѣкоторыхъ платъ за проѣздъ очень возвысилась въ новѣйшія времена. Я знаю одну, прибавляетъ авторъ, которая столѣтіе тому назадъ ограничивалась 100 ливрами, а теперь возвысилась до 1400, другая въ 39,000 ливровъ теперь стала въ 90,000. Главные приказы или эдикты опредѣлявшіе подать за проѣздъ, суть: статья 29 приказа 1669 года и эдикты 1683, 1693, 1724, 1775 годовъ.

Названные авторы, хотя вообще довольно благопріятно смотрятъ на феодальныя пошлины, сознаются однако, что при взиманіи платы за проѣздъ случаются большія злоупотребленія.

Bacs—поромы. Пошлина за поромъ значительно отличается отъ платы за проѣздъ. Она падаетъ только на торговцовъ, тогда какъ плата за проѣздъ на лица, животныхъ, экипажи. Чтобы пріобрѣсти право на эту пошлину также нужно разрѣшенія короля, и она должна быть опредѣлена приказомъ совѣта.

Le Droit de leyde—плата за мѣсто на ярмаркѣ и базарѣ, ему даютъ въ различныхъ мѣстахъ многія другія имена. Это налогъ взимаемый съ продавцевъ, выѣзжающихъ на ярмарку или базаръ. Многіе сеньоры смотрятъ на это право какъ на принадлежность высшей юстиціи, чисто сеньоріальной, говорятъ, приводимые нами феодисты, но они не правы; ибо это есть подать, которая установляется королемъ. Во всякомъ случаѣ это право принадлежитъ только сеньору высшему судьѣ, который взимаетъ штрафы, происходящіе чрезъ эту пошлину. Однако, кажется несмотря на то, что по теоріи этотъ сборъ не можетъ происходить иначе какъ отъ короля, на самомъ дѣлѣ очень часто онъ основывается только на феодальной грамотѣ и долгомъ пользованіи.

Извѣстно, что базары не могли быть учреждаемы иначе какъ съ соизволенія короля.

Сеньоры, чтобы имѣть право опредѣлить, какими вѣсами и мѣрами ихъ вассалы должны пользоваться на базарахъ и ярмаркахъ въ сеньоріи, не имѣютъ нужды въ грамотахъ и дозволеніи. Со стороны короля достаточно чтобы это право было основано на обычаѣ и постояниомъ пользованіи. Всѣ старанія королей ввести однообразіе въ вѣсахъ и мѣрахъ остались безполезными, говорятъ авторы, все осталось въ томъ же видѣ, какъ было до редакціи обычнаго права.

Chemins—дороги. Пошлина, которою пользуются сеньоры съ дорогъ. Большія дороги, тѣ, что назывались королевскими, въ сущности не принадлежатъ никому, кромѣ государей; ихъ сооруженіе, содержаніе, проступки связанныя съ ними, превышаютъ компетентность сеньоровъ или ихъ судей. Что же касается до частныхъ дорогъ, они безъ сомнѣнія принадлежатъ сеньорамъ высшимъ судьямъ. Они имѣютъ всѣ права управленія и полиціи, и ихъ судьи вѣдаютъ всѣ проступки связанные съ этимъ правомъ, кромѣ случаевъ принадлежащихъ королю. Нѣкогда сеньоры обязаны были содержать большія дороги проходящія чрезъ ихъ сеньоріи и для покрытія издержекъ на эту поправку, имъ принадлежало по этимъ дорогамъ пошлины за проѣздъ, за установленіе рубежей и съ поперечныхъ дорогъ; но впослѣдствіи король принялъ общее управленіе большихъ дорогъ на себя.

Eaux—воды. Всѣ рѣки *судоходныя и сплавныя* принадлежатъ королю хотя бы они прорѣзали земли сеньоровъ, не смотря на всѣ грамоты. (Прик. отъ 1669 года). Если сеньоры имѣютъ право взимать какія либо пошлины съ рѣкъ, то это съ рыбной ловли, мельницъ, поромовъ, мостовъ и проч., въ силу уступкамъ сдѣланныхъ имъ королемъ. Есть сеньоры которые присвоили себѣ еще на этихъ рѣкахъ право суда и полиціи, но это явное присвоеніе или слѣдствіе вынуждаемыхъ уступокъ.

Маленькія рѣки безспорно принадлежатъ сеньорамъ, по землямъ которыхъ они протекаютъ. На нихъ они имѣютъ такое же право суда и полиціи, какъ король на судоходныхъ рѣкахъ. Всѣ сеньоры высшіе судьи суть вообще владѣтели не судоходныхъ рѣкъ протекающихъ по территоріи. Для пріобрѣтенія этой собственности нѣтъ нужды имѣть другихъ доказательствъ кромѣ права высшаго судьи. Нѣкоторые округи, какъ напримѣръ Берри, дозволяютъ, безъ согласія сеньора, частнымъ лицамъ строить мельницы на сеньоріальной рѣкѣ проходящей чрезъ помѣстье. Въ округѣ Бретани это право относится только до благородныхъ. По общему праву, только сеньоръ главный судья имѣетъ право дозволить строить мельницу въ предѣлахъ своихъ владѣній. Нельзя строить ни какихъ сооруженій на сеньорі-

альной рѣкѣ, для защиты своего помѣстья, безъ позволенія судей сеньора.

Des fontaines, puits, routoires, etangs (объ источникахъ, колодцахъ, мочильняхъ, прудахъ). Дождевыя воды текущія по большимъ дорогамъ принадлежатъ сеньорамъ главнымъ управителямъ, они имѣютъ право исключительно располагать ими. Сеньоръ главный управитель можетъ дозволить построеніе пруда въ пространствѣ своего владѣнія даже и въ помѣстьи своихъ подданыхъ, платя въ этомъ случаѣ цѣну за потопленное пространство; это обычай многихъ округовъ, между прочимъ Труйе и Ниверне. Что касается до частныхъ лицъ, то они могутъ дѣлать пруды только въ своихъ владѣніяхъ; кромѣ того во многихъ округахъ, собственникъ обязанъ, въ этомъ случаѣ просить позволеніе сеньора. Обычаи обязывающія просить соизволенія сеньора, требуютъ, чтобъ этотъ послѣдній давалъ соизволеніе даромъ.

La pêche (рыболовство). Рыболовство въ рѣкахъ судоходныхъ или сплавныхъ принадлежитъ только королю; только онъ можетъ давать дозволенія на оное. Его судьи одни имѣютъ право вѣдать проступки по рыболовству. Однако есть много сеньоровъ, которые пользуются правомъ рыболовства въ рѣкахъ этого рода, но это происходитъ или вслѣдствіе позволенія короля или вслѣдствіе присвоенія. Что касается до рѣкъ не судоходныхъ, въ нихъ рыболовство не позволяется даже удочкой безъ разрѣшенія сеньора главнаго владѣльца, въ границахъ котораго рѣка протекаетъ. Указъ отъ 30 Апрѣля 1749 года осуждаетъ въ этомъ случаѣ рыболова. Наконецъ всѣ другіе сеньоры при рыбной ловлѣ должны подчиняться общимъ законамъ о рыболовствѣ. Сеньоръ главный владѣлецъ можетъ отдать право рыболовства въ своей рѣкѣ въ ленъ или на ценсъ.

La chasse (Охота). Охота не можетъ быть отдана въ арендное содержаніе какъ рыболовство. Это право личное; думаютъ даже, что это право принадлежитъ только королю, и

то даже дворяне не пользуются имъ въ чертѣ своихъ владѣній или ленахъ иначе какъ по соизволеніи короля. Эта доктрика проведена въ постановленіи 1669 года, въ параграфѣ 30. Сеньоріальные судьи компетентны на всѣ проступки поохотѣ, за исключеніемъ охоты на рыжихъ животныхъ (это я думаю большія животныя: олени, лани), что принадлежатъ королю.

Право охоты болѣе всего запрещается простолюдинамъ; даже свободный владѣлецъ простолюдинъ не имѣетъ его. Король не принимаетъ его въ свои удовольствія. Сеньоръ не можетъ тоже дозволить охоту, такъ узко это право. Такова строгость привиллегіи, но каждый день сеньоры даютъ позволеніе охотиться не только благороднымъ, но и простолюдинамъ. Сеньоръ главный судья можетъ охотиться во всемъ пространствѣ своихъ владѣній, но одинъ;—онъ имѣетъ право дѣлать на этомъ пространствѣ всевозможные постановленія, запрещенія на счетъ охоты. Всѣ сеньоры помѣстій, хотя бы они и не имѣли права суда, могутъ охотиться на пространствѣ своихъ владѣній. Дворяне, которые не имѣютъ ни помѣстій ни права суда, могутъ охотиться на землѣ окружающій ихъ домъ; простолюдинъ, который имѣетъ паркъ на землѣ подсудной сеньору обязанъ открывать его для охоты сеньора, но это постановленіе очень старо: оно относится къ 1668 году.

Garennes — загородка для кроликовъ. Теперь оно пріобрѣтается только жалованной грамотой. Позволяется простолюдинамъ, какъ и благороднымъ держать кроликовъ, но только дворяне одни имѣютъ право держать африканскихъ харьковъ.

Colombiers — голубятни. Въ нѣкоторыхъ округахъ право голубятень принадлежитъ только сеньору судьѣ; въ другихъ приписываютъ всѣмъ его владѣтелямъ помѣстій. Въ Дофинѣ, Бретани, Нормандіи, запрещено всѣмъ простолюдинамъ имѣть голубятни, даже маленькія и птички. Только благородные могутъ имѣть голубей. Наказанія налагаемыя на того кто

убилъ голубя очень строги; часто доходитъ даже до тѣлеснаго наказанія.

Таковы, по приведеннымъ авторомъ, главныя феодальныя права еще существовавшія во второй половинѣ осьмнадцатаго столѣтія. Они прибавляютъ: права о которыхъ до сихъ поръ былъ вопросъ, суть тѣ, которые наиболѣе распространены. Есть еще множество другихъ менѣе извѣстныхъ и менѣе распространеныхъ, имѣющихъ мѣсто только въ нѣкоторыхъ округахъ или даже въ нѣкоторыхъ сеньоріяхъ въ силу особенныхъ грамотъ.» Эти права рѣдкія и ограниченныя, о которыхъ говорятъ здѣсь авторы, возвышаются до числа девяносто девяти, изъ нихъ большая часть прямо падаетъ на земледѣліе, давая сеньорамъ нѣкоторое право на жатву, или установляя плату за продажу съѣстныхъ припасовъ, равно какъ и за перевозку ихъ. Авторы говорятъ, что многія вышли изъ употребленія въ ихъ время; я однако же думаю, что большое число ихъ можно еще было замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1789 года.

Изучивъ при помощи феодистовъ осьмнадцатаго столѣтія, каковы были главныя феодальныя права еще существовавшія въ то время, я захотѣлъ узнать каково въ глазахъ современниковъ было ихъ значеніе; по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія тѣхъ, которые ими пользовались и на которыхъ они падали.

Одинъ изъ авторовъ, о которомъ я уже говорилъ, Ренольдонъ, помогаетъ намъ въ этомъ, передавая правила которымъ должны слѣдовать люди закона, чтобы исчислить въ описи различныя феодальныя права существовавшія еще въ 1765 году, то есть за двадцать четыре года до революціи. По мнѣнію этого легиста вотъ правила которымъ должно слѣдовать въ этомъ случаѣ.

Droits de justice—право суда. «По нѣкоторымъ изъ нашихъ обычныхъ законовъ, говоритъ онъ, цѣна суда высшаго, низшаго и средняго доходитъ до десятой части дохода съ земли.» Сеньоріальный судъ имѣлъ тогда важное

значеніе; Эдмъ-де-фремпвинь думаетъ, что въ наше время, судъ не долженъ превосходить двадцатой части доходовъ, съ земли по моему мнѣнію эта оцѣнка еще слишкомъ велика.

Droits honorifiques—почетныя права. Хотя эти права неоцѣнимы, говоритъ нашъ авторъ, человѣкъ весьма положительный и котораго не удовлетворяютъ одни призраки, однако отъ благоразумія экспертовъ зависитъ назначить цѣну въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Corvées seigneuriales—сеньоріальная барщина. Авторъ даетъ правила для оцѣнки этихъ барщинъ, что доказываетъ, что она иногда еще встрѣчалась въ то время; онъ опредѣляетъ день работы быка въ 20 су, а поденщика въ 5 су, кромѣ пищи. Это довольно хорошо указываетъ на величину платы въ 1765 году.

Peages—плата за проѣздъ. По случаю возвышенія этихъ пошлинъ авторъ говоритъ: «изъ всѣхъ сеньоріальныхъ сборовъ, пошлину за проѣздъ должно по преимуществу держать въ низкой цѣнѣ. Она очень не прочна; содержаніе дорогъ и мостовъ самыхъ важныхъ для коммерціи теперь взялъ на свое попеченіе король и провинціи; множество пошлинъ въ настоящее время оказались безполезными и они съ каждымъ днемъ уничтожаются».

Droits de pêche et de chasse—право рыбной ловли и охоты. Право рыбной ловли можетъ быть отдано въ аренду и можетъ породить поводъ къ оцѣнкѣ экспертовъ; право охоты чисто личное и не можетъ быть отдано на откупъ; оно слѣдовательно стоитъ въ ряду почетныхъ правъ, а неполезныхъ и эксперты не могутъ назначать цѣны.

За тѣмъ авторъ говоритъ въ частности о помѣщичьихъ правахъ, о правѣ продажи вина, о пошлинѣ за мѣсто на базарѣ, о выгонахъ; это показываетъ, что подобные сборы взимались чаще другихъ и что они сохранили еще свое значеніе, авторъ прибавляетъ.

«Есть множество другихъ сеньоріальныхъ сборовъ, которые попадаются еще отъ времени до времени; ихъ слиш-

комъ много, такъ что невозможно перечислить здѣсь, но изъ примѣровъ данныхъ нами, мыслящіе эксперты извлекутъ правила для опредѣленія пошлинъ, о которыхъ мы не говоримъ».

Estimation du cens—оцѣнка ценса. Большинство обычныхъ законовъ хотятъ, чтобы ценсъ былъ въ 30 процентовъ. Этотъ налогъ потому такъ возвышается, что кромѣ самаго ценса, онъ заключаетъ въ себѣ еще случайные подати какова напримѣръ пошлина съ продажи.

Dimes infeodées, terragee—десятина за отдачу въ наймы, хлѣбная пошлина. Десятина за отдачу въ наймы не можетъ быть назначаема ниже 25 процентовъ. Этотъ родъ имущества не требуетъ ни заботы, ни воздѣлыванія, ни расходовъ. Когда хлѣбная пошлина влечетъ за собой пошлину съ продажи, то есть поле обложенное этими податями не можетъ быть продано безъ платежа пошлины прежнему сеньору, въ этомъ случаѣ должно возвысить оцѣнку до 30 процентовъ. Въ противномъ случаѣ ихъ должно считать какъ десятину.

Les rentes fonciers—поземельныя ренты. Не порождающія ни какихъ пошлинъ за продажу, ни права вычета (то есть они не суть ренты сеньоріальныя), должны оцѣниваться въ 20 процентовъ.

Оцѣнка различнаго рода помѣстій существовавшихъ во Франціи передъ революціей.

Мы знаемъ, говоритъ авторъ, во Франціи, только три рода имуществъ.

1) *Le franc-alleu—свободное помѣстье.* Это свободное помѣстье изъятое отъ всѣхъ повинностей и неподлежащее ни какимъ обязанностямъ или сеньоріальнымъ сборамъ полезнымъ или почетнымъ.

Есть свободныя помѣстья принадлежащія дворянамъ и свободныя помѣстья простолюдиновъ. Свободныя помѣстья благородныхъ имѣютъ судъ, отъ котораго зависятъ вассалы или пользующіеся ценсомъ; что касается до раздѣла, то слѣдуютъ законамъ феодальнаго права: свободныя помѣстья простолюдиновъ не имѣютъ ни суда, ни вассаловъ, ни пошлинъ и раздѣляются по простолюдински (roturiere-meut). Авторъ не знаетъ другой полной собственности на землю, кромѣ свободныхъ помѣстій.

Оцѣнка свободныхъ помѣстій. То что должно принимать за самый высшій предѣлъ. Обычнымъ правомъ въ Ивернѣ и Бургонѣ эта цѣна полагается въ 40 процентовъ. Авторъ думаетъ, что въ 30 процентовъ будетъ точнѣе.

Должно замѣтить, что свободныя помѣстья простолюдиновъ, находясь въ границахъ сеньоріальнаго суда, освобождаются отъ него. Они подчиняются не сеньору, но юрисдикціи государственныхъ судовъ.

2) Второй видъ имѣній есть помѣстье *отданное въ ленъ (tenus á fief).*

3) Третье есть *имѣніе платящее ценсъ (biens tenus a cens)* или на языкѣ права земли не дворянскіе.

Оцѣнка имѣній отданныхъ въ ленъ.

Цѣна должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ феодальныя повинности, которыя лежатъ на владѣніи, становятся болѣе.

1) Въ странахъ писаннаго закона и во многихъ обычнаго права, лены обязаны только *la bouche et les mains,* то есть присягой.

2) По другимъ обычаямъ лены кромѣ *la bouche et les mains* обязаны еще тѣмъ, что называлось *de danger*, какъ въ Бурони, и подлежатъ *описи* или феодальной конфискаціи, въ случаяхъ, когда собственникъ принимаетъ владѣніе не принося присяги.

3) Въ другихъ округахъ, какъ напримѣръ въ Парижскомъ и многихъ другихъ, ленъ подлежитъ, кромѣ присяги, ленной подати, пятинамъ и пятымъ долямъ пятинъ.

4) Наконецъ въ другихъ, какъ въ Пуату и проч., ленъ подлежитъ оброку и работѣ лошадей.

Помѣстья первой категоріи должны быть оцѣниваемыми выше другихъ.

Округъ Парижа возвышаетъ цѣну до 20 процентовъ, что кажется, говоритъ авторъ, довольно пропорціонально.

Оцѣнка имѣній простолюдинскихъ и отданныхъ на ценсъ. Чтобы дустигнуть этой оцѣнки ее нужно разложить на три части.

1) Помѣстья отданныя на простой ценсъ.

2) Платящія кромѣ ценса еще и другія повинности.

3) Подлежащія вѣчному не отчуждаемому владѣнію поземельной пошлиной, податью съ мызы.

Изъ трехъ обозначенныхъ здѣсь формъ собственности простолюдина, первая и вторая очень еще обыкновенны въ осьмнадцатомъ столѣтіи; третья попадается рѣдко. Цѣны, говоримъ авторъ, бываютъ ниже для второй и особенно для третьей. Владѣльцы третьяго рода, собственно говоря, даже не собственники, потому что они не могутъ отчуждать свое владѣніе безъ позволенія сеньора.

Le terriers—поземельная книга. Вотъ правила, показанныя вышеупомянутыми феодистами, правила по которымъ составляются или возобновляются поземельныя сеньоріальныя книги называемыя *terriers*, о которыхъ я говорилъ во многихъ мѣстахъ текста. Поземельныя книги были какъ извѣстно, единственными реэстрами гдѣ поименовывались всѣ грамоты, составившія права сеньоріи, какъ по отношенію къ собственности, такъ равно и по отношенію права почетныхъ, дѣйствительныхъ личныхъ или смѣшанныхъ. Въ нихъ вносились всѣ деклараціи оброчниковъ, обычаи сеньоріи, имѣнія подлежащія ценсу и проч.

Въ округѣ Парижа, говорятъ наши авторы, сеньоры могутъ возобновлять свои поземельныя книги чрезъ каждыя тридцать лѣтъ на счетъ оброчниковъ. Они прибавляютъ: «однако же считаютъ себя очень счастливыми, когда это случается одинъ разъ въ столѣтіе». Нельзя возобновлять поземельныя книги (что составляетъ стѣснительную операцію для всѣхъ зависящихъ отъ сеньоріи), не получивши позволенія или отъ главной канцеляріи, если это происходитъ въ сеньоріи подлежащей вѣдомству различныхъ парламентовъ, или отъ парламента въ противныхъ случаяхъ; это позволеніе называется *lettres á terriers*. Нотаріусъ назначается отъ суда. Къ нему то должны явиться всѣ вассалы, благородные простолюдины, оброчники, арендаторы и подвѣдомственные сеньоріи.

Планъ сеньоріи долженъ быть приложенъ въ поземельной книгѣ.

Независимо отъ поземельной книги, въ сеньоріи находятся другіе реэстры называемыя *liéves*, въ которые, сеньоръ и ихъ фермеры, вносятъ суммы полученныя съ оброчниковъ съ обозначеніемъ ихъ имени и времени взноса.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе автора . . . . . v.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Противорѣчащія сужденія о революціи при самомъ ея началѣ 1

ГЛАВА II.

Разрушить власть религіозную и обезсилить политическую не было, какъ думали прежде, основною и конечною цѣлью революціи 5

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ французская революція была революціей политической съ пріемами религіозной и почему 10

ГЛАВА IV.

О томъ, что почти вся Европа имѣла рѣшительно одни и тѣже учрежденія, и какъ они разрушались по всюду 14

ГЛАВА V.

Что собственно сдѣлала французская революція? . . 19

КНИГА ВТОРАЯ.

Стран.

ГЛАВА I.

Почему феодальныя права стали ненавистнѣе для народа во Франціи, чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ. 22

ГЛАВА II.

О томъ, что административная централизація есть учрежденіе стараго порядка вещей, а не дѣло революціи или имперіи, какъ это думаютъ. 33

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ то, что теперь называется административною опекой, есть учрежденіе стараго порядка вещей 43

ГЛАВА IV.

Что административное правосудіе и обезпеченіе чиновничества суть установленія стараго порядка вещей. 54

ГЛАВА V.

Какъ централизація могла установиться въ средѣ старыхъ властей и не разрушая вытѣснить ихъ . . 59

ГЛАВА VI.

Административные обычаи старой монархіи 63

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ, изъ всѣхъ европейскихъ земель, Франція была тою, гдѣ столица пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ провинціями и поглащала лучшіе соки всего государства. 74

ГЛАВА VIII.

Франція была страной, гдѣ люди сдѣлались болѣе чѣмъ гдѣ либо похожи другъ на друга 80

Стран.

ГЛАВА IX.

Какъ эти, до того сходные между собой, люди болѣе чѣмъ когда либо раздѣлились на мелкія группы чуждыя и равнодушныя другъ къ другу 85

ГЛАВА X.

Какъ паденіе политической свободы и раздѣленіе классовъ породили почти всѣ недуги причинившіе смерть старому порядку 101

ГЛАВА XI.

Особенный родъ свободы, встрѣчающійся при старомъ порядкѣ вещей и вліяніе его на революцію. . 113

ГЛАВА XII.

Какимъ образомъ положеніе французскаго крестьянина въ осьмнадцатомъ столѣтіи, бывало иногда хуже, нежели въ тринадцатомъ, не смотря на то что цивилизація сдѣлала огромные успѣхи 126

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Какимъ образомъ, около половины осьмнадцатаго столѣтія, люди науки дѣлаются главными политическими людьми въ странѣ и каковы результаты этого. 144

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ невѣріе могло сдѣлаться общею и преобладающею страстію французовъ осьмнадцатаго столѣтія и какое вліяніе имѣло оно на характеръ революціи 155

ГЛАВА III.

О томъ, что французы хотѣли реформъ прежде свободы 164

Стран.

ГЛАВА IV.

Что время царствованія Людовика XVI было самое благоденственное изъ всей старой монархіи и какъ это благоденствіе ускорило революцію. 176

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ возмущали народъ, желая его облегчить 187

ГЛАВА VI.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыми правительство завершило революціонное образованіе народа. 191

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ административная революція предшествовала политической и каковы слѣдствія этого. 197

ГЛАВА VIII.

Какимъ образомъ революція сама вытекала изъ предъидущаго. 207

ПРИБАВЛЕНІЕ.

О сеймовыхъ земляхъ и преимущественно о Лангедокѣ 217

Примѣчанія 229